
ISSN 2410-2725

ҮЛКЕН АЛТАЙ ӘЛЕМІ
халықаралық ғылыми журнал

МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ
международный научный журнал

WORLD OF THE GREAT ALTAI
international research journal

Журнал үш айда бір рет шығады
Журнал выходит один раз в три месяца
The journal is published once in three months

4 (1) 2018

Бас редакторы – Халықаралық редакциялық кеңес төрағасы
Жанбосинова А.С.

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

*Алексеевко А.Н. (бас редактордың орынбасары),
Аубакирова А.Ж., Қариев Е.М., Рякова Е.Г., Савчук Е.В., Тлеубекова Н.*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС:

*Абжанов Х.М. (Қазақстан), Аманжолова Д.А. (Ресей), Байдаров Е.Ұ. (Қазақстан), Балдано М.Н. (Ресей),
Григоричев К.В. (Ресей), Гусева Н.В. (Қазақстан), Давлетов Т. (Түркия), Дашковский П.К. (Ресей),
Демчик Е.В. (Ресей), Джонг Кван Ким (Оңтүстік Корея), Дятлов В.И. (Ресей), Иванов А.В. (Ресей),
Камалов А.К. (Қазақстан), Каримов Б.Р. (Өзбекстан), Лысенко Ю.А. (Ресей),
Модоров Н.С. (Ресей), Наваанзоч Х. Цэдэв (Моңғолия), Пужоль К. (Франция), Самашев З.С. (Қазақстан),
Сағиқызы А. (Қазақстан), Тадышева Н.О. (Ресей), Ташагил А. (Түркия), Төлеубаев Ә.Т. (Қазақстан),
Шадманов К.Б. (Узбекистан), Шишин М.Ю. (Ресей).*

Главный редактор – председатель Международного редакционного совета
Жанбосинова А.С.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Алексеевко А.Н. (заместитель главного редактора),
Аубакирова А.Ж., Кариев Е.М., Рякова Е.Г., Савчук Е.В., Тлеубекова Н.*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

*Абжанов Х.М. (Казахстан), Аманжолова Д.А. (Россия), Байдаров Е.У. (Казахстан), Балдано М.Н. (Россия),
Григоричев К.В. (Россия), Гусева Н.В. (Казахстан), Дашковский П.К. (Россия),
Джонг Кван Ким (Южная Корея), Демчик Е.В. (Россия), Давлетов Т. (Турция), Дятлов В.И. (Россия),
Иванов А.В. (Россия), Камалов А.К. (Казахстан), Каримов Б.Р. (Узбекистан), Лысенко Ю.А. (Россия),
Модоров Н.С. (Россия), Наваанзоч Х. Цэдэв (Монголия), Пужоль К. (Франция), Самашев З.С. (Казахстан),
Сағиқызы А. (Казахстан), Тадышева Н.О. (Россия), Ташагил А. (Турция), Төлеубаев А.Т. (Казахстан),
Шадманов К.Б. (Узбекистан), Шишин М.Ю. (Россия).*

Editor in Chief – chairman of the International Editorial Board
Zhanbosinova A.S.

EDITORIAL BOARD:

*Alexeeenko A.N. (deputy editor)
Aubakirova A.Zh., Kariev Y.M., Ryakova Y.G., Savchuk Y.V., Tleubekova N.*

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

*Abzhanov H.M. (Kazakhstan), Amanzholova D.A. (Russia), Baldano M.N. (Russia), Baydarov E.U. (Kazakhstan),
Grigoriev K.V. (Russia), Guseva N.V. (Kazakhstan), Dashkovskij P.K. (Russia), Davletov T. (Turkey),
Demchik E.V. (Russia), Dyatlov V.I. (Russia), Ivanov A.V. (Russia), Jong Kwan Kim (South Korea),
Kamalov A.K. (Kazakhstan), Karimov B.R. (Uzbekistan), Lysenko Yu.A. (Russia), Modorov N.S. (Russia),
Navaanzoch H. Tsedev (Mongolia), Pujol K. (France), Sagikyzy A. (Kazakhstan), Samashev Z.S. (Kazakhstan),
Tadysheva N.O. (Russia), Tasagil A. (Turkey), Toleubaev A.T. (Kazakhstan),
Shodmonov Q.B. (Uzbekistan), Shishin M. Yu. (Russia).*

Меншік иесі: «Сәрсен Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университеті» шаруашылық жүргізу құқығындағы республикалық мемлекеттік кәсіпорны
Собственник: Республиканское государственное предприятие на праве хозяйственного ведения «Восточно-Казахстанский государственный университет имени Сарсена Аманжолова»
Owner: Republican state enterprise on the right of business «Sarsen Amanzholov East-Kazakhstan State University»

**Ancient and Medieval Kazakhstan in the mirror of the modern archaeology
Қазіргі археология айнасындағы ежелгі және ортағасырлық Қазақстан
Древний и средневековый Казахстан в зеркале современной археологии**

The Content – Мазмұны – Содержание

Шығарылымының жауапты редакторының құттықтау сөзі Приветственное слово ответственного редактора Welcome word of executive editor of the issue	5
Вокovenko N.A. The formation of horse equipment of the early nomads of Central Asia Боковенко Н.А. Орталық Азиядағы ерте көшпелілердің ат әбзелдерінің қалыптасуы Боковенко Н.А. Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии.....	8
Akhmetzhan K.S. The horse equipment of the ancient nomads by the images on the monuments of art Ахметжан К.С. Ежелгі көшпенділердің ат әбзелдері өнер ескерткіштеріндегі бейнелер бойынша Ахметжан К.С. Конское снаряжение древних кочевников по изображениям на памятниках искусства	43
Podushkin A.N. Tamgo-shaped signs from catacombs of Aryss culture of the South Kazakhstan of 3rd century to – 4th century AD Подушкин А.Н. III ғ. – б.з.д. IV ғ. Оңтүстік Қазақстан Арыс мәдениетінің катакомбаларынан табылған тамға тәрізді белгілер Подушкин А.Н. Тамгообразные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до – IV в. н.э.	60
Bisembayev A.A., Mamedov A.M., Duisengali M.N., Baiyirov N.M., Amelin V.A., Bidagulov N.T., Urazova A.B. New monuments of the early nomads of Ilel local micro-district Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенғали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б. Елек жергілікті шағын ықшам ауданындағы ерте көшпенділердің жаңа ескерткіштері Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенғали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова Ә.Б. Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона	102
Hasanov Z. Socketed Two-bladed Arrowheads of the Scythian Type from the Burial Grounds of Azerbaijan and their Connection with the Burial Rites of Aral Sea Region Гасанов З.Г. Өзербайжанның жерлеу орындарынан табылған скифтердің екіқанатты ұңғымалы жебе ұштары мен олардың Арал маңындағы жерлеу салтымен байланысы Гасанов З.Г. Двухлопастные втульчатые наконечники стрел скифского типа из захоронений Азербайджана и их связь с обрядом погребения Приаралья	124

Umitqaliev U.U. Image of an animal in outlook of nomads:
 results of the expedition in the territory of Abay Region of East Kazakhstan oblast
Үмітқалиев Ұ.Ұ. Көшпелілер дүниетанымындағы аң бейнесі:
 Шығыс Қазақстан облысы, Абай ауданы территориясына
 жасалған экспедицияның қорытындылары
Умитқалиев У.У. Образ зверя в мировоззрении кочевников:
 результаты экспедиции на территории Абайского района
 Восточно-Казахстанской области 152

Ivanov S.S. Daggers and swords of early Sarmatian shape
 with ellipsoidal handles in Central Asia
Иванов С.С. Орта Азияның эллипстәрізді тұтқаға ие
 ертесармат кейпіндегі қанжарлары мен қылыштары
Иванов С.С. Кинжалы и мечи раннесарматского облика
 с эллипсоидными рукоятями в Средней Азии 166

Article-submission – Таныстыру мақаласы – Статья-представление

Smagulova S.O. The famine in the Eastern Kazakhstan in 1930s:
 the demographic consequences
Смагулова С.О. XX ғ. 30 жж. Шығыс Қазақстандағы аштық:
 демографиялық зардабы
Смагулова С.О. Голод в Восточном Казахстане 30-х годов XX века:
 демографические последствия177

Aubakirova A.Zh. Materials of the act character as sources on the category
 of missing persons and dead in the Great Patriotic War
Аубакирова А.Ж. Ұлы Отан соғысында қаза тапқандар
 және хабарсыз кеткендер категориясына байланысты
 актілік сипаттағы материалдар дерек ретінде
Аубакирова А.Ж. Материалы актового характера
 как источники по категории пропавших без вести
 и погибших в Великой Отечественной войне 186

Raundtalk – Дөңгелек үстел – Круглый стол

«Transformations in culture as a consequence of the civilizational choice:
 philosophical aspects of the analysis»
 «Мәдениеттегі трансформация өркениеттік таңдаудың салдары ретінде:
 талдаудың философиялық-дүниетанымдық аспектілері»
 «Трансформации в культуре как следствия цивилизационного выбора:
 философско-мировоззренческие аспекты анализа»194

**Welcome word of executive editor of the issue
«Ancient and medieval Kazakhstan
through a prism of modern archaeological investigations»**

Dear colleagues!

The work on modernization of public consciousness which is carried out in the Republic of Kazakhstan initiated by the program article of the President N. Nazarbayev «A future outlook: modernization of public consciousness», assumes intelligent updating of world view of Kazakhstan citizens. Various public authorities (government institutions, public organizations, institutions of education, science and culture, business, etc.) are connected today to the work in this direction. Spiritual updating – is a task not of one or two specialized institutes where they are developed by ideologists who «goes down» closer to people and «intrudes» into the consciousness of the population. The work started by the program article of the head of the country assumes a response of all citizens of Kazakhstan, joint intelligent search of the directions of country development by all not indifferent people.

An important role in spiritual updating of the country is played by the scientists-archeologists who bringing a considerable contribution in the discovery, research, popularization of the cultural heritage. The territory of Kazakhstan in a type of unique geostrategic situation, has kept the traces of history of the ancient people which cultural influence has echoes across all Eurasia. Monuments of historical and cultural heritage, intelligent and inserted in the fabric of modern culture, provide connection between generations, exert impact on fostering patriotism and love to the home land.

The sociocultural space of Kazakhstan has absorbed in itself the heritage of migration flows of the nomadic civilizations producing the unique autochthonic values taking a place of honor in a treasury of the world civilization. This issue of «The World of Great Altay» includes the results of archaeological research in various regions of Kazakhstan important in reconstruction of cultural processes of antiquity and the Middle Ages. Here the articles, generalizing extensive data on processes of formation of culture of the early nomads of Central Asia (N.S. Bokovenko, A.K. Akhmetzhan) are presented, also the articles covering results of the current archaeological research in regions of Kazakhstan and in adjacent territories (A.N. Podushkin, A.A. Bisembayev and others, Z.G. Hasanov, U.U. Umitkaliyev).

In the column «Article representation» the readers are offered to get acquainted with materials of the scientific research of the famous Kazakhstani historian S.O. Smagulova, devoted to the studying of famine in the East Kazakhstan in the 30th years of XX century, and also with the article of the officer of the Research Center «Altaytanu» of S. Amanzholov EKSU A. Aubakirova about the daily life of military personnel during the Great Patriotic war

The column «Round Table» highlights the areas of work of the international scientific and practical conference «Culture and Problem of the Civilization Choice» which collects for the fifth time the wonderful list of participants – philosophers from Kazakhstan, Russia, Belarus and Ukraine, etc. The initiator – is the east office of «The congress of philosophers of Kazakhstan» (the head – Doctor PhD, Professor N.V. Guseva). This year the work of the conference was carried out on the basis of Research Center «Altaytanu» of S. Amanzholov EKSU.

Yours faithfully, the responsible editor of the number Z. Samashev

**«Ежелгі және ортағасырлық Қазақстан заманауи
археологиялық зерттеулердің призмасы арқылы»
шығарылымының жауапты редакторының құттықтау сөзі**

Құрметті әріптестер!

Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә. Назарбаевтың «Болашаққа көзқарас: қоғамдық сананы жаңғырту» атты мақаласында басталған қоғамдық сананы жаңғырту бойынша Қазақстан Республикасында жүргізілген жұмыс қазақстандықтардың дүниетанымдық көзқарасын түбегейлі жаңартуды көздейді. Осы бағытта жұмыс істеуге бүгінгі күні түрлі қоғамдық күштер (мемлекеттік құрылымдар, қоғамдық ұйымдар, білім беру мекемелері, ғылым және мәдениет, бизнес және т.б.) ат салысуда. Өйткені, рухани жаңару идеологияға құрастырылып, одан әрі халыққа «түсіп», халықтың санасына «енгізілетін» бір немесе екі мамандандырылған мекеменің міндеті емес. Мемлекет басшысының бағдарламалық мақаласында жарияланған жұмыс Қазақстанның барлық азаматтарының үндеулері, еліміздің дамуының барлық бағыттарына қызығушылық танытатын адамдарды іздейді.

Елдің рухани жаңаруындағы маңызды рөлді мәдени мұраны ашуға, зерттеуге, насихаттауға елеулі үлес қосатын ғалым-археологтар ойнайды. Қазақстанның аумағы өзінің бірегей геостратегиялық орналасуын ескере отырып, Еуразияның бүкіл мәдениетіне әсер ететін ежелгі халықтар тарихының іздерін сақтап қалды. Заманауи мәдениет торғынына ойылған мағыналы тарихи-мәдени мұраның ескерткіштері, ұрпақтар сабақтастығын қамтамасыз етеді, патриотизмді тәрбиелеуге және туған жеріне деген сүйіспеншілікке жетелейді.

Қазақстанның әлеуметтік-мәдени кеңістігі көшпелі өркениеттердің көші-қон ағынын мұра етіп, әлемдік өркениеттің қазынасында беделді орынды иеленетін бірегей автохтонды құндылықтарға ие болды. «Үлкен Алтай әлемі» журналының шығарылымы ежелгі және орта ғасыр мәдени үрдістерін қалпына келтіруде маңызды, себебі Қазақстанның түрлі аймақтарындағы археологиялық зерттеулердің нәтижелерін қамтиды. Мұнда Орта Азияның ерте көшпенділерінің мәдениетінің қалыптасуы туралы (Н.С. Боковенко, А.К. Ахметжан) және Қазақстанның өңірлерінде және іргелес аумақтардағы қазіргі археологиялық зерттеулердің нәтижелерін көрсететін мақалалар жинақталған (А.Н. Подушкин, А.А. Бисембаев және басқалар, З.Г. Гасанов, Ұ.Ұ. Үмітқалиев).

«Мақала-таныстырылым» тақырыбында оқырмандарды танымал қазақстандық тарихшы С.О. Смағұлованың ХХ ғасырдың 30-шы жылдары ШҚО-да аштықты зерттеуге арналған ғылыми зерттеу материалдарымен, сондай-ақ С.Аманжолов атындағы «Алтайтану» ғылыми-зерттеу орталығының қызметкері А.Ж. Аубакированың Ұлы Отан соғысы кезіндегі әскери қызметкерлердің күнделікті өмірі туралы мақаласымен танысуға шақырамыз.

«Дөңгелек үстел» рубрикасы «Мәдениет және өркениетті таңдау мәселесі» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияның бағыттарын айқындайды, ол бесінші рет мәртебелі қатысушыларды – Қазақстан, Ресей, Белоруссия және Украина философтарын жинады. Бастамашы – «Қазақстан философтарының конгресінің» шығыс бөлімі (жетекші – философия ғылымдарының докторы, профессор Н.В. Гусева). Биылғы жылы конференция жұмысы С. Аманжолов атындағы «Алтайтану» ҒЗО базасында жүргізілді.

Құрметпен, нөмірдің жауапты редакторы З. Самашев

**Приветственное слово ответственного редактора выпуска
«Древний и средневековый Казахстан
сквозь призму современных археологических исследований»**

Уважаемые коллеги!

Проводимая в Республике Казахстан работа по модернизации общественного сознания, инициированная программной статьей Президента Н. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», предполагает осмысленное обновление миропонимания казахстанцев. К работе в этом направлении сегодня подключены различные общественные силы (государственные структуры, общественные организации, учреждения образования, науки и культуры, бизнес и т.д.). Ведь духовное обновление – задача не одного-двух специализированных институтов, где разрабатываются идеологемы, которые далее «спускаются» в народ и «внедряются» в сознание населения. Работа, запущенная программной статьей главы государства, предполагает отклик всех граждан Казахстана, совместный осмысленный поиск направлений развития страны всеми неравнодушными людьми.

Важную роль в духовном обновлении страны играют ученые-археологи, вносящие значительную лепту в обнаружение, исследование, популяризацию культурного наследия. Территория Казахстана, в виду уникального геостратегического положения, сохранила следы истории древних народов, культурное влияние которых имеет отголоски по всей Евразии. Памятники историко-культурного наследия, осмысленные и вкроенные в ткань современной культуры, обеспечивают связь поколений, оказывают влияние на воспитание патриотизма и любви к родной земле.

Социокультурное пространство Казахстана впитало в себя наследие миграционных потоков кочевых цивилизаций, продуцировавших уникальные автохтонные ценности, занимающие почетное место в сокровищнице мировой цивилизации. Данный номер «Мира Большого Алтая» включает в себя результаты археологических исследований в различных регионах Казахстана, имеющие значение в реконструкции культурных процессов древности и средневековья. Здесь представлены как статьи, обобщающие обширные данные относительно процессов формирования культуры ранних кочевников Центральной Азии (Н.С. Боковенко, А.К. Ахметжан), так и статьи, освещающие результаты текущих археологических исследований в регионах Казахстана и на сопредельных территориях (А.Н. Подушкин, А.А. Бисембаев и др., З.Г. Гасанов, У.У. Умиткалиев).

В рубрике «Статья-представление» читателям предлагается ознакомиться с материалами научных исследований известного казахстанского историка С.О. Смагуловой, посвященных изучению голода в Восточном Казахстане в 30-е годы XX в, а также со статьей сотрудника НИЦ «Алтайтану» ВКГУ имени С. Аманжолова А.Ж. Аубакировой о повседневной жизни военнослужащих в годы ВОВ.

Рубрика «Круглый стол» освещает направления работы международной научно-практической конференции «Культура и проблема цивилизационного выбора», которая уже в пятый раз собирает солидный состав участников – философов из Казахстана, России, Беларуси и Украины и т.д. Инициатор – восточное отделение «Конгресса философов Казахстана» (руководитель – д.филос.н., профессор Н.В. Гусева). В этом году работа конференции осуществлялась на базе НИЦ «Алтайтану» ВКГУ имени С. Аманжолова.

С уважением, ответственный редактор номера З. Самашев

The formation of horse equipment of the early nomads of Central Asia

Bokovenko Nicholay Anatoliyevich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Employer of FSO Institute of history of material culture of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 191186, Saint-Petersburg, Dvortsovaya Naberezhnaya, 18. E-mail: nibo25@yandex.ru.

Abstract. The frontier of 2nd-1st millennium BC was an important milestone for formation of optimum system of economy – nomadic cattle breeding at which a flexible way of the seasonal pasture of the cattle with horizontal and vertical nomadism, generally horses and small cattle, allowed to graze it even in the winter. This convenient system of economy of many steppe people has existed practically without special changes up to now and was the progressive phenomenon. During this period change of material culture at cattle breeding cultures and emergence of numerous nomadic cultures of skif and saks type in Central Asia the early formation stages of which according to archaeological data are fixed in IX century BC, perhaps earlier.

The reasons of their emergence are caused by not only internal development, but also development of the horse under riding, creation of optimum types of bridle, etc., but, probably, certain climatic changes during this period, by moistening of the steppe that created an opportunity to move with livestock for long distances. Besides, in connection with significant progress in horse breeding and production from bronze more reliable bridles by large sets, in the company of early nomads (or the cultures of Scythian type) the rider (centaur) comes to the first place.

On material of the analysis of extensive archaeological cultures of early nomads, the author considers the process of formation of horse equipment in the territory of Central Asia.

Keywords: horse equipment; Saks era; Central Asia; riding cultures; domestication of horse.

Орталық Азиядағы ерте көшпелілердің ат әбзелдерінің қалыптасуы

Боковенко Николай Анатольевич

тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Ресей ғылым академиясының Материалдық мәдениет тарихы институты Федералдық мемлекеттік бюджеттік мекемесінің қызметкері. Ресей Федерациясы, Санкт-Петербург қ, 191186, Дворцовая набережная, 18. E-mail: nibo25@yandex.ru.

Аңдатпа. Б.э. дейінгі 2-1 мыңжылдық көшпелі мал шаруашылығының елге оңтайлы жүйесін қалыптастыру үшін маңызды кезең болды – негізінен жылқы және ұсақ малы үшін тіпті қыста да шаруашылықтың икемді тәсілі маусымдық мал жайылымы көлденең және тік көшіп – қону үшін мүмкіндік берді. Бұл ыңғайлы шаруашылық жүйесі көптеген дала халықтарының тәжірибесінде іс жүзінде ерекше өзгерістерсіз осы күнге дейін жеткен прогрессивті құбылыс. Дәл осы кезеңде мал шаруашылығы мәдениетінде, материалдық мәдениетте орын алған өзгерістер тіркеледі және археологиялық деректер негізінде сонау б.э.д IX ғасырда тіркелген Орталық Азияда скиф-сақ үлгісіндегі көптеген көшпенді мәдениеттердің пайда болуы белең алады.

Олардың пайда болу себептері, негізінен тек қана ішкі дамуымен ғана байланыстырылмайды, сонымен қатар атты мініп жүруге ыңғайлап үйрету, оңтайлы үлгідегі жүгенді жасап шығару және т. б., шамасы осы кезеңде белгілі бір климаттық өзгерістер, дала ылғалдануы малмен үлкен қашықтыққа көшіп-қонуға мүмкіндік туғызып отырды.

Сонымен қатар, жылқы бағудағы елеулі өзгерістер прогресі, оның ішінде қоладан неғұрлым сенімді ауыздық – жүгендер топтамасын дайындаумен, қоғамда бірінші орынға көшпенділердің (немесе скиф типті мәдениетте) салт атты түрі (кентавр) шығады.

Автор ауқымды археологиялық мәдениеттер материалдарын талдау арқылы Орталық Азия аумағында жылқы әбзелдерінің қалыптасу процесін қарастырады.

Кілт сөздер: ат әбзелдері; сақ дәуірі; Орталық Азия; салт аттылар мәдениеті; жылқылар доместикациясы.

Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии

Боковенко Николай Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, сотрудник ФГБ учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая набережная, 18. E-mail: nibo25@yandex.ru.

Аннотация. Рубеж 2-1 тысячелетия до н.э. явился важной вехой для формирования оптимальной системы хозяйства – кочевого скотоводства, при котором гибкий способ сезонного выпаса скота с горизонтальным и вертикальным кочеванием, в основном коней и мелкого рогатого скота, позво-

ляла пасти его даже зимой. Эта удобная система хозяйства у многих степных народов просуществовала практически без особых изменений до наших дней и была прогрессивным явлением. Именно в этот период фиксируется изменение материальной культуры у скотоводческих культур и появление многочисленных кочевых культур скифо-сакского типа в Центральной Азии, ранние этапы формирования которых наиболее четко по археологическим данным фиксируются уже в IX в. до н.э., возможно, и раньше.

Причины их возникновения, обусловлены не только внутренним развитием, освоением коня под верховую езду, созданием оптимальных типов узды и т.д., но, видимо, и определенными климатическими изменениями в этот период, увлажнением степи, что создавало возможность передвигаться со скотом на большие расстояния. Кроме того, в связи со значительным прогрессом в коневодстве и изготовлением из бронзы более надежных уздечных наборов большими сериями, на первое место в обществе ранних кочевников (или культурах скифского типа) выходит всадник (кентавр).

На материале анализа обширного материала археологических культур ранних кочевников автор рассматривает процесс формирования конского снаряжения на территории Центральной Азии. **Ключевые слова:** конское снаряжение; сакская эпоха; Центральная Азия; всаднические культуры; domestикация лошади.

ӘОЖ/ УДК 94(58)

Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии¹

Боковенко Н.А.

Регион Центральной Азии, обладая уникальными физико-географическими условиями (горные системы, степи, многочисленные водные ресурсы, разнообразные полезные ископаемые), сыграл важную роль в формировании культуры скотоводческих народов в древности.

Исследования палеоклимата этого региона, проведенные особенно в последнее время, свидетельствуют о значительных периодах усыхания и увлажнения аридной (степной) зоны Евразии, которые влияли на хозяйственную деятельность этих народов. Геохимические и полинологические исследования озерных отложений и разрезов Центральной Азии показывают значительные периодические изменения климата в различные периоды голоцена. Так, в эпоху бронзы (3-2 тысячелетие до н.э.) климат Центральной Азии был намного суше и холоднее по сравнению с современным. Значительное потепление и увлажнение степи (увеличение ее биомассы) началось в конце 2 тыс. до н.э. – начале 1 тыс. до н.э. (Кулькова, Боковенко, ван Гил Б., Дергачев, Дирксен, Зайцева, Ван дер Плихт 2003). Умело адаптируясь к изменяющемуся климату, скотоводы развивали систему хозяйства, позволяющую им стабильно проживать длительное время. Важную роль в этом отношении играла domestикация животных и приспособление их к нуждам человека. На протяжении 3-2 тыс. до н.э. был длительный процесс поиска оптимальных форм узды и сбруи, которые позволили бы эффективно запрягать коня в колесный транспорт и управлять конем. В археологических памятниках обнаружены примитивные костяные элементы конской узды, которые показывают на протяжении длительного времени тенденцию развития псалиев от круглых, прямоугольных к стержневым (Рисунок 1). Хотя кроме мягкой уздечки, видимо, существовало приспособление для управления конем в виде стягивающего ошейника. Скорее всего, к андронов-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук (или ФНИ ГАН) по теме государственной работы: №0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н.э. – I тысячелетие до н.э.)»

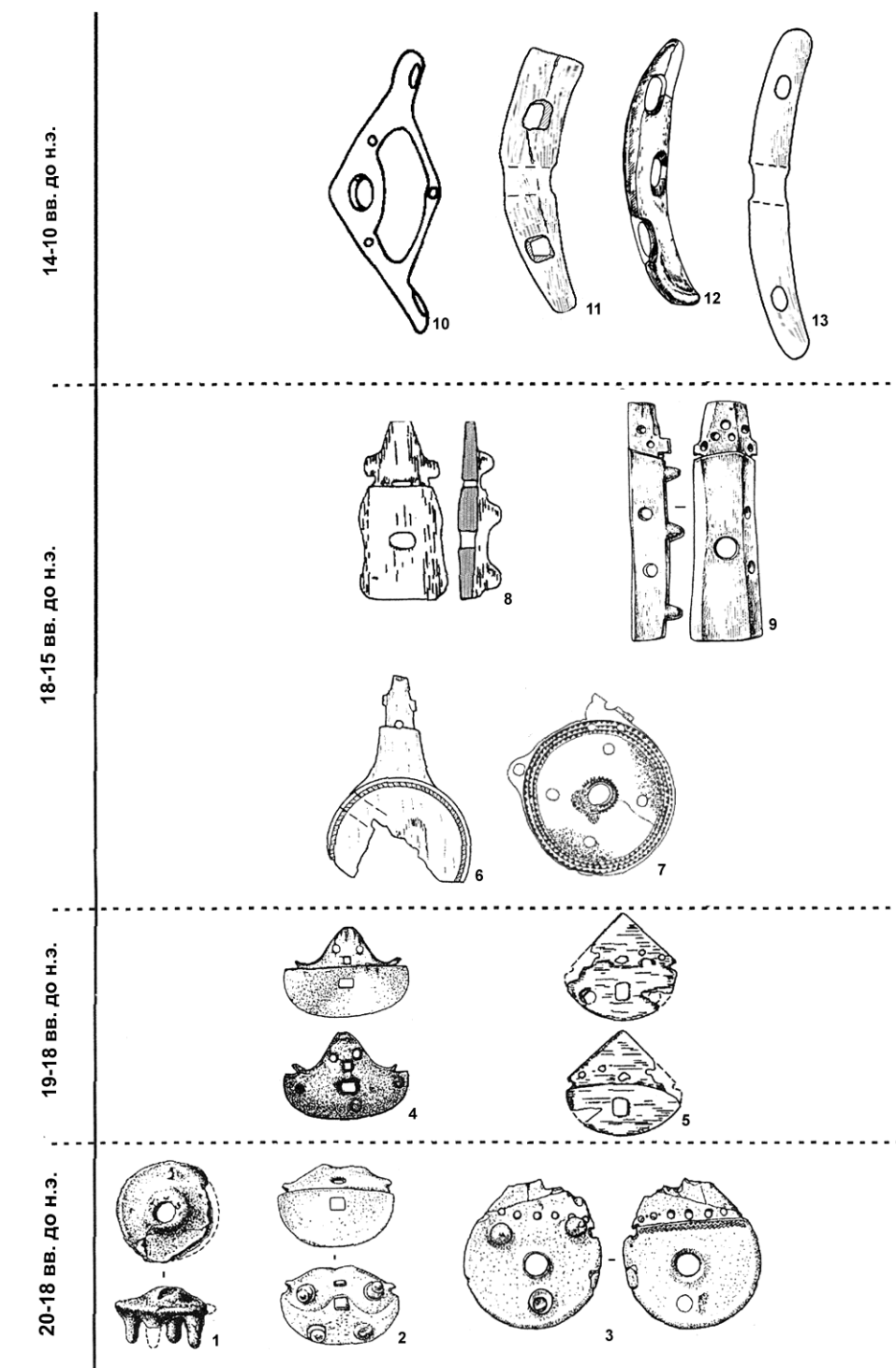

Рисунок 1. Схема развития псалиев эпохи бронзы в азиатских степях:
 1 – Синташта, п.5 (по В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Зданович), 2-3 – Каменный Амбар-5 (по А.Н. Усачук), 4 – Кривое озеро (по И.В. Чечушков, А.В. Епимахов), 5 – Берлик II, к.10 (по Г.Б. Зданович), 7 – Илекшар-I (по А.Н. Усачук), 8 – Ак-сайман (по Г.Б. Зданович), 9 – Новые Ключи III (по В.Н. Мышкину, М.А. Турецкому), 10 – Монголия (по В.В. Волков), 11 – Устинкино, сооружение 10, мог. 2 (по Д.Г. Савинову, В.В. Боброву), 12 – Торгажак (по Д.Г. Савинову), 13 – Каменный Лог I (по М.Н. Комаровой)

скому периоду относится уникальное изображение коня сейминско-турбинского типа с ошейником, перекрывающее часть окуневской личины из Лебяжьего на Среднем Енисее. Оно несомненно демонстрирует один из этапов приручения коня с помощью этого приспособления.

Маловероятно, что это была всадническая культура, так как кроме псалиев упряжной сбруи ни захоронений, ни изображений всадников для этого времени пока не обнаружено. Зато известно большое количество петроглифов с изображением колесниц от Скандинавии до Индии и от Италии до Монголии, но наибольшее их разнообразие концентрируется в Центральной Азии (от Казахстана до Монголии). Престижные захоронения колесничих (XVII-XV вв. до н.э.) распространяются из Приуралья (Синташта) в Казахстан (андроновские памятники петровского типа) и вплоть до Китая (че-ма кены периодов Инь и Западного Чжоу).

Рубеж 2-1 тысячелетия до н.э. явился важной вехой для формирования оптимальной системы хозяйства – кочевого скотоводства, при котором гибкий способ сезонного выпаса скота с горизонтальным и вертикальным кочеванием, в основном коней и мелкого рогатого скота, позволяла пастись ему даже зимой. Именно в малоснежных степях Центральной Азии эта система была оптимальной, снежные степи Восточной Европы требовали стойлового содержания скота зимой (Руденко 1961). Эта удобная система хозяйства у многих степных народов просуществовала практически без особых изменений до наших дней и была прогрессивным явлением. Именно в этот период фиксируется изменение материальной культуры у скотоводческих культур и появление многочисленных кочевых культур скифо-сакского типа в Центральной Азии, ранние этапы формирования которых наиболее четко по археологическим данным фиксируются уже в IX в. до н.э., возможно, и раньше (Грязнов 1983).

Причины их возникновения обусловлены не только внутренним развитием, освоением коня под верховую езду, созданием оптимальных типов узды и т.д., но, видимо, и определенными климатическими изменениями в этот период, увлажнением степи, что создавало возможность передвигаться со скотом на большие расстояния.

В связи со значительным прогрессом в коневодстве и изготовлением из бронзы более надежных уздечных наборов большими сериями, на первое место в обществе ранних кочевников (или культурах скифского типа) выходит всадник (кентавр). Эти элементы достаточно быстро распространились в восточных степных культурах, поскольку генетически связаны с предшествующими подвижными культурами эпохи бронзы, где существовали уже колесницы и первичные навыки управления конем. Именно в этом регионе фиксируется разведение различных пород лошадей (в том числе, и высокоаллюрных) (Витт 1952).

При синхронизации существующих периодизаций археологических культур ранних кочевников удается выделить три условных этапа развития конского снаряжения сакской эпохи: 1 этап – начальный (раннесакский – аржанский – майэмирский – киммерийский) – X-VII вв. до н.э.; 2 этап – классический (сакский – алды-бельский – раннескифский) – VII-VI вв. до н.э.; 3 этап – поздний (берельско-пазырыкский – саглынский – позднесакский) – V-III вв. до н.э.

Типологическая классификация конского снаряжения. Конское снаряжение складывается из двух основных компонентов: узды и сбруи. Узда – часть сбруи, надеваемая на голову коня и состоящая из удил, псалиев и системы ремней (нащечный, наносный, подгубный, налобный, подскульный, затылочный, лыска, соединяющий наносный и налобный), повод с чумбуром. К узде также относятся различные соединительные обоймы и украшения (развилки, перекрестники ремней, нащечные бляхи, затылочные – ворворки, застежки, блок чумбура, налобные и другие украшения ремней). Сбруя (верховая), кроме уздечки, содержит потник, чепрак, подпругу, седло, стремяна, нагрудный ремень и нахвостники.

Многие из этих современных элементов выработались в раннесакское время, седло же только начало формироваться, а стремена появились только в раннем средневековье.

Общей типологии элементов узды долгое времени не было. В ряде археологических работ затрагивались лишь отдельные аспекты хронологии, классификации некоторых элементов узды и сбруи (Tallgren 1917; Грязнов 1951; Киселев 1951; Руденко 1953; 1960; Гришин 1960; Кадырбаев 1966, С.383-388; 1968, С.21-36; Членова 1967; Акишев 1973, С.51-55; Акишевы, 1978, С.38-44; Кадырбаев 1980, С.49-51; Грязнов 1980; 1983; Марсадоллов 1985). Но более систематизированный типологический подход осуществлен после открытия кургана Аржан 1-1 (Боковенко 1979; 1981; 1986). Позднее, к этой теме обращались алтайские археологи, вводя в научный оборот новый важный материал (Кирюшин, Тишкин 1997; Шульга 2008). Ими предложены свои классификации конского снаряжения, но принципиально они не изменили уже существующие ранее.

В данной статье приводятся некоторые разработки моей диссертации 1986 года, в которых учтены и последние материалы.

Наиболее древняя часть сбруи, первоначально, видимо, была значительно проще и состояла из одних ремней, затем появились костяные псалии, бронзовые удила и ряд других элементов, что в сакское время привело к значительному усложнению снаряжения верхового коня.

Выбор признаков. Понимание вышеуказанных моментов позволяет уже предварительно наметить линию развития конской сбруи – как функциональной единицы, состоящей, в свою очередь, из взаимозависящих компонентов. Наиболее функционально значимые в сбруе – удила и псалии, а также система ремней между ними и всадником. В свою очередь, эти составные компоненты вступают между собой в функциональные связи с четкой иерархией. Наличие определенной формы удил, особенно окончаний (т.е. места крепления с псалиями), как функционально исходное, требует определенного вида формы псалиев, расположения отверстий и т.д. Внутри функционально обусловленных пределов изменчивости возможен выбор вариантов (величина внешних окончаний, форма и количество отверстий и т.д.). Это разнообразие форм скорее всего определяется пространственно-временной обусловленностью удил, псалиев, их определенной культурной принадлежностью в древности (Рисунок 1). Такие варианты форм и приняты за признаки вещей. Неправильный подход к материалу, отражающий недостаточно обоснованный выбор признаков (оснований, параметров и т.п.), может привести к созданию классификаций, искажающих реальную ситуацию культурных членений.

Эти моменты таковы:

1. Экстерьер лошади (наружные формы ее тела) чрезвычайно различен и зависит не только от природных условий существования, но и от функций, которые выполняет лошадь. В древности подобная зависимость экстерьера от назначения лошади также имела место, но, видимо, не в такой степени, как сейчас. Во всяком случае, по археологическому материалу азиатских степей скифского времени V-III вв. до н.э. достаточно определено – по костным остаткам и при сопоставлении с дошедшими до нас изображениями – выделяются несколько типов лошадей: верховые и упряжные кони, которые в свою очередь делятся на «простых», коней «знати», «царя» (Витт 1952, С.208). Различный экстерьер и назначение лошадей, видимо, требовали соответствующего снаряжения, определенной системы взнуздывания и упряжи. Для выявления возможных дискретных групп ширины морды лошадей замерялась рабочая часть удил (длина стержней удил между окончаниями). Результаты измерений (Рисунок 2) не позволяют выявить три дискретные группы по ширине рабочей части удил.

9												
8												
7												
6												
5												
4												
3												
2												
1												
подтипы	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М
типы	I					II			III		IV	

Рисунок 2. Схема типологического развития окончаний бронзовых удил Саяно-Алтая. По вертикали – вариации форм окончаний удила, по горизонтали – этапы развития

2. Конструкция конского снаряжения для раннескифского в основном представлена уздечкой, главными, наиболее функционально значимыми элементами которой являются удила и псалии. Удила, вложенные в рот коня, при управлении им должны оказывать давление на углы рта, язык и десна нижней челюсти в беззубой части. В зависимости от силы давления (от слабого, мягкого, до сильнейшего, травмирующего ротовую полость), которое оказывают удила при управлении конем, их подразделяют на несколько видов: простые, мягкие и строгие. Мягкость и строгость удила обусловлена их конструкцией и формой звеньев (грызла). Например, широкие гладкие грызла не беспокоят лошадь и способствуют мягкому управлению. Наоборот, тонкие, с неровной шершавой поверхностью грызла раздражают рот лошади, заставляют ее повиноваться всаднику. В тех случаях, когда болезненность от удила ощущается только на одной стороне рта, лошадь поворачивает голову в сторону боли, чем ослабляет давление удила с этой стороны. Знание этой особенности побуждает в отдельных случаях применять двухгрызловые удила, у которых одно грызло оказывает мягкое действие, другое – более жесткое, строгое действие (Урусов 1911, С.369; Карлсен 1978, С.180). В техническом отношении такие грызла исполнены также по-разному: более строгая часть либо витая, либо имеет бугорки, выступы и т.д.

3. Процесс приручения коня, видимо, занял длительный период времени и проходил на различных территориях по-разному. Техническая оснащенность конское снаряжение также весьма варьирует. Этот процесс наибольшего размаха

достиг где-то в начале 1 тыс. до н.э., когда в связи с массовым внедрением бронзы в эту категорию культуры, появилась реальная возможность коренным образом совершенствовать как сбрую, так и способы управления конем.

Перечисленные выше моменты заставляют при создании классификации учитывать в первую очередь такие особенности, которые характеризуют удила и псалии как функциональные единицы. Это прежде всего конструкция удил (одночастность, двучастность, трехчастность), внешнее оформление грызл, их окончание (однокольчатые, двукольчатые, стремечковидные и т.д.).

Классификация удил. С учетом всех вышеизложенных особенностей для учетных более 500 экземпляров удил выделено 16 признаков:

А. Два отверстия на конце звена удил: 1 – внешнее кольцо больше внутреннего; 2 – равновеликие кольца в одной плоскости; 3 – равновеликие кольца в перпендикулярных плоскостях; 4 – внутреннее больше внешнего (внутреннее – кольцо); 5 – внутреннее меньше и выделяется из общей конфигурации окончания звена; 6 – внутреннее меньшее отверстие вписано в конфигурацию окончания звена; 7 – отсутствие дополнительных отверстий.

Б. Внешнее оформление концов звеньев удил: 8 – кольцевидное; 9 – овальное; 10 – усеченно-полукруглое; 11 – сегментарное; 12 – треугольное; 13 – трапециевидное; 14 – прямоугольное; 15 – стремечковидное.

В. Дополнительные элементы: 16 – выступы по краям фигур вдоль общей оси звена.

Такие признаки, как ладьевидное окончание звена, равновеликие смыкающиеся между собой кольца, либо окончания удил в виде шляпки без всяких отверстий являются единичными или, в некоторых случаях, возникают в результате случайной деформации, поэтому из классификаций они исключены, но все же учтены в исследовании. В некоторых случаях они даже в единичном экземпляре могут представлять отдельный тип, как например, удила из Минусинской котловины (хранятся в археологическом музее ТГУ) (Членова 1967, табл. 16-22А).

Формы бронзовых удил на основе 16 выделенных признаков и благодаря тому, что в 42 случаях бронзовые удила состоят из звеньев удил с различным окончанием. В совокупности все удила по окончаниям формируются в 12 устойчивых типологически развивающихся групп (Рисунок 2):

А – удила, имеющие на конце звена равновеликие круглые отверстия в одной плоскости (А2), либо в перпендикулярных (А3). Отверстия небольшие, в диаметре не превышающие 12 мм.

Б – удила, имеющие на конце звена также 2 отверстия, но внешнее кольцо больше внутреннего (Б3-Б6).

В – удила с двумя отверстиями на конце звена, внешнее большее выполнено в форме овала (В4-В5).

Г – удила с двумя отверстиями на конце звена, внешнее большее выполнено в виде полукруга (Г4-Г6). Причём, на позднем этапе внутреннее отверстие становится больше внешнего (Г8).

Д – удила с двумя отверстиями на конце звена, внешнее выполнено в виде сегмента (Д4-Д7), позднее внутреннее круглое отверстие исчезает (Д7), а затем появляется увеличенное в размерах (Д8). Всего 40 экз.

Е – удила с двумя отверстиями на конце звена, внешнее подтреугольной формы (Е3-Е6). Здесь аналогичная ситуация развития удил в группе Д. Форма удил Е7 сменяется Е8.

Ж – удила той же формы, что и Е, но имеют дополнительные выступы вдоль общей оси звена (Ж6, Ж7).

З – удила с двумя отверстиями на конце звена, внешнее большее трапециевидной формы (З4, З6). Развитие аналогично группе Д, Е. Форма удил З7 сменяется З8.

И – удила с двумя отверстиями на конце звена, внешнее большее выполнено в виде стремечка (ИЗ, И5, И6). Ситуация такая же, как в группах Д, Е, З. Форма И7 сменяется формой И8.

К – удила той же формы, что и в группе И, но имеют дополнительные выступы вдоль общей оси звена (КЗ, К7).

Л – удила с двумя отверстиями на конце звена, внешнее подпрямоугольной формы (ЛЗ, Л6). Здесь ситуация, аналогичная развитию удил группы Д, Е, З, И. Форма удил Л7 сменяется формой Л8.

М – удила той же формы, что и Л, но имеют дополнительные выступы общей оси звена (МЗ, М6, М7).

Каждая из этих групп проходит через определенные этапы типологического развития, которые в общих чертах можно представить в следующем виде:

I этап. Существование однокольчатых и двукольчатых удил с небольшим отверстием (10-12 мм), копирующих «ременные» удила.

II этап. Появление на удилах дополнительных отверстий различных форм (сегментированные, треугольные, стремечковидные и т.д.). Вписывание внутреннего маленького отверстия в общую форму окончания звена.

III этап. Исчезновение дополнительного маленького отверстия.

IV этап. Появление внутреннего большого отверстия.

V этап. Исчезновение внешних отверстий, видимо, как нецелесообразных.

На наш взгляд, выявилась целостная структура развития форм удил (группы А-М), причем формы взаимосвязаны как по горизонтали, так и по вертикали. Из этой схемы вытекает несколько предположений:

1. Если схема верна, то свободные ячейки должны заполняться недостающими формами (прогностический аспект).

2. Схема не должна противоречить хронологии конской сбруи (хронологический аспект).

3. Схема должна отражать культурно-исторические особенности региона (культурологический аспект).

Предложенная схема развития центральноазиатских бронзовых удил достаточно надежно проверяется тем обстоятельством, что в 42 случаях (а если учесть однокольчатые удила – в 53 случаях) представлены удила со звеньями, окончания которых имеют различные формы. Причем в некоторых случаях достаточно четко фиксируется какое из звеньев более потертое, изношенное, а какое прили- то позднее. В отдельных случаях это определить довольно сложно. Этот процесс хотя и был довольно сложным, но имел определенную направленность. На наш взгляд, эта схема может прекрасно иллюстрировать неравномерность конструктивного развития удил, сосуществование нескольких форм в каком-то регионе, отставание одних, выдвигание других и т.д.

Выделенные по окончаниям группы удил (А-М), позволяют выделить 4 типа:

– 1 тип удил объединяет группы А-Д, которые являются различными вариантами кольцевидной, овальной формы окончания удил.

– 2 тип удил объединяет группы Е, Ж, З, и скорее всего отражает вариации подтреугольных форм.

– 3 тип удил объединяет группы И, К, является своеобразным типом со стремечковидной формой окончания звена.

– 4 тип удил объединяет группы Л и М с прямоугольным окончанием звена.

Однокольчатые удила в предложенной схеме типологического развития начинают и заканчивают все четыре выделенных типа. С одной стороны, однокольчатые удила имитируют мягкие (ременные, веревочные) удила, скорее всего, выходящие из эпохи бронзы, с другой – они меняют стремечковидные (примерно, в VI-V вв. до н.э.) и доживают до современности.

В связи с этим представляется необходимым проанализировать однокольчатые бронзовые удила (более 150 экз.) более тщательно. По форме окончаний они достаточно четко образуют два типа:

I тип – окончание звена в виде кольца;

II тип – окончание звена в виде овала (эллипса).

Внутренние размеры окончаний удил обоих типов (как наиболее функционально значимые) весьма варьируют, встречаются они как в достаточно ранних скифских комплексах Аржан 1а-1 (Грязнов 1980, рис.12, 14, 16, 20, 23, 27), так и в относительно поздних курганах Пазырыка (Руденко 1953, табл.ХХХ, IX, X и др.). Поэтому для выяснения вариации материала во времени, если она действительно существует, используем следующие параметры (Рисунки 3-4):

1. Внутренний диаметр удил I типа.

2. Сочетание наибольшего (2) и наименьшего (1) внутренних диаметров окончаний удил II типа.

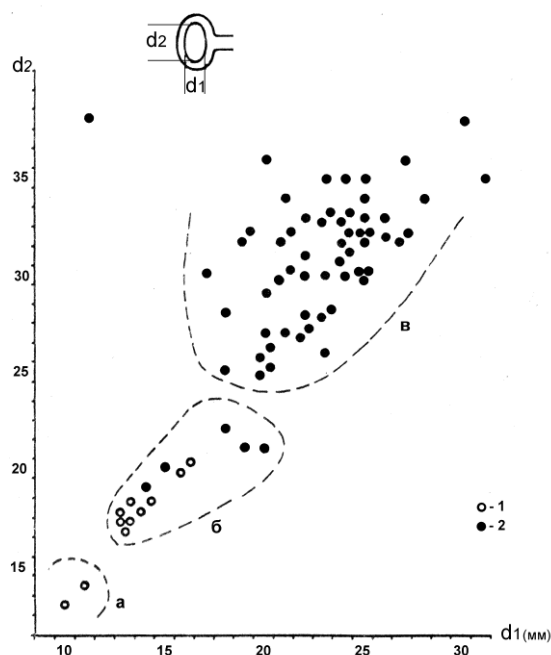

Рисунок 3. Гистограмма вариаций внутренних размеров (d 1 - наименьшего, d 2, ~ наибольшего) эллипсовидных окончаний удил: а,б,в - дискретные группы. I - удила из Аржана, 2 - все остальные.

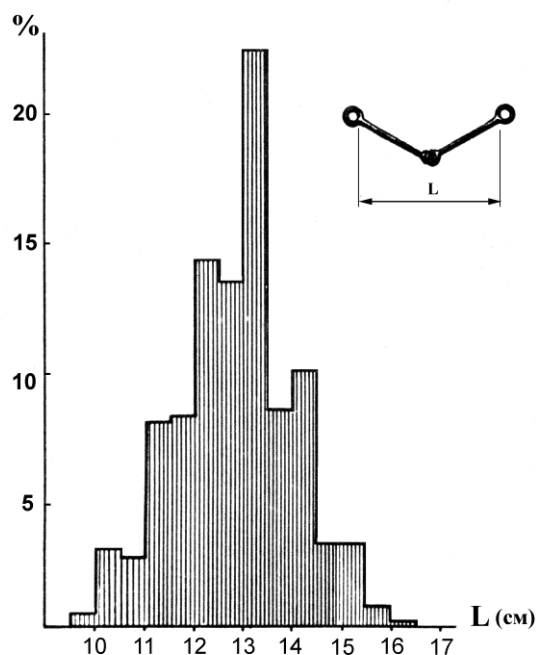

Рисунок 4. График изменения длины рабочей части удил Саяно-Алтая (1 пол. I тыс. до н.э.). По вертикали – процентное соотношение экземпляров, по горизонтали – длина рабочей части в см.

Гистограмма распределения параметра 1 обнаруживает достаточно четкие дискретные группы:

- а) диаметр кольца до 10 мм;
- б) диаметр кольца до 15-20 мм;
- в) диаметр кольца свыше 20 мм.

Эти дискретные группы условно можно атрибутировать как варианты а, б, в 1 типа однокольчатых удил, причем эти варианты выражают хронологическое развитие типа (вариант а – наиболее ранний, в – поздний). Подобное расширение диаметра колец удил, видимо, связано с конструктивным изменением крепления удил и псалиев.

Гистограмма сочетания 1 и 2 II типа удил (параметр 2) показывает также три относительно дискретные группы, имеющие отношение в средних пределах 0.65-0.9, но различающиеся по диаметру 2:

- а) сочетание 1 = 10-11 мм, 2 = 13-14 мм;
- б) сочетание 1 = 13-20 мм, 2 = 17-22 мм;
- в) сочетание 1 = 18-31 мм, 2 = 25-38 мм.

Выявленные дискретные группы можно также условно считать вариантами а, б, в. II типа однокольчатых удил. По-видимому, эти варианты также показывают хронологическое развитие типа и обусловлены изменением крепления удил и псалиев. Эти посылки предстоит проверить в будущем.

Существуют еще одни уникальные удила, которые не укладываются в выделенные типы. Эти двусоставные, пока единственные для Саяно-Алтая, удила имеют на концах звеньев вместо отверстий грибовидные шляпки (Рисунок 12:5). Трехдырчатые псалии тоже с грибовидными шляпками на концах продеты сквозь среднее отверстие, но на самом деле те и другие, видимо, отлиты одновременно наглухо. Эти интересные псалии, видимо, являются своеобразным типологическим рудиментом сочетания ременных удил и костяных псалиев, зафиксированном в металле. Грибовидные шляпки на удилах могут являться стилизованными изображениями некогда завязанных ременных узлов. На наш взгляд, это одно из самых древних бронзовых удил этого региона. Оно условно может представлять еще один тип.

Итак, среди удил (У) сакского времени выделяются 7 типов:

- I тип – удила с кольцевидно-овальными окончаниями (варианты А, Б, В, Г, Д);
- II тип – удила с подтреугольными окончаниями (варианты Е, Ж, З);
- III тип – удила со стремечковидными окончаниями (варианты И, К);
- IV тип – удила с прямоугольными окончаниями (варианты Л, М);
- V тип – кольчатые удила (варианты А, Б, В);
- VI тип – удила с эллипсовидными окончаниями (варианты А, Б, В);
- VII тип – удила с грибовидными окончаниями.

Н.Л. Членова на этом же материале выделила три типа бронзовых удил: с двойными кольцами, стремявидными концами и круглыми концами (Членова 1967, С.66). В каждом из типов еще вычленяется несколько форм. В первом – удила с двойными перпендикулярными кольцами, с большим внутренним кольцом, с внешним прямоугольным кольцом, с грибовидной шляпкой вместо кольца,

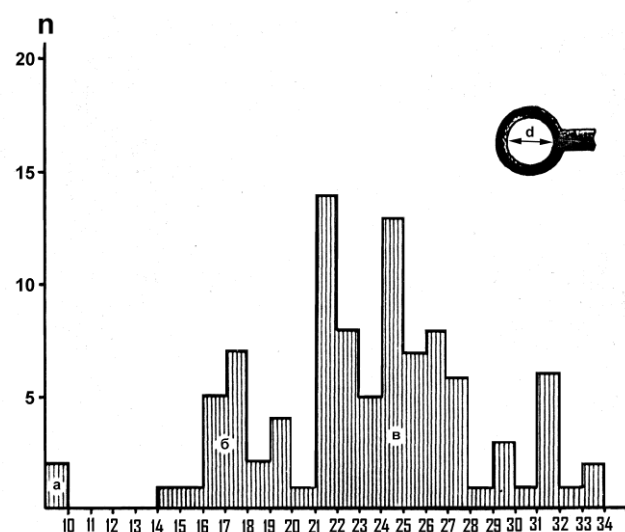

Рисунок 5. Гистограмма вариаций внутреннего диаметра однокольчатых удил: а,б,в – дискретные группы

с двойными кольцами в одной плоскости. Во втором – с округлыми окончаниями, с дополнительными выступами по бокам, с треугольными окончаниями, с очень крупными отверстиями или очень маленькими, с квадратными окончаниями. В третьем – простые кольчатые удила и удила украшенные «веревочкой».

Этапы развития бронзовых удил, по ее мнению, следующие: наиболее ранняя форма – удила с двойными внешними кольцами, расположенными в одной или в двух взаимно перпендикулярных плоскостях; затем – внешнее кольцо уменьшается, превращаясь в узкую прямоугольную петлю, более удобную для продевания повода; еще позднее – в связи с распространением бронзовых псалий и вытеснением ими роговых – уменьшается внутреннее кольцо; и наконец – внутреннее небольшое колечко исчезает и остается один лишь стремявидный конец. Преобразование кольца в стремявидное логически необъяснимо, и, как считает Н.Л. Членова, является прихотью мастера (Членова 1967, С.70). Правда, она все же справедливо отмечает, что предложенная ею схема не строго хронологическая, а типологическая. Замечание Н.Л. Членовой в отношении сосуществования нескольких типов удил вполне верно и подтверждается археологическими материалами (комплексы Аржан 1а-1, клад Биже в Казахстане и т.д.). Но ряд существенных моментов в ее классификации и схеме развития удил все же вызывает сомнение:

1. Не ясны признаки и принцип выделения типов и вариантов форм.

2. Предложенная хронологическая схема типов (1-2-3) в значительной степени затрудняет понимание сложной структуры развития бронзовых удил скифской эпохи, когда фиксируется одновременное развитие нескольких взаимосвязанных типов (по нашей типологии);

3. Такой признак как «строгость» удил, т.е. наличие на грызле «веревочки» выпуклых квадратиков и т.д., не всегда является хронологическим. Строгие удила всегда существовали, от момента их возникновения до настоящего времени (Иессен 1953, С.70; Урусов 1911, С.369-376). Если оформление грызл «веревочкой» типично для различных эпох, то оформление в виде выпуклых квадратиков характерно только для раннескифского времени (Грязнов 1980, отс.12:1, 26:6, 27:3; Вишневская 1975, табл. XXVI, 2-11; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, С.330, рис.24:8,9; Акишев КА, Акишев АК 1978, С.39-40).

Все вышеизложенные аспекты, на наш взгляд, необходимо учитывать при создании классификаций.

Типология псалий. Псалии, являясь вторым, наиболее значимым элементом конской сбруи, служили прежде всего для удержания удил в определенном положении во рту коня и передачи ему болевыми усилиями команд всадника. Начальный период освоения коня представлен псалиями, выполненными из органического материала (дерево, кость, рог). Впоследствии этот материал заменяется более прочным – бронзой, железом. Это, видимо, связано с тем, что на псалии приходились наибольшие усилия, часто связанные с сильными рывками. Этим же, видимо, объясняется и разнообразие форм псалиев, в котором можно усматривать не только отражение культурного многообразия, но и процесс поиска наиболее оптимальных удобных форм для псалиев. Встречаются псалии одной формы, но выполненные из различного материала (кости, бронзы), поэтому материал при выделении признаков пока не учитывался, а будет впоследствии оговорен отдельно. Конструктивно псалии, на наш взгляд, делятся на три взаимосвязанные части: форма тулова, форма окончаний, расположение и форма отверстий. Соответственно и признаки выделены по этим 3 градациям. Всего выделен 21 признак.

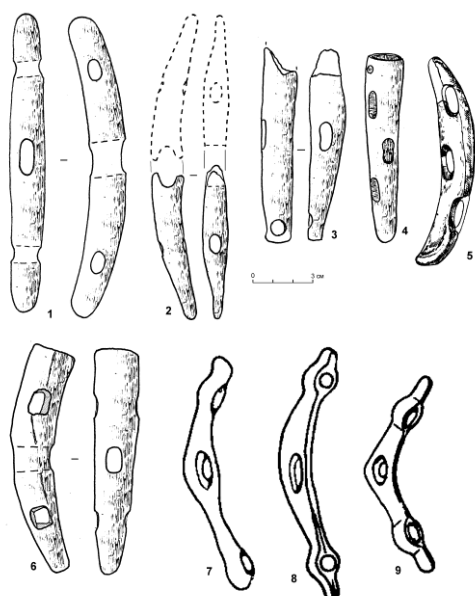

Рисунок 6. Псалии I типа:

- 1 - Каменный Лог I (по М.Н. Комаровой),
 2,3 - Еловка (по В.И. Матющенко),
 4 - Устинкино, сооружение 10, яма 3
 (по Д.Г.Савинову, В.В.Боброву),
 5 - Торгажак (по Д.Г.Савинову),
 6 - Устинкино, сооружение 10, мог. 2
 (по Д.Г.Савинову, В.В.Боброву),
 7-9 – Монголия (по В.В.Волкову)

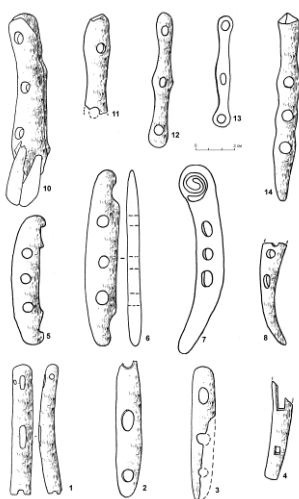

Рисунок 7. Псалии II а типа:

- 1 - Ирмень I (по М.П. Грязнову),
 2 - Каменный Лог I (по М.Н. Комаровой),
 3-4 - Еловка (по В.И. Матющенко).
 Псалии II б типа:
 5 - Беллык (ММ 9533-322),
 6 - Гришкин Лог, к.13, м.8 (ГЭ, 2305-100),
 7 - Детлово (по Н.Л. Членовой),
 8 - Большая Речка, БЕ I, зем.2 (по М.П.Грязнову). Псалии II в типа:
 10-13 - Аржан (по М.П.Грязнову),
 14 - Усть-Куюм (по М.П.Грязнову)

А. Форма тулова: 1 – прямая, 2 – изогнутая, 3 – S-видная, 4 – коленчатая, 5 – с утолщением вокруг отверстий, 6 – с выступом в центре, 7 – с петлей в центре.

Б. Форма окончаний: 8 – заостренная, 9 – тупая, 10 – грибовидная, 11 – шаровидная, 12 – в виде лопасти, 13 – в виде фигурок животных (зооморфная).

В. Отверстия. Их расположение: 14 – 3 отверстия в разных плоскостях, 15 – 3 отверстия в одной плоскости, 16 – распределение 3 отверстий по всей плоскости равномерно, 17 – 3 отверстия смещены к центру.

Форма отверстий: 18 – круглые, 19 – овальные, 20 – прямоугольные, 21 – сложные псалии.

Совокупность этих признаков позволяет выделить VIII типов псалий (П) (Рисунки 6-12):

I тип – псалии прямой или слегка изогнутой формы с тремя отверстиями, распределенными равномерно по поверхности, но среднее в иной плоскости по сравнению с крайними. Отверстия бывают прямоугольные, овальные, в единичных случаях круглые. Концы в основном закруглены. Изготовлены из рога и кости (Рисунок 6).

II тип – прямой или слабо дуговидной формы с тремя отверстиями, распределенными равномерно по всей поверхности, вариант этого типа составляют псалии, отверстия которых смещены к центру. Отверстия разных форм, концы также обработаны по-разному.

Намечается тенденция по выделению утолщений вокруг отверстий. Можно выделить 3 варианта (Рисунок 7):

а) прямые или слабо изогнутые роговые, костяные (редко – бронзовые) псалии с тремя отверстиями, равномерно расположенными по всей длине, отверстия разных форм (прямоугольные, овальные, круглые);

б) псалии такой же формы, но отверстия сгруппированы к центру, вокруг них намечаются утолщения;

в) плоские псалии с круглыми отверстиями, равномерно распределенными по поверхности. Два вообще вы-

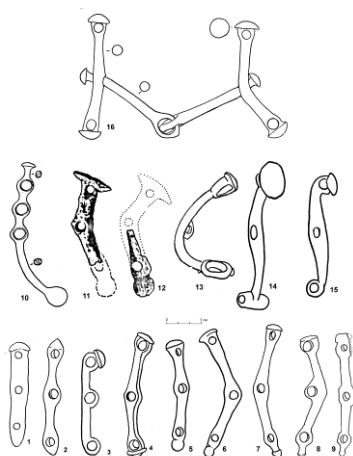

Рисунок 8. Псалии III типа:

1-2 - вариант а (Аржан, к.5; М. Минуса, ММ, 4909),
3-4, 16 - вариант б (Кольская, ГЭ, 5531-1309;
Аржан, к.26б, ТРКМ; МК, АМ ТГУ, б/н).

Псалии III в типа: 5-6 - Курту II, к.3
(по С.С.Сорокину), 7-9 - Аржан (по М.П.Грязнову),
10 - Черный Ануй (по В.И. Молодину,
В.Т.Петрину), 11 - Большая Речка, БЕ XIV м.21
(по М.П.Грязнову).

Псалии III г (13), III д (14-15) типов:

1 - Быскар (ММ, 4906),
2 - Новоселово (ГЭ 5531-1309),
3 - Абаканское (ММ, 4910)

цилиндрическим – с другой, центральное отверстие овальной формы.

Как правило, псалии этого типа бронзовые, хотя есть костяные (псалии варианта «а»).

IV тип – двухдырчатые псалии изогнутой формы с дополнительным уступом в центре вместо отверстия. Степень изогнутости тулова различная, отверстия круглы. Изготовлены только из бронзы (Рисунок 9:1).

V тип – У-образные или трехдырчато-коленчатые (по К.А. Акишеву). Отверстия в основном круглые, оформлены утолщениями, концы в некоторых случаях упрощенной формы в виде лопасти, а в коленной части специальные выступы для удержания удила (Рисунок 9: 2-3).

VI тип – трехдырчатые псалии с тремя отверстиями, смещенными к центру. Концы выполнены в виде утолщений (вариант «а»), либо в виде копыт лошади (вариант «б»), либо в виде грифонных голов и др. зооморфных форм (вариант «в»). К последнему варианту условно можно отнести уникальный псалий не имеющий пока аналогий S-образной формы, с сильно смещенными отверстиями к центру, имеющему на одном конце головку грифона, с орнаментом по тулову в виде двух рядов треугольников (Рисунок 9:4-9).

VII тип – сложного вида, состоящий из кольца и через перемычку – прямоугольное окончание (Рисунок 10:1).

VIII тип – из длинных клыков кабана с отверстиями (Рисунок 10:2).

Существует еще одна серия вещей на Среднем Енисее (около 50 экз.), которую считают либо «гребенками», либо конскими «скребницами». Н.Л. Членова предположила, что эти предметы могут быть строгими псалиями. Такое заключение сделано на основе луристанских и ближневосточных аналогий (Членова 1967, С.74), т.к., действительно, аналогичные предметы найдены там совместно с удилами. В Южной Сибири эти бронзовые предметы подразделяются на

полнены из челюсти коня. Псалии этого типа частично отлиты из бронзы.

III тип – трехдырчатые псалии с равномерным распределением отверстий по поверхности, с заметным утолщением вокруг отверстий и грибовидными шляпками на концах. Выделяются несколько вариантов: для всех характерный признак – грибовидные шляпки (Рисунок 8):

а) прямые, с грибовидной шляпкой на одном конце, отверстия оформлены значительными утолщениями;

б) слегка изогнутой формы, с грибовидными шляпками, одностороннее выделение круглых отверстий;

в) слегка изогнутой формы с незначительным выделением отверстий, один конец грибовидный, другой – шаровидно-заостренный;

г) сильно изогнутой формы, с грибовидным окончанием, четко выделенными отверстиями, петель в центре вместо отверстия;

д) S-образной формы, с грибовидным окончанием с одной стороны, ци-

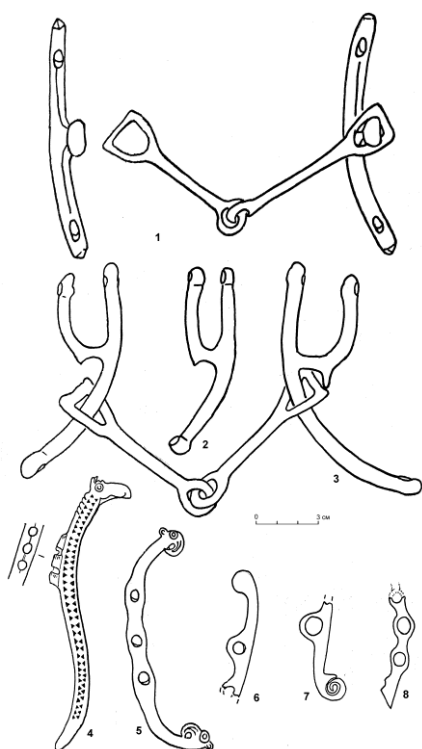

Рисунок 9. Псалии IV типа:
1 – Коксу I, к.42 (по С.С. Сорокину).
Псалии V типа: 2 - Суртайка
(по Н.Л. Членовой), 3 - Хемчик-Бом Ш, к.1,2
(по А.Д.Грачу).
Псалии VI типа:
4 - Калы (ММ, 4924), 5 - М. Ничка (ММ, 4903),
6 - Потехина (ММ,4904),
7 - Б. Хабык (по Н.Л. Членовой),
8 - Потехино (АМ ТГУ, 6272-348)

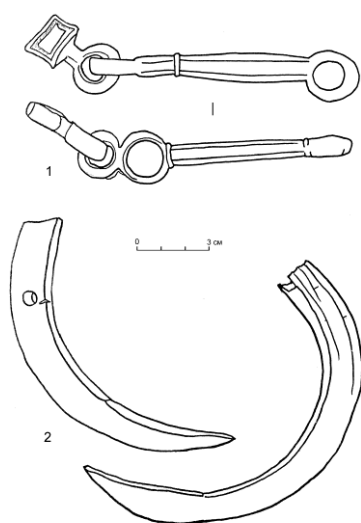

Рисунок 10. Псалии VII (1) и VIII (2-3) типов:
1 - Мин.котл. (АМ ТГУ, 4567),
2-3 - Аржан, к. ЗГ (по М.П. Грязнову)

следующие типы (номера с учетом выделенных VIII типов, соответственно, продолжены) (Рисунок 11).

IX тип – бантообразные ажурные пластины с продольным отверстием в средней части и шипами на одной из сторон. Выделяются несколько вариантов:

а – фигурно-овальной формы, иногда с изображением на одной стороне различных завитков, головок «грифонов»;

б – ромбовидной формы.

X тип – ажурные пластины различных геометрических форм с шипами с вырезами для продевания грызла удила и небольшими отверстиями для крепления ремешков на одном из концов. Варианты: а – прямоугольной формы; б – прямоугольной; в – подтреугольной; г – овальной.

XI тип – ажурные пластины с шипами разных форм со стержнем, в котором находится небольшое отверстие. В некоторых случаях на стержне имеется предохранительный уступ. Варианты: а – трапециевидной формы; б – М-образные; в – Т-образные.

Необходимо отметить, что шипы не острые, а тупые, характерные для такого типа псалиев. По мнению К.Ф. Смирнова, псалии IX типа прикреплялись к удилам так, что не касались морды коня, а при натяжении повода поворачивались на девяносто градусов и шипами давили на морду (Членова 1967, С.74, рис.4). Реконструкция функционального назначения XI типа строгих псалиев, приведенная там же, на наш взгляд, не совсем верна. Кольчатые удила не совсем подходят для этой формы псалиев, скорее всего ей могут соответствовать двукольчатые удила, то есть удила с внутренним маленьким отверстием (3-6 уровни всех типов данной классификации удила). Экспериментально нами установлено, что стержень псалиев XI вида свободно входит в это отверстие удила, причем в некоторых случаях на стержне псалиев есть специальный предохранительный уступ. В некоторых случаях потертости на плоских гранях этих псалиев полностью совпадают с внешними размерами внутренних

колец двукольчатых удил. Трассологический анализ полностью подтверждает такое расположение удил (Б4, В4, Е3, И3) и псалиев (Х1 а, б). Эти предметы в основном найдены в Минусинской котловине, всегда случайно и отдельно от удил, так что трактовка их функционального назначения, как псалиев, весьма вероятна, но до находки их в сочетании с удилами остается гипотетичной. Если в дальнейшем эти предметы будут все же найдены в комплексах с удилами, то удила вышеуказанных групп (с дополнительными маленькими отверстиями) с такими псалиями можно трактовать, как узду специального назначения, используемую для интенсивной выездки лошади.

М.П. Грязнов проследил по материалам кургана Аржан 1 принцип крепления псалиев к удилам: в этот период существовало два способа крепления (Рисунок 12).

Обоймы для ремней (ОДР) – следующая функционально значимая категория сбруи. По своему назначению они подразделяются на несколько групп; развилки-двойники для суголовых ремней, обоймы для перекрестия ремней, обоймы для украшения ремней, обоймы для удерживания ремня.

Развилки-двойники (РД) предназначены для соединения двух ремней, идущих от псалиев, далее, после соединения в виде узла, суголовый ремень уже идет один. Эти обоймы-двойники общепринято относить к позднескифскому времени (V-III вв. до н.э.), так как традиционно считается, что для раннескифского времени характерно троение ремней благодаря применению трехдырчатых псалиев (Членова 1967, С.78). Находки деталей узды в погребальных памятниках V-III вв. до н.э. в Туве (могильник у с.Туран, курган 34; Саглы-Бажи II, курган 4 и др.), в памятниках Алтая и Запад-

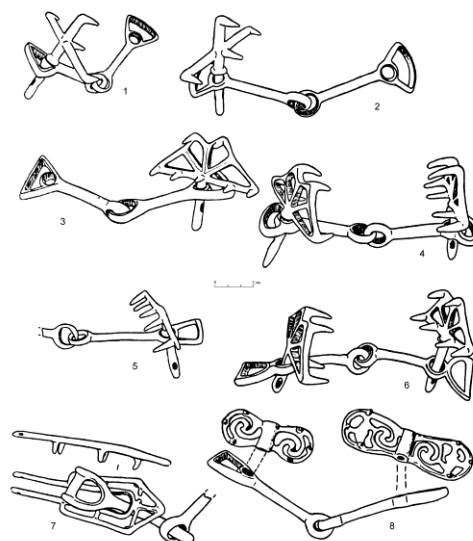

Рисунок 11. Вероятные комплекты удил и псалий с шипами IX (8), X (7) и XI (1-6) типов:

- 1 - удила, Мин.котл. (ММ, 4854); псалий, Белоярское (ММ,4949),
- 2 - удила, Мин.котл. (ММ, 4846); псалий, Тесинское (ММ,4948),
- 3 - удила, Беллык (ММ, 4860); псалий - Мин.котл. (ММ, 4928),
- 4 - удила, Мин.котл. (ММ, 4855); псалий, Мин.котл. (ММ, 4927, 4930),
- 5 - удила, Мин.котл. (ММ, 4816); псалий, Лугавское (ММ, 4947),
- 6 - удила, Мин.котл. (ММ, 4853); псалии, Мин.котл. (ММ, 4932; 4931),
- 7 - удила, Беллык (ММ, 4841); псалий, Биря (ММ, 4963),
- 8 - удила, Мин.котл. (ММ, 4840); псалии, Батени (ММ, 4965), В.Коя (ММ, 4966)

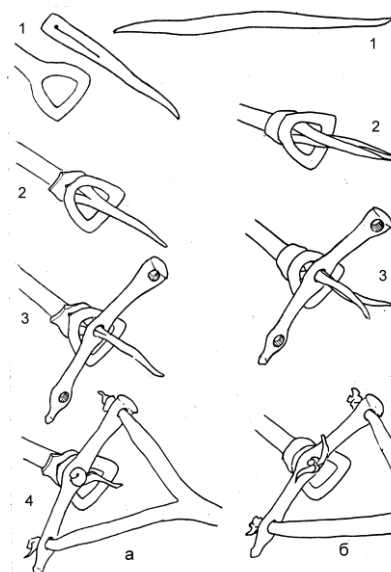

Рисунок 12. Два варианта крепления трехдырчатых псалиев к удилам в аржанской узде (по М.П. Грязнову)

ной Сибири (Быстровка 1 и др.) действительно позволяют говорить о распространении этих обойм в комплектах конской узды и о достаточно ясно выраженном их функциональном назначении. Подобная специализация обойм, видимо, обусловила и их чрезвычайно лаконичное внешнее оформление – эти обоймы В-образной формы, без лишних деталей, обычно выполнены в металле.

Для раннесакского времени (IX-VI вв. до н.э.), видимо, обоймы-двойники также характерны, хотя форма их несколько иная.

Это предположение основывается на двух моментах:

1. Материалами кургана Аржан 1-1 доказано, что для этого периода наряду с троением нащечных ремней существовало двоение, так как трехдырчатый псалий привязывался через среднее отверстие к удилам наглухо (Грязнов 1980, С.27, рис.1,2; С.30, рис.16:2, 4, 6 и сл.). М.П. Грязновым даже высказано мнение, что троения нащечных ремней вообще не было, и для уздечек Саяно-Алтая характерно двоение ремней (на скульптурном изображении головы коня из Аржан 1а-1 прекрасно видно, что нащечных ремней было два. Для других территорий (напр. Казахстана) эта точка зрения пока проблематична. Ассирийские рельефы IX века до н.э. свидетельствуют о наличии тройных нащечных ремней (Anderson 1961, pl. 1,3,4a), а начиная с VIII-VII вв. до н.э. их становится два (Anderson 1961, pl. 5,6,9, II). Является ли это особенностью ассирийской узды, или такая система была распространена шире, пока сказать трудно, так как тройные нащечные ремни в Ассирии использовались для бантообразных псалиев (Рисунок 10).

2. Наличие в курганах Аржан 1а-1 значительной серии двухдырчатых бляшек из клыков кабана и коня, а также расположение их в камере 1, 2, 26Б и 37 позволяет предположить, что в некоторых случаях они использовались не только как украшения узды, но и в качестве обойм-двойников.

Среди обойм-двойников по внешней форме, расположению и размерам отверстий (5 мм и более) можно выделить два типа (Рисунок 11):

I тип – обоймы слегка изогнутой формы в виде клыка со сточенными краями;

II тип – восьмеркообразные в плане бляшки, так называемые, бинарные.

Все они изготовлены из клыков, только один экземпляр II типа из Минусинской котловины (дер.Знаменка) выполнен из бронзы (ГЭ 5531-1332).

Обоймы для перекрестья ремней являются следующей категорией элементов конской узды, функциональное назначение которой достаточно ясно выражено во внешнем виде. Довольно часто они не употреблялись и вместо них использовали наглухо закрепленные узлами бляхи, либо подвески.

По внешней форме, с учетом конструк-

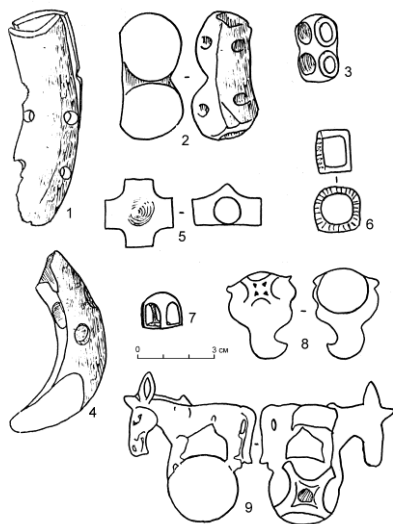

Рисунок 13. Обоймы-двойники (ОД 1-3) и обоймы для перекрестья ремней (ОПР, 4-9):

- 1-2 - Аржан (по М.П. Грязнову),
- 3 - Знаменка (ГЭ, 5531-1332),
- 4 - Аржан (по М.П. Грязнову),
- 5 - Юдино, МК (АМ ТГУ, 6272-130),
- 6 - Юдино (АМ ТГУ, 6272-128),
- 7 - Ортаа-Хем, к. 11 (по А.Д. Грачу),
- 8 - Мин.котл. (ГЭ, 331—9),
- 9 - Мин. котл. (ГЭ, 3975-316)

тивных особенностей оформления этих предметов, обоймы (ОПР) достаточно четко можно разделить на четыре типа (Рисунок 13):

I тип – в виде клыка (кабана или коня) с двумя круглыми отверстиями, просверленными перпендикулярно по отношению друг к другу. Причем в одних случаях это был действительно настоящий клык, а в других – его имитация. На некоторых перекрестниках отверстия выполнены на небольшом расстоянии друг от друга.

II тип – в виде перпендикулярно перекрещивающихся трубочек с центральным круглым отверстием в нижней части. В верхней части либо находится еще одно отверстие, либо конусовидный выступ.

III тип – в виде кубика с круглыми отверстиями в боковых гранях, а иногда и во всех (примером может служить обойма из Минусинского края, дер. Юдино – АМ ТГУ, № 6272-128). В некоторых случаях лицевая грань оформлена насечками, спирально, либо резким кругом.

IV тип – в виде двух кружков соединенных четырьмя столбиками. Лицевая грань обычно выпуклой формы, в противоположной – отверстие круглой, квадратной либо крестообразной формы. Этот тип по оформлению лицевой грани подразделяется на три варианта:

А – обоймы простой формы, лицевая грань которых в виде выпуклого кружка;

Б – лицевая грань оформлена в виде «запятой» и асимметричного листа;

В – лицевая грань зооморфной формы, в виде зооморфных фигур: грифонов, куланов, оленей и т.п.

Следующими элементами конской уздечки являются налобные, нащечные бляхи, подвески и различные пронизки. Эти категории вещей достаточно разнообразны по внешнему оформлению и служили в основном для украшения узды, то есть выполняли эстетическую функцию. Можно предположить и более сложную семантику этих вещей, например, выполнение функции «оберегов», или индикаторов определенного социального положения и т.д.

Нащечные бляхи (НЩБ) и подвески (около 480 экз.) по внешней форме, количеству и расположению отверстий разделяются на несколько типов (Рисунок 14):

I тип – круглые бляшки с одним отверстием на внутренней стороне. Эти бляшки (в диаметре 2 см и более) выполнены либо из рога, либо из бронзы. В отличие от роговых, у которых отверстие просверлено в тулове бляшки, бронзовые на внутренней стороне имеют петлю.

II тип – бинарные бляшки с двумя отверстиями, выполненные, в основном, из клыка кабана. Подразделяются на четыре варианта:

А – простые бинарные бляшки без дополнительных выступов;

Б – бабочковидные бляшки (по М.П. Грязнову) с четко выраженным выступом в центральной части, делящим бляшки пополам, обе стороны по-

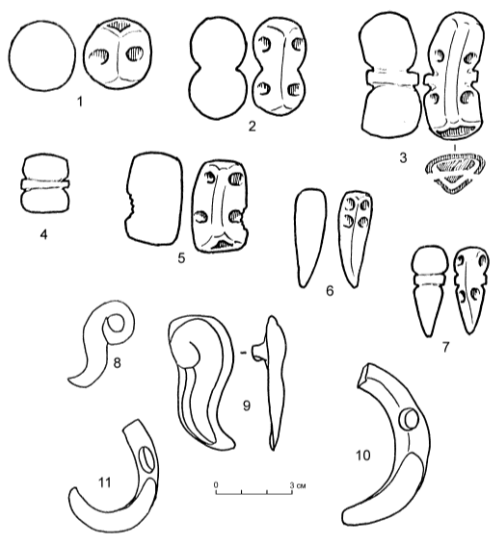

Рисунок 14. Нащечные бляхи (НЩБ):

- 1 - I тип (Аржан), 2 - II А (Аржан),
3 - II Б (Аржан), 4-5 - II В (Аржан),
6 - II Г (Аржан), 7- II Д (Аржан),
8-9 - III тип (Лугавское, ММ 9307; Елунино, АГУ, 309),
10-11 - IV тип (Аржан; Мин.котл., ГЭ 331-5).
1-7, 10 - по М.П. Грязнову

лучаются симметричными. В некоторых случаях имеется дополнительное отверстие на одной из граней, перпендикулярное двум другим отверстиям;

В – аналогичные бабочковидные, до края подрезаны так, что в плане имеют форму прямоугольника – прямоугольные бляшки;

Г – подтреугольные бляшки с двумя просверленными отверстиями;

Д – бляшки, представляющие собой сочетание; верхняя часть круглая, нижняя – подтреугольная, иногда отделенная выступами. Обычно два отверстия, либо параллельные, либо перпендикулярные.

III тип – бляшки в виде запятой, имеющие с обратной стороны петлю для подвешивания. В большинстве случаев выполнены в бронзе. На лицевой части имеются рельефные углубления, которые вписываются в общую форму бляшки.

IV тип – просверленные клыки коней и кабанов, или их имитации в бронзе (примером могут служить бляшки из Красноярского края – ГЭ, 331-5, 5531-1377). Этих подвесок довольно много, только в комплексах Аржан 1а их насчитывается более 250 экземпляров.

Видимо, для сакского времени этот вид конских украшений был весьма популярен и использовался для различных целей, но в основном для украшений различных ремней узды (нащечных, налобных и т.д.). А нахождение клыков коней или кабанов вместе в большом количестве в нескольких камерах Аржан 1а-1 (Грязнов, 1980, С.26,36 и сл.) позволяет предполагать, что они украшали нагрудные ремни жеребцов. Во всяком случае, изображения аналогичных подвесок и бляшек (вида бинарных) на нагрудных ремнях у коней зафиксированы на ассирийских рельефах IX-VII вв. до н.э. (Anderson 1961, pl.4,5).

Налобные бляхи и подвески (НББ), как было указано выше, часто имели те же формы, что, например, и нащечные. По-видимому, применение их не было строго регламентировано, хотя специфические формы для налобных ремней существовали. В кургане Аржан 1 найден налобник в виде большой круглой бляхи из золота, центральная часть которого – выпуклый серебряный кружок (Грязнов 1980, рис.12, 6); возможно, также использовались найденные здесь же в 1 камере еще три золотых кольца с утраченными серебряными кружками (Рисунок 15: 1-3).

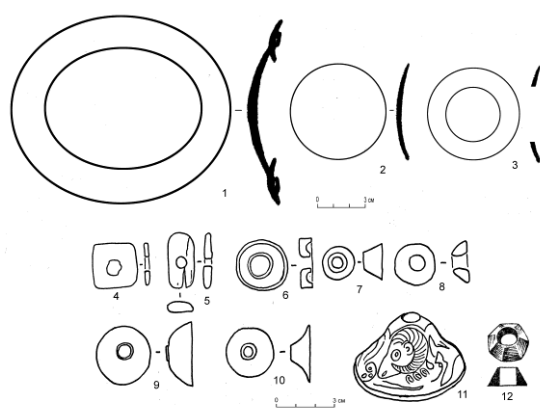

Рисунок 15. Налобные бляхи (НБ) и затылочные обоймы (ЗО): 1-3 - НБ (Аржан), 4 – 12 - ЗО: 1 А тип (Аржан), 5 - I Б тип (Аржан); 6 - I В тип (Аржан), 7 - II тип (Лугавское, ММ 8762), 8-9 - III А тип (Аржан; М.Минуса) 10 - III Б тип (р.Тесь и Аи, ГЭ 5531-1348), 11 - III Б тип (Мин.котл., по М.П. Завитухиной), 12 – IV тип (Мин.котл., ГЭ 5975-340).

Предметы из Аржана даны по М.П. Грязнову

Затылочные обоймы служили для закрепления затылочного ремня оголовья, или ремня ошейника. После надевания узды на морду коня, затылочные ремни протягивались в отверстие обоймы, и после этого завязывался узел (Рисунок 15: 4-11). Этим осуществлялась подгонка узды по длине морды коня. В некоторых случаях, когда узда делалась специально для какого-то конкретного коня, подобные обоймы не использовались. Иногда они могли использоваться не только для закрепления ремней оголовья, но и для закрепления начельника, или султанчика, который существовал в основном у колесничих коней (Anderson 1961, pl. 1,5,6,9).

По форме затылочные обоймы

делятся на четыре типа (Рисунок 15):

I тип – квадратные или овальные, круглые пластины (4x1.5 см; 2.5x2.5 см) с одним отверстием в центре. Этот тип имеет три варианта:

А – квадратные пластины, выполненные либо из бронзы, либо из кости (рога);

Б – овальные пластины, изготовленные из тех же материалов;

В – круглые пластины из тех же материалов, иногда имеющие на лицевой стороне рельефные ребра (Аржан 1-1, камера 26б).

II тип – усеченно-конические круглые обоймы (2-2.5 см) с отверстием в центре (до 1 см). В основном изготовлены из бронзы.

III тип – конические круглые обоймы с отверстием в центре. Разделяются на два варианта:

А – с выпуклыми гранями, диаметр 2-5 см.

Б – с вогнутыми гранями, диаметр 3-6 см.

На тех и других по краю встречается орнамент в виде ямок, насечек, бугорков. На некоторых внешние грани имеют рельефные изображения зверей, представляющие иногда целые сюжеты.

IV тип – многогранники (5 и более граней).

Обоймы II-IV типов часто называют ворворками для кистей под шеей лошади, но, как правильно полагает М.П. Грязнов, они служили для крепления ремня на затылке лошади (Грязнов 1950, С.29, рис.9; С.55, рис.20). В пользу этой точки зрения свидетельствуют два обстоятельства:

1. Эти обоймы (ворворки) найдены в комплексах скифского времени (Пазырык, Уйгарак, Молчановка, Блюменфельд и др.) в таком сочетании, которое позволяет реконструировать их в качестве затылочных обоек;

2. На ассирийских рельефах на ошейниках под мордой коня изображены не обоймы-ворворки, а колокольчики, отличающиеся от них по размерам и пропорциям (Schmidt 1957, pl.59, 83, 84, 99).

Украшения для ремней (УР), кроме указанных выше (нащечные подвески – типы I-IV данной классификации), представлены еще двумя довольно распространенными типами (Рисунок 16):

I тип – обоймы в виде простых бронзовых колечек, которые равномерно распределялись на ремнях оголовья и повода. Подразделяются на два варианта:

А – колечки, имеющие сечение в виде овала или полукруга.

Б – колечки, имеющие подтреугольное сечение.

II тип – желобчатые бляшки, служившие либо для украшения нагрудных ремней, либо в качестве застежек. Изготавливались из различного материала: дерева, рога, кости, камня (антигорита), бронзы. По внешней форме, количеству и размерам желобков различаются три варианта:

А – трехжелобчатые бляшки с одной плоской стороной и четко выраженными желобками;

Б – желобчатые бляшки с двумя слабо выраженными желобками по краям, а в средней части вместо желобка – четыре бугорка, равномерно расположенные по всей окружности тулова;

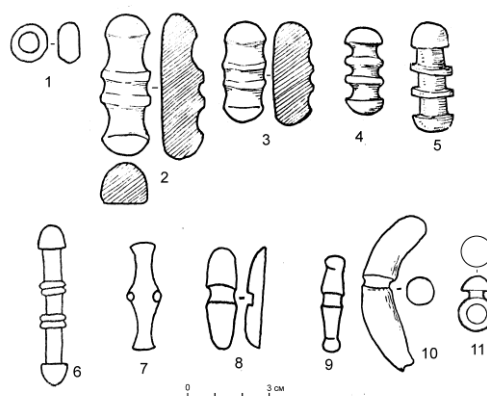

Рисунок 16. Украшения для ремней (УР):

1 - I тип (Солонечная, к.2 - по С.И.Руденко),
2-5 - II А тип (Аржан), 6 – II А тип (Бейское, ММ 8446),
7 - II Б тип (Анаш, ММ 8448),
8-9 - II В тип (Аржан; Сабинское, ММ 8443),
10 - II Г тип (Аржан), 11 – II Д тип (Суртайка).
Предметы из Аржана даны по М.П. Грязнову

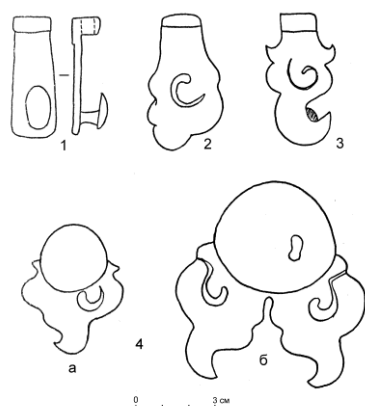

Рисунок 17. Застежки для ремней (ЗР):
I - I тип (Мин.котл., ГЭ 331-11),
2-4 - II тип (Калы, ММ 8418; Б.Ничка, ММ 8411;
Мин. котл., ММ 9100)

застежки и шпенек на другом краю для закрепления ремня. Судя по размерам ремня, на котором крепилась застежка (10-15 мм), он принадлежал к ремням оголовья и, по-видимому, застежки использовались для подбородного ремня, как и варианты В и Г второго типа вышеуказанных украшений для ремней. Полифункциональность – достаточно типичное явление для различного рода застежек.

По внешней форме среди застежек для ремней (ЗР) выделяются два типа (Рисунок 17):

I тип – застежки подпрямоугольной формы

II тип – застежки усложненно-каплевидной формы с дополнительными завитками и прорезями. На некоторых шпеньках имеются копытообразный символ.

Довольно часто в узде вообще не использовали эти пряжки, а завязывали узлы (см., например, Грязнов 1941, рис.92; Руденко 1953, С.154, рис.93а).

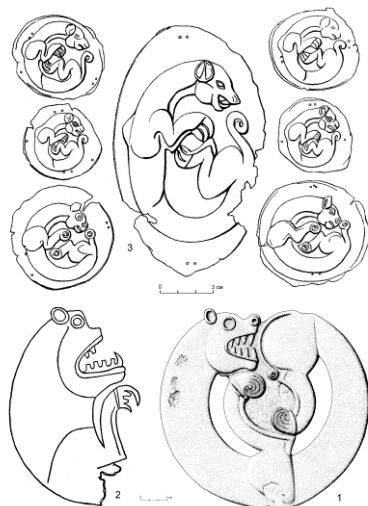

Рисунок 18. Нагрудные украшения (НУ-1-2) и налбные украшения (НЛ-3):
1 - Монголия (по Д. Майдар),
2 - Аржан (по М.П. Грязнову),
3 - Майэмир (по Л.Л. Барковой)

В – одножелобчатые бляшки-застежки в виде прямого стерженька с утолщением по краям, либо без них;

Г – одножелобчатые бляшки-застежки дугообразной формы, концы слегка заострены.

Д – колечки с грибовидной шляпкой.

Последние два варианта (В, Г) могли еще применяться в качестве застежек подбородного ремня, что прекрасно видно на изображении узды рельефа из Персеполиса (Anderson 1961, pl.30).

Застежки для ремней, представляют собой бронзовые подпрямоугольные или усеченно-каплевидные (усложнение за счет завитков, прорезей) пластины, имеющие с обратной стороны на одном крае петлю для закрепления за-

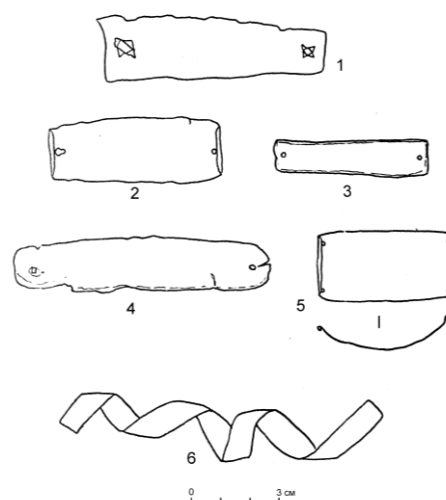

Рисунок 19. Нахвостники Аржана (по М.П. Грязнову). Номера на рисунках соответствуют номерам типов.
Все – золото

Типология элементов сбруи

Нагрудное украшение (НУ) представлено великолепной бронзовой бляхой в виде свернутого в круг кошачьего хищника, диаметром 25 см (Грязнов, 1980, С.27, рис.15,4). Если остальные украшения полифункциональны, то эта бляха, видимо, сделана специально для нагрудного ремня; обломок аналогичной бляхи, стилистически более архаичной, случайно найден в Монголии (Майдар, 1981, С.32-33). Петли на обратной стороне позволяют реконструировать способ крепления бляхи на груди коня (Рисунок 18).

Нахвостники (Н) пока обнаружены для этого времени только в кургане Аржан 1-1. Все они выполнены из листового золота (кроме VI типа). По форме исполнения и отверстиям для их крепления, они подразделяются на шесть типов, что вообще соответствует классификации М.П. Грязнова (Рисунок 19):

I тип – длинные прямоугольные полоски (7-8 см) с двумя отверстиями по краям. Отверстия ромбической формы.

II тип – длинные прямоугольные полоски (до 6 см) с двумя загнутыми.

III тип – краями, двумя небольшими круглыми отверстиями по краям.

IV тип – длинные прямоугольные полоски (до 6 см) с загнутыми краями со всех сторон и двумя маленькими круглыми отверстиями.

V тип – длинные полоски (до 9 см) с овальными краями и квадратными маленькими отверстиями по краям.

VI тип – прямоугольные полоски (до 5 см) с двумя закругленными краями и четырьмя маленькими круглыми отверстиями по краям.

VII тип – длинная узкая медная полоска, свернутая спиралью (около 30 см).

Блок чумбура или правильнее сказать – блок повода для чумбура (БИЧ), представляет собой небольшую пряжку в виде кольца или овала с прямоугольной петлей, которая часто имеет дополнительные выступы для удержания ремня в определенном положении. Эти пряжки выполнены из бронзы, кости, в более позднее время иногда встречаются из дерева. В некоторых случаях вместо них используют узел (Грязнов 1941, рис.92).

Часто эти пряжки путают с подпружными, и поэтому для выявления четких критериев, по которым можно их различить, составлена гистограмма. Сопоставлялись размеры отверстий для ремней, которые наглухо крепят пряжку (L1) и в которые продевался либо чумбур, либо подпруга (L2). В результате сравнения размера отверстий для ремней выявляются три дискретные группы (Рисунок 20-21):

I - L1 = 14-26 мм;	L2 = 39-42 мм;
II - L1 = 13-27 мм;	L2 = 24-35 мм;
III - L1 = 8-14 мм;	L2 = 13-23 мм.

Первые две группы с отверстиями для широких ремней относятся к подпружным пряжкам.

Пряжки третьей группы, скорее всего, являются блоками для чумбура. Эти блоки делятся на два типа:

I тип – пряжки с овальными отверстиями. По форме легли для крепления к пряжке делятся на два варианта:

А – с подпрямоугольной петлей и дополнительными выступами по краям;

Б – с подтреугольной петлей и дополнительными выступами по краям;

II тип – пряжки с круглыми отверстиями. Аналогичное деление на варианты и в этом типе:

А – с подпрямоугольной петлей для крепления ремня. На некоторых пряжках дополнительные выступы для удержания ремня в определенном положе-

нии незначительны, что является отражением, на наш взгляд, типологического развития;

Б – с подтреугольной петлей и слабо выраженными дополнительными выступами по краям;

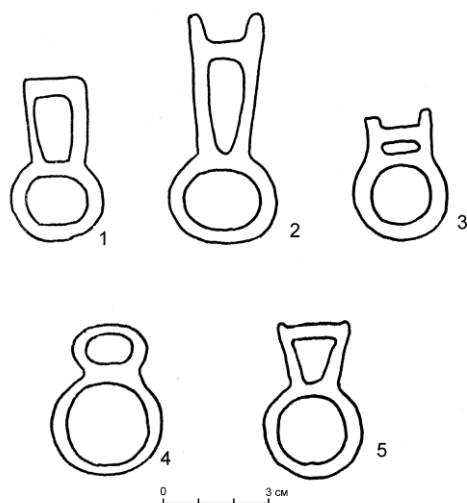

Рисунок 20. Блоки повода для чумбура (БПЧ):

- 1 - I А тип (Каменка, ММ 8338),
- 2 - I Б тип (В.Коя, ММ 8327),
- 3-4 - II А тип (Башадар II, по С.И.Руденко; Абаканское, ГЭ 5531-1315),
- 5 - II Б тип (Бондарево, ММ 8339)

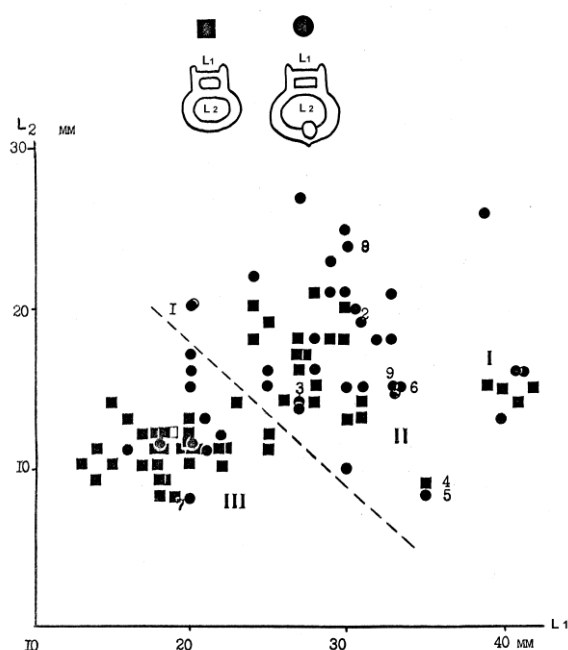

Рисунок 21. Корреляция крепежного (L1) и подпружного, ремennого (L2) отверстий у подпружных пряжек и блоков для чумбуров: 1 - Аржан, 2 - Кок-су I к.42, 3 - Солонечная к.2, 4-5 - Алды- Бель I к.21, 6 - Туэкта I, 7-8 - Туэкта 2, 9 - Башадар 2. *Примечание:* I-III варианты по количественным критериям

Подпружные пряжки (ПП) обычно парные (со шпеньком – ППш и без него – ППб), судя по нахождению их в непо потревоженных комплексах, как правило, располагались с обеих сторон седла или седельных подушек (Сорокин 1974, С.66, рис.21; Вишневская 1973, С.17, рис.7; С.20, рис.9; С.24, рис.12; С.25, рис.13 и сл.). Скорее всего (на некоторых планах могил это прекрасно видно), обе пряжки наглухо крепились к седельным подушкам; со шпеньком – слева, без него – справа, а подпруга закреплялась на правой пряжке, шла через живот коня и натягивалась на шпенек левой.

Пряжки со шпеньком по внешней Форме, размерам отверстий и расположению шпенька делятся на пять видов (Рисунок 22):

I тип – пряжки в виде стремечка без дополнительных отверстий для крепления ремня, шпенек в виде бугорка с перехватом, ширина ремennого отверстия 19-20 см.

II тип – пряжки в виде ажурной спирали; шпенек в некоторых случаях имеет копытообразный символ; ширина ремennого отверстия достигает 42 мм.

III тип – пряжки с круглым отверстием. По Форме и оформлению дополнительного ремennого отверстия выделяются три варианта:

А – дополнительный выступ на противоположной грани от шпенька, ширина отверстия до 57 мм;

Б – прямоугольное отверстие для крепления ремня как с дополнительными выступами по бокам, так и без них, шпенек либо выступает вертикально, либо отогнут наружу $L1 = 8-25$ мм, $L2 = 20-30$ мм;

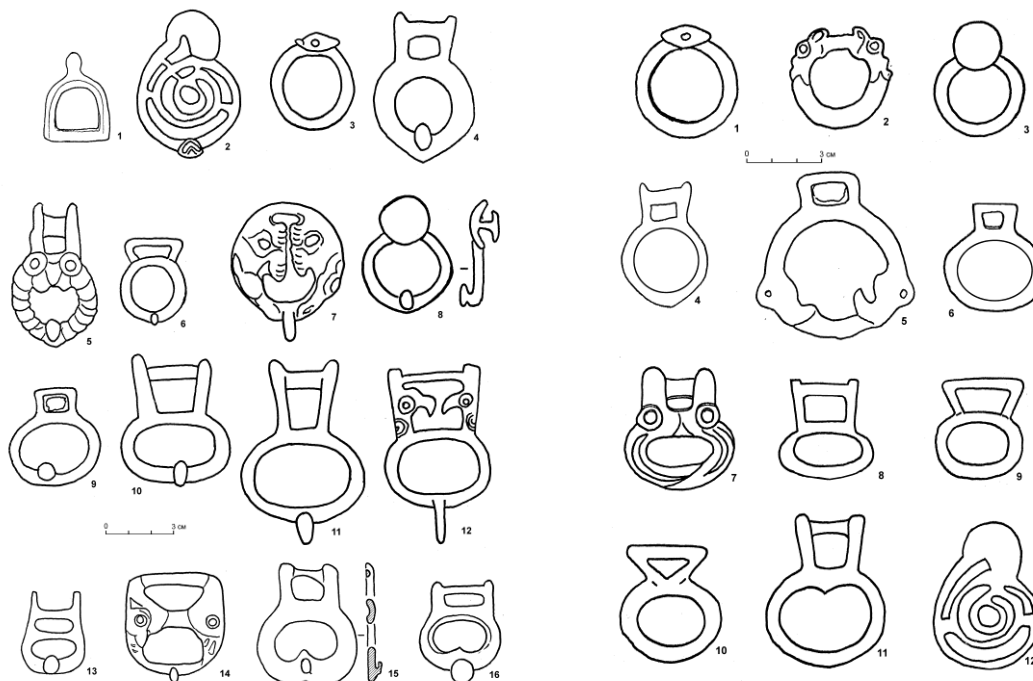

Рисунок 22. Подпружные пряжки со шпеньком (ППШ): I тип - 1 (Аржан), II тип - 2 (Хемчик-Бом Ш, к.1,2), III А тип - 3 (Хемчик-Бом 01, к.Л,2), III Б тип - 4,5,6 (Солонечная, к.2, МАЭ 2406; Мин.котл., ГЭ, СИ 38-49; Алтайское, Мин.котл., ГЭ 5531-1321), III В тип - 7 (Мин.котл., ГЭ 5531-1323), IV А - 8 (Кок-су I, к.42, ГЭ), IV Б - 9,10 (Алды-Бель I, к.21; Батени, ММ 8360), IV В тип - 11,12 (Мин.котл., ММ 8365; Кавказское, ММ 8364), IV Г тип - 13-14 (Лепешкина, ММ 8348; Кавказское МК, ГЭ 1296-158), V А тип - 15-16 (Томск, АМ ТГУ 4196; Башадар 2, ГЭ)

Рисунок 23. Подпружные пряжки без шпеньков (ППБ): I тип - 1, 2 (Хемчик-Бом Ш к.1,2; Анашкина, ГЭ 5531-1317), II А тип - 3 (Коксу Г к.42, ГЭ), II Б тип - 4, 5 (Солонечная, МАЭ 2406; Чаны МК, АМ ТГУ 4859), II В - 6 (Городок, ММ 8330), III А тип - 7-8 (Алды-Бель I к.21; Корпик, ГЭ 5531-1316), III Б тип - 9-10 (Бейское, ГЭ 5531-1312; Уты, ММ 8329), IV тип - 11 (Батени, ММ 8321), V тип - 12 (Хемчик Бом Ш к.1,2)

В – дополнительное отверстие вписано в общий круг, шпенек отогнут наружу, есть случаи украшения краев зооморфными рельефами, $L1 = 16-21$ мм, $L2 = 25-53$ мм.

IV тип – пряжки с овальными отверстиями и разным оформлением дополнительного отверстия для крепления самой пряжки. Выделяются четыре варианта:

А – дополнительное отверстие для крепления пряжки в виде петли с противоположной стороны от шпенька, сам шпенек отогнут внутрь, $L1 = 20$ мм, $L2 = 30$ мм;

Б – дополнительное отверстие подпрямоугольной формы, по краям дополнительные выступы, шпенек отогнут внутрь, $L1 = 15-21$ мм, $L2 = 29-41$ мм;

В – аналогичные пряжки, только шпенек в виде острия отогнут наружу, в некоторых случаях отсутствуют дополнительные выступы, но присутствует зооморфное украшение по краям, $L1 = 11-26$ мм, $L2 = 18-21$ мм;

Г – дополнительное отверстие подпрямоугольной формы, вписанное в общую фигуру пряжки, иногда отсутствуют дополнительные выступы, шпенек отогнут, $L1 = 17-22$ мм, $L2 = 24-30$ мм.

V тип – пряжки с сердцевидным отверстием, шпенек отогнут внутрь. В некоторых случаях представлена стилизованная зооморфность по граням, дополнительные отверстия прямоугольной формы. По наличию дополнительных выступов выделяются два варианта:

А – с дополнительными выступами по краям, L1 = 12-15 мм, L2 = 22-50 мм;

Б – без дополнительных выступов по краям, L1 = 15-21 мм, L2 = 350-35 мм.

Пряжки без шпенька (около 50 экз.) по внешней форме и размерам ременных отверстий делятся на пять типов (Рисунок 23):

I тип – пряжки с круглым основным отверстием, без дополнительного отверстия для крепежного ремня, две стороны кольца выполнены в виде головок хищного животного, а промежуток между ними служил для крепления ремня, L1 = 10 мм, L2 = 22 мм.

II тип – пряжки с круглым основным отверстием, дополнительное отверстие для крепежного ремня нескольких вариантов:

А – дополнительное отверстие в виде петли, прикрепленной внутри небольшой полусферической бляшки, L1 = 10-20 мм, L2 = 30-32 мм;

Б – дополнительное отверстие для крепления ремня подпрямоугольной формы без дополнительных боковых выступов. В некоторых случаях бока украшены звериными рельефными головками, L1 = 11-18 мм, L2 = 27-41 мм;

В – дополнительное отверстие для крепления ремня подтреугольной формы, L1 = 15-18 мм, L2 = 27-28 мм.

III тип – пряжки с овальным основным отверстием, дополнительное отверстие для крепежного ремня двух форм:

А – подпрямоугольной формы с дополнительными выступами для удержания ремня в определенном положении, L1 = 15-20 мм, L2 = 10-33 мм;

Б – трапецевидной формы без дополнительных выступов для удержания ремня в определенном положении, L1 = 21 мм, L2 = 28 мм.

IV тип – пряжки с сердцевидным отверстием, прямоугольным отверстием для крепежного ремня и дополнительными выступами для удержания его в определенном положении, L1 = 14-17 мм, L2 = 26-42 мм.

V тип – пряжки в виде ажурной спирали, ширина ремennого отверстия достигает 42 мм.

Следующим элементом конского снаряжения являются седельные подушки и попоны. Об их существовании свидетельствуют, во-первых, нахождение подпружных пряжек, и, во-вторых, достаточно многочисленные изображения на ассирийских рельефах VIII-VII вв. до н.э. Седла-попоны крепятся на спине лошади подпругой, а также нагрудным (подперсье) и в некоторых случаях подхвостным (потфейным) ремнями (Anderson 1961, pl. 6,11). Несколько позже, в VI-V вв. до н.э. кожаные подушки укрепляются планками (деревянными, костяными), чем создается определенная жесткость конструкции (Грязнов 1941, С.75 и сл.). К сожалению, для раннего периода археологические памятники не дают возможности реконструировать седельные комплексы достаточно полно. Они сохранились и прекрасно восстановлены для более позднего времени благодаря мерзлотным условиям Алтая (курганы пазырыкской эпохи), и поэтому для ранних периодов можно лишь моделировать их конструкцию с учетом поздних вариантов.

Итак, все элементы, составляющие комплект конского снаряжения, группируются по типам и вариантам, что позволяет провести их корреляционный анализ. Вначале необходимо выяснить, какие типы удил и псалиев сочетаются в одном комплекте.

Материал поселений в этом отношении помочь не может, так как там если и находят какие-то элементы конского снаряжения (псалии, бляшки и т.д.), то либо во фрагментарном состоянии, либо другим материалом, не связанным с конским снаряжением. Другие археологические источники – случайные находки, клады и погребальные памятники, для рассматриваемого периода (начало 1 тыс. до н.э.) позволяют учесть более 100 комплектов из различных комплексов, значительная часть которых происходит из Аржан 1а-1 (86 комплектов). Это следующие сочетания:

1. Аржан 1: мягкие удила сочетаются с псалиями типа Па – 2 комплекта, удила I-D7 с псалиями в виде кабаньих клыков – 2 компл., удила II-37 с деревянными псалиями и из клыков – по 1 компл., удила II-Ж7 с деревянными – 2 компл., удила III-I7 с деревянными – 8 компл., с псалиями из клыков – 1 компл., с псалиями типа IIa – 2 компл., типа IIв – 5 компл., типа IIIв – 33 компл., удила типа III-K7 сочетаются с деревянными – 3 компл., с псалиями типа IIв – 1 компл. типа IIIв – 1 компл., удила IV-L3 сочетаются с деревянными псалиями – 1 компл., удила IV-L6 с деревянными – 1 компл., удила вида IV-L7 – с псалиями типа IIIв – 1 компл., удила вида Vб с деревянными псалиями – 5 компл., из клыков - 5 компл., с псалиями типа IIв – 1 компл., типа IIIв – 1 компл., удила вида VIa с псалиями из клыков – 2 компл., удила типа VIб с псалиями из клыков – 1 компл., с деревянными псалиями – 1 компл., типа IIв – 6 компл., а типа IIIв – 1 компл.
2. Баданка IV. К. 17; мягкие удила сочетаются с псалиями из кабаньих клыков.
3. Курту II, к.3: мягкие удила сочетаются с псалиями типа IIIв.
4. Майэмир; удила типа III-K7 с деревянными псалиями.
5. Семисарт-1, кург.1: мягкие удила с псалиями IIб.
6. Коксу 1, кург.42: удила типа III-I7 с псалиями IV типа.
7. Усть-Куюм: мягкие удила сочетаются с псалиями типа IIв.
8. Черный Ануй: удила типа III-I7 сочетаются с псалиями типа IIIб.
9. Суртайка: удила типа П-Ж7 с псалиями V типа.
10. Солонечный Белок, кург.2; удила типа III-K7 с псалиями типа V,
11. Алды-Бель, кург.21; удила типа II-37 с псалиями типа V.
12. Хемчик-Бом III, кург.1: удила типа II-36 с псалиями типа V.
13. Ортаа-Хем, кург. II; удила типа III-I7 с псалиями типа V.
14. Штабка: удила типа II-Ж7 с псалиями типа зооморфных наверший.
15. Гилево 10, мог.16.: удила типа II37-I7 с псалиями типа V.
16. Гилево 10, мог.31: удила типа III-I3 с псалиями типа IIa.
17. Гилево 10, мог.32: удила типа III-I7 с псалиями типа V.
18. Вакулиха 1, к.1: удила типа IV-I7 с псалиями типа IV.
19. Вакулиха 1, к.2: удила типа III-I7 с псалиями типа V.
20. Вакулиха 1, к.3: удила типа III-I7 с псалиями типа V.
21. Вакулиха 1, к.4: удила типа III-P6 с псалиями типа V.
22. Чекановский Лог-10: удила типа III-K7 с псалиями типа IIa.
23. Березовка: удила типа III-I7 с псалиями типа V.
24. Мельничная Гора: удила типа III-I6 с псалиями типа V.
25. Кондратьевка 21: удила типа II- 36 с псалиями типа V.
26. Камышинка : удила типа III-K7 с псалиями типа IIIб.
27. Герасимовка : удила типа III-K7 с псалиями типа IV.
28. Измайловка, о.17: удила типа III-K7 с псалиями типа VI.
29. Измайловка, о.17: удила типа IV-L3 с псалиями типа VI.
30. Машенька 1 : удила типа III-K7 с псалиями типа V.
31. Покровский Лог-4, кург. 5: удила ременные с псалиями типа IIa.
32. Чесноково-1, кург.2: мягкие удила с псалиями типа IIa.

33. Ак-Алаха-2: удила типа III-И7 с псалями типа III.
34. Карбан-1, сев.: удила типа III-И5 с псалями типа III.
35. Карбан-1, южн.: удила типа III-И7 с псалями типа IIб.
36. Элекмонар-23, кург.1: удила типа II-37 с псалями типа IIа.
37. Бийке, кург.17: удила мягкие с псалями типа IIа.
38. Черный Ануй-1: удила типа III-И7 с псалями типа IIIв.
40. Кор-коба-1, кург.24: мягкие удила с псалями типа IIа.
41. Бойтыгем-2, кург.2: удила типа III-Е7 с псалями типа IV.
42. Каракол, кург.1: удила типа II-37 с псалями типа V.
43. Кок-су, кург.42: удила типа III-И7 с псалями типа IV.
44. Аржан 2: удила типа IV-М7 с псалями типа IV.

Наиболее многочисленное сочетание, распространенное в Центральной Азии, удил типа III-И7 с псалями типа IIв, IIIв, а также из органического материала (дерева, кожи). В меньшей степени употреблялись комплекты, состоящие из удил типа Vб – псалиев из клыков, либо деревянных, и удил типа VIб и псалиев типа IIв. Остальные комплекты пока фиксируются в небольших количествах. Такой значительный закрытый комплекс, как Аржан 1, содержит, например, удила 7 типов (12 вариантов) и псалии 5 типов (6 вариантов), что составляет 24 разнотипных комплекса конских уздечек, существовавших одновременно. Всего для Центральной Азии по имеющимся материалам можно зафиксировать около 35 различных вариантов IX-VI вв. до н.э. Такое сравнение еще раз наглядно показывает, что комплексы Аржан 1а, во-первых, действительно составляют совокупность различных территориальных и культурных подразделений и, во-вторых, свидетельствуют о неравномерности исторического развития, о разном уровне технической оснащенности. В частности, прекрасным примером служит сочетание в одном комплексе архаичных деревянных или примитивных, выполненных из челюсти лошади, псалиев и искусно выполненных из бронзы псалиев и одноколычатых удил, которые, как уже отмечалось, найденные порознь, датировались бы от X до V вв. до н.э. (Боковенко 1979, С.70).

Остальные элементы конской сбруи в значительной мере дополняют представления о комплектах, но достаточно четкой корреляции с какими-то типичными наборами проследить не удастся, хотя в некоторых случаях улавливаются определенные тенденции в типологическом развитии некоторых деталей (перекрестников ремней, подпружных пряжек, затылочных обойм). К примеру, составляются такие комплекты узды Коксу 1, к.42 включают: ППш IVа, ППб Па, ОПР ШШ; Камышинка - ППш Шб, ППб Пб, ОПР IVб, ОПР IVа; Хемчик-Бом III, к.1,2 - ППш IIIа, ППб 1, НЦБ V и т.д. Типологический анализ конского снаряжения Аржан 1а позволяет выявить регионы, где представлены предшествующие аржанским формам и откуда они могли попасть в курган в качестве даров. Это прежде всего нагрудное украшение в виде кошачьего хищника из Монголии, миниатюрные одноколычатые удила из Минусинской котловины, роговые трехдырчатые псалии куртусского типа, аналогичные алтайским и украшенные по стержню квадратиками удила, характерные для Казахстана. Отсутствие источников и неразработанность хронологии не позволяют более конкретно решить вопросы культурогенеза Аржан 1а. В целом намечаются тенденции развития основных элементов конской сбруи и при достаточно надежной хронологической привязке, наличие определенных типов и их сочетаний, в свою очередь, будет служить своеобразным хронологическим индикатором для остальных компонентов погребального инвентаря. Так, внутренний диаметр одноколычатых удил менялся во времени. Наиболее ранние удила (тип VA, Б), относящиеся к самому началу 1

тыс. до н.э., имитирующие ременные, имели небольшие отверстия до 20 мм в диаметре (Аржан 1), у более поздних удил (тип VB) внутренний диаметр 21-34 мм (Туэкта, Пазырык и др.). Аналогичная ситуация прослеживается при анализе размеров элипсовидных окончаний удил (тип VI). Соотношение наименьшего размера 10-17 мм к наибольшему 17-21 мм (типы VI A, Б) наиболее характерно для удил Аржан 1а, а соотношение наименьшего размера 25 мм к наибольшему 36 мм (тип VI B) представлено в удилах из курганов Алтая (Пазырык II).

Между Аржан 1 и Пазырыком (к.2) по данным дендрохронологии – около 550 лет (Марсадолов 1985, С.10). Следовательно, напрашивается вывод, что удила с соотношениями большого и малого размеров внутренних отверстий удил, помещающиеся на графике (Рисунок 2) между Аржан 1 и Пазырыком II, могут быть также датированы в этом промежутке. Чем больше будет опорных памятников, тем точнее можно будет продатировать одиночные находки удил по количественным критериям. Но все же необходимо учитывать, что эта схема не абсолютна, а выявляет тенденции изменения количественных параметров удил и исключения возможны.

Количественные критерии частично являются диагностическими признаками при рассмотрении подпружных пряжек. Измерялись размеры отверстий для продевания крепежного ремня и подпружного, что сразу позволило выявить из этой категории блоки повода для чумбура. У подпружных пряжек Аржан 1 крепежное и подпружное отверстие одно и тоже (ширина 20 мм), в VII в. до н.э. уже появляется либо шпенек, либо отверстие (до 20 мм) для крепежа к седельной попоне подпружной пряжки (Кок-су 1, к.42) (Сорокин 1974). Подпружное отверстие уже достигает 51 мм. Материалы VI в. до н.э. показывают увеличение до 33 мм и более подпружного отверстия и увеличение массивности самой пряжки (Туэкта, Башадар, Пазырык), что скорее всего связано с усложнением конструкции седла от простой попоны до седла на мягкой основе, но с деревянным примитивным каркасом.

До и для этой категории нет достаточно четкой закономерности развития, а прослеживаются лишь некоторые тенденции изменения пропорций пряжек.

Налобные бляхи сначала предоставлены круглыми золотыми кольцами со серебряными круглыми вставками (Аржан 1), затем изменились их пропорции, они типологически развились и стали (более рельефными (Пазырык). Соответствующим образом изменилась и остальные элементы узды.

К сожалению, конкретное развитие того или иного типа узды удастся проследить не всегда. Это связано не только с отсутствием материалов по этому аспекту, до и сложностями в хронологии археологических памятников Центральной Азии. Особая ситуация складывается на Среднем Енисее, где конское снаряжение представлено практически полностью случайными находками

Чрезвычайно многочисленны предметы конского снаряжения (удила, псалии, пряжки) великолепного качества по исполнению, что свидетельствует о высокой значимости этой категории для тагарского общества. Обилие и разнообразие предметов конского убора, многочисленные наскальные изображения достаточно убедительно говорят о высокой значимости коневодства в тагарской культуре.

Этапы развития конского снаряжения (Рисунок 24). Древнейший этап (середина 2 тыс. - конец 2 тыс. до н.э.) по всей зоне евразийских степей представлен мягкими удилами из скрученных ремней и трехдырчатыми псалиями (тип 1) из органического материала (рог, кость, клык, дерево-кожа), а в очень редких случаях - из бронзы. Форма псалиев и отверстий варьирует в пределах естественных возможностей материала, имеет часто характерную для рога

изогнутость и свидетельствует о несложившихся традициях в производстве псалиев (Ирмень, Устинкино, Еловка и др.). Существует два варианта расположения трех отверстий у псалиев: в разных плоскостях (более архаичный) и в одной плоскости (более поздний). Отверстия равномерно распределены по плоскости псалия. Немногочисленная орнаментация псалиев преимущественно геометрическая. Они очень широко распространяются по всей зоне степей. Остальные элементы конской сбруи с достаточно четко определенной функцией еще не выработались, их пока еще заменяли ременные узлы и сочленения. В это время, видимо, кони использовались в качестве упряжных, хотя не исключена возможность использовать их эпизодически под верховую езду (пастухами), но для суждений о массовом (историческом) явлении оседлания коня пока нет никаких археологических данных.

Начальный этап эпохи ранних кочевников (примерно IX–VII в. до н.э.) в конечной своей фазе обусловленный как повсеместным внедрением бронзы в наиболее функциональные части конской узды, так и значительным совершенствованием способов управления конем. У роговых (костьяных) псалиев отверстия расположены в одной плоскости (тип II, отчасти III), позже они смещаются к центру. Вокруг отверстий намечаются утолщения (Курту II, Усть-Куюм) (Сорокин 1969), начинают оформляться окончания псалиев, выполненные из бронзы; они имитируют роговые; типологические рудименты последних широко представлены. Эти типы псалиев также достаточно широко распространяются по евразийским степям (Смирнов 1961, С.66).

Аналогичная ситуация наблюдается и среди бронзовых удил, которые первоначально копируют ременные (типа 1А, УА, VIА, VII). На конечной фазе этого этапа окончание двукольчатых удил значительно варьирует по форме (типы 1-IV уровня 3-6), дополнительное небольшое отверстие постепенно вписывается в общую конфигурацию окончаний удил. Видимо, для этого времени характерно применение наряду с существующими псалиями, генетически связанными с псалиями эпохи бронзы (тип П) и псалиев новых форм, например, строгих («скребниц»).

Отражением складывающихся устойчивых традиций являются псалии с тремя отверстиями в одной плоскости, имитирующие характерную изогнутость роговых изделий. По ассирийским рельефам можно отчасти реконструировать систему кропления удил и псалиев, а также ремней узды. Так, для IX в. до н.э. характерна уздечка с оголовьем из широких ремней, покрытых бляшками: налобного, затылочного, подганашного, закрепленного наглухо с помощью двух овальных или прямоугольных перекрестных блях и дополнительного затылочного – подганашного ремня, который закреплялся после надевания уздечки (Anderson 1961, pl. 3,4; Ковалевская 1977, С.81 и сл.). Спецификой уздечки IX в. до н.э. было отсутствие наносного ремня. Обычно грудь коня защищалась кожаным нагрудником с висящими кистями, который соединялся с передней подпругой у колесничного коня и о седлом-попоной у верхового. Начальник у верховой лошади обычно отсутствовал, а у колесничной имел форму полукружия. Судя по первым изображениям всадника, В.Б. Ковалевская приходит к выводу, что в то время у верховой узды сохраняется много элементов упряжной, видимо, еще не совсем отошли от принципов узды на колеснице.

IX-VIII вв. до н.э. также характеризуются значительным разнообразием типов удил и псалиев. Если в форме удил прослеживается стремление упростить их (исчезает маленькое дополнительное отверстие – уровень 7), то новый материал Отражением складывающихся устойчивых традиций являются псалии с тремя отверстиями в одной плоскости, имитирующие характерную изогнутость

роговых изделий. По ассирийским рельефам можно отчасти реконструировать систему кропления удил и псалиев, а также ремней узды. Так, для IX в. до н.э. характерна уздечка с оголовьем из широких ремней, покрытых бляшками: налобного, затылочного, подганашного, закрепленного наглухо с помощью двух овальных или прямоугольных перекрестных блях и дополнительного затылочного – подганашного ремня, который закреплялся после надевания уздечки (Anderson 1961, pl. 3,4; Ковалевская 1977, С.81 и сл.). Спецификой уздечки IX в. до н.э. было отсутствие наносного ремня. Обычно грудь коня защищалась кожаным нагрудником с висящими кистями, который соединялся с передней подпругой у колесничного коня и о седлом-попоной у верхового. Начельник у верховой лошади обычно отсутствовал, а у колесничной имел форму полукружия. Судя по первым изображениям всадника, В.Б. Ковалевская приходит к выводу, что в то время у верховой узды сохраняется много элементов упряжной, видимо, еще не совсем отошли от принципов узды на колеснице.

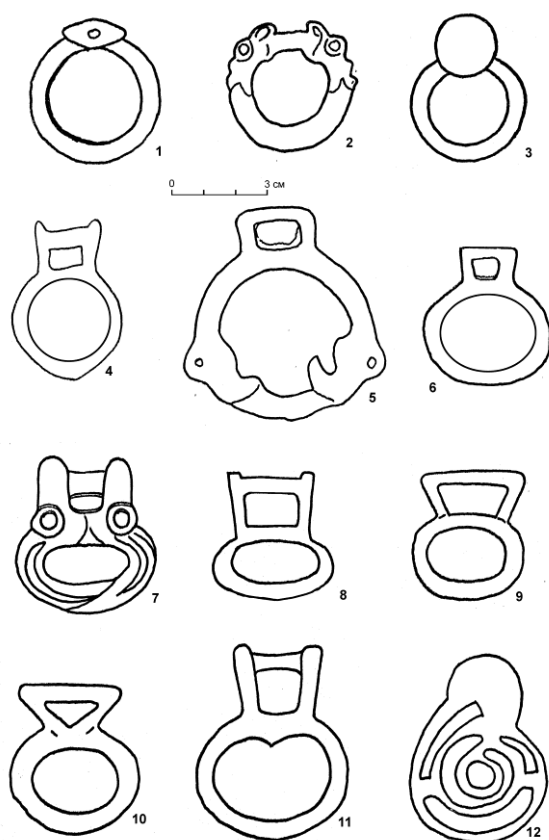

Рисунок 24. Комплекты узды Саяно-Алтая IX-VII вв. до н.э.: 1 - комплекты Аржана, 2 - комплекты из остальных комплексов. Развитие одного из комплектов узды Саяно-Алтая: 1 - древнейший (реконструкция по фигурной головке из кургана Аржан), 11 - Аржан, 12 - Пазырык (по М.П. Грязнову)

(а вернее, усилены) клыками животных. Грудь одного из аржанских коней украшала великолепная бронзовая бляха в виде свернувшегося кошачьего хищника (Грязнов 1980, С.28, рис.15,4). Скульптурное изображение головы коня из рога наглядно показывает способ соединения ремней оголовья, что может еще раз свидетельствовать в пользу ранней даты Аржан 1а, так как здесь

Бронза позволяет создать принципиально новые типы псалиев («V»-образные – V тип, с уступом – IV тип, VII тип). Однако подобное усложнение этой важной функциональной категории, появившееся, скорее всего благодаря естественным возможностям нового материала, оказалось в дальнейшем нежизненным. Для этого этапа характерны разнообразные комплекты удил и псалиев. Интенсивно разрабатываются и совершенствуются остальные элементы узды (различные типы обойм для перекрестия ремней, нащечные бляхи, затылочные обоймы, украшения для ремней, подпружные пряжки и т.д.) Причем, кроме чисто практического значения, эти дополнительные элементы несут и эстетическую нагрузку, так как на некоторых появляются детали звериного стиля, орнаментальные мотивы, знаковая символика.

В IX-VIII в. до н.э. кожаные нагрудники продолжают использоваться, аржанские иногда украшены

отсутствует наносный ремень, а его заменяют ремни, идущие к кожаному налобнику (Грязнов 1980, С.28, рис.15,1-3).

Судя по ассирийским рельефам, изменяется и снаряжение переднево-сточных всадников: появляются на ошейнике кисти-науза, через которые проходил ремень поводьев.

Этим достигалось фиксирование положения повода на голове коня. Всадник освобождался от угрозы потерять при движении повод (Ковалевская 1977, С.84). Появляется прямой наносный, начельник, исчезает один из налобно-подганашных ремней. В Ассирии распространяются прямоугольные пластинчатые псалии, а также изогнутые роговые псалии (II тип), что считают влиянием скифов и мидийцев. И действительно, для начала 1 тыс. до н.э. в северных степных регионах от Венгрии до Тувы в целой серии памятников зафиксированы подобные псалии (Субботово, Сахарна, Царевка, Черногоровка, Кобанский могильник, Курту II, Аржан 1 и др.) (Тереножкин 1976). Бронзовые удила преобладают повсеместно, кость (рог) используется в меньшей степени и часто при изготовлении второстепенных элементов сбруи. На поселении Кент (Казахстан) конца эпохи бронзы зафиксирована отливка одного из звена удил со стремявидным окончанием (Вафоломеев, 1987), что указывает на возможный регион их происхождения. Именно с начала I тыс. до н.э. наблюдается наибольшая вариация бронзовых удил и псалиев за весь период кочевничества. Модификация конского снаряжения сочетается с локализацией отдельных удил и псалиев. Так, например, двукольчатые удила с равновеликими отверстиями, имеющие на конце подвижные части (псалии VII типа), распространяются очень широко по всей зоне степей, но в основном преобладают в Северном Причерноморье (Высокая Могила, Зольное, Новочеркасский клад, Бутенки, Пятигорск и др.) и частично в Поволжье (бияр), лишь единичные находки известны в Южной Сибири и Центральной Азии (Минусинский край – АМ ТГУ № 4567). Удила с так называемыми стремячковидными окончаниями чрезвычайно разнообразны в восточной части степей (типы 1-IV), это позволяет в достаточной степени уверенно еще раз утверждать, что они азиатского происхождения, как полагал А.А. Иессен (1954, Р.129), а затем В.А. Грач (1975). Простые стремячковидные удила (типы 17, П7, Ш7, IV7) очень широко бытовали по всей зоне степей Евразии, правда, в Северном Причерноморье и на Кавказе представлены экземпляры в техническом отношении исполненные менее совершенно. Типы удил 1Б, В, Г, Д; ПЕ известны только в Минусинском крае, типы ПЖ, 3, ШИ,К, УА,Б, УХА,Б распространены значительно шире: в Казахстане (Тасмола, Тагискен, Семипалатинск, Толагай и др.), в майэмирских памятниках Алтая, в минусинских степях.

Форма псалиев этого типа тоже весьма варьирует, но основная конструктивная особенность – трехдырчатость остается неизменной. Для наиболее ранних комплексов, в особенности для восточного региона степей, характерно сочетание бронзовых удил и роговых псалиев (Аржан 1, Тагискен, Уйгарак). Комплекты стремячковидных удил и псалиев П типа (с грибообразными окончаниями) встречаются от Северного Причерноморья (Камышевахы) до Тувы (Аржан 1), сочетание удил – типа ПЗ, IVЛ, с V-образными псалиями (V тип) распространено на значительно меньшей территории (Казахстан, Алтай, Тува), а комплект из удил с уступом с стержневидных удил с уступом и стержневидных трехдырчатых псалиев (среднее отверстие выполнено в виде петли) пока известно только в Казахстане. Локальные специфические комплекты известны и для других мест. Появление многочисленных пряжек, бляшек, разъединителей ремней вполне отражает тенденцию постоянного совершенствования ран-

нескифской сбруи. Распространяется обычай подвязывать хвосты, либо перевязывать их у репицы и посередине (нахвостники Аржан 1а).

На ассирийских изображениях VIII века до н.э. всадники сидят на небольших седлах-попонах (с острыми углами и кистями по краю), закрепленные при помощи передних подпруг и нагрудных ремней (Anderson 1961, pl. 4a, 5a). Видимо, аналогичные попоны коврового типа были и в Аржан 1е (найденны остатки ковров и подпружные пряжки типа ППш1). Подпружные пряжки поздних типов (II, III, IVA) найдены в других памятниках Тувы (Алды-Бель 1, Хемчик-Бом III, Ортаа-Хем) и Алтая (Коксу 1 и др.). В дальнейшем эти попоны-седла получили типологическое развитие на Алтае (Пазырык), где обнаружены кожаные подушки, набитые волосом, с низкими деревянными луками (Грязнов, 1950, с.57). С VI-У века до н.э. начинается качественно новый этап, характеризующийся повсеместным распространением однокольчатых удил (типы УВ, VIB) и двудырчатых псалиев, которые в конце концов вытесняют остальные типы удил и псалиев, внедряется новый материал – железо, вводятся элементы украшения. Псалии вставляются в расширенные отверстия удил. Эти существенные изменения конской сбруи, видимо, создали новые возможности управления конем; они были весьма значительными и охватили все евразийские степи. Стремечковидные типы удил уже не изготавливались, хотя кольчатые из бронзы в незначительном количестве продолжают существовать. Окончания псалиев моделированы в виде головок различных животных, фантастических зверей, грифонов (Туэкта, Пазырык и др.) и чаще всего выполнены из дерева, а в наиболее богатых могилах обложены листовым золотом или посеребрены. Аналогичное оформление имеется на ремнях оголовья. Новые моменты наблюдаются в орнаментальных мотивах, типологически вырастающих из «звериного стиля». В могильнике Берел обнаружена уникальная узда, которая полностью украшена костяными фигурными пряжками (Самашев 2011, рис.416-422). Подобное введение элементов украшения на строго функциональных частях сбруи свидетельствовало, во-первых, о принадлежности погребенного к определенному социальному слою, подчеркивало его высокое (почетное) положение в обществе, во-вторых, о возросшей роли эстетического фактора. Возможны и другие аспекты идеологического плана. Типологически развиваются ременные и подпружные пряжки (типы ЗР1 П; Пш ПБ В; IVB Г; НЩБ III,IV; 30 П-IV; РД IV). Подробный анализ конского снаряжения этого пазырыкского периода не входит в тему данного исследования.

Вся совокупность исследованного материала Центральной Азии показала, что этому региону в сложении культуры ранних кочевников принадлежит ведущее место, о чем убедительно свидетельствуют материалы царского кургана Аржан 1 в Туве, где захоронен вождь конфедерации многих племен. Начальный этап или Аржан1-черногоровскую фазу (по М.П. Грязнову) развития культур скифского типа скорее всего можно датировать IX-VII вв. до н.э. Эту дату подтверждает не только типологический анализ конского снаряжения (Боковенко 1979; Грязнов 1981; Медведская 1983), погребального обряда (Боковенко 1979, 1981, 1986; Марсадоллов 1985; Степанова 1986), произведений изобразительного искусства Саяно-Алтая (Шер 1980; Дэвлет, 1984 и др.), но также данные письменных источников. Во-первых, наиболее ранние античные свидетельства о скифах и киммерийцах сейчас относят к азиатским регионам (Ельницкий 1977; Куклина 1985). Во-вторых, переднеазиатские письменные источники убедительно свидетельствуют о появлении там с севера и северо-востока предположительно в IX-VIII вв. до н.э. (Иессен 1954) и наиболее достоверно в VIII в. до н.э. (Дьяконов 1956; Грантовский 1970 и др.) вооруженных групп всад-

ников, двигавшихся с востока на запад (Дьяконов, 1956, С.237). В это же время они фиксируются на границах Урарту (Пиотровский 1949а, С.172). В данном случае не важно, что это были за племена (киммерийцы, скифы, саки или другие этнические группы), но принципиальное значение имеет их всаднический облик, военная оснащённость организованность и способность противостоять военным формированиям переднеазиатских государств уже в VIII в. до н.э. Следовательно, можно предполагать, что процесс их консолидации как мобильной мощной исторической силы Центральной Азии охватывает, как минимум IX в. до н.э., а, возможно, и раньше.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973. – С.43-58.
2. Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. – С.58-64.
3. Барминцев Ю.Н. Эволюция конских пород в Казахстане. – Алма-Ата, 1958. – 284 с.
4. Боковенко Н.А. 2010. Начало тагарской эпохи // Древние культуры Евразии. – СПб. – С.99-103.
5. Боковенко Н.А. Ранние формы скифо-сибирской узды // ТД ВК Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово, 1979. – С.67-70.
6. Боковенко Н.А. Динамика развития конской сбруи в скифское время на Алтае (к проблеме цикличности инноваций) // Преимущество и инновации в развитии древних культур. – Л., 1981. – С.55-57.
7. Боковенко Н.А. 1986. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис.: канд. ист. наук. – Л., 1986. – 24 с.
8. Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. – 1952. – №16. – С.185-224.
9. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в УП-У1 вв. до н.э. – М., 1975. – 160 с.
10. Грантовский Э.А. Ранняя история Иранских племен Передней Азии. - М., 1970. - 595с.
11. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. - М., 1980. - 256 с.
12. Грач В.А. Бронзовые удила скифского времени (вопросы происхождения. Хронологии и распространения) // 11-я ИСК. – Новосибирск, 1975. - С.54-56.
13. Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // Материалы и исследования по археологии. - 1960. – №90. – 206 с.
14. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л., 1950. – 81 с.
15. Грязнов М.П. Пазырык. Погребение племенного вождя на Алтае: Дисс. докт.ист.наук. – Л., 1941. – 593 с.
16. Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения института истории материальной культуры. – 1947. – Вып.18. – С.9-17.
17. Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л., 1980. – 63 с.
18. Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983. – С.5-18.
19. Дьяконов И.М. История Мидии. – М.-Л., 1956. – 485 с.
20. Дэвлет М.А. Петроглифы скифо-сибирского звериного стиля в Саянском каньоне Енисея // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1984. – С.25-24.
21. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. – Новосибирск, 1977. – 256 с.
22. Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы–раннего железа). – Алматы, 2012. – 213 с.
23. Иессен А.А. Некоторые памятники VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М., 1954. – С.112-131.
24. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – С.303-455.
25. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968. – С.24-51.
26. Кадырбаев М.К. Скотоводство (историко-археологический очерк) // Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX веков. – Алма-Ата, 1980.
27. Карлсен Г.Г. Тренинг и испытание рысаков. – М., 1978. – 255 с.
28. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Ч.1. – Барнаул, 1997. – 232 с.
29. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 645 с.
30. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. – М., 1977. – 152 с.
31. Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. – Л., 1985. – 206 с.

32. Майдар М. Памятники истории и культуры Монголии. – М., 1981. – 74 с.
33. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – 455 с.
34. Марсадалов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. : канд. ист. наук. – Л., 1985. – 16 с.
35. Пиотровский Б.Б. Скифы в Закавказье // Ученые записки ЛГУ. – 1949. – Вып.15 (85). – С.172-189.
36. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.-Л., 1953. – 402 с.
37. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960. – 359 с.
38. Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии. Выпуск 1. Географическое общество Союза ССР. – Ленинград, 1961. – С. 2-15.
39. Самашев З. Берел. – Алматы, 2011. – 236 с.
40. Смирнов К.Ф. Савроматы. – М., 1964. – 579 с.
41. Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1966. – Вып. 8.
42. Сорокин С.С. Новый памятник VII–VI вв. до н.э. на Южном Алтае // Советская археология. – 1969. – №2. – С.249-252.
43. Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай) // Археологический сборник государственного эрмитажа. – Вып.16. – Л., 1974. – С.62-91.
44. Степанова Н.Ф. Куумский тип памятников VIII–VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая: Тезисы докладов к конференции. – Барнаул, 1986. – С. 79–81.
45. Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев, 1976. - 223 с.
46. Урусов С.П. Книга о лошади. – Т.1, 2. – СПб, 1911.
47. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967. – 298 с.
48. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980. – 328 с.
49. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.
50. Anderson J.K. Ancient Greek Horsemanship. – Berkeley-Los Angeles, 1961. – 329 p.
51. Schmidt E. Persepolis: V.1-2. – Chicago, 1957. – 297 p.
52. Tallgren A.M. Collestion Tovostine. – Helsinki, 1917. – 93 p.

Reference

- Akishev 1973 – Akishev, KA 1973, Saki aziatskie i skify evropejskie (obshchee i osobennoe v kul'ture), *Arheologicheskie issledovaniya v Kazahstane*, Alma-Ata, S.43-58. (Akishev, KA 1973, Saki Asian and Scythians European (general and special in culture), *Archaeological research in Kazakhstan*, Alma-Ata, P.43-58). (in Rus).
- Akishev, Akishev 1978 – Akishev, KA, Akishev, AK 1978, Problema hronologii rannego ehtapa sakskej kul'tury, *Arheologicheskie pamyatniki Kazahstana*, Alma-Ata, S.58-64. (Akishev, KA, Akishev, AK 1978, The problem of chronology of the early Saka culture, *Archaeological monuments of Kazakhstan*, Alma-Ata, P.58-64). (in Rus).
- Anderson 1961 – Anderson, JK 1961, *Ancient Greek Horsemanship*, Berkeley-Los Angeles, 329 p. (Anderson, JK 1961, *Ancient Greek Horsemanship*, Berkeley-Los Angeles, 329 p). (in Rus).
- Barmincev 1958 - Barmincev, YuN, 1958, EHvolyuuciya konskih porod v Kazahstane, Alma-Ata, 284 s. (Barmincev, YuN, 1958, Evolution of horse breeds in Kazakhstan, Alma-Ata, 284 p). (in Rus).
- Bokovenko 1981 – Bokovenko, NA 1981, Dinamika razvitiya konskoj sbrui v skifskoe vremya na Altae (k probleme ciklichnosti innovacij), *Preemstvennost' i innovacii v razvitii drevnih kul'tur*, Leningrad, S.55-57. (Bokovenko, NA 1981, Dynamics of the development of horse harness in the Scythian time in the Altai (to the problem of cyclicity of innovations), *Continuity and innovation in the development of ancient cultures*, Leningrad, P.55-57). (in Rus).
- Bokovenko 1986 – Bokovenko, NA 1986, *Nachal'nyj ehtap kul'tury rannih kochevnikov Sayano-Altaya (po materialam konskogo snaryazheniya): Avtoref. dis.: kand. ist. Nauk*, Leningrad, 24 s. (Bokovenko, NA 1986, *The initial stage of the culture of the early nomads of the Sayano-Altai (based on equestrian equipment): The author's abstract of the dissertation: the candidate of historical sciences*, Nauka, Leningrad, 24 p). (in Rus).
- Bokovenko 2010 (1) – Bokovenko, NA 2010, Nachalo tagarskoj ehpohi, *Drevnie kul'tury Evrazii*, Sankt-Peterburg, S.99-103. (Bokovenko, NA 2010, Beginning of the Tagar era, *Ancient cultures of Eurasia*, St. Petersburg, P.99-103). (in Rus).
- Bokovenko 2010 (2) – Bokovenko, NA 2010, Rannie formy skifo-sibirokoj uzdy, *TD VK Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva*, Kemerovo, S.67-70. (Bokovenko, NA 2010, Early forms of the Scythian-Siberian relic, *TD VK Problems of the Scythian-Siberian cultural and historical unity*, Kemerovo, P.67-70). (in Rus).

- Chlenova 1980 – Chlenova, NL 1980, *Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoj kul'tury*, 298 s. (Chlenova, NL 1980, *The origin and early history of the tribes of Tagar culture*, 298 p). (in Rus).
- D'yakonov 1956 – D'yakonov, IM 1956, *Istoriya Midii*, Moskva-Leningrad, 485 s. (D'yakonov, IM 1956, *The history of Midia, Moscow-Leningrad*, 485 p). (in Rus).
- Dehvlet 1984 – Dehvlet, MA 1984, Petroglify skifo-sibirskogo zverinogo stilya v Sayanskom kan'one Eniseya, *Skifo-sibirokij mir*, Kemerovo, S.25-24. (Dehvlet, MA 1984, Petroglyphs of the Scythian-Siberian animal style in the Sayan canyon of the Yenisei, *the Scythian-Siberian world*, Kemerovo, P.25-24). (in Rus).
- El'nickij 1977 – El'nickij, LA 1977, *Skifiya evrazijskih stepej*, Novosibirsk, 256 s. (El'nickij, LA 1977, *Scythia of the Eurasian steppes*, Novosibirsk, 256 p). (in Rus).
- Ermolaeva 2012 – Ermolaeva, AS 2012, *Pamyatniki predgornoj zony Kazahskogo Altaya (ehpoha bronzы-rannego zheleza)*, Almaty, 213 s. (Ermolaeva, AS 2012, *Monuments of the foothill zone of the Kazakh Altai (Bronze Age-Early Iron Age)*, Almaty, 213 p). (in Rus).
- Grach 1975 – Grach, VA 1975, *Bronzovye udila skifskogo vremeni (voprosy proiskhozhdeniya. Hronologii i rasprostranenie)*, 11-ya ISK, Novosibirsk, S.54-56. (Grach, VA 1975, *Bronze bits of Scythian time (questions of origin.) Chronology and distribution*, 11-ya ISK, Novosibirsk, P.54-56). (in Rus).
- Grach 1980 – Grach, AD 1980, *Drevnie kochevniki v centre Azii*, Moskva, 256 s. (Grach, AD 1980, *Ancient nomads in the center of Asia*, Moscow, 256 p). (in Rus).
- Grantovskij 1970 – Grantovskij, EHA 1970, *Rannaya istoriya Iranskih plemen Perednej Azii*, Moskva, 595 s. (Grantovskij, EHA 1970, *Early history of the Iranian tribes of the Near East*, Moscow, 595 p). (in Rus).
- Grishin 1960 – Grishin, YuS 1960, *Proizvodstvo v tagarskuyu ehpoхu, Materialy i issledovaniya po arheologii*, № 90, 206 s. (Grishin, YuS 1960, *Production in the Tagar era, Materials and research on archeology*, № 90, 206 p). (in Rus).
- Gryaznov 1950 – Gryaznov, MP 1950, *Pervyj Pazyrykskij kurgan*, Leningrad, 81 s. (Gryaznov, MP 1950, *The first Pazyryk mound*, Leningrad, 81 p). (in Rus).
- Gryaznov 1941 – Gryaznov, MP 1941, *Pazyryk. Pogrebenie plemennogo vozhdya na Altae: Diss. dokt.ist.nauk*, Leningrad, 593 s. (Gryaznov, MP 1941, *Pazyryk. Burial of the tribal leader in the Altai: Diss. doctor of historical sciences*, Leningrad, 593 p). (in Rus).
- Gryaznov 1947 – Gryaznov, MP 1947, *Pamyatniki majehmirskogo ehtapa ehpoi rannih kochevnikov na Altae, Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noj kul'tury*, Vyp.18, S. 9-17. (Gryaznov, MP 1947, *Monuments of the Mayemir stage of the era of the early nomads in the Altai, Brief communications of the Institute of the History of Material Culture*, Issue 18, P. 9-17). (in Rus).
- Gryaznov 1980 – Gryaznov, MP 1980, *Arzhan - carskij kurgan ranneskifskogo vremeni*, Leningrad, 63 s. (Gryaznov, MP 1980, *Arzhan – the royal barrow of the early Scythian time*, Leningrad, 63 p). (in Rus).
- Gryaznov 1983 – Gryaznov, MP 1983, *Nachal'naya faza razvitiya skifo-sibirskih kul'tur, Arheologiya YUzhnoj Sibiri*. Kemerovo, S. 5-18. (Gryaznov, MP 1983, *The initial phase of the development of Scythian-Siberian cultures, the archeology of Southern Siberia*, Kemerovo, P. 5-18). (in Rus).
- lessen 1954 - lessen, AA 1954, *Nekotorye pamyatniki VIII-VII vv. do n.eh. na Severnom Kavkaze, Voprosy skifo-sarmatskoj arheologii*, Moskva, S.112-131. (lessen, AA 1954, *Some monuments of VIII-VIII centuries. BC. in the North Caucasus, Questions of Scythian-Sarmatian archeology*, Moscow, P.112-131). (in Rus).
- Kadyrbaev 1966 – Kadyrbaev, MK 1966, *Pamyatniki tasmolinskoj kul'tury, Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana*, Alma-Ata, S.303-455. (Kadyrbaev, MK 1966, *Monuments of Tasmolin culture, Ancient culture of Central Kazakhstan*, Alma-Ata, P.303-455). (in Rus).
- Kadyrbaev 1968 – Kadyrbaev, MK 1968, *Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya arheologii ranne-zheleznogo veka Kazahstana, Novoe v arheologii Kazahstana*, Alma-Ata, S.24-51. (Kadyrbaev, MK 1968, *Some results and prospects of studying the archeology of the Early Iron Age of Kazakhstan, New in Archeology of Kazakhstan*, Alma-Ata, P.24-51). (in Rus).
- Kadyrbaev 1980 – Kadyrbaev, MK 1980, *Skotovodstvo (istoriko-arheologicheskij ocherk), Hozyajstvo kazahov na rubezhe XIX-XX vekov*, Alma-Ata. (Kadyrbaev, MK 1980, *Cattle breeding (historical and archeological essay), Kazakh economy at the turn of the XIX-XX centuries*, Alma-Ata). (in Rus).
- Karlsen 1978 – Karlsen, GG 1978, *Trening i ispytanie rysakov*, Moskva, 255 s. (Karlsen, GG 1978, *Training and testing trotters*, Moscow, 255 p). (in Rus).
- Kiryushin, Tishkin 1997 – Kiryushin, YuF, Tishkin, AA 1997, *Skifskaya ehpoхa Gornogo Altaya*, Ch.1, Barnaul, 232 s. (Kiryushin, YuF, Tishkin, AA 1997, *Scythian epoch of Mountainous Altai*, Part 1, Barnaul, 232 p). (in Rus).
- Kiselev 1951 - Kiselev, SV 1951, *Drevnyaya istoriya YUzhnoj Sibiri*, Moskva, 645 s. (Kiselev, SV 1951, *The Ancient History of Southern Siberia*, Moscow, 645 p). (in Rus).

- Kovalevskaya 1977 – Kovalevskaya, VB 1977, *Kon' i vsadnik*, Moskva, 152 s. (Kovalevskaya, VB 1977, *Kon' i vsadnik*, Moscow, 152 p). (in Rus).
- Kuklina 1985 – Kuklina, IV 1985, *Ehtnogeografiya Skifii po antichnym istochnikam*, Leningrad, 206 s. (Kuklina, IV 1985, *Scythian ethnography on ancient sources*, Leningrad, 206 p). (in Rus).
- Majdar 1981 – Majdar, M 1981, *Pamyatniki istorii i kul'tury Mongolii*, Moskva, 74 s. (Majdar, M 1981, *Monuments of history and culture of Mongolia*, Moscow, 74 p). (in Rus).
- Margulan, Akishev, Kadyrbaev 1966 – Margulan, AH, Akishev, KA, Kadyrbaev, MK, Orazbaev, AM 1966, *Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana*, Alma-Ata, 455 s. (Margulan, AH, Akishev, KA, Kadyrbaev, MK, Orazbaev, AM 1966, *Ancient culture of Central Kazakhstan*, Alma-Ata, 455 p). (Rus).
- Marsadolov 1985 – Marsadolov, LS 1985, *Hronologiya kurganov Altaya (VIII–IV vv. do n.eh.): Avtoref. dis.: kand. ist.*, Nauka, Leningard, 16 s. (Marsadolov, LS 1985, *Chronology of Altai mounds (VIII–IV centuries BC): Abstract of the dissertation. disc.: cand. hist.*, Nauka, Leningard, 16 p). (in Rus).
- Piotrovskij 1949 – Piotrovskij, BB 1949, Skify v Zakavkaz'e, *Uchenye zapiski LGU*, Vyp.15 (85), S.172-189. (Piotrovskij, BB 1949, Scythians in Transcaucasia, *Scientists' Notes of Leningrad State University*, issue 15(85), P.172-189). (in Rus).
- Rudenko 1953 - Rudenko, SI 1953, *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya*, Moskva-Leningrad, 402 s. (Rudenko, SI 1953, *Culture of the population of the Altai Mountains in the Scythian period*, Moscow-Leningrad, 402 p). (in Rus).
- Rudenko 1961 – Rudenko, SI 1961, *K voprosu o formah sktovodcheskogo hozyajstva i o kochevnikah, Materialy po ehtnografii. Vypusk 1. Geograficheskoe obshchestvo Soyuz SSSR*, Leningrad, S.2-15. (Rudenko, SI 1961, *On the question of the forms of the nomadic economy and the nomads, Materials on ethnography. Issue 1. Geographical Society of the USSR*, Leningrad, P.2-15). (in Rus).
- Rudenko 1960 – Rudenko, SI 1960, *Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v skifskoe vremya*, Moskva - Leningrad, 359 s. (Rudenko, SI 1960, *Culture of the population of Central Altai in Scythian time*, Moscow-Leningrad, 359 p). (in Rus).
- Samashev 2011 – Samashev, Z 2011, *Berel*, Almaty, 236 s. (Samashev, Z 2011, *Berel*, Almaty, 236 p). (in Rus).
- Schmidt 1957 – Schmidt, E 1957, *Persepolis: V.1-2*, Chicago, 297 s. (Schmidt, E 1957, *Persepolis: I.1-2*, Chicago, 297 p). (in Rus).
- SHer 1980 – Sher, YAA 1980, *Petroglify Srednej i Central'noj Azii*, Moskva, 328 s. (Sher, YaA 1980, *Petroglyphs of Central and Central Asia*, Moscow, 328 p). (in Rus).
- SHul'ga 2008 - SHul'ga, PI 2008, *Snaryazhenie verhovej loshadi i voinskie poyasa na Altae, CH. I: Ranneskifskoe vremya*, Red. Yu.F.Kiryushin, A.A.Tishkin, Azbuka, Barnaul, 276 s. (SHul'ga, PI 2008, *Equestrian equipment and military belts in the Altai, Ch. I.: Early Scythian time*, Editor. Yu.F. Kiryushin, A.A. Tishkin, Azbuka, Barnaul, 276 p). (in Rus).
- Smirnov 1964 – Smirnov, KF 1964, *Savromaty*, Moskva, 579 s. (Smirnov, KF 1964, *Sauromates*, Moscow, 579 p). (in Rus).
- Sorokin 1966 – Sorokin, SS 1966, *Pamyatniki rannih kochevnikov v verhov'yah Buhtarm, Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo EHrmitazha*, Vyp. 8. (Sorokin, SS 1966, *Monuments of the early nomads in the upper reaches of Bukhtarma, the Archaeological Collection of the State Hermitage*, Issue 8). (in Rus).
- Sorokin 1974 – Sorokin, SS 1974, *Cepochka kurganov vremeni rannih kochevnikov na pravom beregu Kok-Su (YUzhnyj Altaj), Arheologicheskij sbornik gosudarstvennogo ehmitazha*, Vyp.16, Leningrad, S.62-91. (Sorokin, SS 1974, *A chain of early mounds of nomads on the right bank of Kok-Su (Southern Altai), Archaeological collection of the State Hermitage*, Issue 16, Leningrad, P.62-91). (in Rus).
- Sorokin 1969 – Soroki, SS 1969, *Novyj pamyatnik VII-VI vv. do n.eh. na YUzhnom Altae, Sovetskaya arheologiya*, №2, S. 249-252. (Soroki, SS 1969, *New monument of the VIII-VI centuries. BC. on the Southern Altai, Soviet archeology*, № 2, P. 249-252). (in Rus).
- Stepanova 1986 – Stepanova, NF 1986, *Kuyumskij tip pamyatnikov VIII–VI vv. do n.eh, Skifskaya ehpocha Altaya: Tezisy dokladov k konferencii*, Barnaul, S.79–81. (Stepanova, NF 1986, *Kiyumsky type of monuments VIII-VI centuries. BC, Scythian epoch of Altai: Abstracts of papers for the conference*, Barnaul, P.79–81). (in Rus).
- Tallgren 1917 – Tallgren, AM 1917, *Collestion Tovostine*, Helsinki, 93 s. (Tallgren, AM 1917, *Collestion Tovostine*, Helsinki, 93 p). (in Rus).
- Terenzhkin 1976 – Terenzhkin, AI 1976, *Kimmerijcy*, Kiev, 223 s. (Terenzhkin, AI 1976, *Cimmerians*, Kiev, 223 p). (in Rus).
- Urusov 1911 – Urusov, SP 1911, *Kniga o loshadi*, T.1, 2, Sankt-Peterburg. (Urusov, SP 1911, *The book is about a horse*, T.1, 2, Saint-Petersburg). (in Rus).
- Vitt 1952 – Vitt, V 1952, *Loshadi Pazyrykskih kurganov, Sovetskaya arheologiya*, №16, S.185-224. (Vitt, V 1952, *The horses of Pazyryk burial mounds, Soviet archeology*, №16, P.185-224). (in Rus).
- Vishnevskaya 1975 – Vishnevskaya, OA 1975, *Culture of the Saka tribes of the lower reaches of the Syr Darya in the UE-U1 centuries. BC*, Moscow, 160 p. (Vishnevskaya, OA 1975, *Culture of the Saka tribes of the lower reaches of the Syr Darya in the UE-U1 centuries. BC*, Moscow, 160 p). (in Eng).

The horse equipment of the ancient nomads by the images on the monuments of art

Akhmetzhan Kaliolla Samatuly

Candidate of History, senior researcher of the A. Margulan Branch Archeology Institute in Astana. Address: Astana, Ryskulbekova str.7, apt. 87. E-mail: kaliolla.akhmetzhan@mail.ru.

Abstract. The types of the horse equipment applied by ancient nomads in the daily purposes, which differed from the harness, found in archaeological studied burials of noble soldiers and leaders are considered in the article. The matter is that the harness found in burials was used for the ceremonial and ritual purposes. It differs in existence of perfectly decorated with gold, felt covers, decorative pendants.

Source of reconstruction of daily horse equipment are its images on various artifacts found in different regions of residence of nomads. Based on the analysis of these images the author carries out reconstruction of appearance and manufacturing techniques of a daily horse harness (bridles, saddles, a saddle and accessories). In the analysis of various images made by different handicraftsmen during the different periods of time the bright similarity of a horse harness is found in nomads of East Kazakhstan, South Kazakhstan, Central Asia, Altai, North China and also it demonstrates that the general traditions and technologies of its production remained in the specified region during two-three and even more centuries. Comparison of archaeological materials demonstrates that such sets of daily horse tackles became prototypes of solemn and ritual horse equipment over time.

Keywords: images of antiques saddles; images of horse tack and equipment; antique saddle; Scythian soft saddle; household horse tack and equipment; daily horse tack and equipment; equipment for horseback; saddle accessories; saddle straps and reins; saddle pendants; horse bridles; saddle of ancient nomads; saddle manufacturing technology; reconstruction of horse tack equipment.

Ежелгі көшпенділердің ат әбзелдері өнер ескерткіштеріндегі бейнелер бойынша

Ахметжан Қалиолла Саматулы

тарих ғылымдарының кандидаты, ҚР БҒМ ҒК Астана қаласындағы Ә.Х.Марғұлан атындағы археология Институты филиалының бас ғылыми қызметкері. Мекен жайы: Астана қ, Рысқұлбеков үйі 7, 87 үй. E-mail: kaliolla.akhmetzhan@mail.ru.

Аңдатпа. Мақалада археологиялық қорымдарда жерленген жауынгерлердің және көсемдердің ежелгі көшпенді өмірде күнделікті қолданылған ат әбзелдерінің түрлері қарастырылған. Қорымнан табылған ат әбзелдері әдет-ғұрып және салттық мақсаттарда пайдаланылған. Ол тамаша алтынмен, киіз қаптамалармен, сәндік алқалардың болуымен ерекшеленеді.

Қайта жаңартылатын күнделікті ат әбзелдерінің дереккөзі көшпенділердің түрлі аймақтарында табылған тарихи жәдігерлердегі бейнелер болып табылады. Осы суреттерді талдау негізінде автор ат әбзелдерінің сыртқы түрін және жасау технологиясын реконструкциялауды жүзеге асырады (ауыздық, ер-тұрман, ер және аксессуарлар). Талдау кезінде әр түрлі уақыт кезеңдерінде әр түрлі шеберлермен дайындалған әр түрлі суреттер арқылы Шығыс Қазақстан, Оңтүстік Қазақстанның, Орта Азияның, Алтайдың, Солтүстік Қытайдың аумағын мекен-деушілердің өндіріс дәстүрлері мен технологияларының ат әбзелдерінің жарқын ұқсастықтары өз кезегінде мұндай ұқсастықтардың екі-үш, тіпті одан да көп ғасырларда сақталғандығын дәлелдейді. Археологиялық материалдарды салыстыру көрсеткендей, дәл осындай күнделікті жинақтар болашақта ат әбзелдері құралдарының салтанатты және салт жоралар жабдықтары прототипы болды.

Кілт сөздер: ежелгі ер тоқымның суреті; ат әбзелінің суреті; ежелгі ер тоқым; скифтік жұмсақ ер-тоқым; тұрмыстық ат әбзелдері; тұрмыстық ат әбзелдері; мінетін ат әбзелдері; ершікті белбеулер; ершікті аспа; қалқан тәріздес аспа; жүген; аттың жүгені; ежелгі көшпенділердің ер-тоқымы; ер-тоқым жасау технологиясы; реконструкция.

Конское снаряжение древних кочевников по изображениям на памятниках искусства

Ахметжан Қалиолла Саматулы

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Филиала Института археологии имени А.Х. Маргулана в г. Астане. Адрес: г. Астана, ул Рысқұлбекова дом 7, кв 87. E-mail: kaliolla.akhmetzhan@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются типы конного снаряжения, применявшегося древними кочевниками в повседневных целях, которые отличались от упряжи, обнаруженной в археологически исследованных захоронениях благородных воинов и вождей. Дело в том, что упряжь, обнаруженная в захоронениях, употреблялась для обрядовых и ритуальных целей. Оно отличается наличием великолепно украшенных золотом, войлочных чехлов, декоративных подвесок. Источником реконструкции повседневного конского снаряжения являются его изображения на различных артефактах, обнаруженных в разных регионах проживания кочевников. На основе анализа этих изображений автор осуществляет реконструкцию внешнего вида и технологий изготовления повседневной конской упряжи (уздечки, седла, седла и аксессуаров). При анализе различных изображений, изготовленных разными ремесленниками в разные периоды времени, обнаруживается яркое сходство конской упряжи у кочевников Восточного Казахстана, Южного Казахстана, Средней Азии, Алтая, Северного Китая, а также это свидетельствует о том, что общие традиции и технологии его производства сохранялись в указанном регионе в течение двух-трех и даже более веков. Сопоставление археологических материалов свидетельствует о том, что такие именно комплекты повседневных конных снастей со временем стали прототипами торжественного и ритуального конного снаряжения.

Ключевые слова: изображение древнего седла; изображение конского снаряжения; древнее седло; скифское мягкое седло; бытовое конское снаряжение; повседневное конское снаряжение; снаряжение верхового коня; седельные принадлежности; седельные ремни; седельная подвеска; щитовидные подвески; узда; конская узда; седло древних кочевников; технология изготовления седла; реконструкция конского снаряжения.

ӘОЖ/УДК 902/904

Конское снаряжение древних кочевников по изображениям на памятниках искусства

Ахметжан К.С.

По материалам археологических раскопок достаточно хорошо изучено конское снаряжение (узда, седло и седельные принадлежности) древних кочевников – древних обитателей Алтая. Эти образцы конского убора, найденные в царских курганах и в захоронениях знатных вождей, очень богато украшены пышным декором, потому что в большинстве случаев они являлись церемониальными, а некоторые – ритуальными и не применялись древними кочевниками в повседневном быту. Составные части и технология изготовления, а также декор элементов такого конского снаряжения достаточно подробно описаны в научной литературе (в работах С.И. Руденко, М.П. Грязнова, Н.В. Полосьмак, З. Самашева, Е.В. Степановой и других авторов). При этом, исследователями до сих пор мало обращалось внимания на повседневное бытовое снаряжение для верхового коня, использовавшееся древними кочевниками Алтая и прилегающих территории.

Такое верховое конское снаряжение достаточно часто изображается на памятниках искусства самих кочевников, что позволяет увидеть некоторые особенности. Несмотря на частое использование в научных публикациях прорисовок этих изображений, подробного изучения их в совокупности до сих пор не было. В этой статье, на основе изобразительных источников, будет рассмотрено повседневное конское снаряжение, применявшееся древними кочевниками, обитавшими от Восточного Казахстана до Северного Китая.

Изобразительными источниками для изучения этого вопроса были использованы:

1) Парные Р-образные золотые пластины-застежки с изображением сидящих под деревом людей из Сибирской коллекции Петра I. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. V-III вв до н.э. (Рисунок 1).

1

2

Рисунок 1. Парные золотые пластины-застежки с изображением сцены отдыха под деревом из Сибирской коллекции Петра I. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. V-III вв до н.э. Восточный Казахстан¹

2) Парные Р-образные золотые пластины-застежки с изображением сцены охоты на кабана из той же коллекции. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. III-II вв. до н.э. (Рисунок 2). Обе эти парные золотые пластины-застежки из Сибирской коллекции были раскопаны «бугровщиками» (кладоискателями) в XVIII веке из курганов, расположенных в степной полосе Сибири между реками Иртыш и Обь. Ныне это восточная часть Казахстана и Кулундинская степь Алтайского края (Руденко 1962, С.12,13).

1

2

Рисунок 2. Парные золотые пластины-застежки с изображением сцены охоты на кабана из Сибирской коллекции Петра I. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. III-II вв до н.э. Восточный Казахстан²

3) Бронзовые поясные бляхи с изображением сцены борьбы спешившихся всадников (Рисунки 3 и 4), найденные в Ордосе, в Северном Китае. Одна из пластин из частной коллекции (Рисунок 3:1) (Jenny 1995, plate 1, P.22). Другая пластина (Рисунок 3:2) из коллекции Музея Виктории и Альберта в Лондоне (фото из интернета). Прорисовки двух таких бронзовых пластин (Рисунок 4) были опубликованы М.П. Грязновым (Грязнов 1961, рис.3, С.11). Пластины по времени относятся к III-II вв. до н.э. и атрибутируются как хуннские. Все эти бронзовые бляхи схожи во всех деталях, но являются поздними копиями одного ран-

¹ Сайт Государственного Эрмитажа: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection>

² Сайт Государственного Эрмитажа: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection>

него образца, и сделаны, видимо, в разное время, в разных местах. Исследователи относят их к изделиям восточной группы кочевников III-I вв. до н.э., которые были в составе державы хуннов (Грязнов 1961, С.0-11; Рец 2004, С.331).

1

2

Рисунок 3. Парные бронзовые поясные пластины с изображением борьбы спешившихся всадников. Ордос, Северный Китай.

1 – Из частной коллекции.

2- из Музея Виктории и Альберта. Лондон (из интернета). III-II вв. до н.э.

Рисунок 4. Парные бронзовые поясные пластины с изображением борьбы спешившихся всадников. Ордос, Северный Китай.

Прорисовка по оригиналу.

По М.П.Грязнову. III-II вв. до н.э.

4) Изображение всадника на войлочном ковре (Рисунок 5:1) и изображения всадников на ворсовом шерстяном ковре из Пятого Пазырыкского кургана (Рисунок 5:2). Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. V-III вв до н.э.

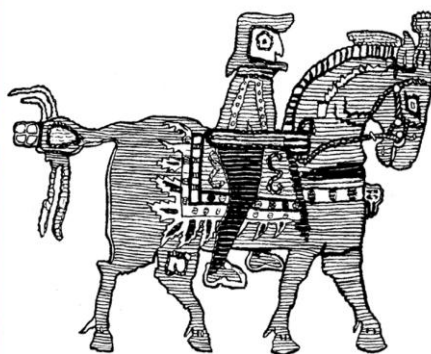
Выбор именно этих произведений искусства, как источника для изучения, определено тем, что на них достаточно полно и подробно показано конское снаряжение, а также во всех этих произведениях прикладного искусства древние кочевники изображены во время своей повседневной деятельности: в поездке, в момент отдыха, состязаний, на охоте, и т.д. Поэтому изображенное верховое конское снаряжение можно оценивать как повседневное. Несмотря на большой хронологический охват, выбор этих произведений обусловлен также и схожестью технологий изготовления снаряжений и схожестью их форм.

5) Для аналогии и сравнения использовались: скульптурное изображение лошади с седлом из гробницы древнекитайского императора Цинь Шихуанди (Рисунок 6:1,2) III в. до н.э.; археологические материалы из пазырыкских курганов и других курганов пазырыкского периода (Рисунок 6:3,4); а также изображения на костяных поясных пластинах из Орлатского кургана №2 в Средней Азии (Рисунок 7) III-II вв. до н.э.

Седло. Рассмотрение предметов повседневного конского снаряжения, изображенных на произведениях искусства, начнем с изображений седла. Очень подробно показано повседневное седло на парных золотых пластинах-

1

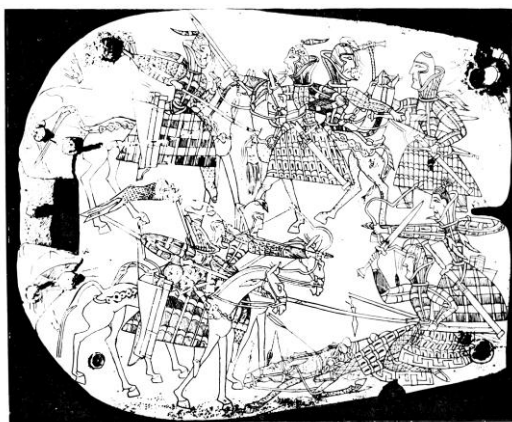

2

Рисунок 5. Мягкое седло сакского времени. 1, 2 - Изображение сакского всадника на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана. Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург. V-III вв до н.э.
3, 4 - Изображение всадников на ворсовом шерстяном ковре из Пятого Пазырыкского кургана. Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург. V-III вв до н.э.

1

2

Рисунок 7. Костяные поясные пластины из Орлатского кургана №2, в Самаркандской области. III-II вв. до н.э. По Г.А. Пугаченковой

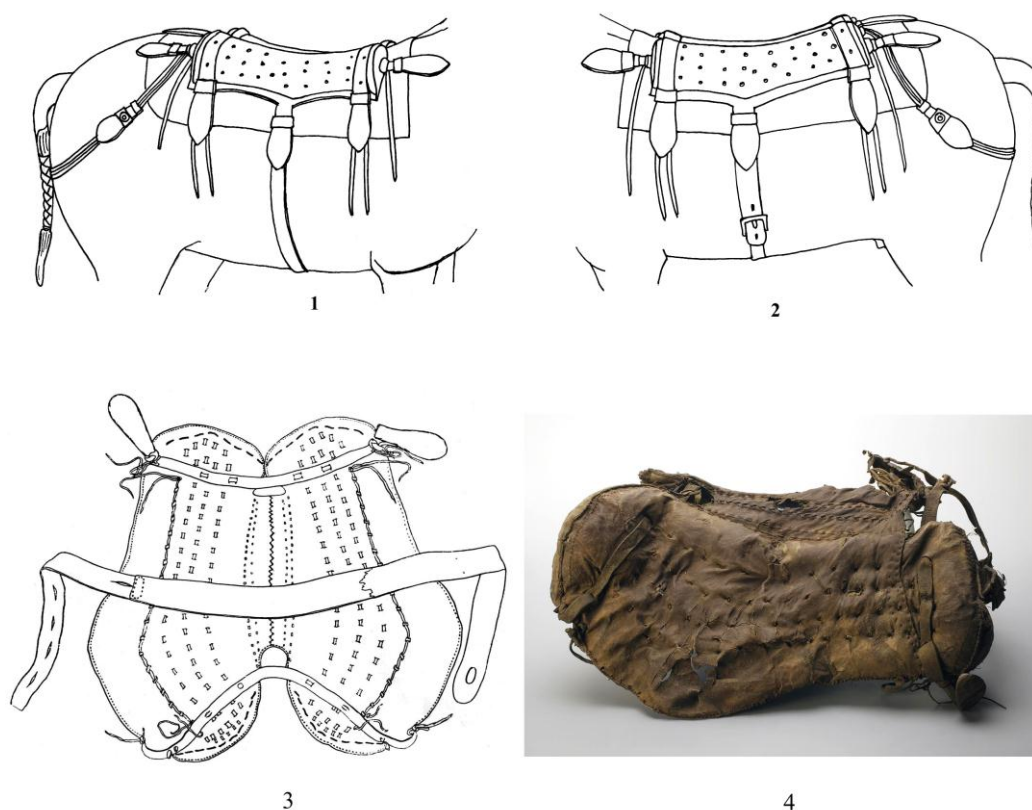

Рисунок 6. Мягкое седло сакского типа. 1, 2 - Изображение седла на терракотовых скульптурах коней из гробницы императора Цин Шихуанди. Китай, III в. до н.э.
3 - Мягкое кожаное седло из Первого Туэктинского кургана (по С.И. Руденко).
4 - Мягкое кожаное седло из Первого Туэктинского кургана. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. VI-V вв до н.э. Из сайта Государственного Эрмитажа¹

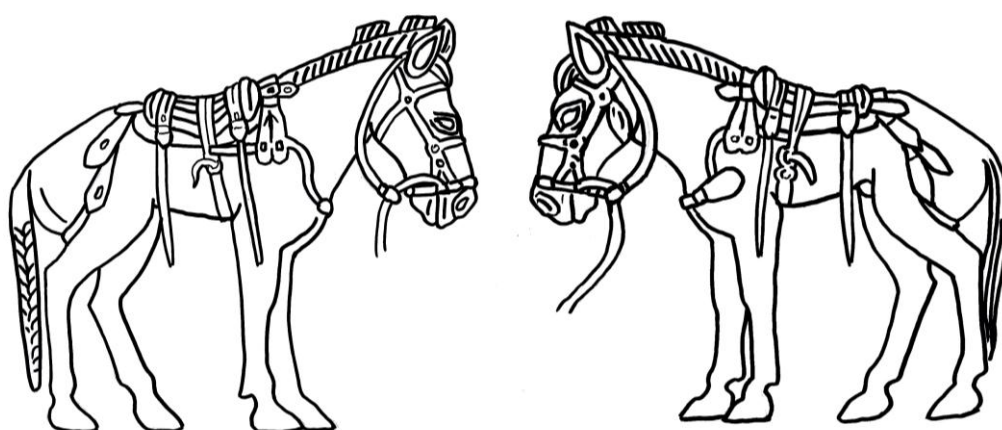

Рисунок 8. Прорисовка изображений оседланных лошадей на парной пластине-застежке из Сибирской коллекции Петра I.
1 – изображение на левой пластине.
2 – изображение на правой пластине. Прорисовка автора

¹ <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection>

застежках из Сибирской коллекции Петра I, с изображением отдыхающих под деревом людей (Рисунок 8). При внимательном рассмотрении хорошо видно, что это типичное сакско-скифское мягкое седло, состоящее из двух кожаных подушек. Такие седла из двух, сшитых из кожи, мягких подушек были найдены в Пазырыкских, Башадарских, Туэктинском, Ак-Алахинских и Берельских курганах (Руденко 1953; 1960; Полосьмак 1994; 2001; Самашев 2011). Длина подушек около 50–58 см. Каждая из седельных подушек сшивалась из двух больших лоскутков кожи, образующих верхнюю и нижнюю поверхности, и двух малых, прикрывающих переднюю и заднюю поверхности подушек. Подушки набивались для мягкости оленьим волосом, шерстью, а иногда травой. Чтобы волос или трава, которыми набивались эти подушки, лежали ровным слоем, они простегивались крупным стежком тремя-четырьмя продольными швами, шерстяным, конопляным, волосяным шнуром или кожаным ремешком. Как делались эти простежки можно увидеть на седле, которое было найдено Первом Туэктинском кургане (Рисунок 6:3,4) и на седле скульптурного изображения лошади из гробницы императора Цинь Шихуанди (Рисунок 6:1,2). Подушки-седла были широкими в средней части и слегка сужались к передним и задним краям. Широкая часть седла находился не точно в середине, а ближе к передней части. Обе подушки кожаным ремешком сшивались вместе внутренними краями. Поверх подушек особыми ремешками, пропущенными сквозь толщу подушек вдоль переднего и заднего краев, закреплялись по два ремня, в середине – один широкий подпружный ремень. К этому верхнему подпружному ремню привязывался нижний подбрюшный ремень (Руденко 1953, С.161-164). Эти седла имеют уже сложившиеся передние и задние луки, сформированные из передних и задних поверхностей подушек. Е.В. Степанова называет этот элемент мягких седел «упорами», а не «луками седла» (Степанова 2003, С.152,153). Во многом соглашаясь с этим автором, мы все же традиционно сохраняем название «луки седла», потому что одна из функций лук и поздних жестких седел была служить упором для всадника. У разных народов в разное время появление разнообразных форм седельных луков было напрямую связано с усилением или уменьшением этой функции упора в зависимости от способа езды, назначения седел (военного, бытового, половозрастного и др.). Луки седла также простегивались ремешками в верхней части, создавая его кромку.

На седле, изображенном на пластине-застежке со сценой отдыха, ясно показаны продольные швы, простегивающие заполнения подушек, а валикообразные формы на подушках, образованные от этой продольной стежки, свидетельствуют о плотном их заполнении. Очень выпуклые передние и задние луки седла, изображенного на пластине-застежке, и линия, изображающая поперечный шов по верхнему краю лука, свидетельствуют что эти луки седла также внутри плотно заполнялись волосом и простегивались. По высоте лука, изображенного на застежке седло можно отнести ко второму типу пазырыкского седла, по типологии Руденко. Высота лука пазырыкских седел этого типа была в среднем около 10 см, ширина у основания – до 20 см и более. Луки некоторых седел из Башадарского кургана доходили до 12-15 см (Руденко 1953, С.165; Руденко 1960, С.70). В отличие от парадных седел (исследованных археологически), покрытых сверху войлочными покрывками, имеющих роговые и деревянные украшения с рельефной резьбой, покрытых золотой фольгой или покрашенных в разные цвета, повседневное седло (изображенное на лошади из пластины-застежки), видимо, изготавливалось полностью из кожи.

Седла лошадей, изображенных на Ордосских костяных поясных пластинах, такой же конструкции, только на них не обозначены продольные простегивания

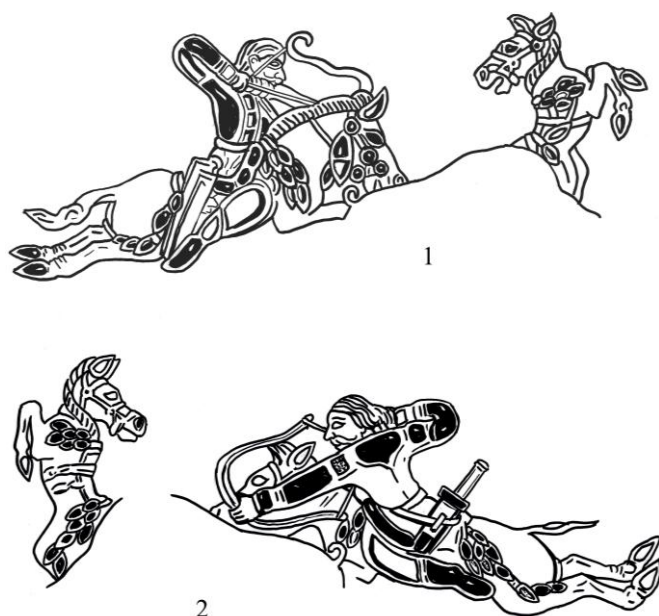

Рисунок 9. Прорисовка изображений оседланных лошадей на парной пластине-застежке из Сибирской коллекции Петра I.
1 – изображение всадника и вздыбленного коня на левой пластине. 2 – изображение всадника и вздыбленного коня на правой пластине. Прорисовка автора

кожаных подушек и передних, задних луков седел (Рисунок 10). Небольшая высота их луков и отсутствие валикообразности от простегивания седельных подушек сближает их с седлами, изображенными на скульптурах лошадей из гробницы императора Цинь Шихуанди (Рисунок 6.1, 6.2). Одно такое седло китайского типа с плоскими подушками и невысокими луками было найдено и в Пятом Пазырыкском кургане (Степанова 2003, С.152; 2014, С.235, 236).

Под седлом, изображенных на всех пластинах имеется войлочный потник, который несколько шире и длиннее седла. В археологических седлах потники вырезаны из белого плотного войлока, подшивались под седло и составляли с ним одно целое (Руденко 1953, С.161-164). Поверх потника

под седло клали войлочную, коверную или тканевую попону, края которой оформлялись ступенчатыми фестонами (Рисунок 5:2)

Седла, изображенные на пластинах-застежках, закреплены на спине лошади с помощью подпруги. Подпруга седла на золотой пластине-застежке с изображением сцены отдыха под деревом, состоит из двух частей – верхнего и нижнего подпружных ремней (Рисунок 8). Поверху седла (в его широкой части) проходит верхний подпружный ремень или приструга, которая пришита ремешками к седельным подушкам. Вдоль ремня по середине проходит шов. Это свидетельствует о том, что ремень сшит из сложенной вдвое полосы кожи. На концах верхнего подпружного ремня закреплены подпружные кольца, куда завязаны концы нижнего подпружного ремня. Около седельных луков, поперек подушек проходят такие же широкие ремни, которые скрепляют кожаные подушки, они на концах тонкими ремешками пришиты к седельным подушкам. Поперечные седельные ремни также имеют продольный шов – видимо, тоже сшиты из сложенных вдвое широкой полосы кожи.

Подвески. На концах этих поперечных седельных ремней имеются кожаные шлевки и щитовидные подвески. Под щитовидными подвесками к ремням привязаны длинные приторочные ремни – тороки, которые в виде узкого ремня спускаются ниже живота лошади. Подвески размером чуть поменьше, но более удлиненной формы закреплены в середине передних и задних луков. Подвески были необходимым функциональным элементом, поэтому они обязательно имелись на концах различных седельных ремней. На археологических седлах

подвески на концах поперечных ремней удерживали ремень пропущенную через шлевки. В небольших подвесках у передних и задних лук, проходя внутри подушек, узлом закреплялись концы ремешков продольной простежки подушек седла (Руденко 1953, С.161-164.). Подобные кожаные щитовидные подвески имелись на седлах, найденных в пазырыкских курганах. На парадных седлах из этих курганов на кожаные подвески пришивались роговые щитовидные бляшки или декоративные деревянные щитовидные накладки с различными изображениями, покрашенные или покрытые золотой фольгой. Тут надо заметить, что мягкое седло, изображенное на памятниках скифского искусства, не имеет продольного простегивания, изображается с низкими луками и только с

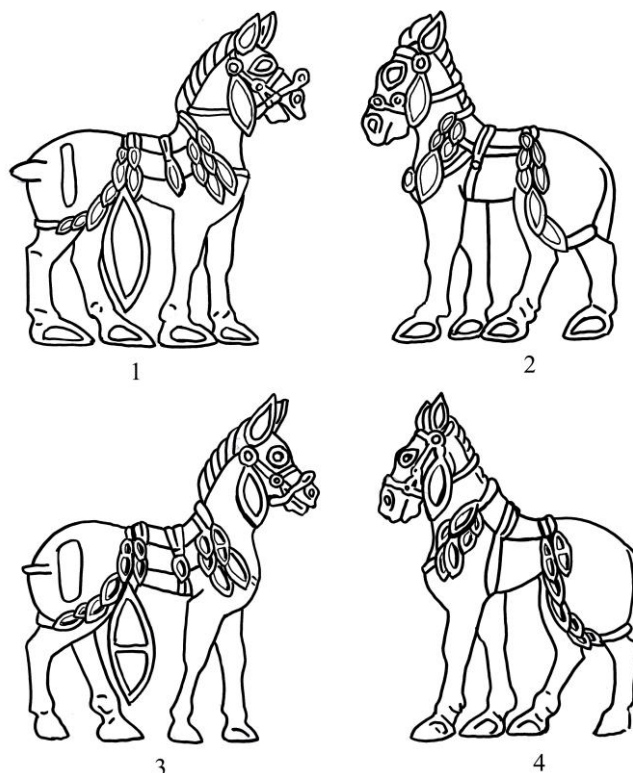

Рисунок 10. Прорисовка изображений оседланных лошадей на бронзовых поясных пластинах из Ордоса. 1 – прорисовка левой лошади из пластины. 2 – прорисовка правой лошади из пластины. По Пугаченковой. Прорисовка автора

подпружными ремнями, без поперечных седельных ремней, поэтому не имеет таких подвесок (Рисунок 14:3). Видимо, это более ранняя форма скифосакского мягкого седла, которую скифы унесли с собой и сохранили во время своего продвижения на запад. О простегиваниях и поперечных ремнях, которые появились на востоке позже, после ухода скифов, и применялись восточными кочевниками, скифы, видимо уже не знали, но зато хорошо были знакомы таким типом седла и переняли его кочевые племена, жившие по соседству с ними на севере Китая. Седла такого кочевнического типа изображены на спинах коней терракотовой армии древнекитайского императора Цинь Шихуанди, раскопанных в 1979 г. (The First Emperors Terracotta Legion 1988, P.129, 130-1, т. 112, 114). На них четко изображено продольное простегивание подушек, но луки этих седел низкие, подушки плоские и соответствуют первому типу пазырыкского седла (Рисунок 6.1, 6.2). По мнению З. Самашева, эти кони, возможно, принадлежали воинам-кочевникам, служившим в цинской армии (Самашев 2011, С.154). На седле скульптуры лошади из гробницы китайского императора Цинь Шихуанди очень подробно изображены шлевки и удлиненно-щитовидные подвески на концах поперечных седельных ремней, верхнего подпружного ремня, в середине передних и задних лук.

Если подвески на концах поперечных седельных ремней, изображенных на пластине-застежке со сценой отдыха под деревом имеют щитовидную форму,

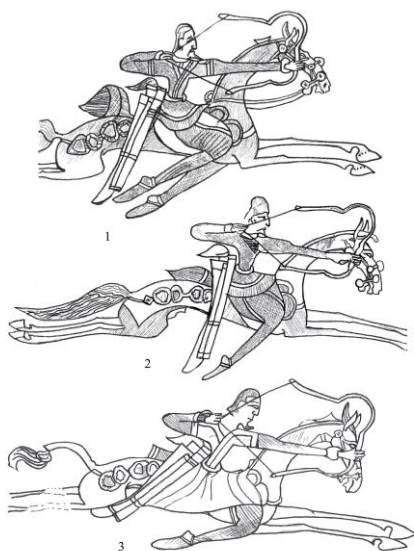

Рисунок 11. Кангюйцы на охоте.
Из изображений
на костяной поясной пластине из
кургана Орлат. Прорисовка автора

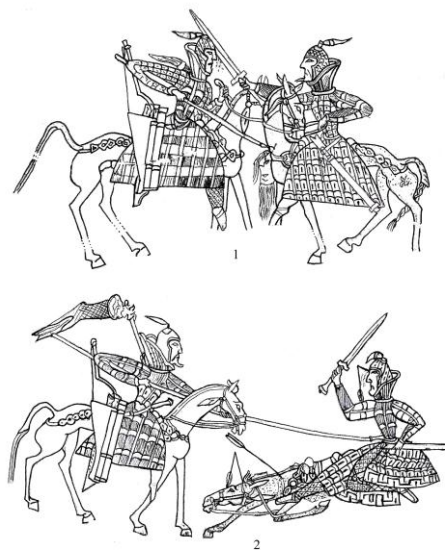

Рисунок 12. Сражающиеся кангюйцы.
Из изображений
на костяной поясной пластине из
кургана Орлат. Прорисовка автора

то на другой паре золотых пластин-застежек из Сибирской коллекции Петра I с изображением сцены охоты на кабана (Рисунок 9), а также на поясных пластинах из Ордоса (Рисунок 10) они имеют листовидную форму и состоят из нескольких звеньев (от 2-3 штук) таких подвесок. Кроме того, в повседневных седлах, изображенных на этих и других произведениях искусства древних кочевников, к такой цепочке из нескольких звеньев подвесок прикреплены нагрудные и подхвостные ремни.

Подхвостный ремень. Подхвостный ремень седла у всадника, изображенного на пазырыкском войлочном ковре состоит из трех частей – двух удлинённых лопастевидных ремней с расширенным щитовидным концом и закрепленном на задней луке седла (эта часть подхвостника покрашена в синий цвет) и завязанным на них узкой полосы ремня, проходящей под хвостом лошади (Рисунок 5:1). Аналогичными были подхвостники, найденные в пазырыкских курганах (Рисунок 13:1). Как показали археологические материалы появление лопастевидной части подхвостника было связано с его практическим назначением. Разделение подхвостных ремней на три части давало возможность, связывая эти части, сокращать или удлинять их в соответствии с размером тела лошади, таким образом регулируя его длину при практическом применении. Поэтому для закрепления узкого основного ремня подхвостника на конце другого ремня подхвостника, укрепленного на задней луке седла, конец этого ремня нужно было немного расширить. И эти концы получили расширяющуюся к концу лопастевидную форму. На конце этого лопастевидного расширения делались два прореза, и узкий ремень подхвостника, проходя через них, завязывался на его обратной стороне. Таким образом, завязанный узел узкого подхвостного

ремня скрывалась внизу под ремнем широкой лопастевидной формы. Такими были подхвостные ремни пазырыкских седел, которые также состояли из трех частей (Рисунок 13:2,3). В парадных седлах, найденных в Пятом Пазырыкском кургане, на лопастевидные части, в виде подвесок, подхвостных ремней сверху пришивались удлиненные, расширенные к низу деревянные пластины-накладки и подвески щитовидной формы, украшенные изображениями распластанного кошачьего хищника и его головы, покрытыми золотой фольгой (Рисунок 13:1) (Руденко, 1953, С.168,169). Например, на скульптуре лошади из гробницы Цинь Шихуанди узкая ременная часть подхвостника седла закреплена на такой щитовидной подвеске (Рисунок 8:1,2).

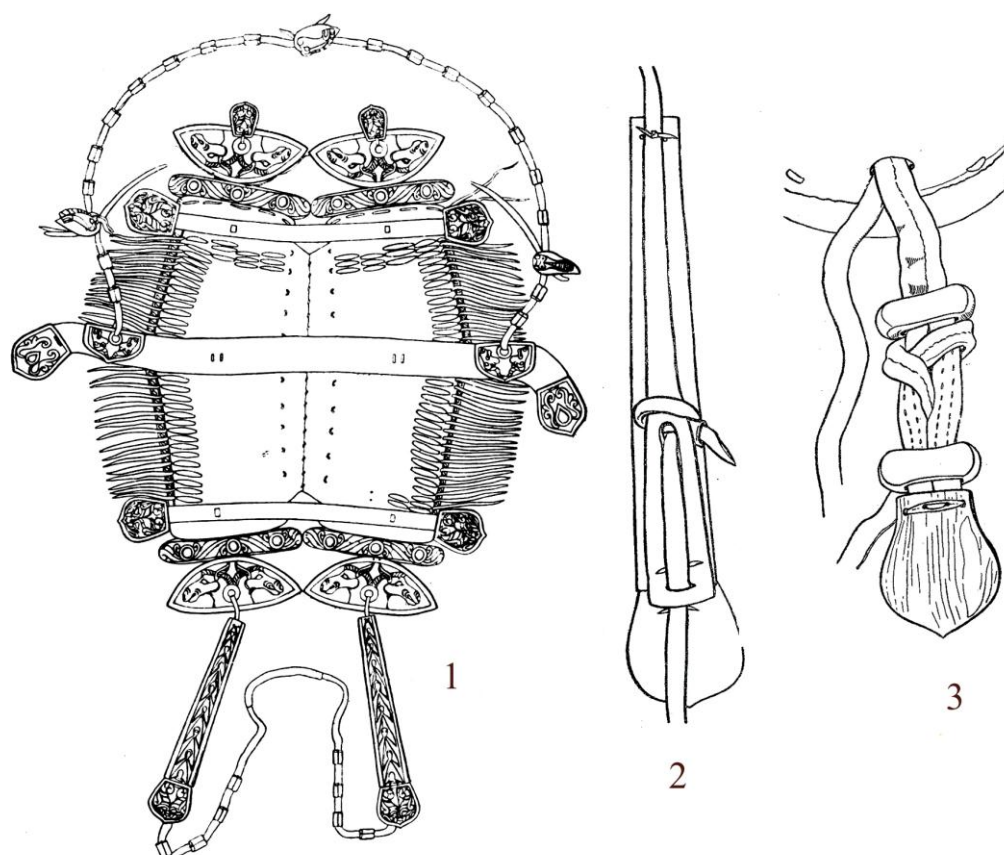

Рисунок 13. Подхвостный ремень сакского седла.
 1 – Оформление подхвостного ремня седла из Пятого Пазырыкского кургана.
 2,3 - Схема соединения частей подхвостника. По С.И.Руденко

Подобная конструкция была основой, из которой в дальнейшем создавались разнообразные усложненные варианты подхвостника на бытовых седлах древних кочевников. Например, подхвостный ремень седла, изображенного на пластине-застежке с изображением отдыха под деревом также состоит из трех основных частей: двух-трех звеньев удлиненных, расширяющихся кожаных лопастей-подвесок, закрепленных на задних луках седла и узкого ремня, который проходит под хвостом лошади. Так как пластины-застежки отливались по форме или штамповались, (а формы употреблялись, возможно, много раз, что приводило к огрублению изображения) их края теряли четкости, и это затрудняет пониманию их конструкций, и поэтому в публикациях прорисовка этих элементов часто дается неправильно. При более четкой и правильной прорисовке видно как звенья из лопастей соединены друг с другом, проходя узкими концами сквозь два отверстия-прорези на широком конце другой лопасти, как подхвостные ремни седла из Пятого Пазырыкского кургана (Рисунок 8, Рисунок 13).

Лопастей-подвесок подхвостного ремня седла на лошади охотника, изображенного на другой золотой пластине-застежке (с изображением охоты на кабана) из Сибирской коллекции Петра I состоит уже из нескольких (5-7 штук) звеньев небольших лопастей-подвесок листообразной формы (Рисунок 9). Способы их соединения между собой не прорисованы, потому что лопасти-подвески ремня сделаны в виде бирюзовых вставок, которые, возможно, имитируют синий цвет кожи лопасти, как на седле всадника из Пазырыкского войлоч-

ного ковра. Изготовление лопастевидной части подхвостного ремня из нескольких звеньев лопастей-подвесок, видимо, продиктовано не практическими задачами, а художественно-эстетическими. К ним закреплен узкий основной ремень подхвостника.

Подобной формы подхвостный ремень у седел лошадей борющихся воинов был изображен на бляшках, найденных в Ордосе (Северный Китай). Подхвостники этих седел также состоят из трех частей: из нескольких (до 6-ти) звеньев, постепенно увеличивающихся в размере, листо-видных лопастей-подвесок, закрепленных на задних луках и узкого ремня в виде полосы (Рисунок 10). Способы их соединения не прорисованы. Но нет сомнения, что они аналогичны способу, изображенному на пластине-застежке со сценой отдыха под деревом. Эти лопасти-подвески изображаются по краям с выпуклым валиком. В оригинале, служившем прототипом для их воспроизведения, видимо, внутри них была вставка из цветных камней или стекол, как на пластине застежке со сценой охоты из Сибирской коллекции Петра I. На всех изображениях подхвостный ремень завязан более свободно и слегка свисает с крупа лошади.

Нагрудный ремень. Если описанные выше подхвостные ремни повседневных седел, изображенных на пластинах, схожи по конструкции и отличаются лишь количеством звеньев лопастей-подвесок, то нагрудные ремни седел, изображенных на произведениях искусства разного времени более разнообразны по конструкции. Нагрудный ремень седла, изображенного на войлочном ковре из Пазырыка состоит из трех узких ремней – длинного основного и двух коротких нахольных, как на синхронных археологических седлах, и соединены между собой круглой бляхой (Рисунок 5, 1). Но нагрудный ремень седла, изображенный на золотой пластине-застежке со сценой отдыха под деревом, имеет очень сложную форму. Он состоит из четырех частей – серединной, нахольной и двух концевой. Серединная часть нагрудного ремня на двух концах имеет расширение лопастообразной формы, возможно, в виде подвески, на них закреплены два более узких концевых ремня, которые проходят через прорезы на двойных лопастевидных концах (или подвесках) нахольного ремня, перекинутае через холку лошади, и другими своими концами закреплены на верхнем подпружном ремне седла.

Нагрудный ремень на лошадях охотников, изображенных на золотой пластине-застежке со сценой охоты из Сибирской коллекции, состоит из трех небольших лопастей-подвесок листообразной формы, которые, возможно, закреплены на передних луках. Способы их соединения между собой не прорисованы, потому что лопасти ремня сделаны в виде бирюзовых вставок, которые, возможно, имитируют цвет кожи лопастей-подвесок (Рисунок 9). Подобной формы нагрудный ремень седла на лошадях, изображен на поясных пластинах, найденных в Ордосе (Рисунок 10). Только подвески немного увеличиваются в размере к груди лошади. Способ их соединения не прорисован. Но нет сомнения, что они аналогичны способу соединения лопастей-подвесок подхвостников описанных выше.

Таким образом, как видим, если на изображении IV-III в. лопасть-подвеска подхвостника только одна, то в изображении III века уже их несколько. Видимо, древние мастера исходя из художественных задач, при изготовлении нагрудного и подхвостного ремней их лопастевидные части стали делать в виде цепочки из нескольких звеньев лопастей-подвесок, создавая декоративную форму. Это в свою очередь привело к тому, что кроме практического назначения лопастевидная форма подвесок концов ремней седельных принад-

лежностей стала применяться также и как декоративное оформление. Таким способом в виде нескольких звеньев лопастей-подвесок стали оформляться и концы поперечных седельных ремней, для создания художественной цельности всего седельного комплекта. Этого требовали также и законы композиции художественной формы. Поэтому иногда такое оформление в виде лопастей-подвесок из нескольких звеньев можно видеть и на концах верхнего подпружного ремня (Рисунок 4).

Некоторые исследователи изображения этих лопастей-подвесок на нагрудниках и подхвостниках принимают за кисти, что мы считаем ошибочным. Это хорошо видно на изображениях подхвостников и нагрудников на седлах лошадей охотников и воинов, изображенных на поясных костяных пластинах из Орлатского кургана №2. Их подхвостники и нагрудники также состоят из нескольких звеньев лопастей-подвесок и завязанного на нем узкого ремня (Рисунок 11 и Рисунок 12). Что это не кисти, а плоские кожаные лопасти, хорошо видно в сравнении их изображений с изображением кистей на шлемах, на горитах воинов, а также по способу их соединения между собой. Г.А. Пугаченкова изображенных на пластине ситаает кангюйцами, и датировку пластин определяет III-II веками до н.э (Пугаченкова 1987, С. 62,63). То есть по времени они близки к ордосским и сибирским пластинам. Седло кангюйцев тоже было мягким седлом пазырыкского типа, это можно видеть на изображении седла лежащей раненной лошади на пластине с изображением сцены битвы воинов (Рисунок 12, 2). На тахтисангинских костяных пластинах (Литвинский 2002, С.182,183, Рисунок 1-3), синхронных орлатским, прорисовки седел и подхвостных, нагрудных ремней не четки, из-за стертости изображения, но, видимо, и они были подобной конструкции, как на выше описанных произведениях искусства.

Седельная подвеска. Еще одним периферийным элементом древнего седла кочевников была большая седельная подвеска, свисающая сбоку лошади. Такие парадные, богато украшенные седельные подвески разной формы, изготовленные с применением войлока, кожи, дерева найдены в пазырыкских, акалахских, берелских курганах. Изображения на произведениях искусства показывают, что в нарядных бытовых седлах также иногда применялись такие

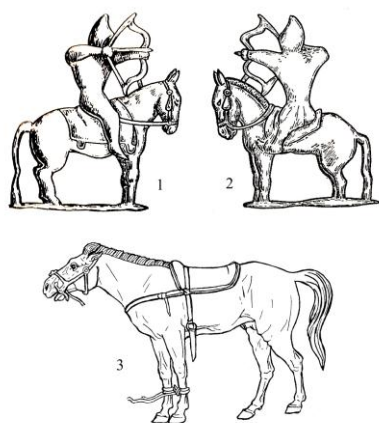

Рисунок 14. Бытовое конское снаряжение кочевников разных времен.

1, 2 – Хуннский всадник.

Бронзовая скульптура из Ордоса.

Северный Китай. По Ю.С.Худякову.

3 – Скифское мягкое седло. Фрагмент изображения на серебряной вазе.

Прорисовка автора

большие седельные подвески, которые свисали сбоку лошади почти до земли. Большая седельная подвеска листовидной формы имеется на некоторых седлах лошадей, изображенных на бронзовых поясных пластинах из Ордоса с изображением борющихся воинов (Рисунок 10, 1,3; Рисунок 4). Листовидная форма этой подвески, видимо, была продиктована единством художественного решения всего седельного комплекта, на которых концевые лопасти-подвески седельных ремней имели формы листа. Большие седельные подвески для легкости, видимо, изготавливались из войлока как на пазырыкских седлах. Седельный комплект с большими седельными подвесками был более усложненным вариантом повседневного седельного комплекта.

Рисунок 15. Сакская узда. 1 – фрагмент изображения на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана. 2 – кабаньи клыки, украшения узды. Второй Башадарский курган. 3 – конская узда. Пятый Пазырыкский курган. По С.И. Руденко.

Узда. Повседневная конская узда очень схожа по конструкции с изображениями на всех вышерассмотренных памятниках искусства. Узда состоит из суголовного, нащечного, налобного, подбородного ремней и ремня переносья. Места соединения всех этих ремней на изображениях прикрыты круглыми бляшками (бронзовыми или деревянными?) полусферической формы или с полусферическим выступом в середине. Нащечный ремень на конце раздваивается и крепится на псалии, на месте раздвоения ремня также изображается круглая бляшка. Форма псалий почти прямоугольная, с очень слабым изгибом концов

или в виде круглых бляшек, как на местах соединения ремней узды. Узда, оформленная с такими круглыми бляшками на местах соединения ремней, с такими же концами псалий была найдена в Пятом Пазырыкском кургане (Рисунок 15:3) (Руденко 1953, табл. XLVIII). В Пазырыкских и Башадарских курганах сохранились также и такие отдельные деревянные круглые бляшки конской узды (Руденко, 1960, С.44, 45, рис.20.е). К псалиям с правой стороны прикреплялся один конец повода, а левой стороны прикреплялся чумбур, а к нему на специальном блоке крепился другой конец повода. На изображениях иногда узда на месте соединения суголовного, нащечного и налобного ремней украшалась большой подвеской листовидной формы. Такую подвеску можно видеть на узде лошадей, изображенных на парных пластинах-застежках со сценой охоты на кабана (Рисунок 9:1), а также на уздечках лошадей, изображенных на поясных пластинах из Ордоса (Рисунок 10). Этот способ украшения узды в древности у кочевников был, видимо, очень распространенным. Такую декоративную лопасть-подвеску небольшого размера имеет узда на бронзовой скульптуре хуннского всадника из Ордоса (Рисунок 14:1,2). На орлатских пластинах узда на этом месте украшена кистью (Рисунок 12). На изображении всадника на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана на ремне переносья узды и на нагрудном ремне коня изображены кабаньи клыки, которые прикреплялись в защитных магических целях (Рисунок 5:1; Рисунок 15:1). Такие кабаньи клыки или их имитации из дерева, принадлежавшие к конскому снаряжению часто встречаются в археологических материалах (Рисунок 15:2) (Башадарский курган, Пазырыкский курган).

Подводя итоги, можно сказать, что схожесть повседневного бытового конского снаряжения на разных изображениях, выполненных на разных материалах, в разное время, разными мастерами доказывает существование у родственных древних кочевых племен Восточного Казахстана, Южного Казахстана и Средней Азии, Алтая, Северного Китая единой традиции, единой технологии их изготовления в течение двух-трех и более столетий. Повседневное снаряжение верхового коня у древних кочевников состояло из узды с поводьями и чумбуром, мягкого седла с нагрудным и подхвостным ремнями, полностью изготовленных из кожи, без особых украшений. На концах поперечных седельных ремней и верхнего подпружного ремня-приструги надевались кожаные шлевки и закреплялись кожаные подвески щитовидной, листовидной

или округлой формы. Для красоты иногда на концах седельных ремней крепились несколько таких подвесок, соединенные в виде цепочки из звеньев. Для удобства регулировки длины подхвостный ремень изготавливался из нескольких частей: удлиненной лопастевидной кожаной подвески со шлевком. Эта часть подхвостника изготавливалась иногда для красоты. Ее тоже делали из нескольких звеньев лопастей-подвесок, соединенных в цепочку, и узкого ремня, который проходя через прорезы на широком конце подвески, завязывался под ней. Таким же образом изготавливался и нагрудный ремень, он дополнительно удерживался нахольным ремнем. Иногда к седлу по бокам, около задних луков крепили большие войлочные седельные подвески листовидной формы. Узда на местах соединения налобного, суголовного, нащечного ремней украшалась круглыми бляшками с полусферическим выступом в середине, по бокам нащечный ремень украшался большой листовидной или щитовидной подвеской или кистью.

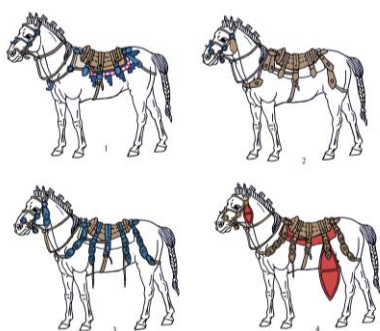

Рисунок 16. Реконструкция разных вариантов повседневного комплекта конского снаряжения древних кочевников. 1 – IV в. до н.э. 2 – III в. до н.э. 3,4 – II в. до н.э. Рисунок автора

Рисунок 17. Всадник-кочевник на коне с повседневным конским снаряжением. 1 – Сакский всадник. 2 – Всадник кангюй. Реконструкции автора по изобразительным материалам

Разные варианты повседневного комплекта конского снаряжения, реконструированные по изображениям на произведениях искусства древних кочевников представлены на Рисунках 16 и 17. Сравнение их с археологическими материалами показывает, что эти комплекты повседневного снаряжения стали основой для парадных церомониальных и ритуальных конских снаряжений, которые пышно украшались декоративными накладками, войлочными покрывками, декоративными подвесками и при погребении знатных воинов и вождей хоронились вместе с ними.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 280 с.
2. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 3. Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. – Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1961. – С.7-31.
3. Литвинский Б.А. Бактрийцы на охоте // Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). - Т.1(XXVI). - СПб: «Петербургское Востоковедение», 2002 – С.181-213.
4. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
5. Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). – Новосибирск: ВО «Наука», 1994. – 125 с.
6. Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. – Ташкент: Изд-во лит.

и искусства, 1987. – 224 с

7. Рец К.И. Поясные пластины со сценой охоты на кабана из Сибирской коллекции Петра I: к вопросу о хронологической и культурной атрибуции // Босфорский феномен: проблемы хронологии и датирования памятников. Материалы международно научной конференции. – Ч.2. – СПб: Из-во Государственного Эрмитажа, 2004. – С. 325-332.
8. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. – 392 с.
9. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л.: Наука, 1960. – 360 с.
10. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. Археология СССР. САИ. Вып. ДЗ-9. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 52 с. 27 табл.
11. Самашев З. Берел. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 б.
12. Степанова Е.В. Скифские мягкие сёдла: вопросы терминологии // Степи Евразии в древности и средневековье. Книга II. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. – 310 с. (С. 151-154).
13. Степанова Е.В. Седла из Третьего Пазырыкского кургана // Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – Кн.2. – СПб: НИМК РАН, «Периферия», 2013. – С.446-454.
14. Степанова Е.В. Китайские седла III в. до н.э – III в. н.э.// Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда. - СПб.: Государственный Эрмитаж, 2014. – С.235 -240.
15. So J.F., Bunker E.C. Traders and raiders on Chinas nordern frontier. – Seattle: Universiny of Washington Press, 1995. – 204 p.
16. The First Emperors Terracotta Legion. – Beijing: China Travel and Tourism Press, 1988. – 205 p.

Reference

- Artamonov 1973 – Artamonov, MI 1973, *Sokrovishcha sakov*, Iskusstvo, Moskva, 280 s. (Artamonov, MI 1973, *Treasures of the Saks*, Iskusstvo, Moscow, 280 p). (in Rus).
- Gryaznov 1961 – Gryaznov, MP 1961, Drevnejshie pamyatniki heroicheskogo ehposa narodov YUzhnoj Sibiri, *Arheologicheskij sbornik gosudarstvennogo Ehrmitazha. Vyp. 3. Ehpora bronzy i rannego zheleza Sibiri i Srednej Azii*, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ehrmitazha, Leningrad, S.7-31 (Gryaznov, MP 1961, The most ancient monuments of the heroic epic of the peoples of Southern Siberia, *the Archaeological collection of the State Hermitage. Issue. 3. The era of bronze and early iron in Siberia and Central Asia, the State Hermitage Publishing House, Leningrad, P.7-31*). (in Rus).
- Litvinskij 2001 – Litvinskij, BA 2001, Baktrijcy na ohote, *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossijskogo arheologicheskogo obshchestva (ZVORAO), Tom I(XXVI)*, «Peterburgskoe Vostokovedenie», Sankt-Peterburg, S.181-213. (Litvinskij, BA 2001, Bactrians on the hunt, Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society (ZVORAO), *Tom I(XXVI)*, «Peterburgskoe Vostokovedenie», Sankt-Peterburg, P.181-213). (in Rus).
- Polos'mak 1994 – Polos'mak, NV 1994, «*Steregushchie zoloto grify*» (*Ak-Alahinskie kurgany*), Novosibirsk, VO «Nauka», 125 s. (Polos'mak, NV 1994, «*Protecting gold vultures*» (*Ak-Alakhinsky mounds*), Novosibirsk, VO «Nauka», 125 p). (in Rus).
- Polos'mak 2001 – Polos'mak, NV 2001, *Vsadniki Ukoka*, INFOLIO-press, Novosibirsk, 336 s. (Polos'mak, NV 2001, *The horsemen of Ukoka*, INFOLIO-press, Novosibirsk, 336 p). (in Rus).
- Pugachenkova 1987 – Pugachenkova, GA 1987, *Iz hudozhestvennoj sokrovishchnicy Srednego Vostoka*, Izd-vo lit. i iskusstva, Tashkent, 224 s. (Pugachenkova, GA 1987, *From the art treasury of the Middle East*, Izd-vo lit. i iskusstva, Tashkent, 224 p). (in Rus).
- Rec 2004 – Rec, KI 2004, Poyasnye plastiny so scenoj ohoty na kabana iz Sibirskoj kolekcii Petra I: k voprosu o hronologicheskoi i kulturnoj atribucii, *Bospor'skij fenomen: problemy hronologii i datirovaniya pamyatnikov. Materialy mezhdunarodno nauchnoj konferencii*, CH.2, Iz-vo Gosudarstvennogo Ehrmitazha, Sankt-Peterburg, S.325-332.(Rec, KI 2004, Belt plates with a boar hunting scene from the Siberian collection of Peter I: to the question of chronological and cultural attribution, *Bosporus phenomenon: problems of chronology and dating of monuments. Materials of an international scientific conference, Part 2, From the State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, P. 325-332*). (in Rus).
- Rudenko 1953 – Rudenko, SI 1953, Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moskva, 392 s. (Rudenko, SI 1953, *Culture of the Altai population in Scythian time*, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, 392 p). (in Rus).
- Rudenko 1960 – Rudenko, SI 1960, *Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v skifskoe vremya*, Nauka, Leningrad, 360 s. (Rudenko, SI 1960, *Culture of the population of Central Altai in Scythian time*, Nauka, Leningrad, 360 p). (in Rus).

- Rudenko 1962 – Rudenko, SI 1962, *Sibirskaya kollekcija Petra I. Arheologiya SSSR. SAI. Vyp. D3-9*, Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moskva-Leningrad, 52 s. (Rudenko, SI 1962, *Siberian Collection of Peter I. Archeology of the USSR. AIS. Issue. D3-9, USSR Academy of Sciences, Moscow - Leningrad, 52 p.*). (in Rus).
- Samashev 2011 – Samashev, Z 2011, *Berel*, Tajmas, Almaty, 236 b. (Samashev, Z 2011, *Berel*, Tajmas, Almaty, 236 p). (in Kaz).
- Stepanova 2003 – Stepanova, EV 2003, Skifskie myagkie syodla: voprosy terminologii, *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Kniga II. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova*, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo EHrmitazha, Sankt-Peterburg, S. 151-154. (Stepanova, EV 2003, *Scythian soft saddles: questions of terminology, Steppes of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Book II. Materials of the scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of M.P. Gryaznova, Publishing house of the State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, P. 151-154*). (in Rus).
- Stepanova 2013 – Stepanova, EV 2013, Sedla iz Tret'ego Pazyrykskogo kurgana, *Kul'tura stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizacijami, Kn.2, «Periferiya»*, NIMK RAN, Sankt-Peterburg, S.446-454. (Stepanova, EV 2013, *Saddles from the Third Pazyryk Barrow, Culture of the Steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations, Kn.2, «Periferiya»*, NIMK RAN, Saint-Petersburg, P.446-454). (in Rus).
- Stepanova 2014 – Stepanova, EV 2014, Kitajskie sedla III v. don.eh – III v. n.eh., *Trudy IV(HKH) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda*, Gosudarstvennyj EHrmitazh, Sankt-Peterburg, S.235 - 240. (Stepanova, EV 2014, *Chinese saddles of the 3rd c. don - e - III century. AD, Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Site, the State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, P.235 -240*). (in Rus).
- So, Bunker1995 – So, JF, Bunker, EC 1995, *Traders and raiders on Chinas nordern frontier*, Universiny of Washington Press, Seattle, 204 p. (So, JF, Bunker, EC 1995, *Traders and raiders on Chinas nordern frontier*, Universiny of Washington Press, Seattle, 204 p). (in Eng).
- The First Emperors Terracotta 1988 – *The First Emperors Terracotta Legion* 1988, China Travel and Tourism Press, Beijing, 205 p. (*The First Emperors Terracotta Legion* 1988, China Travel and Tourism Press, Beijing, 205 p). (in Rus).

Tamgo-shaped signs from catacombs of Aryss culture of the South Kazakhstan of 3rd century to – 4th century AD

Podushkin Alexandr Nikolayevich

Doctor of History, Professor of South Kazakhstan state pedagogical institute. Republic of Kazakhstan, 160017, Shymkent, 13 Baitursynov str. E-mail: p_a_n_alex@mail.ru

Abstract. The publication is devoted to the complex of graphological, semantic, trace evidence studying of tamgo-shaped signs on the ceramics and other artifacts from catacomb burials of Aryss culture of South Kazakhstan for the purpose of clarification of their semantic loading and use. At the same time the group of signs which are graphically and functionally treated as the Kangyuy-Sarmatian and syun signs-tamga received from archaeological full-fledged, informatively saturated funeral complexes underwent the multifold analysis.

Feature of tamga-signs from catacombs of Aryss culture is the fact that the ceramics with signs had deeply ritual mission in funeral ceremonialism connected by means of drawing tamga with ethnic, social and property components. Signs tamga in this case showed the corresponding accessory of the dead (breeding, patrimonial, clan), the relation of the last to property (personal, tribal, it is possible - state) and to a social rank in hierarchy of nomad as a part of the state Kangyuy.

Keywords: Aryss culture; tamgo-shaped signs; South Kazakhstan.

III ғ. – б.з.д. IV ғ. Оңтүстік Қазақстандағы Арыс мәдениетінің катакомбаларынан табылған тамға тәрізді белгілер

Подушкин Александр Николаевич

тарих ғылымдарының докторы, Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық институтының профессоры. Қазақстан Республикасы, 160017, Шымкент қ, Байтұрсынов көшесі, 13, E-mail: p_a_n_alex@mail.ru

Аңдатпа. Жарияланым Оңтүстік Қазақстандағы арыс мәдениетінің катакомб қабаттарындағы керамика және басқа артефакттардағы таңбалық пішінді белгілерді кешенді графикалық, семантикалық және трасологиялық мәндік жүктемесін және пайдаланылуын түсіндіру мақсатында зерттеуге арналған. Сонымен қатар, графикалық және функционалдық түрде қаңлы-сармат және сүнну таңбаларының белгілері деп танылған кешенді белгілер тобы археологиялық құнды, ақпараттылықпен қаныққан жерлеу кешендерінен алынып, талданды. Арыс мәдениетінің катакомбаларынан табылған таңбалардың ерекшелігі – салынған белгілері бар керамика этникалық, әлеуметтік және мүліктік компоненттердің ғұрыптық белгісі ретінде терең рәсімдік мақсатқа ие. Бұл жағдайда тамға-белгілер қаза тапқандардың (тайпаға, руға, әулетке) тиесілігі, әлеуметтік дәрежеге деген қатынасы (жеке, рулық-тайпалық және ықтимал мемлекеттік) және Қаңлы көшпелі иерархиясында әлеуметтік меншікке қатынасын көрсетеді.

Кілт сөздер: арыс мәдениеті; Оңтүстік қазақстан; тамға; мәндік жүктеме.

Тамго-образные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до – IV в. н. э.

Подушкин Александр Николаевич

доктор исторических наук, профессор Южно-Казахстанского государственного педагогического института. Республика Казахстан, 160017, г. Шымкент, ул. Байтұрсынова, 13, E-mail: p_a_n_alex@mail.ru

Аннотация. Публикация посвящена комплексному графологическому, семантическому, трасологическому изучению тамго-образных знаков на керамике и иных артефактах из катакомбных погребений арысской культуры Южного Казахстана с целью выяснения их смысловой нагрузки и использования. При этом всестороннему анализу подверглась группа знаков, которые графически и функционально трактуются как кангойско-сарматские и сюннуские знаки-тамги, полученные из археологически полноценных, информативно насыщенных погребальных комплексов.

Особенностью знаков-тамг из катакомб арысской культуры является тот факт, что керамика со знаками имела глубоко ритуальное предназначение в погребальной обрядности, связанное посредством нанесения тамг с этнической, социальной и имущественной составляющими. Знаки-тамги в этом случае демонстрировали соответствующую принадлежность умерших (племенную, родовую, клановую), отношение последних к имуществу (личному, родоплеменному, воз-

можно - государственному) и социальному рангу в иерархии номадов в составе государства Кангюй.

Ключевые слова: арысская культура; тамгообразные знаки; Южный Казахстан; погребальная обрядность.

ӘОЖ/ УДК 902/903

Тамго-образные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до – IV в. н. э.

Подушкин А.Н.

Освещение тематики тамго-образных знаков на керамике и артефактах Южного Казахстана IV в. до – VI в. н. э., связанной с археологией ранних союзов племен (Канцзюй-Кангюй, сюнну, азиатские сарматы), по-прежнему, является актуальной. Раскопки новых ранних памятников на этой территории, в том числе – катакомбных погребальных сооружений, привели к накоплению ещё большего знакового материала на керамике и других артефактах, что послужило причиной появления отдельных исследований и публикаций, касающихся этой темы. Кроме всего, катакомбные погребальные сооружения и знаки на керамике выступили в роли специфического блока признаков арысской археологической культуры (Подушкин 2000, С.95-96).

Арысская культура как археологическая категория зафиксировала устойчивые системы традиций в материальной сфере государства Канцзюй-Кангюй II в. до – IV в. н. э., в состав которого входили такие древние этносы, как поздние саки, азиатские сарматы и сюнну. По отдельным признакам (иконография, семантика и функциональное назначение) отчетливо прослеживается связь знаков на керамике региона с так называемыми кангюйско-сарматскими знаками (тамгами; термин «кангюйско-сарматский» см. Литвинский 1968).

Поводом к написанию данной работы послужили новые археологические материалы (в том числе – знаковые комплексы), полученные из раскопок катакомбных памятников арысской культуры. Они уверенно иллюстрируют присутствие как азиатских сарматов, так и сюнну на территории Южного Казахстана в первые века до – первые века нашей эры в составе государства Канцзюй-Кангюй. Сарматский компонент в катакомбах фиксируется не только массой этно-определяющих артефактов, которые находят многочисленные аналогии в классических сарматских памятниках Крыма, Северного Причерноморья, Южного Урала (клинковое и дистанционное оружие «сарматского» облика, бронзовые зеркала, предметы быта, украшения, меловые и алебастровые амулеты, курительницы, изделия в золото-бирюзовом варианте исполнения, зверином стиле и другое), но и знаками на керамике, чрезвычайно близкими по иконографии (и, возможно, назначению) знакам-тамгам сарматов Евразии.

Аналогичная ситуация с сюннуским компонентом: материалы некоторых катакомб из могильников Южного Казахстана демонстрируют достаточно тесную связь с классическими комплексами и артефактами азиатских сюнну Забайкалья, Монголии, Минусинской котловины, Северного Китая (клинковое и дистанционное оружие, предметы быта, декоративные пряжки поясных наборов, функциональные бронзовые «ажурные» пряжки, специфические изделия из кости, а также тамго-образные знаки). В целом присутствие сарматов и сюнну в составе государства Кангюй на территории Южного Казахстана достаточ-

но хорошо раскрыто в специализированных статьях (по сарматам – Подушкин 2000, С.150-153; Подушкин 2010, С.207-217; вскользь была затронута и тематика сарматских знаков – Подушкин 2013, С.340-344; по сюнну – Подушкин 2009, С.173-182; Подушкин 2015, С.507-514).

Главной задачей публикации является комплексное графологическое, семантическое, трасологическое изучение тамго-образных знаков на керамике и иных артефактах из катакомбных погребений арысской культуры с целью выяснения их смысловой нагрузки и использования. При этом всестороннему анализу подвергнется группа знаков, которые графически и функционально можно уверенно трактовать, как кангюско-сарматские и сюннские знаки-тамги, полученные из археологически полноценных, информативно насыщенных погребальных комплексов (местонахождение могильников в пределах арыско-бадамского укрепленного района в Южном Казахстане см. Рисунок. 1).

Рисунок 1. Ситуационный план местонахождения могильников арысской культуры Южного Казахстана с катакомбами, имеющими комплексы со знаками на керамике и других артефактах

Заметим, что ситуация с тамго-образными знаками из катакомб арысской культуры в тех вариантах, как они фиксируются на керамике в погребениях – несколько иной случай процесса тамгопользования, нежели знаки на керамике поселений (и городищ): он позволяет связать известные свойства знаков в контексте обрядности, идеологических представлений и социальных отношений древнего населения Кангюй в плане соприкосновения автохтонного оседло-земледельческого населения с пришлыми номадами, что дает возможность выявить ранее неизвестные специфические их функции.

1. Статистика, варианты фиксации и техника нанесения тамго-образных знаков на керамику и иные артефакты из катакомб арысской культуры Южного Казахстана (Рисунок 2:1-19; нумерация графической прорисовки, фотографий оригиналов и полихромной трасологии знаков сквозная). Всего к анализу привлечено 19 знаков, из которых 17 зафиксированы на керамических сосудах (Рисунок 2:1-12, 15-19), а 2 – на камне и на печатке бронзового перстня (Рисунок 2:13-14).

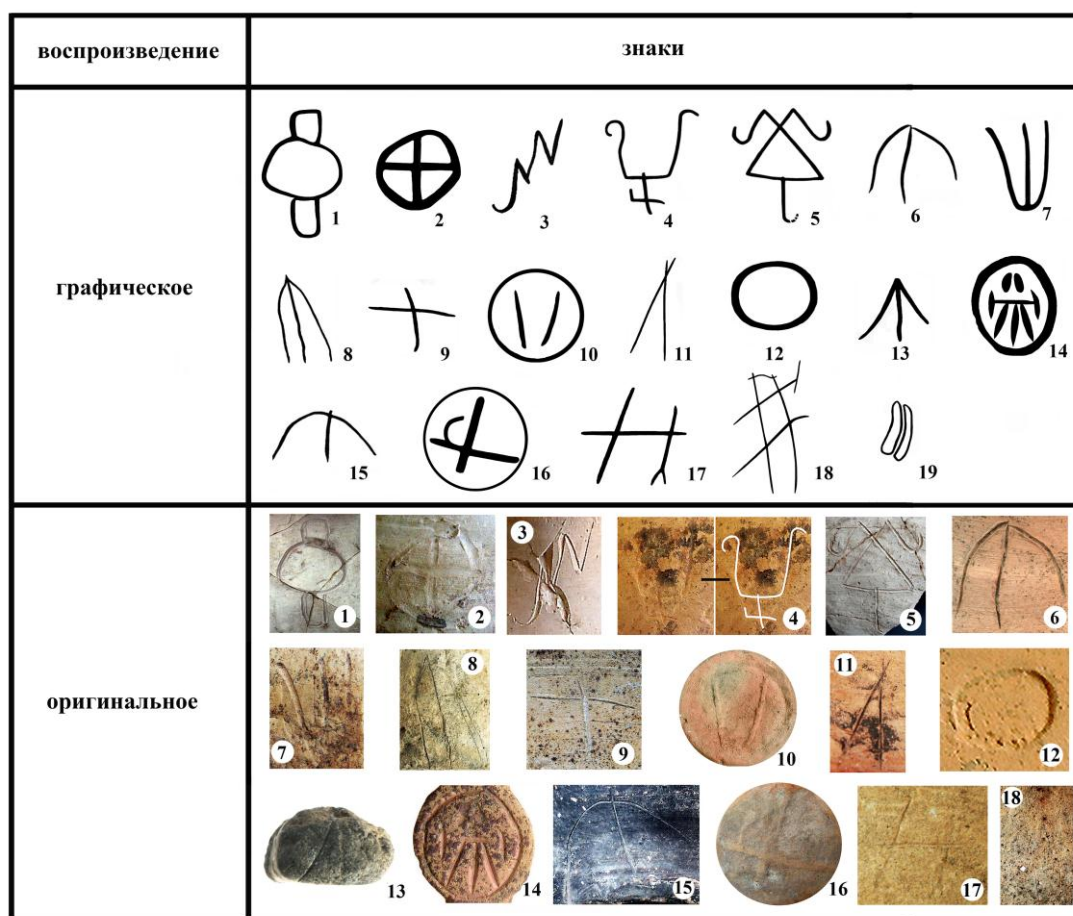

Рисунок 2. Знаки на керамике и других артефактах из катакомб арысской культуры (графическое изображение и оригинальные фотографии)

Статистические данные о знаках и тамгах на керамике и иных артефактах из погребальных катакомбных памятников арысской культуры Южного Казахстана I в. до н.э. – IV в. н.э., подвергшихся комплексному трасологическому, историко-культурному, семантическому и функциональному анализу, выглядят так: могильник Тулебайтобе II (катакомба 15; знак №1); могильник Культобе (центральная группа насыпей, катакомба 11: знак №2; катакомба 7: знак №3; катакомба 26: знак №4 и №19; катакомба 19: знак №5); могильник Культобе (восточная группа насыпей, катакомба 1: знаки №6 7; катакомба 4: знаки №8-9; катакомба 7: знаки №10-11; катакомба 9: знаки №12-14); могильник Кылышжар (центральная группа насыпей, катакомба 5: знак №15); могильник Кылышжар, катакомба 11: знаки №16-17; могильник Каратобе, катакомба 3: знак №18.

Техника нанесения знаков следующая: большая часть знаков на керамической посуде из катакомб арысской культуры прочерчивались или вырезывались по сырой глине до обжига и декора изделия (Рисунок 2:1-9, 11 и 15). Некоторые знаки выполнялись техникой выдавливания в форме (Рисунок 2:10 и 16), штампа (Рисунок 2:12) и процарапывания (Рисунок 2:17-18). Знаки на камне и бронзе соответственно пропиливались и чеканились (Рисунок 2:13-14). Распределение знаков на посуде различного функционального назначения определяется так: хумы – 3 знака (Рисунок 2:1 и 5); фляги – 5 знаков (Рисунок

2:7, 9, 16-18); кувшины 6 знаков (Рисунок 2:2-3; 6, 11-12; 15); курильница 1 знак (Рисунок 2:8).

Самые крупные, четко вычерченные знаки (до 20-24 см высотой) фиксируются на хумах, более мелкие, но тоже хорошо прочерченные – на посуде столового назначения (кувшины, фляги, кружки). Обычно знаки-тамги у хумов отмечены на плечике сосудов, ниже венчика; у посуды столового назначения – в районе вертикальной петлевидной ручки (на ручке, сверху ручки и под ней), на тулове и плечиках сосуда. При этом не всегда знаки наносились «правильно»: отмечено расположение знаков в наклонном по высоте (вправо – влево), перевернутом и горизонтальном положении. Более того, иногда определить подлинно графическое исполнение знака-тамги, то есть – в каком варианте он должен визуальнo восприниматься человеком (вертикальном, горизонтальном, перевернутом), довольно сложно. На хумах, как правило, знаки наносились в положении, когда сосуд стоял вертикально – аналогичным образом, перпендикулярно венчику сосуда, на нем вычерчивался знак.

Сложнее с такими сосудами, как фляги. Оригинальная форма фляги с «обрезанной» боковиной-дном позволяет располагать это керамическое изделие в двух позициях: основное (горловиной и венчиком вверх: в таком положении сосуд находится на круглой боковине) и второе (когда фляга стоит на донце, конусовидным туловом вверх). Соответственно, знак предстает перед нами тоже в двух вариантах: в вертикальном и горизонтальном, и какое начертание из них подлинное (правильное), трудно сказать.

2. Археологические комплексы с тамго-образными знаками на керамике и иных артефактах в катакомбах арысской культуры.

Часть материалов по знакам на керамике из катакомб арысской культуры (описание, аналогии, хронология и датировка) уже опубликована (Подушкин 2000, С.72-73; Подушкин 2013, С.340-344); обращались к интерпретации этих знаков и другие исследователи (Смагулов, Яценко 2010, С.202-203, рис. 4:VI – 1, 4). Ещё раз вернуться к указанным материалам заставляют появление новых погребальных комплексов со знаками на керамике и других артефактах из катакомб арысской культуры и переосмысливание знаковой информации в ином ракурсе, связанной с ролью именно археологической составляющей.

Кратко приведём информацию о наиболее насыщенных артефактных комплексах со знаками из катакомб арысской культуры.

Могильник Тулебайтобе II, катакомба 15. В южном секторе этого кургана, под насыпью, вблизи бровки, открыта трехчастная катакомба «Т»-образной планировки (узкотраншейный дромос, лаз и сводчатая полая погребальная камера); устье лаза заложено кирпичем-сырцом на растворе в четыре ряда.

В камере, ближе к северной стенке, был обнаружен костяк взрослого мужчины, лежащий на спине изголовьем на восток. Большая часть костяка располагалась на фрагментах крупного раздавленного хума, на котором зафиксирован прочерченный по сырой глине знак-тамга (Рисунок 2:1; Рисунок 3:1).

Вблизи изголовья, справа, на полу камеры найдены в комплекте 11 черешковых железных наконечников стрел с частично сохранившимися тростниковыми древками, которые, судя по плотной концентрации, располагались в деревянном колчане; справа костяка, рядом с колчаном, лежал лук. В районе правого бедра и фаланг пальцев правой руки находился черешковый однолезвийный боевой нож. На тазовых костях обнаружена щитковая железная пряжка с бегающим язычком; здесь же сохранились остатки истлевшего кожаного пояса. На берцовых костях правой и левой ног, ближе к пяточным костям, найдены две небольшие железные обувные пряжки, аналогичные конструктивно поясной.

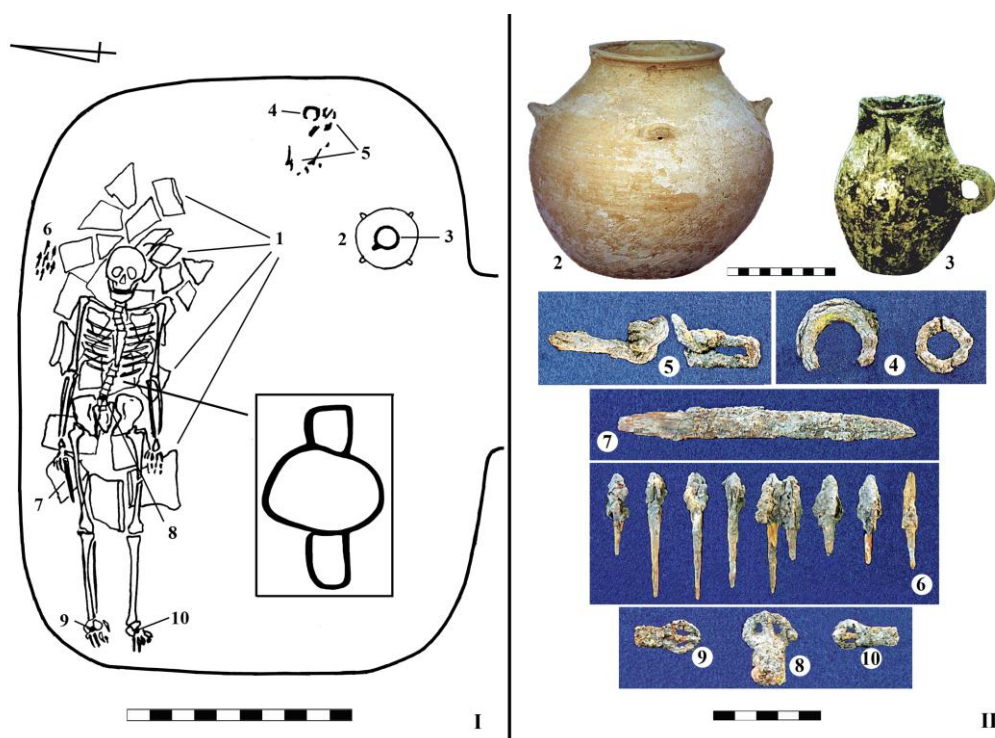

Рисунок 3. Археологический комплекс со знаком катакомбы 15 могильника Тулебайтобе II

В южном углу погребальной камеры зафиксированы двуколычатые железные удила, часть псалия, крупная железная подпружная пряжка и кольцо от уздечного набора. Перед входом в камеру, справа, располагался керамический горшок с ушковидными выступами-ручками с отверстиями (сосуд украшен станковым рифлением, покрыт темно – красным ангобом и залощен), а сверху на нём, погруженная по ручку в горловину, стояла деревянная кружка грушевидной формы с петлевидной вертикальной ручкой (Рисунок 3:I; Рисунок 3:II – 2-10) (Подушкин 2000, С.73; рис. на С.100-101).

Могильник Культобе, центральная группа насыпей, катакомба 11. В северном секторе, под насыпью кургана у её кромки, со смещением от центра порядка десяти метров, была открыта двухчастная «Т»-образная катакомба, включающая узкотраншейный пятиступенчатый дромос и сводчатую, правильной формы трапециевидную в плане погребальную камеру со слегка сглаженными углами с прямым сводом (вся конструкция почти правильно вытянута с юга на север). На дне погребальной камеры были открыты потревоженные древними грабителями три костяка; части четвёртого костяка найдены разбросанными в беспорядке в дромосе. Обряд погребения – труположение на спине, изголовьем на восток (Рисунок 4).

Погребальная атрибуция представлена двумя столовыми кувшинами грушевидной формы, с короткой горловиной и вертикальной петлевидной ручкой. Сосуды выполнены на быстровращающемся гончарном круге из качественного теста, хорошо обожжены; они украшены рельефно-выпуклым валиком под горловиной, покрыты ангобами белесого, светло-коричневого цветов и ангобными брызгами более темного оттенка (Рисунок 4:1-2). На плечике малого кувшина фиксируется прочерченный до обжига знак (круг с вписанным вовнутрь крестом) (Рисунок 4:2).

Рисунок 4. Археологический комплекс со знаком катакомбы 11 могильника Культобе (центральная группа насыпей)

Помимо керамики найдены две овальные подвески из гагата в виде таб-летки со сквозным отверстием (одна крупная, другая мелкая), а также три округлых с отверстием бусин из стекловидной пасты и одна – гранённая бусина (Рисунок 4:3).

Могильник Культобе, центральная группа насыпей, катакомба 7. В северо-восточном секторе, под насыпью кургана, со смещением от центра порядка шести–семи метров, была открыта подземная «Т»-образная трёхчастная катакомба, включающая узкотраншейный двухступенчатый дромос, аркообразный в разрезе лаз и сводчатую, правильной формы трапециевидную погребальную камеру. Вся погребальная конструкция почти правильно вытянута с юга на север. На полу, в северном углу, были обнаружены раскиданные в беспорядке остатки четырёх костяков (предварительно два мужских и два женских) вместе с фрагментами от крупного сосуда типа хума и столового кувшина (Рисунок 5).

Погребальная атрибуция катакомбы 7 представлена пятью столовыми сосудами (три кувшина, фляга и кружка, причём на одном из кувшинов зафиксирован прорезанный острым предметом по сырой глине тамго-образный знак в виде двойного зигзага), а также – частью железного ножа и хрустальной бусиной. Фрагменты от хума (крупные части донца и боковины) служили выстилкой дна погребальной камеры; отмечено также наличие следов плетёной камышовой подстилки под костяки (Рисунок 5:1-7; Рисунок 2:3).

Могильник Культобе, центральная группа насыпей, катакомба 26. В южной части, под насыпью кургана открыта «Т»-образная катакомба, где дромос перпендикулярно примыкает к подземной сводчатой погребальной камере. Конструкция этой катакомбы включает: длинный узкий траншейный трёхступенчатый дромос, арковидный в разрезе лаз, сводчатую, прямоугольную в плане погребальную камеру со сглаженными углами и прямым потолком. В камере открыты четыре частично нарушенных и анатомически целых костяка (два мужских, два женских), они располагались на полу, по всей площади выложенным толстым слоем мелкой речной гальки с включением угля; у костяков фиксируется вариант искусственной деформации черепной коробки (Рисунок 6). Обряд погребения – труположение на спине.

Керамика включает кувшин, кружку-горшок (редкая форма керамики) и кружку (Рисунок 6:1-3). На кружке зафиксировано два знака, прочерченных по сырой глине до обжига: один – «U»-образная с завитками сверху тамга и с крестовидным завершением книзу находился под ручкой, другой - в виде двух параллельных коротких вертикальных линий («кос алип») на тулове сосуда (Рисунок 6:3; Рисунок 2:4 и 19).

Оружие представлено черешковым кинжалом с деревянной ручкой (артефакт носит следы ритуальной порчи: клинок в концевой части был согнут); кинжал находился в ножнах из дерева, кожи, ткани, которые сверху были окрашены в желто-красный цвет (Рисунок 6:6). Вещевой инвентарь включает: железные черешковые однолезвийные ножи с деревянной ручкой (два экземпляра; Рисунок 6:4-5); пряжки железные с круглой рамкой, накладным прямоугольным щитком и бегающим язычком. Судя по количеству пряжек, которые все найдены в районе таза мужского костяка, кожаных поясов у погребённого было несколько (Рисунок 6:12-13).

Косметический прибор представлен каменным сурьматашем, концевая часть которого покрыта блестящим графитовым налётом, имеющим красящие свойства – окрас в чёрный цвет (Рисунок 6:11). Изделия из камня отмечены в виде двух ритуальных камней желтого цвета с «пачкающим» эффектом и точильным камнем (кайраком; Рисунок 6:9). Украшения включают два нагрудных наборных ожерелья из бус, а также - крупную подвеску круглой формы с отверстием в центре из полупрозрачного «дымчатого» халцедона с голубым оттенком (Рисунок 6:7-8 и 10).

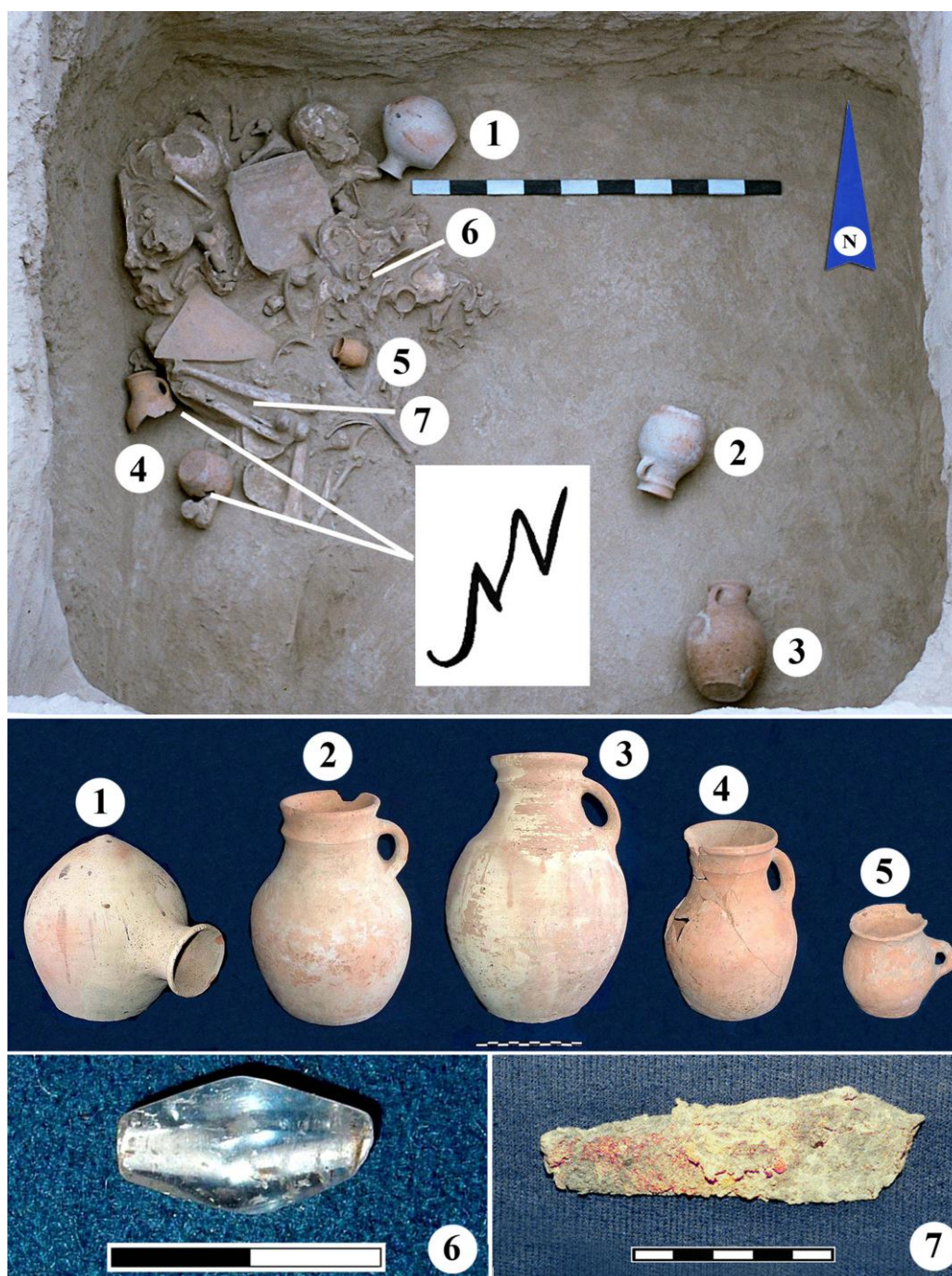

Рисунок 5. Археологический комплекс со знаком катакомбы 7 могильника Культобе (центральная группа насыпей)

Могильник Культобе, центральная группа насыпей, катакомба 19. Это трехчастное «Т»-образной формы погребальное сооружение (траншейный двухступенчатый дромос-коридор, арковидный в разрезе короткий лаз, сводчатая квадратная в плане камера с выраженными углами и прямым потолком). Все катакомба вытянута с юга на север, в дромосе фиксируется остатки кирпичной закладка проёма лаза из крупного прямоугольного кирпича-сырца. Под

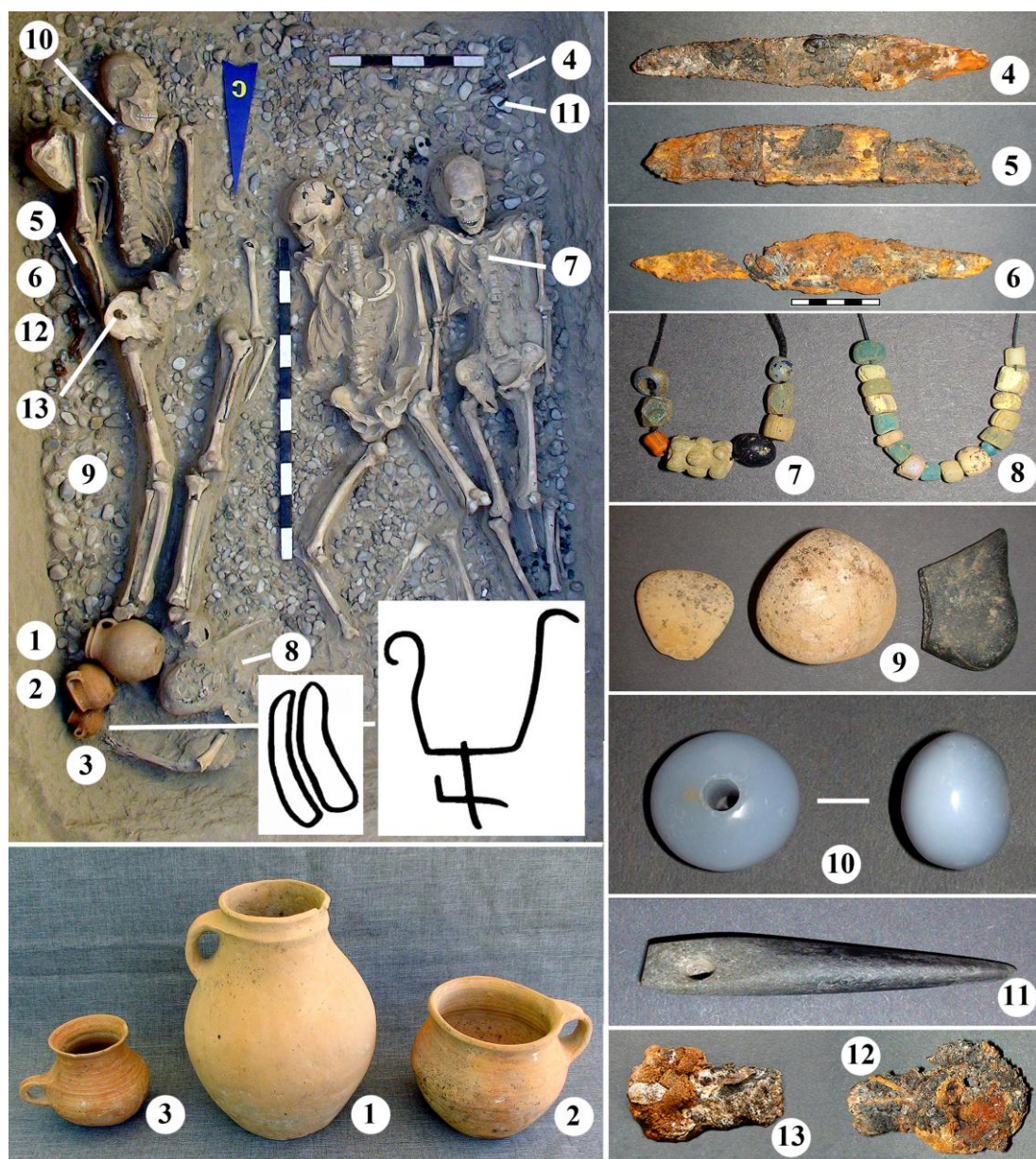

Рисунок 6. Археологический комплекс со знаками катакомбы 26 могильника Культобе (центральная группа насыпей)

насыпью кургана в южном секторе, у самой её кромки, открыто потревоженное древними грабителями погребение (четыре костяка; Рисунок 7).

При зачистке камеры выяснилось, что большая часть её площади по полу выложена сплошным порядком фрагментами боковин от четырёх хумов (всего более 300 фрагментов). Один из них покрыт светло-серым ангобом и украшен ангобными брызгами; на этом хуме, верхняя часть которого восстанавливается, под венчиком зафиксирован крупный тамго-образный знак, прочерченный по сырой глине до обжига (Рисунок 7:1; Рисунок 2:5).

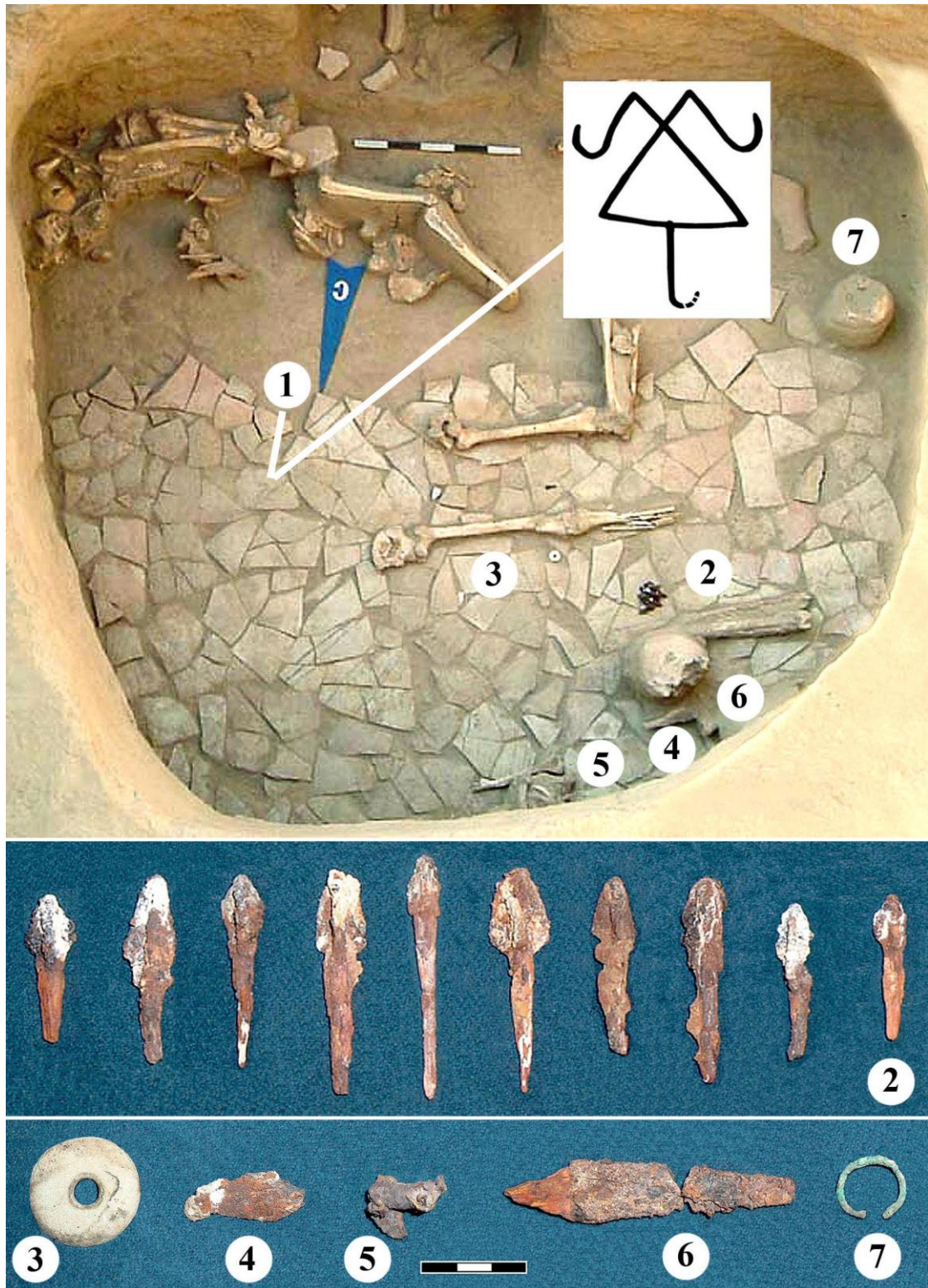

Рисунок 7. Археологический комплекс со знаком катакомбы 19 могильника Культобе (центральная группа насыпей)

В погребальной камере найден следующий погребальный инвентарь: нож железный черешковый с деревянной ручкой и концевая часть другого аналогичного ножа (Рисунок 7:4 и 6); часть пряжки железной рамчатой с бегающим язычком (Рисунок 7:5); черешковые трёхлопастные железные наконечники стрел с ромбовидным и треугольным профилем боевой головки с закруглёнными и острыми «жальцами» (22 экземпляра; Рисунок 7:2); круглое навершие на кинжал (меч) в виде камня с отверстием в центре (Рисунок 7:3) и серьга круглая бронзовая со слегка утолщённым одним концевым завершением и расплюснутым с отверстием – другим (Рисунок 7:7).

Могильник Культобе, восточная группа насыпей, катакомба 1. В южном секторе, ближе к кромке насыпи кургана, открыта трехчастная катакомба «Г»-образного типа (дромос, лаз и овально-трапециевидная в плане погребальная камера с прямым сводом). Место соединения лаза с камерой заложено горизонтальной (и вертикальной) кладкой из квадратного (прямоугольного) массивного кирпича-сырца. Отметим следующие конструктивные и обрядовые новации этой катакомбы: уровень пола камеры и лаза не совпадают (фиксируется высокая ступенька); наличие «Г»-образной суфы, которая расположилась вдоль восточной и северной стенок погребальной камеры; присутствие под костяком 1 остатков деревянного прямоугольной формы гроба-катафалка (Рисунок 8).

При вскрытии камеры было открыто парное погребение: мужской костяк располагался на длинной части суфы, а женский находился непосредственно на полу погребальной камеры, на её нижнем уровне. Обряд погребения: трупоположение в вытянутом состоянии на спине изголовьем на восток. В числе обрядовых действий отметим факт обертывания тел покойных тонко переплетенной тканью хорошего качества.

Погребальный инвентарь включает: керамику (столовые кувшин, фляга и ритуальная курительница. На кувшине и фляге зафиксированы прочерченные по сырой глине два тамго-образных знака (Рисунок 8:1-2; Рисунок 2:6-7)); округлое изделие из камня-песчаника правильной цилиндрической формы с отверстием посередине, близкое по функциональности к навершию клинкового оружия (Рисунок 8:4); две золотые серьги в форме «двойной лунницы» с дужками и инкрустацией камнями красного цвета (рис. 8: 6); наборное ожерелье из овально круглых прозрачных хрустальных, обоймочковых стеклянных и сложно конструктивных бус (се обоймочковые и одиночные бусы – с подглазурным нанесением золота; Рисунок 8:7); перстень железный круглый с печаткой из бронзовой вставки и янтарного «глазка», а также кольцо железное круглое (Рисунок 8:8); декоративный артефакт из золотой фольги в виде миниатюрной шатровой четырёхскатной крыши (Рисунок 8:5).

Найдены также образцы древнего дерева из погребального настила костяка 1, рыбная кость как элемент «заупокойной» пищи и мелкие фрагменты слюды.

Могильник Культобе, восточная группа насыпей, катакомба 4. В южном секторе кургана удалось обнаружить трехчастное катакомбное погребальное сооружение «Г»-образного типа, где дромос – коридор перпендикулярно примыкает к подземной округло-прямоугольной в плане погребальной камере с прямым сводом. В катакомбе открыто одиночное погребение знатной женщины средних лет. Обряд погребения: трупоположение в вытянутом состоянии на спине с ориентацией изголовья на юг в деревянном прямоугольном гробе-катафалке с перекрывающей деревянной крышкой (Рисунок 9:8). В числе особенностей обряда – наличие с левой стороны погребенной (за пределами деревянного катафалка) части туши молодой лошади (жеребенка) и овцы (Рисунок 9:9).

Рисунок 8. Археологический комплекс со знаками катакомбы 1 могильника Культобе (восточная группа насыпей)

Керамика катакомбы представлена столовой керамической флягой классической округло-шаровидной вертикально-яйцевидной формы с характерным «обрезанным» плоским боком-дном (у донца и начала горловины фляги отмечен тамго-образный крестовидный знак, прочерченный по сырой глине до обжига сосуда; Рисунок 9:1; Рисунок 2:9); миниатюрной ритуальной курильницей стакано-образной формы с четырьмя отверстиями в стенке (на внешней стенке курильницы тонкими линиями прочерчен по сырой глине тамго-образный стреловидный знак; Рисунок 9:2; Рисунок 2:8).

Другой инвентарь включает: бронзовое дисковидное зеркало с короткой ручкой-штырьком, декоративная сторона которого в центре имеет выступ-умбон, а по периметру – выраженный бортик, подчеркнутый двумя концентри-

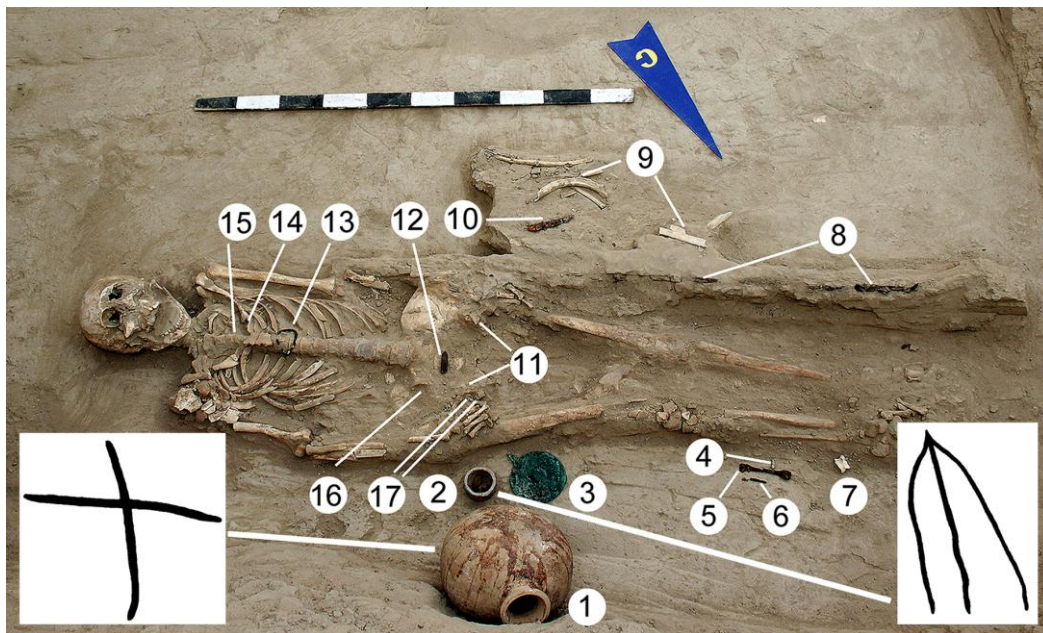

Рисунок 9. Археологический комплекс со знаками катакомбы 4 могильника Культобе (восточная группа насыпей)

ческими линиями (Рисунок 9:3); убранство одежды в виде нашивных 115 миниатюрных золотых цилиндриков (один из них рифленый; Рисунок 9:14); нож железный черешковый без навершия и перекрестия (имел деревянную ручку, окрашенную в красный цвет (Рисунок 9:10); втулку круглую железную (игольница; Рисунок 9:11); пряжку рамчатую прямоугольную поясную (Рисунок 9:11а); железную «ложку» с двумя лопастями, напоминающая по форме медицинский шпатель (скорее всего, это псалий, одна лопасть имеет два сквозных отверстия; Рисунок 9:5); три кольца железных (Рисунок 9:16, 17-17а); черешок от железного наконечника стрелы (Рисунок 9:6);

Украшения представлены: наборным браслетом из более 80 стеклянных бусин светло-желтого цвета небольших размеров (в том числе с внутренней позолотой) и подвеской из египетского фаянса зелено-голубого цвета, имитирующую либо удлиненную морду лошади, либо – стилизованное изображение клюва грифона (или когтя, зуба, клыка животного; Рисунок 9:4-4а); наборным ожерельем из различных по форме овально-цилиндрических и округлых бус (гагатовых, стеклянных; Рисунок 9:13); подвеской круглую костяную из позвонка пресноводной рыбы (Рисунок 9:15).

Изделия из камня, костяные предметы состоят из каменного сурьматаша коричневого цвета традиционной остроконечной формы с отверстием для подвешивания в широкой части и игровой кости (асыка) в виде астрагала от овцы (Рисунок 9:12 и 7).

Могильник Культобе, восточная группа насыпей, катакомба 7. В ходе работ почти в центре под насыпью кургана была открыта двухчастная «Т»-образная катакомба (бесступенчатый дромос траншейного типа перпендикулярно примыкает к сводчатой подземной погребальной камере овально-прямоугольной планировки). На дне камеры обнаружен потревоженный древними грабителями одиночный костяк воина-номада в полном вооружении (Рисунок 10). Обряд погребения: труположение на спине ориентацией изголовья на восток. В числе особенностей обряда отметим наличие под костяком и над ним тленных остатков дерева – судя по всему, данное погребение было осуществлено в деревянном гробе-катафалке прямоугольной формы с крышкой, которая накрывала его сверху.

Погребальный инвентарь представлен:

– кувшином столовым грушевидной формы (на кувшине отмечен рельефно-выпуклый знак «П»-образной формы в кольцевом «картуше» донца, другой знак треугольной конфигурации, выполненный техникой прорезывания по сырой глине, зафиксирован на тулове сосуда в районе донца; Рисунок 10:1; рис. 2:10-11) и курильницей прямоугольно-овальной формы с невысокими бортиками с отверстием в одном из них (Рисунок 10:2);

– железным черешковым обоюдоострым мечом без навершия и с «бабочковидным» ромбовидным в разрезе перекрестием (меч находился в ножнах из красной кожи, ткани и дерева; на конце черешка отмечен штырь-фиксатор деревянной рукояти; Рисунок 10:4) и железным обоюдоострым кинжалом-акинаком без перекрестия и навершия в аналогичных ножнах; Рисунок 10:8);

– железными наконечниками стрел (Рисунок 10:5, 10-10а и 14);

– фрагментами костяных концевых и срединных накладок на сложно-составной «М»-образный лук (Рисунок 10:7-7в) и костяным концевым полым фиксатором на дополнительный ремешок на основной пояс (Рисунок 10:6);

– амулетами из бакулюмов байкальской нерпы (Рисунок 9:3) и двумя идентичными по конструкции железными овально-округлыми рамчатыми обувными пряжками с подвижным язычком (Рисунок 10:11);

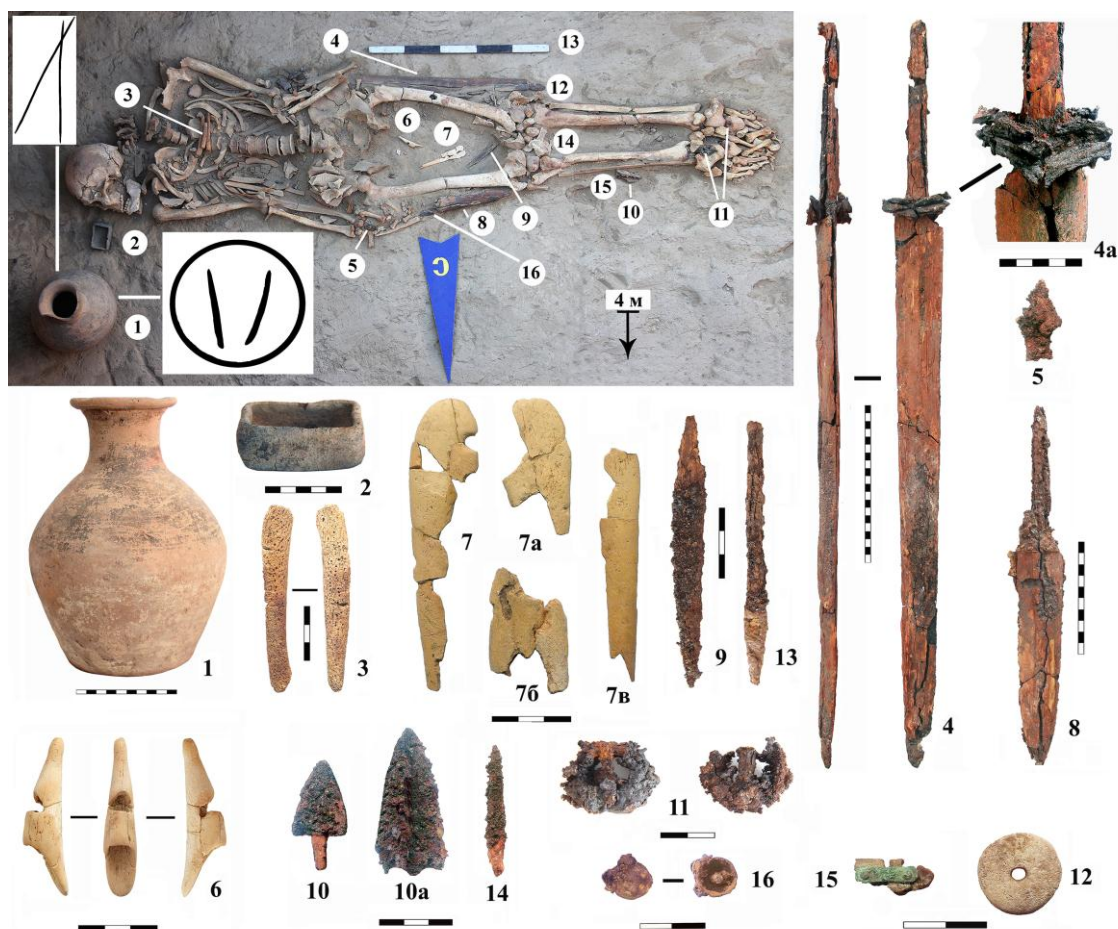

Рисунок 10. Археологический комплекс со знаками катакомбы 7 могильника Культобе (восточная группа насыпей)

– ножом железным без перекрестия и навершия (Рисунок 10:9), а также – железным изделием, напоминающим скальпель (Рисунок 10:13);

– плоским округлым камнем с отверстием в центре (Рисунок 10:12), бронзовой обоймой на тонкую деревянную пластину с двумя штырьками-фиксаторами (Рисунок 9:15) и железной сферической бляшкой с ножкой для заклёпки (Рисунок 10:16).

Могильник Культобе, восточная группа насыпей. Катакомба 9. В результате работ здесь со значительным смещением от центра в сторону южного сектора, у кромки насыпи, была открыта «Т»-образная трёхчастная катакомба (дромос в виде траншеи; арковидный в разрезе лаз, проём которого заложен кладкой из прямоугольного кирпича-сырца и сводчатая погребальная камера овально-трапециевидной планировки).

В камере зафиксировано коллективное погребение, включающее: костяк 1 (мужской), костяки 2 и 3 (женские) и потревоженный костяк 4 юноши-подростка. Обряд погребения: труположение на спине (Рисунок 11). В числе особенностей обряда следует отметить наличие под всеми костяками тленных остатков плетённой камышовой подстилки.

Погребальный инвентарь представлен: пятью однотипными столовыми кувшинами грушевидной формы с вертикальной желобчатой ручкой на короткой горловине, верхняя часть которой крепится ниже венчика. Все сосуды сде-

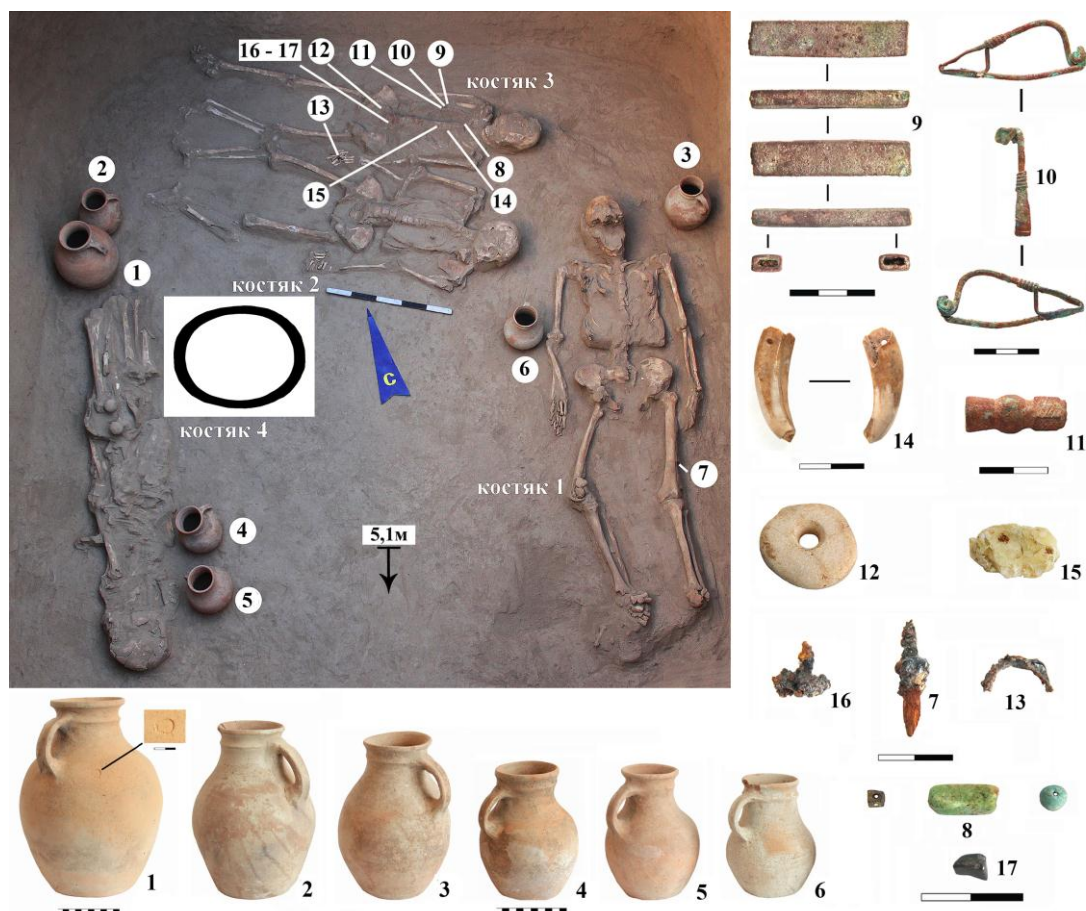

Рисунок 11. Археологический комплекс со знаком катакомбы 9 могильника Культобе (восточная группа насыпей)

ланы на круге, украшены концентрическим «рубчиком» под венчиком, покрыты светло-коричневым ангобом и ангобными потёками; на тулове большого кувшина отмечен круглый знак (Рисунок 11:1; Рисунок 2:12); бронзовой лучковой фибулой с подвязным приёмником (Рисунок 11:10); посеребренной бронзовой фигурной втулкой-пронизкой (изделие со сквозным отверстием, включающее округлую «воронку», затем «шар» и «куб», на котором на четырёх сторонах нанесены пересекающиеся линии-насечки; Рисунок 11:11); бронзовой сплющенной трубкой прямоугольной в разрезе (внутри изделия отмечены остатки железа, а на внешних широких поверхностях нанесены пунсоны в виде круга с точкой-углублением в центре; Рисунок 11:9); частью железного кольца (Рисунок 11:13); железным черешковым безлопастным наконечником стрелы (Рисунок 11:7); частью круглой рамчатой железной пряжки с подвижным язычком (Рисунок 11:16); одной каменной и двумя стеклянными бусинами (Рисунок 11:8); неправильной округлой формы плоским камнем с отверстием в центре (Рисунок 11:12); фрагментом графита аморфной формы (Рисунок 11:17); амулетом из янтаря жёлтого цвета овальной формы (Рисунок 11:15); изделием из клыка собаки (волка) с отверстием для подвешивания (Рисунок 11:14).

Могильник Культобе. Восточная группа насыпей, катакомба 5. Археологические работы в позволили в южном секторе обнаружить трехчастную «Г»-образную катакомбу (дромос, лаз, камера), где дромос-коридор перпендикуляр-

но примыкает к подземной сводчатой погребальной камере. В катакомбе открыто коллективное погребение, состоящее из двух групп костяков.

Первая группа включает останки трех костяков, которые представляют собой скопление без всякой системы черепных коробок и других костей. Предварительная антропологическая идентификация: костяк 1 – останки женщины средних лет; костяки 2 и 3 – останки мужчины и женщины средних лет (Рисунок 12). Вторая группа состоит из трех костяков, лежащих в анатомическом порядке, располагающихся вдоль длинной оси в центре камеры. Предварительная антропологическая идентификация: мужской костяк 4, костяк 5 девушки-подростка и женский костяк 6. Судя по всему, последняя группа погребенных представляла собой одну семью (Рисунок 12; костяки 4-6).

Рисунок 12. Археологический комплекс со знаками катакомбы 5 могильника Культобе (восточная группа насыпей)

Обряд погребения: труположение на спине изголовьем на юго-восток. В числе особенностей обряда – наличие под костяками деревянного настила, покрытого плетеной камышовой (тростниковой) подстилкой.

Керамика катакомбы 5 включает девять сосудов столового назначения (Рисунок 12:1-9), отдельно в камере найдены кувшин столовый и донце от кувшина, которое служило в качестве светильника (Рисунок 12:10-11).

Бытовые и ритуальные предметы представлены двумя дисковидными круглыми камнями с отверстиями в центре (Рисунок 12:16-16а); амулетом из кристалла кварца (Рисунок 12:17); аморфным камнем-галечником с процарапанным знаком (Рисунок 12:18) и ритуальным шаром с насечками из фаянса (Рисунок 12:14). Бронзовые изделия включают два колокольчика, перстень с

печаткой и кольцо, подвеску в виде водоплавающей птицы и фаллический предмет (Рисунок 12:15-15д), а железные изделия – двумя безлопастными черешковыми наконечниками стрел (Рисунок 12:19).

Изделия из золота включают фрагмент тонкой золотой фольги, по форме напоминающий вытянутый стяг знамени (Рисунок 12:24) и рубиновый «глазок» овальной формы, обрамленный тонким пояском в золотую оправу (Рисунок 12:12).

Украшения катакомбы 5 состоят из:

– четырёх наборных браслетов (однородных из костяных таблеток и многокомпонентных из бус и подвесок; Рисунок 12:20 - 23),

– наборного ожерелья из различных бус и подвесок из камня, горного хрусталя, слоистого агата, темного сланца, коралла и египетского фаянса. Особенно выделяются большие круглые полированные (до прозрачности) подвески из горного хрусталя, поверхность которых путем проточки бороздок разделяется на шесть секторов (Рисунок 12:13).

– стеклянного бисера голубого, синего цветов (около 150 экземпляров; Рисунок 12:12).

Завершает характеристику артефактного комплекса катакомбы 5 присутствие двух тамго-образных знаков кангюско-сарматского облика: это стреловидный знак на культовом миниатюрном камне и явная тамга на печатке перстня (представляет собой сочетание «штанги», стреловидного знака и двух овальных вдавлений сверху в округлом картуше; Рисунок 12:18 и 25; Рисунок 2:13-14).

Могильник Кылышжар, центральная группа курганов, катакомба 5. Почти в центре, под насыпью была открыта трёхчастная катакомба с дромосом «с заплечиками». Катакомба была полностью ограблена в древности: кирпичная закладка проёма лаза разрушена, части костяка погребённого и инвентаря в беспорядке разбросаны по полу камеры. Установлено, что в катакомбе был погребён воин-номад в полном вооружении (предположительно – мужчина средних лет), костяк которого располагался на толстой плетёной тростниковой (камышовой) подстилке (Рисунок 13).

Погребальный инвентарь катакомбы представлен: керамикой (кувшин и фляга). Кувшин имеет декор в виде покрытия светлым ангобом желтовато-серого цвета, вторично украшен чёрными ангобными потёками и брызгами, а в центральной части тулова сосуд имеет выраженное станковое рифление (Рисунок 13:1). Фляга столовая традиционной формы имеет шаровидно-конусовидное тулово с плоским «обрезанным» боком (дном) и вертикально посаженную горловину. Сосуд украшен ангобом насыщенного чёрного цвета, который покрывает верхнюю часть фляги вместе с горловиной и венчиком на определённом уровне строго по горизонтали; конус сосуда подчеркнут концентрическим кругом и выступом-умбоном в самой верхней части. Кроме того, под горловиной фляги зафиксирован крупный тамго-образный «Т»-образный знак, нанесённый прочерченной техникой до обжига и декора сосуда (Рисунок 13:15).

Клиновое оружие включает железный меч без перекрестия и навершия (меч находился в сложно-конструктивных ножнах, которые состояли из плотной ткани, дерева и кожи, окрашенной в красный цвет), и железный кинжал аналогичной мечу конструкции, который также находился в ножнах, окрашенных в ярко красный цвет (Рисунок 13:5-6).

Дистанционное оружие представлено частями концевой костяной накладкой на лук, костяным круглым оттягивателем тетивы и железными черешковыми трёхлопастными наконечниками стрел двух типов (с острой треугольной ударной головкой «опущенными жальцами», а также железным безлопастным черешковым наконечником; Рисунок 13:7 и 9).

Рисунок 13. Археологический комплекс со знаком катакомбы 5 могильника Кылышжар (центральная группа насыпей)

Вещевой инвентарь включает железный черешковый бытовой нож со следами кожаных ножен и деревянной ручки (Рисунок 13:4); две пряжки железные с небольшой круглой рамкой и бегающим язычком, с длинным вытянутым щитком (Рисунок 13:8); две пряжки круглые рамчатые железные щитковые с бегающим язычком (Рисунок 13:3).

Могильник Кылышжар, центральная группа курганов, катакомба 11. Представляет собой двухчастную катакомбу «Т»-образной планировки, включающую траншейного типа бесступенчатый дромос и прямоугольную округлой формы сводчатую погребальную камеру. В числе конструктивных особенностей этой катакомбы отметим создание в центре камеры, по её длинной оси ещё одного погребального устройства, которое вырезано в лёссовом полу в виде узкого прямоугольного «гробовища». В этом «гробовище» зафиксирован человеческий костяк, лежащий в анатомическом порядке. Обряд погребения – трупоположение на спине с ориентацией изголовья на запад (Рисунок 14).

Керамика катакомбы 11 включает два сосуда: столовую флягу и часть боковины от кухонного горшка (Рисунок 14:1-2). Фляга столовая классической округлой формы с плоским боком, поверхность сосуда покрыта светло-коричневым ангобом, имеются также ангобные потёки более тёмных тонов. На фляге отмечены два знака: «Н» – образный знак располагался на горловине сосуда (выполнен прочерченной по сырой глине техникой), а рельефно выпуклый крестообразный знак с «завитком» зафиксирован в круге-картуше боковины (донце) фляги (Рисунок 14:1; Рисунок 2:16-17). Фрагмент боковины кухонного горшка позволяет восстановить форму сосуда: он банко-образный, без горловины, внешняя поверхность горшка закопчена (свидетельство использования сосуда на открытом огне; Рисунок 14:2).

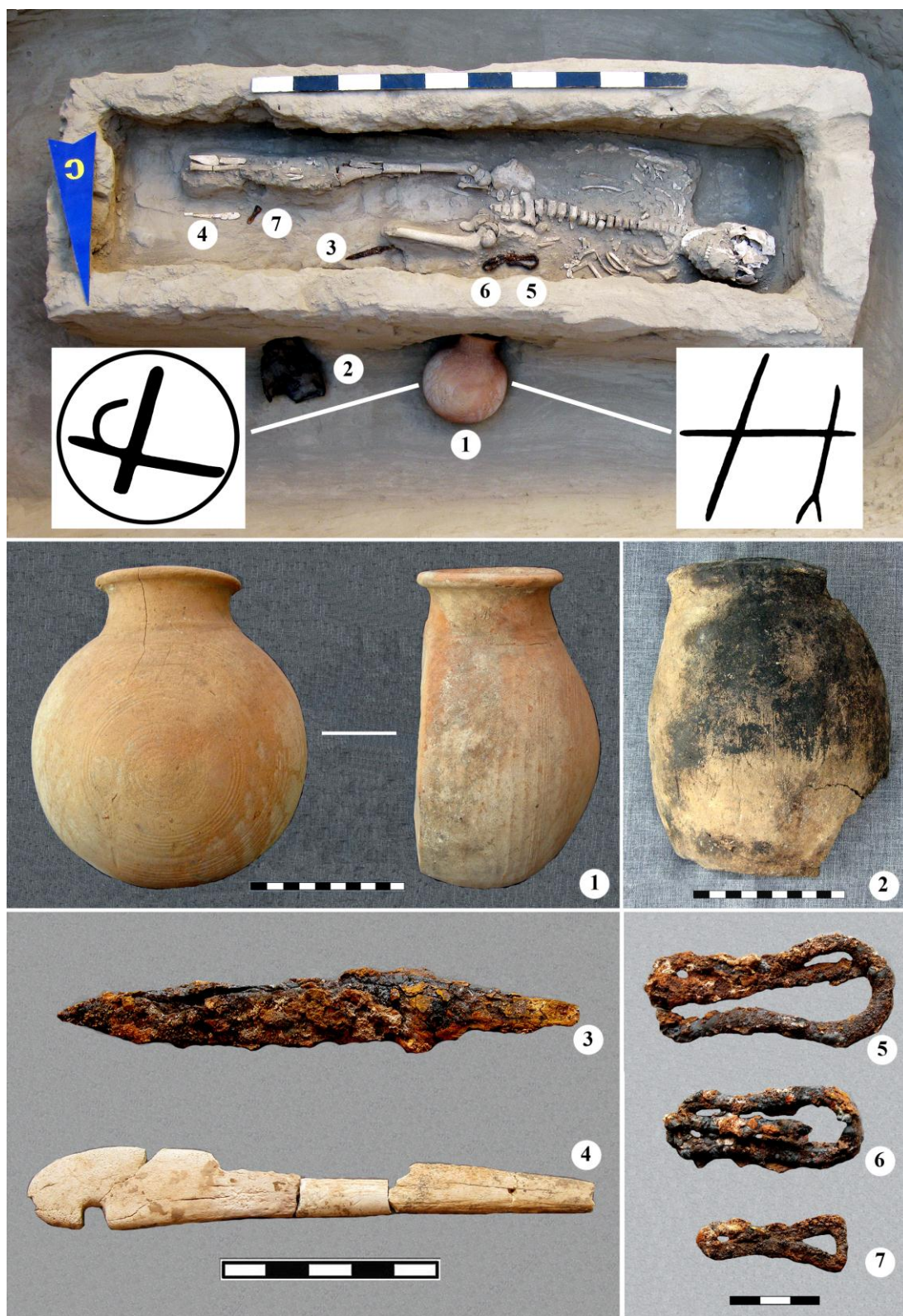

Рисунок 14. Археологический комплекс со знаками катакомбы 11 могильника Кылышжар (центральная группа насыпей)

Помимо керамики, в катакомбе обнаружены железный черешковый без перекрестия со слегка изогнутой «спинкой» нож (на черешке отмечены следы красной кожи и деревянной ручки; Рисунок 14:3), а также три железные бесщитковые рамчатые с бегающим язычком и без язычка пряжки «лировидной» формы (Рисунок 14:5-7). Оружие представлено концевой костяной накладкой на лук с характерной выемкой для тетивы (Рисунок 14:4).

Могильник Каратобе, катакомба 3. Представляет собой катакомбу «с дромосом с заплечиками» «Г»-образной планировки. Сводчатая овальная в плане погребальная камера открыта под центром насыпи, место соединения камеры и дромоса заложено квадратным и прямоугольным кирпичем-сырцом. На уровне пола камеры, ближе к северной стенке, обнаружен костяк молодой девушки (труположение на спине изголовьем на восток) (Рисунок 15).

Инвентарь представлен:

- крупной водоносной флягой классической формы и малой столовой флягой; у крупной фляги на тулове в районе горловины зафиксирован прочерченный по сырой глине знак, напоминающий решётку – кроме всего, в тулове сосуда, ближе к конусу, отмечено высверленное отверстие (вариант ритуальной порчи погребального инвентаря; Рисунок 15:1; Рисунок 2:18);

- деревянным прямоугольным с невысокими бортиками подносом на четырех ножках, на котором находились часть туши овцы и небольшой однолезвийный без перекрестия железный нож (Рисунок 15:3);

- бронзовым круглым зеркалом с боковой ручкой-штырьком, который крепился в створке речной раковины-устрицы (Рисунок 15:4);

- крупной подвеской из раковины-каури (Рисунок 15:5);

- наборным ожерельем из каменных, стеклянных бус с подглазурным нанесением золота и бронзовой подвески в виде птицы-фазана (Рисунок 15:6);

- наборным ручным браслетом из различных по форме бусин из керамики, камня, стекла, янтаря и двух подвесок в виде сосудиков (Рисунок 15:8).

Приведённая выше информация об археологических комплексах из катакомб арыской культуры в контексте знаковой тематики позволяет сделать некоторые выводы. Они связаны с определением этнической принадлежности археологических материалов с тамго-образными знаками на керамике и иных артефактах, специфической роли знаков в погребальной обрядности и статистикой, иллюстрирующий последний тезис.

Начнём с того, что почти половина катакомб, в которых зафиксированы знаки на керамике, включают одиночные погребения воинов-номадов и воительниц, чей инвентарь, наряду с керамикой, состоит из клинкового или дистанционного оружия, конского снаряжения (6 из 13). Перечисленные выше археологические комплексы катакомб с их набором оружия, конского снаряжения, деревянной посудой, вещевым инвентарем и знаками на керамике носят явно кочевнический характер, и по своему облику близки азиатским сарматам и сунну.

Другая группа катакомб характеризуется коллективными разновременными захоронениями, где инвентарь – это преимущественно керамика и артефакты, связанные с оседлым образом жизни.

К первой группе катакомб со знаковым материалом, которые классифицируются как сармато-суннские, относятся: катакомба 15 могильника Тулебайтобе II (Рисунок 3); катакомба 4 могильника Культобе (восточная группа керамики; Рисунок 9); катакомба 7 могильника Культобе (восточная группа насыпей; Рисунок 10); катакомба 5 могильника Кылышжар (центральная группа насыпей; Рисунок 13); катакомба 11 могильника Кылышжар (центральная группа насыпей; Рисунок 14); катакомба 3 могильника Каратобе (Рисунок 15).

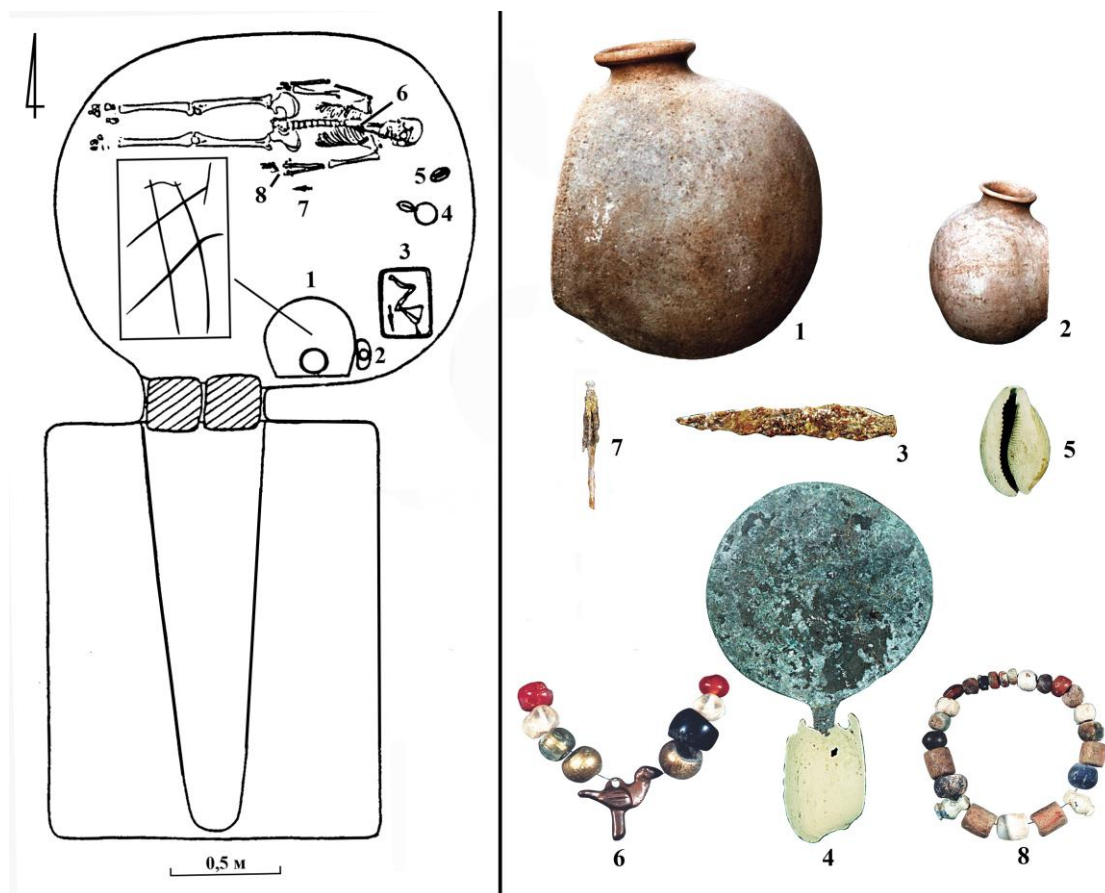

Рисунок 15. Археологический комплекс со знаком катакомбы 3 могильника Каратобе

Вторая группа катакомб со знаковым материалом характеризуются как кангюйская, к ним относятся: катакомба 7 могильника Культобе (центральная группа насыпей; Рисунок 5); катакомба 11 могильника Культобе (центральная группа насыпей; Рисунок 4); катакомба 26 могильника Культобе (центральная группа насыпей; Рисунок 6); катакомба 19 могильника Культобе (центральная группа насыпей; Рисунок 7); катакомба 1 могильника Культобе (восточная группа насыпей; Рисунок 8); катакомба 9 могильника Культобе (восточная группа насыпей; Рисунок 11); катакомба 5 могильника Культобе (восточная группа насыпей; Рисунок 12).

Заметим, что перечисленная выше этническая идентификация катакомб, предложенная на основе интерпретации археологических комплексов и многочисленных этнокультурных аналогий, достаточно условна в связи с тем, что некоторые из этих комплексов синкретичны и включают составляющие как оседло-земледельческого, так и кочевого характера. Например, катакомба 19 могильника Культобе центральной группы насыпей при наличии оружия (наконечники стрел, каменное навершие на кинжал) является коллективным погребением (4 костяка); аналогичным образом, в других катакомбах со знаками фиксируется оружие, но при явном доминировании оседло-земледельческого инвентаря (масса керамики, бытовых вещей; катакомбы 5 и 9 могильника Культобе восточной группы насыпей).

Факт подобной дифференциации иллюстрирует полиэтничность древнего народонаселения Кангюй с глубокими синкретичными оседло-земледельчес-

кими и кочевыми традициями в сфере материальной, духовной культуры, оставившего отмеченные выше катакомбные погребальные сооружения с тамго-образными знаками.

2. Ритуальный, этнический аспекты появления керамики и других артефактов с тамго-образными знаками в катакомбах Южного Казахстана. Тамго-образные знаки кангюйско-сарматского и суннуского происхождения фиксируются на керамике арысской культуры хозяйственно-бытового (хумы) и столового назначения (кувшины, фляги, кружки). Эта посуда местного производства, сделана из качественного теста вручную (хумы) и с помощью быстро вращающегося круга (остальные формы). Она отлично обожжена в двухкамерных гончарных печах (Подушкин 1973, С.183-187), и также хорошо декорирована ключевыми для арысской культуры приёмами: станковое рифление, рельефно-выпуклые валики, покрытие ангобами различных цветов, лощение по ангобу, ангобные потёки (Подушкин 2000, С.93-95).

При этом отмечена закономерность: вся керамика с тамго-образными знаками в катакомбах арысской культуры, выступающая в роли погребального инвентаря (кувшины, фляги столовые и водоносные, кружки), связана только с водой – судя по всему, вода как стихия, символ жизни и средство утоления жажды особо почиталась народонаселением, оставившим эти катакомбы.

Совершенно очевидно, что появление столовой посуды в погребальной камере связано с традиционной обрядностью в рамках религиозного дуализма и веры в «потустороннее» существование; при этом сосуды имели «персональное» назначение (количество костяков и керамической посуды в погребении обычно совпадает). Что касается хумов в катакомбах арысской культуры (наиболее большие по размерам и наверняка самые дорогостоящие керамические изделия в древности), то их функции в погребальной обрядности весьма своеобразны: сосуды намеренно разбивали (раздавливали) на фрагменты, потом ими сплошным порядком (или частично) выкладывали пол погребальной камеры, на который затем клали усопших.

Однозначно такая керамика в древности имела определенную ценность, и представляла особый интерес в качестве погребального инвентаря – особенно для тех групп кочевого народонаселения региона, которые в силу ряда обстоятельств, просто не могли создать гончарную продукцию такого высокого качества. В этой связи уместен вопрос об отношении пришлых кочевых этносов к керамическим изделиям (и керамике вообще), выполненным автохтонным земледельческим населением, и роли местной керамики в таком тонком явлении, как погребальная обрядность у номадов.

Факт, что особое место в погребальной атрибуции номадов занимает керамика, но следует отметить, что керамическое производство качественной посуды широкого ассортимента с его трудоёмкими циклами (создание хорошего теста, формовка изделий, обжиг и декор) - это сложный и высокотехнологичный по тем временам процесс, мало или почти не совместимый с кочевым образом жизни.

Поэтому не удивительно, что номады Евразии всегда ценили керамику и использовали её как в бытовых, так и ритуальных целях, поскольку сами изготовлять хорошего уровня керамические изделия не умели. Такой тезис прямо пересекается с мнением М.П. Абрамовой, которая пишет: «...собственно сарматская керамика ...однообразна и бедна. Сарматы - кочевые племена, имевшие довольно низкий уровень развития материальной культуры, плохо развитое керамическое производство, незнакомое с гончарным кругом» (Абрамова 1979, С.48). По мнению А.С. Скрипкина, тенденция заимствования керамики у

местного оседло-земледельческого населения характерна для сарматов Поволжья и Подонья (Скрипкин 1982, С.48).

Аналогичная ситуация с керамикой арысской культуры в катакомбах с материалами кангюйско-сарматского облика: комплекс хозяйственно-бытовой, столовой и ритуальной посуды почти всегда сопровождает подобные захоронения как погребальный инвентарь. Более того, это явление настолько характерно, что сейчас можно говорить о существовании ритуальных центров, которые «обслуживали» прибывших в регион кочевников поставками высококачественной керамики для погребальных нужд (об этом свидетельствует посуда, найденная в катакомбах, которая никогда не использовалась в быту, так как сразу после изготовления отправлялась в погребение в качестве инвентаря).

Между тем какую-то часть керамики, не требующей больших трудовых затрат и владения особыми специфическими технологиями, и которая была им необходима в погребальной обрядности, кочевники изготавливали сами - это, например, ручной работы и открытого обжига кухонная и ритуальная посуда (курильницы), имеющая отношение к огню. Так, наряду с качественной и богато декорированной столовой керамикой арысской культуры (горшки, кувшины, фляги, кружки), в катакомбах с сарматскими комплексами присутствуют ручного изготовления и грубого обжига горшки и курильницы, которые своим «не местным» обликом заметно выделяются на фоне другой посуды.

Резюмируя сказанное, можно заключить: интерес кочевников к таким элементам обрядности, как присутствие керамики местного производства в погребениях (катакомбах) был стационарным явлением, причем настолько, что какая-то часть посуды изготавливалась на заказ, и по желанию клиентов маркировалась изготовителями знаками-тамгами, которые подчеркивали тем самым социальный и племенной (родовой, клановый) статус умерших из среды последних.

3. Кангюйско-сарматские и суннуские тамго-образные знаки в катакомбах арысской культуры. Тамго-образные знаки на керамике обнаружены преимущественно в катакомбных погребальных сооружениях (доминирующая конструкция). Они представлены трёхчастными «Т»-образными («Г»-образными) с длинным узкотраншейным дромосом, а также «Т»-образными катакомбами с дромосом «с заплечиками». Такие погребальные сооружения обнаружены в могильниках Тулебайтобе II, Культобе (центральная и восточная группы насыпей), Кылышжар (центральная группа насыпей), Каратобе и Борижарский (Рисунок 1).

Катакомба первого типа представляет собой трёхчастную подземную конструкцию, которая включает: длинный узкий траншейного типа ступенчатый (иногда бесступенчатый) дромос-коридор; арковидный в разрезе короткий по длине лаз; сводчатую прямоугольную (трапециевидную) в плане погребальную камеру с прямыми (иногда со сглаженными) углами. Как правило, вся погребальная конструкция почти в правильном направлении вытянута с юга на север, уровень пола камеры и уровень пола лаза могут совпадать и не совпадать (то есть может фиксироваться или отсутствовать ступенька). Кроме того, место соединения дромоса с лазом почти всегда заложено выкладкой из крупного прямоугольно-трапециевидного кирпича-сырца. Собственно погребальная камера в «рабочем» состоянии – это полое подземное сооружение, верх которой оформлен как свод или прямой потолок.

Катакомба второго типа с дромосом «с заплечиками» тоже подземное сооружение, оно характеризуется: основным (большим) широким, относительно коротким прямоугольным, напоминающим грунтовую яму, дромосом; малым дромосом, выполненным как пандус с уклоном вглубь, в полу большого дромоса.

са (в результате формируются так называемые «запечки»); сводчатой полкой погребальной камерой прямоугольной или неправильной овально-трапециевидной планировки; место соединения малого дромоса и камеры обычно тоже заложено кладкой из кирпича-сырца.

Заметим, что все катакомбы находятся на значительной от дневной поверхности глубине, минимум от 3-3,5 м., максимум до 5,5-6,5 м., и могут представлять собой внушительное подземное сооружение (размеры камеры размерами 3,5 на 4,5 м при высоте свода до 2 м).

Археологические комплексы, близкие к сарматским и суннским, количественно зафиксированы преимущественно в катакомбах с дромосом «с запечками» (могильник Кылышжар); обнаружены они также и в классических «Т»-образных катакомбах с узкотраншейным дромосом (могильники Тулебайте II, Культобе, Каратобе).

В катакомбах арысской культуры преобладают коллективные погребения (от двух до восьми костяков в погребальной камере), однако отмечены и одиночные захоронения. В случае с коллективными погребениями зафиксирован факт впускных разновременных захоронений; при этом, если «полезной площади» в камере не хватало, костные останки предыдущих покойников сдвигались от центра к стенкам камеры, а на освободившееся место клались новые усопшие. В этом плане катакомба «работала» как склеп, и в таком контексте понятен факт не пересыпания насыпью кургана основных подземных конструкций катакомбы (дромос почти всегда находился за границей или кромкой насыпи): в древности её эпизодически вскрывали, и осуществляли новые впускные погребения. Обряд погребения - труположение на спине в одиночном, парном и коллективном вариантах. Доминирует восточная ориентация изголовья, однако, когда камера «переполнена», в одном погребении наблюдается совершенно разная ориентация изголовья (восточная, западная, иногда - южная).

Еще один существенный вопрос: почему археологические комплексы сарматского и суннского облика, порой ярко выраженные (в том числе присутствие тамго-образных знаков на керамике), фиксируются именно в катакомбах, и насколько консервативны в этом контексте варианты использования традиционной погребальной конструкции в среде кочевников. Например, сарматы на своих исконных этнических территориях хоронили преимущественно в прямоугольных, удлинённых грунтовых ямах (узких, средних, широких), квадратных могилах, ямах с запечками с использованием дерева; только в поздне сарматское время появляются небольшой процент подбойных могил и ещё меньше - несложных катакомб (Мошкова 1989, С.178, 191; Засецкая 1974, С.104-121).

Такая же тенденция отмечена у азиатских сунну, у которых отсутствует катакомба как погребальная конструкция: здесь доминируют простые прямоугольные ямы с разным вариантом внутреннего оформления (бревенчатый сруб; деревянный гроб; гроб в срубе, выкладка контура ямы камнем-плитняком по аналогии с каменным ящиком или обкладка простым камнем; Руденко 1962, С.6; Миняев 2007, С.69).

Судя по всему, определённая часть кочевников по ряду факторов и причин (мобильность, предельная социальная адаптация и быстрое восприятие новаций любого рода, в том числе - в погребальной обрядности; критические условия ландшафтно-почвенного и природного порядка, когда создать полноценное традиционное погребальное сооружение на новом месте невозможно) при общем сохранении основных ритуальных действий могла заимствовать у оседло-

земледельческих этносов как конструкцию, так и некоторую погребальную атрибуцию.

Именно такая ситуация складывается с катакомбами арысской культуры, при этом пока сложно объяснить, почему в этих различных по конструкции погребальных сооружениях встречены близкие по археологическим параметрам сарматские и суннуские комплексы. Иные особенности обряда погребения применительно к катакомбам в контексте кангюйско-сарматской и суннуской знаковой тематики будут освещены ниже – заметим только, что основные артефактные комплексы, сопровождающие керамику и другие артефакты со знаками, датируются в пределах I в. до - III в. н. э. (Подушкин 2010, С.215; Подушкин 2015, С.511). Также отметим факт присутствия знаков в катакомбах с элитными погребениями; эту элитность подчёркивают как размеры курганных насыпей и глубина погребальных сооружений, так и сопровождающий богатый инвентарь, включающий массу дорогостоящих изделий, в том числе из золота (Рисунок 8 и 9; Рисунок 11 и 12).

4. Трасология тамго-образных знаков на керамике и других артефактах из катакомб арысской культуры. Как отмечалось выше, прорисовка крупных тамго-образных знаков на керамике по сырой глине позволяет достаточно уверенно, без специальных приспособлений, визуальнo выявить трасологию знаков по следующим параметрам: характер, вектор направления инструмента, которым выполнялся знак; концентрация глиняной массы в конкретной точке, фиксирующей окончание действия; варианты наложения графем (линий) друг на друга. Это позволяет отметить некоторые важные моменты создания тамго-образных знаков в контексте выяснения их функциональной нагрузки, семантики и социальной атрибутики: определение инструмента; фиксация конструктивных составляющих знака в виде графем; последовательность нанесения первичных (основных) и вторичных и далее по количеству графем-составляющих знака (линий, рисунков).

В таком контексте остановимся на характеристике значимых тамго-образных знаков из катакомб.

Знак на хуме из катакомбы 15 могильника Тулебайтобе II. Он представляет собой округлую крупную графему (первичная, основная графема), к которой затем сверху и снизу по вертикали «подрисованы» две овально-прямоугольной вторичные формы (графемы-«ушки»). Знак прорисован по сырой глине слегка раздвоенной на конце палочкой (тростник?), и наносился в четыре приема следующим образом (Рисунок 15) (последовательность нанесения графем: первая графема - чёрный цвет; вторая – красный, третья – синий; вектор направления инструмента указан стрелками); вначале - округлая основная графема (выполнена одним движением руки, начиная снизу); затем (также в один прием, движением «снизу-вверх»-«по горизонтали вправо»-«сверху-вниз») нанесена верхняя графема, причем её концы перекрывают линию основной графемы. Третья графема выполнена в два приема – сначала была нанесена левая часть графемы в форме «крюка» движением «сверху-вниз-вправо», а потом, аналогичным образом, заключительная (правая часть графемы) в виде вертикальной линии, которая соединила композицию нижней графемы (Рисунок 15:1).

Знак на столовом кувшине из катакомбы 11 могильника Культобе центральной группы насыпей. Этот знак состоит из двух графем: основной (первичной) в виде почти правильного круга и вторичной в виде креста, который вписан в круг. В целом знак нанесен пальцем руки (судя по толщине линий и размеру знака, мизинцем) в пять приемов, три из которых связаны с прорисов-

кой круга и два – креста (Рисунок 15:2: последовательно прочерчены линии, обозначенные чёрным, красным, синим, зелёным и жёлтым цветами с соответствующим направлением их нанесения).

Знак на столовом кувшине из катакомбы 7 могильника Культоте центральной группы насыпей. Знак состоит из двух зигзагообразных графем, выполненных режущим острым предметом по сырой глине: первая почти «N»-образной прорисовки (Рисунок 15:3) (чёрный цвет линии); вторая графема «угол с завитком» расположена ниже первой и перекрывает её (Рисунок 15:3) (красный цвет линии). В целом знак выглядит наклонным приблизительно под 45 градусов.

Знак на столовой кружке из катакомбы 26 могильника Культоте центральной группы насыпей. Этот знак хотя и уверенно фиксируется, но в результате длительного бытового использования кружки его линии оказались затёртыми – кроме всего, будучи в погребении, кружка и то место, где находится знак, очень плотно соприкасалось с остатками угля, который наложился на верхнюю часть знака и слегка «размыл» его. По этой причине установить его реальную трасологию достаточно проблематично, но возможно с известной долей вероятности.

Сам знак-тамга прочерчен по сырой глине очень тонким острым предметом (деревянная палочка, часть костяного стила или другое) и состоит из двух графем: верхняя (основная) в виде незавершенного квадрата, у которого отсутствует верхняя сторона, а левая и правая стороны наверху завершаются крючко-подобными загибами («рожками»). Вторая (вторичная) графема представляет собой почти правильный, слегка наклоненный крест, горизонтальная линия которого слева имеет небольшую вертикальную линию, напоминающую элемент свастики.

Первая графема выполнена одним движением «справа-налево» соответственно в последовательности «сверху-вниз», затем – по горизонтали, и «снизу-вверх»; вторая – нанесением вначале вертикальной линии креста (в верхней части эта линия накладывается на графему 1), а потом – горизонтальной с частью «протуберанса». Общая последовательность и направление нанесения линий отражена в полиграфии на Рисунок 15:4 (соответственно чёрный, красный и синий цвета).

Знак на хуме из катакомбы 19 могильника Культоте центральной группы насыпей. Он включает три составляющие: основную графему в форме почти равнобедренного треугольника с короткими «антеннами» сверху; две вторичные графемы в виде крючковидных «рожек», начинающихся от верхних концов «антенн»; третья графема тоже крючковидной формы соединена верхним концом с основной графемой. Знак прочерчен уверенной рукой инструментом с гладким круглым концом – скорее всего, остроконечным камнем (типа сурьматаша) или костью.

Порядок нанесения линий графем следующие: вначале был прорисован треугольник с «антеннами» в два приема – линия 1 начинается от правой верхней точки «антенны» движением «сверху-вниз», а затем – по горизонтали вправо (она формирует левую сторону треугольника, угол и его нижнюю часть); линия 2 начинается от верхней точки левой «антенны», и движением «сверху-вниз» завершает создание треугольника.

После всего к верхним концам «антенн» пририсовываются пара «рожек» (тоже движением «сверху-вниз» и затем – «вверх»), а окончательный вид знаку-тамге придает нижняя крючковидная графема, начинающаяся от центра нижней стороны треугольника движением вниз (Рисунок 15:5). Общая последо-

вательность и направление нанесения линий отражена в полиграфии на Рисунке 15:5 (соответственно чёрный, красный, синий, зелёный и жёлтый цвета). В целом графическая композиция этого знака достаточно оригинальна, она выдержана в традициях симметрии, а четкость исполнения впечатляет своей выразительностью.

Знак на столовом кувшине из катакомбы 1 могильника Культобе восточной группы насыпей. Знак выполнен техникой прорезывания острым предметом по сырой глине. Имеет «Э»-образную форму (в случае поворота знака на 45 градусов вправо), в натуральном состоянии близок по исполнению к полусфере, «разрезанной» вертикальной линией пополам. Состоит из двух графем, выполненных в три этапа: вначале – вертикальная, слегка изогнутая линия, прорезанная «сверху – вниз», затем - «дуга», состоявшая из двух линий, также прорезанных «сверху – вниз» от верхнего основания первой графемы. Общая последовательность и направление нанесения линий отражена в полиграфии на Рисунке 15:6 (соответственно чёрный, красный и синий цвета).

Знак на столовом кувшине из катакомбы 7 могильника Культобе восточной группы насыпей. Это наиболее простой знак, выполненный техникой прорезывания острым предметом по сырой глине. Он состоит из двух линий, которые пересекаются в верхней части. Первая из линий вертикальная (она же – первая графема), вторая вверху под углом накладывается на первую графему. Прорисовка обеих линий начинается вверху, движением вниз. Общая последовательность и направление нанесения линий отражена в полиграфии на Рисунке 15:11 (соответственно чёрный и красный цвета).

Знак на овальной печатке бронзового перстня из катакомбы 5 могильника Культобе восточной группы насыпей. Знак выполнен техникой выплавки и чеканки инструментом, похожим на небольшое зубило. Основу знака составляют следующие составляющие (по принципу начальные и последующие):

- парные овально-вытянутые углубления вверху и горизонтальная чеканная линия «штанги» внизу;
- две чеканные вертикальные борозды по краям горизонтальной линии «штанги»;
- три чеканные вертикальные под углом борозды, верхние концы которых начинаются от центра горизонтальной линии «штанги». Предполагаемая последовательность нанесения борозд-линий отражена в полиграфии на Рисунке 15:14 (соответственно чёрный, красный, синий, зелёный, жёлтый и коричневый цвета).

Знак на столовой фляге из катакомбы 5 могильника Кылышжар центральной группы насыпей. Этот знак представлен одной «Т»-образной (или «Э»-образной при повороте вправо знака на 45 градусов) графемой, состоящей из двух линий: первая дугообразная, вторая прямая. Создавался он следующим образом: вначале была нанесена дугообразная линия 1 (она по форме напоминает почти правильную полусферу), а затем – прямая линия 2, которая как бы делит «полусферу» пополам. Причем в верхней части линия 2 пересекает (накладывается) на линию 1; такая последовательность сохраняется независимо от того, в какой позиции находилась фляга - горловиной вверх (на тулове) или сосуд стоял на донце. Знак нанесен острым предметом по сырой глине, ближе к донцу – судя по всему, его реально создавали как «Т»-образный вариант знака, т. е., когда сосуд стоял на донце, вниз горловиной. Общая последовательность и направление нанесения линий отражена в полиграфии на Рисунке 15:15 (соответственно чёрный и красный цвета).

Знак на водоносной фляге из катакомбы 3 могильника Каратобе. Знак выполнен тонким острым предметом по сырой глине в 6 приёмов: первые 4 формируют ключевую графему в виде слегка наклонной решётки, два последних венчают верх этой решётки в форме короткой волнистой и вертикальной линий. Общая последовательность и направление нанесения линий отражена в полиграфии на Рисунке 15:18 (соответственно чёрный, красный, синий, зелёный, желтый и коричневый цвета).

Тамго-образный знак на хуме с городища Культобе. Состоит из двух графем: первичной верхней, напоминающей горизонтальный зигзаг с двумя крючковидными завершениями, состоящей из нескольких линий: вертикальной и горизонтальной (вместе они составляют букву «Т»), а также – двух крючковидных графем («рожки»), которые «крепятся» с двух сторон к концам горизонтальной линии, но прочерчены одна вверх, другая вниз и вторичной нижней волнито-образной формы, у которой внизу фиксируется вертикальная линия с крючковидным завершением с поворотом влево. При этом основные графемы (первичная, вторичная) почти не соединены (нет их четкого соприкосновения, лишь совсем немного нижний конец вертикальной линии накладывается на волнито-образную часть знака), то есть, они могут представлять собой отдельные составляющие единого знака-тамги.

Соответственно, обе графемы выполнены в несколько приемов путем прочерчивания острым предметом (деревянная палочка, костяной стиль) по сырой глине. Общая последовательность и направление нанесения линий отражена в полиграфии на Рисунке 16:3 (соответственно чёрный, красный, синий, зелёный, желтый и коричневый цвета).

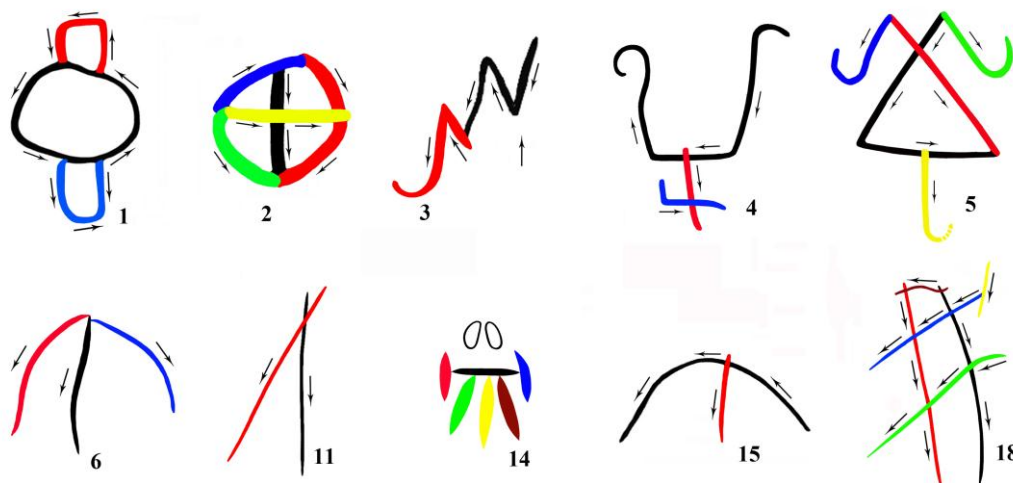

Рисунок 16. Полихромная трассология тамго-образных знаков из катакомб арысской культуры

Отметим, что этот тамго-образный знак создавался поэтапно, в несколько приемов, сверху – вниз; возможно, такая «ярусность» несет какую-то информацию. Нужно отметить также, что весь знак четко прорисован уверенной рукой мастера, который очень хорошо знал предмет своего «творчества», и который, судя по всему, прекрасно ориентировался в таком искусстве, как нанесение тамго-образных знаков на керамику.

Таким образом, трасология тамго-образных знаков кангюйско-сарматского и суннуского происхождения из катакомб арысской культуры иллюстрирует следующие тенденции:

- практически все знаки являются многокомпонентными и состоят из нескольких графем;
- в их числе прослеживается одна графема (или линия), на основе которой (вокруг которой) путём дополнительной прорисовки формируется законченный образ тамго-образного знака;
- фиксируются несколько традиционных («стандартных») иконографических основ и компонентов тамго-образных знаков, включающих: круг, крест, (композиция «круг с крестом внутри»), треугольник, антенновидные «рожки»; композиция «полусфера с вертикальной линией», «решётка»;
- предпочтение в прорисовке и создании основы знаков отдаётся вертикальной составляющей, будь то линия или графема.

5. Двойные и парные тамго-образные знаки на керамике и артефактах из катакомб арысской культуры. Двойные и парные знаки в катакомбах арысской культуры, отмеченные на достаточно ограниченном количестве памятников (14 археологических комплексов) – факт несколько неожиданный, но имеющей перспективу стационарного явления. Пока зафиксированы следующие двойные и парные тамго-образные знаки:

- два знака на кружке из катакомбы 26 могильника Культобе (центральная группа насыпей; Рисунок 17:4 и 19);
- два знака на кувшине из катакомбы 7 могильника Культобе (восточная группа насыпей; Рисунок 17:10-11);
- два знака на фляге из катакомбы 11 могильника Кылышжар (центральная группа насыпей; Рисунок 17:16-17);
- по одному знаку на кувшине и фляге из катакомбы 1 могильника Культобе (восточная группа насыпей; Рисунок 17:6-7);
- по одному знаку на курильнице и фляге из катакомбы 4 могильника Культобе (восточная группа насыпей; Рисунок 17:8-9);
- по одному знаку на ритуальном камне и бронзовом перстне из катакомбы 5 могильника Культобе (восточная группа насыпей; Рисунок 17:13-14).

По поводу двойных знаков предварительно можно сказать только то, что «знакотворчество», судя по всему, имело достаточно широкое распространение в среде древнего населения Кангюй, причём как в его оседло-земледельческой, так и кочевой части; кроме всего, наличие нескольких знаков на керамике и артефактах позволит более точно определить их семантику и функциональную принадлежность.

6. Интерпретации, аналогии тамго-образным знакам из катакомб на керамике и артефактах арысской культуры. В озвученном выше плане остановимся на характеристике некоторых тамго-образных знаков.

Тамго-образный знак на хуме из катакомбы 15 могильника Тулебайте II. По поводу именно этого знака в литературе имеется краткое мнение, похожее на не совсем удачный пассаж: авторы пишут, что «...крупный знак аккуратно процарапан на плечике хума», и что «Форма тамги уникальна» (Смагулов, Яценко 2010, С.203). Если со вторым утверждением автор этих строк полностью согласен (мои попытки найти этому знаку более-менее похожие аналогии среди многочисленных сарматских тамг-нишанов с округлой графикой явно слярного происхождения пока не увенчались успехом), то первое однозначно не соответствует действительности: этот знак с функцией тамги не процарапан, а четко прорисован по сырой глине в три приёма (Рисунок 2:1; Рисунок 16:1).

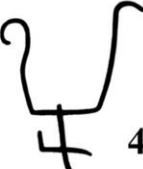

могильник	двойные и парные знаки
<p>Культобе центральная группа курганов катакомба 26</p>	 4 19
<p>Кылышжар центральная группа курганов катакомба 11</p>	 16 17
<p>Культобе восточная группа курганов катакомба 7</p>	 10 11
<p>Культобе восточная группа курганов катакомба 1</p>	 6 7
<p>Культобе восточная группа курганов катакомба 4</p>	 8 9
<p>Культобе восточная группа курганов катакомба 5</p>	 13 14

Рисунок 17. Двойные и парные тамго-образные знаки из катакомб арысской культуры

Тамго-образный знак на столовом кувшине из катакомбы 11 могильника Культобе центральной группы насыпей. Несмотря на простоту формы и пространённость этих двух общеизвестных солярных символов, (круг с вписанным в него прямым крестом), аналогий такому знаку не так уж много, все они территориально концентрируются вблизи региона Южного Казахстана и редко, но встречаются на отдалённой территории Северного Причерноморья среди сарматских знаков-тамг (Драчук 1875, табл. XI, С. 809; табл. XX, С. 125; Сергацков 2000, С. 359). Так, почти такой же графической конфигурации знак обнаружен на керамике ташкентского оазиса (древний Чач) (Богомоллов 2011, С. 92, 97 – группа III; рис. 2: 15), а также в Туркестанском оазисе (городище Сидак) (Смагулов, Яценко 2010, С. 198; рис. 1 и 2: 46). Кроме всего, аналогичный крупный прочерченный на плечике хума знак зафиксирован в материалах школьного музея с. Сарыарык (Ордабасинский район Южно-Казахстанской области - региона, где находится городище и могильник Культобе).

Тамго-образный знак на хуме из катакомбы 19 могильника Культобе центральной группы насыпей. Этот знак-тамга тоже обратил на себя внимание исследователей, но опять же с их подходом к определению основной (первичной) графемы этой тамги и интерпретацией её как «...предполагаемой тамги боспорского царя Тиберия Евпатора (154-170 г.г. н.э.) согласиться трудно (Смагулов, Яценко 2010, С. 202-203). Судя по всему, такие выводы были сделаны по причине неизвестности подобной формы знаков в тот период как в Средней Азии, так и Северном Причерноморье, а также – отсутствия достоверной трасологии всех графем этой сложной тамги.

Теперь эти лакуны в целом ликвидированы: так, почти точная копия знака-тамги из катакомбы 19 могильника Культобе (судя по рисунку, с аналогичной трасологией) зафиксирована на керамике соседнего Ташкентского оазиса (Богомоллов 2011, С. 92; рис. 1:21; к сожалению, автор в тексте публикации не привел абсолютно никакой информации об этом знаке, и это затрудняет возможность делать аргументированные заключения). Кроме всего, практически аналогичный знак-тамга (разница только в направлении нижнего завитка) обнаружен на каменном блоке-кирпиче, расположенном в торце одной из стен сарматского храма-святилища Байте 3 (12 ряд кладки снизу, второй знак слева направо) (Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев 2007, С. 204).

Предельно точно сейчас можно определить и основную (первичную) графему тамги: это равнобедренный треугольник с двумя «антеннами» сверху, к которым затем «прикрепили» пару крючковидных «рожек», и только потом – снизу треугольника прорисовали заключительную вертикальную линию с загибом вправо (Рисунок 15:5); все это разительно отличается от той «основы знака», (чистый треугольник с прямой без загиба вертикальной чертой снизу), которую обозначили упомянутые авторы.

Точно также, нужно иметь большую фантазию, чтобы сравнить «предполагаемую» тамгу боспорского царя Тиберия Евпатора со знаком из катакомбы 19 и провести при этом убедительные параллели: это совершенно разные по композиции знаки-тамги, их связывает, пожалуй, только треугольник – так, «царская» тамга имеет в нижней части сложную композицию, напрочь отсутствующую в южно-казахстанской знаке-тамге (Яценко 2001, С. 156; рис. 6:49).

Тамго-образный знак на столовой кружке из катакомбы 26 могильника Культобе центральной группы насыпей. Верхняя часть этого знака является одной из распространенных графем по форме среди очень большого количества сарматских тамг, это же касается и второй нижней графемы (крест). Однако интересно, что почти прямые аналогии этому знаку удалось найти среди ар-

тефактов позднедьяковской культуры, в материалах поселения Солодка-1 (Щекинский район Тульской области): здесь обнаружена бронзовая пластина (подвеска?), на одной из поверхности которой техникой выбивки нанесен сарматский знак-тамга, графически чрезвычайно близкий знаку на кружке из катакомбы 26 могильника Культобе (Воронятов 2012, С.415, рис. 4 – левая пластина; рис. 8:6).

Тамго-образный знак на столовой фляге из катакомбы 5 могильника Кылышжар. Первичная информация об этом знаке опубликована несколько десятилетий назад, рассматривались даже варианты его генезиса (Подушкин 1985, С.53-54; табл. на С.51: 1, 4, 13, 30, 66). На ранней керамике Южного Казахстана (в основном с городищ, поселений) он выполнялся в различной технике (вылеплен, прочерчен по сырой глине, прорезан, процарапан) и по разному позиционировался («Т»-образный, перевернутый «Т»-образный, «Э»-образный, «Э»-образный в зеркальном отражении, наклонный под различным углом. Встречен он и в ином исполнении – на пластинах наборного пояса, а также на выложенных из камня-песчаника стенах сарматских святилищ.

География распространения этого знака-тамги тоже внушительна: он фиксируется на территории Южного Казахстана, Средней Азии (Чач; экономическое, политическое и культурное пространство государства Канцзюй-Кангюй), в сарматских погребальных и ритуальных памятниках Западного Казахстана (Устюрт), Южного Приуралья (бассейн реки Илек). Следует отметить, что среди великого множества тамг-нишанов Европейской Сарматии, встречаются только единичные отдельные тамги, приближенные к подобной графической прорисовке – судя по всему, такой формы тамга в первые века до – первые века н. э. имеет устойчивое региональное использование, и редко встречается за пределами Южного Казахстана и соседних территорий.

Пожалуй, самая прямая аналогия этому знаку в контексте формы, техники нанесения и объекта, на котором он выполнен (столовая керамическая фляга) имеется в материалах сарматского могильника Мечетсай. Здесь в кургане №3, в погребении 3 была обнаружена фляга с прочерченным по сырой глине у донца «Э»-образным знаком (Смирнов 1975, С.92-95; рис. 30:4; Болелов 2012, С.212; цв.табл. 61:1-3 и 6. При этом последний автор считает флягу со знаком импортного хорезмийского происхождения, что в целом весьма гипотетично: такие сосуды вполне могли делать и в регионе Южного Казахстана, где традиции гончарного производства периода Кангюй были очень высокими.

Еще одна близкая аналогия – «Э»-образные знаки на керамике из соседнего Чача (Ташкентский оазис, входивший в первые века н. э. в состав Канцзюй; Богомоллов 2011, С.101; рис.2:27-28). Подобный «Т»-образный знак отмечен также на одной из центральных декоративных (гагатовых?) пластин наборного пояса, обнаруженных в кургане 21 могильника Жаман-Тогай: знак представлен сразу в двух вариантах, простом и перевернутом; первый (перевернутый) процарапан непосредственно на внешней стороне пластины-пряжки, второй (простая позиция) – на шее изображенного оленя (Максимова 1968, С.185-186; рис. 5,б).

Наконец, такие знаки-тамги зафиксированы на отдельных стенках, сложенных из каменной кладки, уникального сарматского святилища-храма Байте 3 на Устюрте. В частности, на самом насыщенном по количеству тамг каменном блоке-кирпиче, расположенном в торце одной из стен (12 ряд снизу, два знака; Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев 2007: 204) и знак на аналогичном блоке другой торцевой стены внутренних помещений основного культового сооружения (7 ряд сверху) (Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев

2007, С.206 – верхний рисунок; здесь же: торцовая стена нижнего рисунка, один из двух знаков - правый в центре).

Стреловидный тамго-образный знак на ритуальном камне из катакомбы 5 могильника Культобе восточной группы насыпей. Чрезвычайно распространенный знак, как в регионе Южного Казахстана, так и далеко за его пределами. Так, одновременно несколько подобных знаков (с небольшими вариациями) отмечены в материалах крупного кангюйского городища Ушбастобе (Подушкин, Раев, Белов 2013: 117 – 121), на бронзовом зеркале из склепа 1 некрополя городища Сидак (Ержигитова, Смагулов и др. 2009, С.173; рис. 4,1), на керамике поселения Алтынтобе (Подушкин 1985, С.50-51; табл.: 22-23, 57). Однако более всего этот стреловидный знак распространен в среде сарматов Северного Причерноморья и Подонья, где он зафиксирован на подвесных бронзовых зеркалах и других артефактах (Драчук 1975, табл. XXVII, 1–2; Соломоник 1959, С.158-159, №118-119; Горбенко, Косяненко 2011, С.395-398, рис.136:4).

7. Классификация тамго-образных знаков смысловой нагрузке и функциональному назначению. Определение смысловой нагрузки и функциональности знака, созданного две тысячи лет назад – сложнейшая задача, решить которую одновременно и окончательно вряд ли получится у любого учёного, хоть как-то связанного с этой проблемой. В этом плане можно обозначить только некоторые пути и позиции, опираясь на имеющиеся археологические, иконографические, трасологические и историко-культурные материалы, имеющие отношение к знаковой тематике.

В основу классификации тамго-образных знаков из катакомб арысской культуры положены следующие принципы:

- особенности материала, на котором нанесены знаки (в нашем случае это керамика, камень и бронза);
- роль и предназначение артефактов со знаками в погребальной обрядности;
- трасология знака (анализ последовательности создания графем по отдельности и знака в целом), её возможная связь со смысловым назначением знака;
- иконография знака, его повторяемость (встречаемость)
- техника создания знака, сочетаемость этой техники при наличии двойных и парных знаков;
- определение функциональной нагрузки знака.

Опираясь на эти принципы, предлагается следующая трактовка тамго-образных знаков в рамках классификации, обозначенной на Рисунке 18. Здесь выделены следующие группы знаков, так или иначе связанных со знаками-тамгами с их многими ипостасями: личный знак–монограмма с функцией тамги (вариант оберега; знак 14); знаки-маркеры готовой гончарной продукции мастера гончара (знаки 9, 11 и 19); знаки-печатки мастера-гончара с функцией тамги (вариант оберега; знаки 10, 12 и 16); знаки с функцией племенной, родовой и клановой тамги (знаки 1–5, 17–18); знаки, претендующие на роль обще-кангюйской тамги, тамг подвластных правителю владетелей и тамг племён номадов (знаки 6–8, 13 и 15).

Обоснования к подобным трактовкам выглядят так.

Отметим, что появление артефактов со знаками, выполненными на камне и бронзе – крайне редкое явление в археологии Казахстана и Средней Азии. Если аналогии бронзовому перстню со знаком (Рисунок 18:14) в погребальных сооружениях Средней Азии ещё имеются (бронзовый перстень из кургана 6 Лявандакского могильника с двумя зеркальными изображениями «рожек» на

печатке; Обельченко 1961: 55, рис. 14), то ритуальному камню со стреловидным знаком-тамгой (Рисунок 18:13) найти аналогий пока не удалось.

ЛИЧНЫЙ ЗНАК монограмма с функцией тамги	 14
ЗНАКИ МАРКЕРЫ мастера гончара	 9 11 19
ЗНАКИ-ПЕЧАТКИ маркеры мастера гончара с функцией тамги	 10 12 16
ЗНАКИ с функцией тамги: - племенной - родовой - клановой	 1 2 3 4 5 17 18
ЗНАКИ претендующие на роль: - общекангюйской тамги - тамг подвластных правителю владетелей - тамг племён номадов	 6 7 8 13 15

Рисунок 18. Классификация тамго-образных знаков по функциональному назначению из катакомб арысской культуры

Такая подчёркнутая индивидуальная принадлежность этих двух знаков даёт возможность говорить об особом статусе их владельцев в коллективном погребении катакомбы 5 с очень богатым инвентарём (Рисунок 12) – надо полагать, перстень со знаком-тамгой был одновременно личной монограммой усопшего, его печаткой для маркирования какой-нибудь собственности, и оберегом от «злых сил». Что касается слегка удлинённого речного камня (гальки) со знаком-тамгой, то это уникальный случай использования подобного артефакта в погребальной обрядности – возможно, это была небольшая подвеска, которая выступала одновременно в роли тамги и оберега.

Графическая простота исполнения на керамике по сырой глине следующих трёх знаков (Рисунок 18:9, 11 и 19) позволяют видеть в них знаки-маркеры мастера-гончара; эту точку зрения прямо подтверждают знаки №11 и 19, вторично нанесённые на сосуды наряду с уже имеющимися явно знаками-тамгами (соответственно №10 и 4; см. раздел парные знаки).

Интересна следующая группа знаков, которая выполнена техникой печати, после чего образуются рельефно-выпуклые изображения: два из них зафиксированы на донце сосудов, один – на плечике (соответственно знаки на Рисунке 18:10, 12 и 16). В силу того факта, что донца керамических сосудов изначально круглой формы, знаки 10 и 16 имеют круглую внешнюю основу (картуш), куда «вписаны» две непараллельные полосы и крест с «завитком».

В целом такая техника позволяла тиражировать такие знаки путём создания новой керамической продукции (сосудов типа кувшинов и фляг), они могут выступать в роли знака-печатки (маркера) мастера гончара с функцией его тамги.

Следующая группа знаков (Рисунок 18:1-5) однозначно являются знаками с функцией племенной, родовой и клановой тамги, о чём недвусмысленно говорят аналогии некоторым знакам (и отдельным их графемам) среди тамг сарматского мира Северного Причерноморья и кангюйского периода Средней Азии. Вероятно, к этой же группе можно отнести зооморфный знак и «решетчатую» тамгу, аналогий которым пока найти не удалось (Рисунок 18:17-18).

Завершает нашу трактовку тамго-образных знаков из катакомб арыской культуры Южного Казахстана группа в целом однотипных «Э» - образных знаков, широко распространённых как на территории региона, так и за его пределами (Рисунок 18:6-8, 13 и 15). Заметим, что столь частая находка подобных знаков-тамг на различных значимых артефактах и культовых местах больших территорий наводит на мысль, что такой формы знак мог выступить в роли общекангюйской династической тамги, а его варианты – в качестве тамг подвластных правителю владетелей и тамг племён номадов.

Пока это только предположение, и оно не подтверждается нумизматическими материалами времени Кангюй. Однако, если иметь в виду, что процесс тамго-пользования на территории Казахстана в посткангюйское время продолжали и унифицировали древние тюрки, которые сохранили эту тамгу и в более поздние периоды (Самашев, Базылхан, Самашев 2010, С.100; рис.112 – верхнее изображение; С.103; рис.117-118; 156: тамга «тарак»), а потом каганы тюргешей ставили её на свои монеты (Подушкин 1985, С.53-54), то такая связь и предположение вполне возможны. Стационарность подобной тамги иллюстрируется и этнографическими материалами позднесредневекового Казахского ханства – так, такая тамга сохранилась у рода шанышкылы Старшего жуза («колтамга» в обыкновенном и перевёрнутом положении) (Востров, Муканов 1968, С.55).

Закключение. Нет сомнения, что описанные выше тамго-образные знаки на керамике и иных артефактах из катакомбных погребальных сооружений арыской культуры Южного Казахстана связаны с этническими группами номадов сарматского и суннуского круга племен. Это иллюстрируют не только их иконография (близкая по графической композиции знакам Европейской и Азиатской Сарматий), функциональность (полноценные племенные, родовые, клановые тамги с полным набором свойств, характерных для этого явления в том числе – маркировка и декларирование определенного вида собственности), но и археологические комплексы явно сарматского облика, сопровождающие эти знаки.

Аналогичным образом, исследуемые знаки-тамги находят в графическом и функциональном контекстах достаточно широкие параллели в погребальных, культовых и иных памятниках сарматов, которые включают тамги-нишаны, на территории Средней Азии, Западного Казахстана (Устюрт), Южного Приуралья и далее на запад – вплоть до Крыма, Северного Причерноморья, Восточной Европы и даже Германии. По графическому исполнению они близки к сарматским знакам Северного Причерноморья периода Боспорского царства и тамгам хорезмийских царей из «дома Чжаову» Средней Азии, и представляют собой различные сочетания круга, «Т»-образных и «усообразных» компонентов (Соломоник 1959, С.28-30, 38, 42-43, 47, 57-58; Вайнберг, Новгородова 1976, С.76-77, табл. ХП). Династийные тамги Б.И. Вайнберг не связывает непосредственно с сарматами, хотя отмечает «сарматское» в широком смысле слова проис-

хождение тамг, объединяемых названием «юечжи дома Чжаову». По мнению Б.И. Вайнберг и Е.А. Новгородовой, ареал подобных тамго-образных знаков охватывает и восточные от Средней Азии районы азиатского материка. Так, они зафиксированы в Юго-Западной Монголии - одном из районов первоначального (до II в. до н. э.) обитания племен «сарматского» круга (Вайнберг, Новгородова 1976, С.69-72, рис. 5-6; табл. III; 72, С.77).

Особенностью сарматских тамг из катакомб арысской культуры является тот установленный факт, что керамика со знаками имела глубоко ритуальное предназначение в погребальной обрядности, связанное посредством нанесения тамг с этнической, социальной и имущественной составляющими. Знаки-тамги в этом случае демонстрировали соответствующую принадлежность умерших (племенную, родовую, клановую), отношение последних к имуществу (личному, родоплеменному, возможно – государственному, земельно-территориальному) и социальному рангу в иерархии номадов. Такая керамика специально «заказывалась» кочевым народонаселением полиэтничного Канцзюй-Кангюй, по желанию которого в оседло-земледельческих центрах профессиональные гончары изготавливали соответствующую посуду и наносили на неё знаки-тамги, призванные выполнить ту или иную миссию в представлении «казачика» в этом и «потустороннем» мире.

Судя по всему, иметь погребальное «ложе» в катакомбе в виде выложенного на полу раздавленного хума со знаком, в сарматской среде древнего Кангюй было престижным и касалось в основном властвующей и военизированной элиты. О существовании подобной кочевой элиты в качестве мощной силы, определяющей политическую основу государства, которая косвенно причастна к основанию города и владению землей, сообщается в одном из текстов уникального культобинского письма на керамических кирпичах-таблицах («люди шатров») (Sims-Williams, Grenet 2006, P.97-102; Sims-Williams, Grenet, Podushkin 2007, P.1006-1034).

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // Советская археология. – 1979. – №2. – С.31-50.
2. Богомолов Г.И. К типологии и значению тамгообразных знаков на керамике Чача // Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии имени А.Х. Маргулана. – Том III. – Алматы, 2011. – С. 91-105.
3. Болелов С.Б. Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V- III в. в. до н. э.) / Под редакцией М.Ю. Трейстера и Л.Б. Яблонского. – Москва: «ТАУС», 2012.
4. Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. – М., 1976. – С.69-77.
5. Воронятов С.В. О проблеме появления сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалах позднедьяковской и мощинской культур // Российский археологический ежегодник. № 2. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, Университетский издательский консорциум, 2012. – С.412-435.
6. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). – Алма-Ата: «НАУКА» Каз.ССР, 1968. – 256 с.
7. Горбенко Ф.Ф., Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) // Донские древности. Выпуск 11. – Азов, 2011. – 512 с.
8. Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. – Киев: «Наукова думка», 1975 – 224с.
9. Ержигитова А.А., Смагулов Е.А., Демиденко С.В. К происхождению одной Чачской династии // Известия НАН РК. – 2009. – №1(268). – С.168-173.

10. Засецкая И.П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // Археологический сборник №16. – Ленинград, 1974. – С.104-121.
11. Литвинский Б.А. Кангюско-сарматский фарн. – Душанбе: Дониш, 1968. – 119 с.
12. Максимова А.Г. Могильник Жаман-Тогай // Древности Чардары. – Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1968. – С.174-193.
13. Миняев С.С. Дырестуйский могильник // Археологические памятники сюнну. Выпуск 3. Филологический факультет СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2007. – 233 с.
14. Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989. – 177-191.
15. Обельченко О.В. Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. Выпуск 2. – Ташкент: АН Узбекской ССР, 1961. – С.97-176.
16. Подушкин Н.П. Гончарные печи раннеземледельческих поселений долины Арыси (Южный Казахстан) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1973. – С.183-187.
17. Подушкин А.Н. О знаках на керамике поселений Южного Казахстана IV - VI в.в. // ИАН Каз. ССР. Сер. общ. наук. – 1985. – №3. – С.50-56.
18. Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э.- VI в. н. э. – Туркестан, 2000.
19. Подушкин А.Н. Сюнну в Южном Казахстане (историко-археологический аспект в рамках исследования памятников арысской культуры) // Труды Центрального музея. – Том II. – Алматы, 2009. – С.173-182.
20. Подушкин А.Н. Сарматы в Южном Казахстане // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию А.Н. Бернштама. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 207-217.
21. Подушкин А.Н. Сарматские знаки-тамги на керамике Южного Казахстана // Материалы Шестой международной Кубанской археологической конференции. – Краснодар, 2013. – С.340-344.
22. Подушкин А.Н. Сюнну в Южном Казахстане: археологический и исторический контексты // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Материалы VI международной научной конференции. – Том II. – Хух-Хото, 2015. – С.507-514.
23. Подушкин А.Н., Раев Б.А., Белов М.А. Знаки на керамике городища Ушбастобе (Южный Казахстан) (по материалам исследований 2013 года) // III «Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции (27-29 мая 2013 г.). – Краснодар, 2013. – С.117-121.
24. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – Москва–Ленинград: АН СССР, 1962. – 205 с.
25. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – Москва: Наука, 1975. – 176 с.
26. Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., «Наука», 1989. – С.165-177.
27. Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. – Алматы, 2005.
28. Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. – Алматы, 2007.
29. Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. –Алматы: ABDI, 2010.
30. Смагулов Е.А., Яценко С.А. Знаки-нишан (тамги) и сюжетные граффити V-VIII в. в. на керамике городища Сидак на средней Сырдарье // Отзвуки великого Хорезма (к 100-летию со дня рождения С.П. Толстова). Сборник статей. – М., 2010. – С.190-221.
31. Скрипкин А.С. Азиатская сарматия во II-IV в. в. // Советская археология. – 1982. – №2. – С.43-56.
32. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев, 1959.
33. Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001.
34. Sims-Williams N., Grenet F. The sogdian inscriptions of Kultobe // «SHYGYs». – 2006. – №1. – С.95-111.
35. Sims-Williams N., Grenet F., Podushkin A. Les plus anciens monuments de la langue sogdienne: les inscriptions de Kultobe au Kazakhstan // Academie des Inscription & Belles. – Paris, 2007. – P.1006-1034.

Reference

- Abramova 1979 – Abramova, MP 1979, K voprosu o svyazyah naseleniya Severnogo Kavkaza sarmatskogo vremeni, *Sovetskaya arheologiya*, №2, S.31-50. (Abramova, MP 1979, On the question of relations of the population of the North Caucasus of the Sarmatian time, *Soviet archeology*, №2, P.31-50). (in Rus).
- Bogomolov 2011 – Bogomolov, GI 2011, K tipologii i znacheniyu tamgoobraznykh znakov na keramike S'Nacha, *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: «Arheologiya Kazahstana v ehposu nezavisimosti: itogi, perspektivy»*, posvyashchennoj 20-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazahstan

- i 20-letiyu In-stituta arheologii imeni A.H. Margulana*, Tom III, Almaty, S.91-105. (Bogomolov, GI 2011, The typology and the value of the tamgha-like marks on ceramics chacha, *Materials of international scientific conference "Archaeology of Kazakhstan in the era of independence: results and prospects" devoted to the 20 anniversary of independence of the Republic of Kazakhstan and the 20th anniversary of the Institute of archaeology named after A. Kh. Margulan*, Tom III, Almaty, P.91-105). (in Rus).
- Bolelov 2012 – Bolelov, SB 2012, Sredneaziatskaya keramika v pamyatnikah kochevnikov YUzhngo Priural'ya, *Vliyanie ahenidskoj kul'tury v YUzhnom Priural'e (V- III v.v. do n. eh.)*, Pod redakciej M.Yu. Trejstera i L.B. Yablonskogo, «TAUS», Moskva. (Bolelov, SB 2012, Central Asian ceramics in the monuments of nomads of Wingo Urals, *The Influence of Achaemenid culture in the southern Urals (V - III centuries BC)*, edited by M.J. Treister and L.B. Yablonski, «TAUS», Moskva). (in Rus).
- Drachuk 1975 – Drachuk, VS 1975, *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya. Tamgoobraznye znaki severopontijskoj periferii antichnogo mira pervyh vekov nashej ehry*, «Naukova dumka», Kiev, 224 s. (Drachuk, VS 1975, *Systems of signs of the Northern black sea. Tamgha-like marks severeon Baltic periphery of the ancient world of the first centuries of our era*, «Naukova dumka», Kyiv, 224 s). (in Rus).
- Erzhigitova, Smagulov, Demidenko 2009 – Erzhigitova, AA, Smagulov, EA, Demidenko, SV 2009, K proiskhozhdeniyu odnoj CHachskoj dinastii, *Izvestiya NAN RK*, №1(268),S.168-173. (Erzhigitova, AA, Smagulov, EA, Demidenko, SV 2009, The origin of one dynasty of Chach, *Izvestija NAS RK*, №1(268),S.168-173). (in Rus).
- Gorbenko, Kosyanenko 2011 – Gorbenko, FF, Kosyanenko, VM 2011, Nekropol' Paniardisa (Krepostnogo gorodishcha), *Donskie drevnosti. Vypusk 11*, Azov, 512 s. (Gorbenko, FF, Kosyanenko, VM 2011, Necropolis Paniards (Serf city), *The Don of old. Issue 11*, Azov, 512 s). (in Rus).
- Litvinskij 1968 – Litvinskij, BA 1968, *Kangyujsko-sarmatskij farn*, Donish, Dushanbe, 119 s. (Litvinskij, BA 1968, *Kangui-Sarmatian Farn*, Donish, Dushanbe, 119 p). (in Rus).
- Maksimova 1968 – Maksimova, AG 1968, Mogil'nik ZHaman-Togaj, *Drevnosti CHardary*, Nauka Kaz. SSR, Alma-Ata, S.174-193. (Maksimova, AG 1968, Zhaman-Togay Burial Ground, *Antiquities of Chardara*, Nauka Kaz. SSR, Alma-Ata, P.174-193). (in Rus).
- Minyaev 2007 – Minyaev, SS 2007, Dyrestujskij mogil'nik, *Arheologicheskie pamyatniki syunnu. Vypusk 3. Filolo-gicheskij fakul'tet SPbGU*, Sankt-Peterburg, 233 s. (Minyaev, SS 2007, Dyrestuyskiy burial ground, *Archaeological sites of the Hsiung-nu. Issue 3*, Philological faculty of St. Petersburg state University, St. Petersburg, 233 p). (in Rus).
- Moshkova 1989 – Moshkova, MG 1989, Srednesarmatskaya kul'tura, *Arheologiya SSSR. Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya*, Moskva, 177-191. (Moshkova, MG 1989, Mid culture, *Archeology of USSR. Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time*, Moscow, P.177-191). (in Rus).
- Obel'chenko 1961 – Obel'chenko, OV 1961, Lyavandakskij mogil'nik, *Istoriya material'noj kul'tury Uzbekistana. Vypusk 2*, AN Uzbekskoj SSR, Tashkent, S.97-176. (Obel'chenko, OV 1961, Levandovski burial ground, *History of material culture of Uzbekistan, Issue 2*, Academy of Sciences of the Uzbek SSR, Tashkent, P.97-176). (in Rus).
- Podushkin 1973 – Podushkin, NP 1973, Goncharyne pechi rannezemel'del'cheskih poselenij doliny Arysi (YUzhnyj Kazahstan), *Arheologicheskie issledovaniya v Kazahstane*, Nauka Kaz. SSR, Alma-Ata, S.183-187. (Podushkin, NP 1973, Pottery furnaces of early ice settlements of Arys valley (southern Kazakhstan), *Archaeological research in Kazakhstan*, Nauka Kaz. SSR, Alma-Ata, S.183-187). (in Rus).
- Podushkin 1985 – Podushkin, AN 1985, O znakah na keramike poselenij YUzhnogo Kazahstana IV-VI v.v.. *IAN Kaz. SSR. Ser. obshch. nauk.* №3, S.50-56. (Podushkin, AN 1985, About the signs on the ceramics of the settlements of South Kazakhstan IV - VI cc. *IAN Kaz. SSR. Ser. social. sciences.* №3, P.50-56). (in Rus).
- Podushkin 2000 – Podushkin, AN 2000, *Arysskaya kul'tura YUzhnogo Kazahstana IV v. do n. eh. - VI v. n. eh.*, Turkestan. (Podushkin, AN 2000, *The Arys culture of southern Kazakhstan of IV century BC - VI century*, Turkestan). (in Rus).
- Podushkin 2009 – Podushkin, AN 2009, Syunnu v YUzhnom Kazahstane (istoriko-arheologicheskiy aspekt v ramkah issledovaniya pamyatnikov arysskoj kul'tury), *Trudy Central'nogo muzeya*, Tom II, Almaty, S.173-182. (Podushkin, AN 2009, Syunnu in southern Kazakhstan (historical and archaeological aspect within the framework of the study of Arys culture monuments), *Proceedings of the Central Museum*, Tom II, Almaty, P.173-182). (in Rus).
- Podushkin 2010 – Podushkin, AN 2010, Sarmaty v YUzhnom Kazahstane, *Drevnie kul'tury Evrazii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu A.N. Bernshtama*, Sankt-Peterburg, S.207-217. (Podushkin, AN 2010, The Sarmatians in southern Kazakhstan, *Ancient cultures of Eurasia. Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of An Bernshtam*, Sankt-Peterburg, S.207-217). (in Rus).

- Podushkin 2013 – Podushkin, AN 2013, Sarmatskie znaki-tamgi na keramike YUzhnogo Kazahstana, *Materialy SHestoj mezhdunarodnoj Kubanskoj arheologicheskoy konferencii*, Krasnodar, S.340–344. (Podushkin, AN 2013, Sarmatian Tamga-signs on the ceramics of southern Kazakhstan, *Materials of the Neck-stop international Kuban archaeological conference*, Krasnodar, P.340–344). (in Rus).
- Podushkin 2015 – Podushkin, AN 2015, Syunnu v YUzhnom Kazahstane: arheologicheskij i istoricheskij konteksty, *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, Tom II, Huh-Hoto, S.507-514. (Podushkin, AN 2015, The Huns in southern Kazakhstan: archaeological and historical contexts, *Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia. Proceedings of the VI international scientific conference*, Tom II, Huh-Hoto, P.507-514). (in Rus).
- Podushkin, Raev, Belov 2013 – Podushkin, AN, Raev, BA, Belov, MA 2013, Znaki na keramike gorodishcha Ushbastobe (YUzhnyj Kazahstan) (po materialam issledovanij 2013 goda), *III «Anfimovskie chteniya po arheologii Zapadnogo Kavkaza. Materialy mezhdunarodnoj arheologicheskoy konferencii (27-29 maya 2013 g.)*, Krasnodar, S.117-121. (Podushkin, AN, Raev, BA, Belov, MA 2013, Characters on ceramics of the settlement Ushbastobe (South Kazakhstan) (materials research 2013), *III Antonovskie reading on the archaeology of the Western Caucasus. Proceedings of the international archaeological conference (May 27-29, 2013)*, Krasnodar, S.117-121). (in Rus).
- Rudenko 1962 – Rudenko, SI 1962, *Kul'tura hunnov i Noinulinskie kurgany*, AN SSSR, Moskva–Leningrad, 205 s. (Rudenko, SI 1962, *Culture of the Huns and Noinline mounds*, AS USSR, Moscow–Leningrad, 205 p). (in Rus).
- Smirnov 1975 – Smirnov, KF 1975, *Sarmaty na Ilike*, Nauka, Moskva, 176 s. (Smirnov, KF 1975, *Sarmatians on the Ilek river*, Nauka, Moscow, 176 p). (in Rus).
- Smirnov 1989 – Smirnov, KF 1989, Savromatskaya i rannesarmatskaya kul'tury, *Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya*, «Nauka», Moskva, S.165-177. (Smirnov, KF 1989, Coild and rannanmukka culture, *The Steppe of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time*, «Nauka», Moscow, P.165-177). (in Rus).
- Samashev, Bazylhan, Samashev 2010 – Samashev, Z, Bazylhan, N, Samashev, S 2010, *Drevnetyurkskie tamgi*, AVDI, Almaty. (Samashev, Z, Bazylhan, N, Samashev, S 2010, *Ancient Turkic tamgas*, AVDI, Almaty). (in Rus).
- Samashev, Grigor'ev, ZHumabekova 2005 – Samashev, Z, Grigor'ev, F, ZHumabekova, G 2005, *Drevnosti Almaty*, Almaty. (Samashev, Z, Grigor'ev, F, ZHumabekova, G 2005, *Antiquity of Almaty*, Almaty). (in Rus).
- Samashev, Kusherbaev, Amanshaev 2007 – Samashev, Z, Kusherbaev, K, Amanshaev, E, Astaf'ev, A 2007, *Sokrovishcha Ustyurta i Mankystau*, Almaty. (Samashev, Z, Kusherbaev, K, Amanshaev, E, Astaf'ev, A 2007, *Treasures of Usturt and Mangistau*, Almaty). (in Rus).
- Sims-Williams, Grenet 2006 – Sims-Williams, N, Grenet, F 2006, The sogdian inscriptions of Kultobe, SHYGYS, №1, S.95-111. (in Eng).
- Sims-Williams, Grenet, Podushkin 2007 – Sims-Williams, N, Grenet, F, Podushkin, A 2007, Les plus anciens monuments de la langue sogdienne: les inscriptions de Kultobe au Kazakhstan, *Academie des Inscription & Belles*, Paris, P.1006 -1034. (in Eng).
- Skripkin 1982 – Skripkin, AS 1982, Aziatskaya sarmatiya vo II-IV v.v., *Sovetskaya arheologiya*, №2, S.43-56. (Skripkin, AS 1982, Asian Sarmatia in the II-IV cc, *Soviet archeology*, №2, P.43-56). (in Rus).
- Smagulov, YAcenko 2010 – Smagulov, EA, YAcenko, SA 2010, Znaki-nishan (tamgi) i syuzhetnye graffiti V-VIII v. v. na keramike gorodishcha Sidak na srednej Syrdar'e, *Otvzuki velikogo Horezma (k 100-letiyu so dnya rozhde-niya S.P. Tolstova)*. *Sbornik statej*, Moskva, S.190-221. (Smagulov, EA, YAcenko, SA 2010, Signs-Nishan (Tamga) and story graffiti V-VIII centuries on the kerami ke settlement Sidak in middle Syrdarya, *Echoes of the great Khorezm (to the 100 anniversary from the birthday S. P. Tolstov)*. *Collected papers*, Moscow, P.190-221). (in Rus).
- Solomonik 1959 – Solomonik, Ehl 1959, *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya*, Kiev. (Solomonik, Ehl 1959, *Sarmatian signs of the Northern Black sea coast*, Kyiv). (in Rus).
- Vajnberg, Novgorodova 1976 – Vajnberg, BI, Novgorodova, EhA 1976, Zаметki o znakah i tamgah Mongolii, *Istoriya i kul'tura narodov Srednej Azii*, Moskva, S.69-77. (Vajnberg, BI, Novgorodova, EhA 1976, Notes on signs and tamgas of Mongolia, *The History and culture of the peoples of Central Asia*, Moscow, P.69-77). (in Rus).
- Voronyatov 2012 – Voronyatov, SV 2012, O probleme poyavleniya sarmatskih tamg i antropomorfnyh izobrazhenij v arealah pozdned'yakovskoj i moshchinskoj kul'tur, *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik. №2*, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, Universitetskij izdatel'skij konsorcium, Sankt-Peterburg, S.412-435. (Voronyatov, SV 2012, On the problem of Sarmatian tamgas and anthropomorphic images in the areas of Pozdnjakovskaja and moshenskoy cultures, *Russian archaeological Yearbook*, St. Petersburg state University, University publishing consortium, St. Petersburg, P.412-435). (in Rus).

- Vostrov, Mukanov 1968 – Vostrov, VV, Mukanov, MS 1968, *Rodoplemennoj sostav i rasselenie kazahov (koniec XIX – nachalo XX v.)*, «NAUKA» Kaz.SSR, Alma-Ata, 256 s. (Vostrov, VV, Mukanov, MS 1968, *Tribal structure and resettlement of Kazakhs (late XIX – early XX centuries)*, «NAUKA» Kaz.SSR, Alma-Ata, 256 s). (in Rus).
- YAcenko 2001 – YAcenko, SA 2001, *Znaki-tamgi iranoyazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya*, «Vostochnaya literatura» RAN, Moskva. (YAcenko, SA 2001, *Signs-Tamga of Iranian-speaking peoples of antiquity and the early middle ages*, «Vostochnaya literatura» RAN, Moskva). (in Rus).
- Zaseckaya 1974 – Zaseckaya, IP 1974, «Diagonal'nye» pogrebeniya Nizhnego Povolzh'ya i problema opredeleniya ih ehtnicheskoj prinadlezhnosti, *Arheologicheskij sbornik. №16*, Leningrad, S.104-121. (Zaseckaya, IP 1974, «Diagonal» burials of the Lower Volga region and the problem of determining their ethnicity, *Archaeological collection. №16*, Leningrad, P.104-121). (in Rus).

New monuments of the early nomads of Ilek local micro-district

Bisembayev Arman Auganovich

Candidate of History, representative of A.H. Margulan Archeology Institute of MES RK in West Kazakhstan. Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: abissembaev@mail.ru

Mamedov Aslan Malikovich

Master degree in Archeology and Ethnography, director of KGU "Aktyubinsk State Regional Inspectorate for Protection and Use of Historical and Cultural Heritage". E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Duisengali Meiram Nurlanovich

Director of Aktyubinsk Regional Local History Museum. The Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: duisengalimeiram@mail.ru

Bayirov Nursultan Mailibayevich

Master degree student of OSPU (Orenburg, Russian Federation), junior researcher of Aktyubinsk Regional Local History Museum. The Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: nmbairov91@mail.ru

Amelin Victor Alexeevich

Master degree student of OSPU (Orenburg, Russian Federation), junior researcher of Aktyubinsk Regional Local History Museum. The Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: vityara2706@mail.ru

Bidagulov Nurbol Torgaiuly

Senior researcher of Aktyubinsk Regional Local History Museum. The Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: archaeology-kz@mail.ru

Urazova Assel Beibutovna

Master of Archeology and Ethnography, senior researcher of Aktyubinsk Regional Local History Museum. The Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: urazova-asel@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the last researches of monuments of the early nomads of the Ilek local microdistrict of the Priaralsk-Mugalzharsky region which is a considerable part of the Western Kazakhstan. The barrows were studied and undergone to the anthropogenic influence and were under the threat of destruction. The conducted field works were carried out with using of new methods of materials fixing. The attempt of data collection for creation of three-dimensional model of the studied monument. The new materials of the average Ilek has taken a special value during correlation with simultaneous monuments of adjacent territories. Natural and geographical aspects of the Western Kazakhstan are the defining factors in distribution of the monuments of the early Iron Age which are the most numerous in the region. The artifacts received at the research of the barrow Kurash I – the stone altar, an iron holder with gold applique, an original large censer, emphasize belonging to the given territory in the middle of the I millennium of BC to the predominating group of nomads which has chosen the most comfortable econiche for accommodation. New materials allow to fill certain gaps in the history of the population of the early Iron Age in the Western Kazakhstan.

Key words: Sarmatians; Western Kazakhstan; Ilek local microdistrict; Priaralsk-Mugalzharsky region; Civilians; Kurasha; Scythian animal style.

Елек жергілікті шағын ықшам ауданындағы ерте көшпенділердің жаңа ескерткіштері

Бисембаев Арман Ауғанұлы

Т.ғ.к., Батыс Қазақстандағы Ә.Х. Марғұлан атындағы археология Институтының өкілі. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14. E-mail: abissembaev@mail.ru

Мамедов Аслан Мәлікұлы

археология және этнография магистрі, «Тарихи-мәдени мұраны қорғау және пайдалану жөніндегі Ақтөбе мемлекеттік аймақтық инспекциясы» КММ директоры. E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Дуйсенғали Мейрам Нурланұлы

«Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану мұражайы» МҚКМ директоры. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14.. E-mail: duisengalimeiram@mail.ru

Баиров Нұрсұлтан Майлыбайұлы

ОМПУ магистранты (Орынбор қ, РФ), «Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану мұражайы» МҚКМ кіші ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14. E-mail: nmbairov91@mail.ru

Амелин Виктор Алексеевич

ОМПУ магистранты (Орынбор қ, РФ), «Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану мұражайы» МҚКМ кіші ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14. E-mail: vityara2706@mail.ru

Бидағұлов НұболТорғайұлы

«Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану мұражайы» МҚКМ аға ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14. E-mail: archaeology-kz@mail.ru

Оразова Әсел Бейбітқызы

археология және этнография магистрі, «Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану мұражайы» МҚКМ аға ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14. E-mail: urazova-asel@mail.ru

Аңдатпа. Мақала Батыс Қазақстан аймағының маңызды бөлігі болып табылатын Арал-Мұғалжар ауданы Елек шағын ықшам ауданының ерте көшпенділерінің ескерткіштеріне қатысты соңғы зерттеуге арналған. Зерттеу маңызды антропогендік әсерге ұшыраған және жойылу қаупі төнген жерлеу қорғандарына арналған. Далалық жұмыстар жаңа материалдарды бекіту әдісімен жүргізілді. Зерттелетін ескерткіштің үш өлшемді үлгісін жасау үшін деректер жинау әрекеті жасалды. Елек өзенінің орта ағысының жаңа материалдары, бір мезгілде іргелес аумақтардың ескерткіштерімен байланысқан кезде ерекше мәнге ие болады. Батыс Қазақстанның табиғи және географиялық аспектілері аймақтағы ең көп саналатын «Ерте темір дәуірінің» ескерткіштерін анықтап бөлудің маңызды факторы болып табылады. Кураш I қорғанын зерттеу кезінде алынған артефакттар – алтын жапырақшамен қапталған темір тысты тастан жасалған құрбан шалғыш, түпнұсқалық үлкен иісмайшы сияқты заттар б.з.д. I мыңжылдық ортасында осы аймақтағы көшпенділердің жетекші тобының өмір сүру үшін қолайлы өмірді таңдағандығын нақтылайды. Жаңа материалдар Батыс Қазақстанның ерте темір дәуіріндегі халық тарихындағы белгілі бір олқы тұстарды толтыруға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: сарматтар; Батыс Қазақстан; Елек жергілікті шағын ауданы; Арал маңы – Мұғалжар ауданы; Шпактар; Кураша; сақтардың аң стилі.

**Новые памятники ранних кочевников
Илекского локального микрорайона****Бисембаев Арман Ауганович**

к.и.н., представитель Института археологии имени А.Х. Маргулана КН МОН РК в Западном Казахстане. Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: abissembaev@mail.ru

Мамедов Аслан Маликович

магистр археологии и этнографии, директор КГУ «Актюбинская государственная областная инспекция по охране и использованию историко-культурного наследия». E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Дуйсенгали Мейрам Нурланович

директор ГККП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей». Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: duisengalimeiram@mail.ru

Баиров Нурсултан Майлибаевич

магистрант ОГПУ (г.Оренбург, РФ), младший научный сотрудник ГККП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей». Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: nmbairov91@mail.ru

Амелин Виктор Алексеевич

магистрант ОГПУ (г.Оренбург, РФ), младший научный сотрудник ГККП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей». Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: vityara2706@mail.ru

Бидагулов Нубол Торгайулы

старший научный сотрудник ГККП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей». Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: archaeology-kz@mail.ru

Уразова Асель Бейбутовна

магистр археологии и этнографии, старший научный сотрудник ГККП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей». Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: urazova-asel@mail.ru

Аннотация Статья посвящена последним исследованиям памятников ранних кочевников Илекского локального микрорайона Приаральско-Мугалжарского региона, являющегося значительной частью Западного Казахстана. Изучению были подвергнуты курганы, подвергшиеся значительному антропогенному воздействию и находившиеся под угрозой разрушения. Проведенные полевые работы осуществлялись с применением новых методов фиксации материалов. Была сделана попытка сбора данных для построения трехмерной модели исследованного памятника. Особое значение новые материалы среднего течения Илека приобретают при корреляции с одновременными памятниками сопредельных территорий. Природно-географические аспекты Западного Казахстана выступают определяющими факторами в распределении памятников раннего железного века, являющихся самыми многочисленными в регионе. Артефакты, полученные при исследовании кургана Кураша I – каменный жертвенник, железная обойма с золотой аппликацией, оригинальная крупная курительница, подчеркивают принадлежность данной территории в середине I тыс. до н.э. главенствующей группе кочевников, избравшей для проживания максимально комфортную эконишу. Новые материалы позволяют заполнить определенные пробелы в истории населения раннего железного века Западного Казахстана.

Ключевые слова: Сарматы; Западный Казахстан; Илекский локальный микрорайон; Приаральско-Мугалжарский регион; Шпаки; Кураша; скифский звериный стиль.

ӘОЖ/ УДК 902/904

**Новые памятники ранних кочевников
Илекского локального микрорайона**

*Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н.,
Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б.*

Запад Республики Казахстан, в административном аспекте состоящий из Атырауской, Западно-Казахстанской, Мангистауской и Актюбинской областей, представляет собой обширный регион, выражен в природно-географическом содержании как срединная часть Евразии и степная полоса этого материка. Важными особенностями данного региона являются факторы природно-

географического характера, представляющие собой исторический фон, обусловивший, в конечном итоге, расположение, количественный состав и специфику памятников кочевого населения в раннем железном веке. Важность и необходимость анализа региональных особенностей, возникающих из территориального фактора (значительных размеров и, соответственно, различных природно-географических условий Казахстана) для раннего железного века приобретает особую актуальность (Бисембаев 1998, С.217).

Находясь в глубине Евразии, Западный Казахстан расположен в двух частях света – в Европе и Азии. Граница между этими частями света в пределах Казахстана проводится по Мугоджарам, реке Эмбе и по геологическим разломам в северной части акватории Каспийского моря (озера). Природные различия между западной и восточной частями региона, к востоку от р. Эмба – очевидны, ландшафты резко приобретает азиатский характер (главным образом из-за смены состава биот и биомов). Западно-Казахстанский регион имеет наибольшее протяжение с севера на юг около 900 км, с запада на восток около 1200 км и занимает площадь в 729,2 тыс. км.² На севере он граничит с Оренбургской областью России, на востоке – Костанайской, Карагандинской, на юго-востоке – Кызыл-Ординской областями, на юге омывается Аральским (Большим Аральским) морем, граничит с Узбекистаном и Туркменистаном, на западе омывается Каспийским морем, граничит с Астраханской, Волгоградской и Саратовской областями России. В этой связи, при исследовании памятников раннего железного века региона (при таком значительном территориальном выражении), вполне обоснованно и применимо деление на локальные микрорайоны.

Территория Западного Казахстана с крупной магистральной рекой – Уралом (несущей воды на две трети протяженности в широтном направлении, а далее, переходя в меридиональное) в раннем железном веке представляла собой густозаселенный район кочевых объединений. Целенаправленные исследования, проводившиеся с начала текущего столетия, подтверждают это тезис выявленными памятниками ранних кочевников по областям региона (Археологическая карта Западно-Казахстанской 2009; Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев 2007; Свод памятников истории 2010). О природно-географической обусловленности расположения памятников раннего железного века Западно-Казахстанского региона ранее неоднократно упоминалось в археологической литературе. Определенные итоги исследований на период рубежа XX–XXI веков были подведены С.Ю. Гуцаловым. Им же была подчеркнута необходимость исследования памятников ранних кочевников по территории левобережья Урала как по «четко ограниченному природно-ландшафтному региону» (Гуцалов 2004, С.4).

Восточная часть региона, представленная территорией Актюбинской области, расположена между Прикаспийской низменностью на западе, Туранской на юго-востоке, плато Устюрт на юге и долиной р.Урал на севере. На рассматриваемой территории прослеживаются последовательно сменяющие друг друга ландшафтные зоны – лесостепная, степная, полупустынная. Зона пустыни в виде песков Больших и Малых Барсуков, наблюдается в Северном Приаралье. Небольшая по площади, без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками, северную часть рассматриваемого региона занимает лесостепь. Реликтовое урочище, со сосредоточением колков Уркаш (Оркаш), уходит глубоко в степь, в районе стыка Илека, Эмбы и Ори (Чибилев 1987, С.86-103).

В географическом аспекте для данной территории применимо понятие «Приаральско-Мугалжарский регион», в которое включается территория обла-

сти севернее Аральского моря. Территория протяженна в широтном и меридиональном направлении практически на 500 км. Присутствует разветвленная гидросеть, горная система Мугалжар, реликтовые пески Оркаш, Баркын, песчаные массивы Большие и Малые Барсуки, Нуринские разливы. Богатство и вариативность географических ниш предполагает широкий диапазон памятников, что подтверждается уже обнаруженными (как исследованными, так и малоизученными, информация о которых поступает со случайными находками и сборами).

Для этой части Западного Казахстана отчетливо прослеживается деление на четыре географических микрорайона с привязкой к гидросети – основному аспекту жизнеобеспечения в эпохи раннего железного века и средневековья. Речные направления так же являлись факторами разграничения кочевий, в какой-то мере оконтуривая границы этнических и политических объединений. Магистральная река Северного Приаралья (Актюбинская область) – Илек со своими притоками проходит в северном направлении, постепенно смещаясь к западу, к месту впадения в Урал. Бассейн Илека с притоками является первым микрорайоном.

Второй микрорайон – Уило-Кобдинский, западный, охватывает два административных района Актюбинской области, Кобдинский и Уилский и северную часть Байганинского района. Река Большая Кобда течет в меридиональном направлении, Уил по большей части – в широтном, но в целом, они представляют собой единый географический комплекс, что подтверждается данными этнографии.

Третий микрорайон, Темирско-Эмбенский, находится в центральной части Актюбинской области, в ее южной половине. Трудности для его исследования создает присутствие контрактных территорий нефтедобывающих компаний. Территория богата памятниками различных эпох, охватывает площади Мугалжарского, Темирского и северную часть Шалкарского районов.

Микрорайон пересекают горы Мугалжары, тянущиеся с севера на юг. Это продолжение Уральских гор в современной географической традиции обозначается как условная граница Европы и Азии. Хотя, сами по себе горы не являются труднопреодолимым препятствием. Как на памятниках, так и на природных аспектах прослеживаются определенные различия в восточной и западной частях микрорайона. Указанный момент может обусловить выделение в группе исследуемых памятников локальных вариантов.

Четвертый микрорайон обозначен как Орь-Иргизский и охватывает юго-восточную часть Актюбинской области, проходя по территории современных Иргизского, Хромтауского и Айтекебийского районов. Район характеризуется (как и Уило-Кобдинский) переходом от степи к полупустыне, но представляет собой Восточные Мугалжары с выходом на Нуринские разливы. Рельеф восточной половины Западного Казахстана (Приаральско-Мугалжарского региона) представлен чередованием плато, возвышенностей, речных долин и относительно пониженных равнинных пространств, тем самым, представляет собой холмистую (возвышенно-волнистую) равнину. Наиболее приподняты северная и центральная части (300-600 м), понижены западная и юго-восточная (100-200) части области. Хотя средняя высота территории области – 250-300 м над уровнем моря, рельеф ее разнообразен и отличается следующими показателями расчлененности: горизонтальной (до 2-5 км/км²) и вертикальной (до 20-50 м). Максимальной абсолютной высоты (657м) достигает гора Большой Боктыбай в Мугоджарах, минимальной – впадина Карагие (-132м) (Физическая география Республики Казахстан 1998).

Аридность и континентальность климата, нарастающие с севера на юг и с запада на восток, являются важными характеристиками, определяющими уровень роста растительности, связанной с кормовой базой численностью разводимого скота, и, соответственно, с численностью проживавшего населения. При развитии кочевого скотоводства в его локальных и региональных вариантах, важное значение приобретает гидросеть, ее густота, насыщенность и обеспечение потребностей кочевого хозяйства по полному циклу. Поверхностные воды региона состоят из водотоков (постоянных и временных), бессточных озер, искусственных водоемов. Реки принадлежат к внутренним замкнутым бассейнам Каспийского и Аральского морей. Характер гидрографической сети, режим и сток рек региона существенно зависит от широтной зональности климата и ландшафтов. В связи с дефицитом влаги, особенно, в пустынных районах, поверхностный сток мал, речная сеть разрежена, а реки маловодны. С ландшафтно-климатической зональностью связана неравномерность густоты речной сети. В степной зоне она равна 0,1-0,5 км/км², в пустыне – снижается до 2 м/км² и даже до 0 (Физическая география Республики Казахстан 1998, С.79). Важным фактором, напрямую связанным с гидрографическими условиями и оказывающим самое непосредственное влияние на динамику скотоводческого хозяйства, демографические аспекты (насыщенность или дисперсность в локализации кочевых группировок), является объем биомассы растительного покрова. Распределение растений и самой растительности подчинено общему закону горизонтальной и вертикальной зональности. По растительному покрову Приаральско-Мугалжарский регион содержит элементы трех зон. На севере проходит зона настоящих степей, значительная средняя часть региона включается в зону пустынных степей или полупустынь, южная часть находится в зоне пустынь.

Природно-географические характеристики рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних кочевников. Оформление природно-климатических данных в тех чертах, что мы наблюдаем сегодня, отразилось на хозяйственных занятиях населения, выразилось в формировании пастбищно-кочевой системы (Акишев 1972, С.31) – основы экономики кочевых обществ. Собственно, у кочевых образований на левом берегу Урала в VI-IV вв. до н.э. сложился крупный племенной союз, консолидирующая группа (элита) которого, избрала местом своего обитания среднее течение магистральной артерии, по обоим берегам наиболее крупного левобережного притока. Иллюстрацией этому служат яркие комплексы Кырык Оба, Лебедевка, Покровка и т.д. Особенность данной ситуации была подмечена К.Ф. Смирновым, вынесшим географическую локализацию в название монографии (Смирнов 1975).

Приспособление человека в сложных условиях привело к созданию максимально эффективной экономики, сообразно окружающей среде, и в конечном итоге, выразилось в увеличении численности населения в середине I тыс. до н.э. Памятники ранних кочевников по территории левобережья Урала численно доминируют над памятниками других эпох. Занимая возвышенные территории – гребни водоразделов, вторые надпойменные террасы, платообразные возвышенности, археологические объекты ранних кочевников образуют комплексы памятников от одиночных и парных курганов до могильников с сотнями насыпей. Локализация и картографирование выявленных памятников ранних кочевников в рассматриваемом регионе позволяет провести предварительное районирование, вычленение группы микрорайонов, привязанных к бассейнам степных рек левобережья Урала. В перспективе направление исследований будет ориентировано на сравнительный анализ между такими микрорайонами

– Илекским, Темиро-Эмбенским, Орь-Иргизским и Уило-Кобдинским. На территории обозначенных микрорайонов присутствуют свои элитарные группы памятников, являющиеся, соответственно, консолидирующими центрами племенных группировок в рамках пастбищно-кочевой системы.

Фото 1. Кураша I. Общий вид погребения 1

Фото 2. Кураша I. Погребение 1.
Керамический сосуд с курильницей

Фото 3. Кураша I. Погребение 1.
Курильница

Наиболее многочисленные памятники раннего железного века приурочены к Илекскому бассейну, что объяснимо с учетом природно-географического контекста. Илек – магистральный, левобережный приток Урала, несущий свои воды по меридиану, и, таким образом, максимально комфортен для кочевания с севера на юг вдоль его берегов. Он полноводен и сам имеет богатые притоки, способные обеспечить жизнедеятельность больших скотоводческих общностей.

Курган Кураша I, исследовавшийся в 2015 году, расположен на территории Мартукского района Актюбинской области Республики Казахстан в 14,7 км к

северо-западу от пос.Петропавловка и в 11 км к востоку от пос.Родниковка. В географическом отношении курган относится к Илекскому микрорайону и располагается на водоразделе к северу от балки Кураша – правого притока р.Жаздыбай (приток р.Жаксы-Каргалы). Впервые он был обнаружен в 1988 г. археологическим отрядом Актюбинского педагогического института под руководством С.Ю. Гуцалова. На момент фиксации курган представлял собой земляную насыпь расплывшейся в результате длительной распашки формы диаметром 40 м и высотой 1,3 м от уровня дневной поверхности. У северо-восточного и юго-западного основания кургана прослеживались пологие ровики. В результате ежегодных сельскохозяйственных работ внешний облик памятника подвергся значительным изменениям: насыпь кургана была снивелирована, вершина уплощена, ранее прослеживаемые примыкающие ровики не наблюдались. Современный диаметр кургана в ходе проведения исследования составил 31 м, высота 1,2 м. В процессе снятия насыпи были обнаружены фрагменты деревянного столба, являвшегося элементом конструкции кургана. Вокруг погребальной площадки, на расстоянии 6,53 м от условного центра кургана, находился вал, окаймлявший ее. Средняя ширина вала составляла 3 м. Под курганной насыпью было обнаружено два погребения. Погребение №1 находилось к северу от условного центра под глиняным валом (Фото 1, 2, 3). Погребение №2, являвшееся основным, располагалось в центральной части погребальной площадки (Фото 4, 5).

Могильная яма представляла собой дромосное захоронение глубиной 240 см. Яма также оказалась богатой на находки разнообразных предметов, в том числе, и культовых. В юго-западной части дна погребения, на глубине – 2 м 40 см, был обнаружен костяк №1 плохой сохранности, предположительно – результат деятельности грызунов. Костяк представлял собой частично сохранившийся скелет человека. У правой руки усопшего был расположен железный акинак. Также в яме были обнаружены золотые накладки, бронзовое зеркало, каменный алтарь, бронзовые наконечники стрел (в количестве 183 штук) (Рисунок 1, Фото 6, 7). Оригинальными предметами, происходящими из данного памятника, являются железная обойма с золотой аппликацией и крупный образец каменного жертвенника на трех ножках (Рисунок 1:1, Фото 8, 9). Данная железная обойма была обнаружена справа от костяка №1. Рядом находились фрагменты железного ножа плохой сохранности, железные поясные пряжки, покрытые желтым металлом. Обойма представляла собой железное изделие подквадратной формы с длиной сторон 60х65 мм. Лицевая сторона изделия плакирована листовым золотом, художественно оформленным в зверином стиле (Рисунок 1:3). Подобная категория находок является достаточно редкой для территории Южного Приуралья и во многих случаях выступает одним из хронологически диагностирующих предметов, позволяющих выделить реперные погребения с узкой датировкой. Один из первых исследователей образа оленя – М.П. Грязнов по материалам Саяно-Алтайского региона выделил две стилистические группы: ранняя и поздняя. Первая из них охватывает VII-V вв. до н.э., а вторая датируется V в. до н.э. В раннюю группу М.П. Грязнов включает три варианта изображения оленя: стоящий «на цыпочках», лежащий с подогнутыми ногами, в стремительном беге (Грязнов 1978, С.226).

Изображение оленя на курашинской обойме своеобразно представлено с трикселовыми орнаментами. Олень лежит с подогнутыми ногами, голова расположена на одном уровне с туловищем, морда опущена вниз. Бедро оленя отмечено рельефным узором – завитком. Максимально подчеркнуты в данном изображении область головы и рогов. Также на лицевой стороне изделия про-

Фото 4. Кураша I. Погребение 2. Общий вид

Фото 5. Кураша I. Погребение 2. Детали погребения

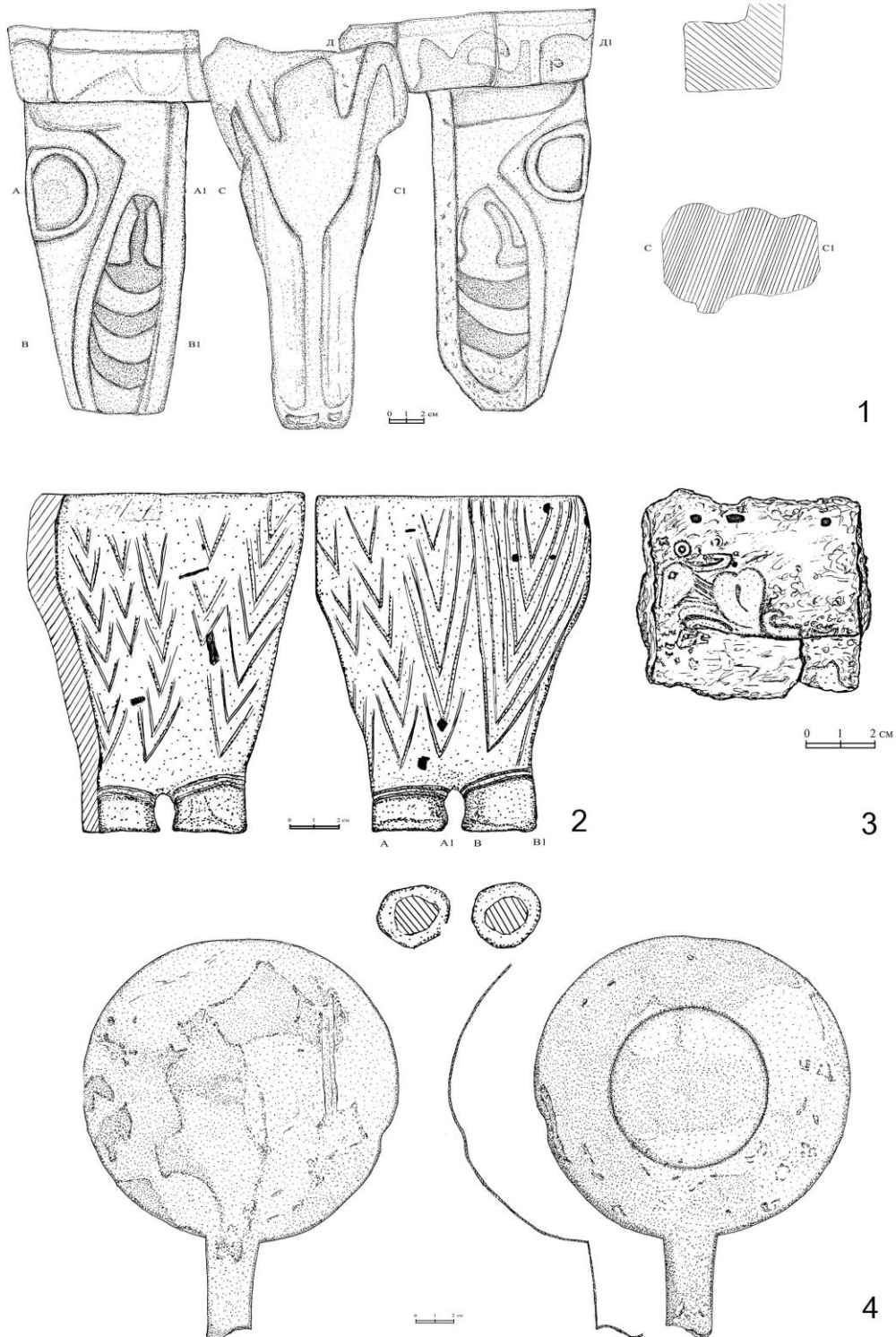

Рисунок 1. Инвентарь погребения 2 кургана Кураша I:
 1 - каменный жертвенник; 2 - керамическая курильница;
 3 - железная обойма с золотой аппликацией; 4 - бронзовое зеркало

Фото 6. Кураша I. Погребение 2.
Золотые накладки

Фото 7. Кураша I. Погребение 2.
Бронзовое зеркало

Фото 8. Кураша I. Погребение 2.
Деталь погребения

Фото 9. Кураша I. Погребение 2.
Каменный жертвенник

слеживается изображение еще одного животного – предположительно являвшееся уменьшенной копией основной композиции. Полноценное рассмотрение второго изображения было затруднено сильной коррозией железной основы рассматриваемой обоймы. Голова оленя читается в этой композиции совершенно явственно. Остальная часть, если присмотреться, составляет сложную головоломку, включая в себя несколько зооморфных образов (завершение отростков рогов птичьими головками). По утверждению Е.Ф. Корольковой, такой феномен характерен для скифо-сибирского звериного стиля, особенно V в. до н.э. (Королькова 2006, С.44). Данная обойма, также как и оригинальная курильница (Рисунок 1:2, 4), отдельно рассматривались в литературе (Серик, Амелин 2016, С.182-184; Краева 2016, С.176-180).

В центральной части погребения был обнаружен каменный алтарь округлой формы на трех ножках и с бортиком. Сохранность алтаря плохая, по всей видимости, он был преднамеренно расколот на множество частей. Диаметр алтаря составил 34 см, высота – 23,5 см, высота ножек – 17-17,5 см, размеры ножек – 4,1-4,2х5-5,7 см, ширина бортика – 1,5-1,8 см, глубина чаши – 2,8 см. Каменный алтарь оформлен в зверином стиле, по его бортику идут изображения голов птиц, чередующиеся с изображением головы хищника (волка?). Ножки предмета представляют собой такие же головы хищников, что и на бортике, но исполненные более детализировано. Образы птиц достаточно редко встречаются в оформлении жертвенников. Единственной близкой аналогией будет изображение головы грифона на алтаре из погребения 2 курган 1 могильника Биш-Уба I (Васильев 1998, С.25-43, рис. 7, 8), однако стилистически данные

образы совершенно разные. Каменный алтарь-жертвенник из кургана Кураша I, исполненный в традициях камнерезного искусства второй половины VI–IV вв. до н.э., представляет собой предмет религиозно-культурного назначения, подчеркивающий социальный статус погребенных, которых он сопровождает. Данный жертвенник отличается от большинства экземпляров, происходящих из Илекского микрорайона, внушительными размерами, материалом, стилистическими особенностями исполнения и общим обликом. В дальнейшем представляется перспективным изучение образцов каменных жертвенников-алтарей, а также других категорий инвентаря и элементов погребального обряда в сравнении с обнаруженными в локальных микрорайонах Приаральско-Мугалжарского региона. Обнаруженные в погребениях предметы, кроме хронологической позиции комплекса, позволяют проводить исследования культурологического, технологического, семантического направлений. Такими предметами, достаточно часто встречающимися в погребениях указанного времени, несущими многостороннюю информацию религиозно-семантического характера, являются каменные жертвенники-алтари, изделия с элементами изобразительного искусства.

В полевом сезоне 2016 года проводились исследования на могильнике Шпаки II, расположенном в Каргалинском районе Актюбинской области, ближе к землям Родниковского сельского округа Мартукского района. Впервые памятник был обнаружен археологической экспедицией Актюбинского областного историко-краеведческого музея в 1977 году под руководством В.В. Родионова. Могильник эпохи ранних кочевников подвергался ранее, в течение длительного времени, и на момент его исследования систематической распахке, так как находится на обрабатываемом поле активно действующего крестьянского хозяйства. На этапе начала раскопок размеры курганных насыпей значительно отличаются от указанных в отчете и первой редакции паспорта, составленных во второй половине XX века. Общая высота насыпей уменьшилась почти в два раза, потеряв так же первоначальную форму. На момент выявления памятник состоял из 4 курганов, расположенных на пашне, на вершине водораздельного плато в 2-х км к югу от родника Шпаки и в 3-х км к юго-востоку от могильника Шпаки I. В тот же год В.В. Родионовым были произведены раскопки кургана №2. После снятия насыпи были обнаружены две могилы, расположенные в 40 см. друг от друга: центральная (размером 1,9мх0,8м) и северная (размером 1,8мх0,6м). Могилы оказались ограбленными в древности. Значительная часть вещественного материала отсутствует за исключением кольцевой подвески с ушком из круглой проволоки, сечением несколько больше 2 мм и диаметром 2-2,1 см.

По оценке ситуации, в 2016 г., было принято решение провести археологические исследования курганов №3 и №4, максимально пострадавших от антропогенного воздействия и находящихся под угрозой полного нивелирования насыпи, как большинство археологических объектов, находящихся на полях крестьянских и фермерских хозяйств. Кроме того, курган №3 стал «полигоном» для отработки новых подходов в фиксации полевого материала и попытки создания в будущем трехмерной модели кургана. Так как в последнее время стало актуальным применение современных технологий 3D для фиксации процесса и результатов археологических раскопок. Подобный метод фиксации является достаточно удобным и позволяет получить более полные сведения об объекте. Создаваемая в ходе раскопок виртуальная трехмерная модель позволяет зафиксировать и сохранить качественно больший объем информации о пространственных характеристиках исследуемого археологического объекта

(геометрию, текстуру и структуру в некоторой трехмерной системе координат), чем текстовое описание, чертежи и фотографии и отличается максимальной наглядностью, так как создает «эффект присутствия» при ознакомлении с материалом. Курган №3, на котором было принято решение апробировать новый метод фиксации, был расположен в центральной части могильника. Имел сильно распаханную насыпь диаметром около 22 метров и высотой менее одного метра на поверхности без выходов камня или дерева. Однако, для достоверного выяснения структуры насыпи было принято решение заложить в насыпи семь шурфов, расходящихся в радиальных направлениях от центра, охватив весь его периметр. В результате закладки шурфов удалось проследить и сохранить главный элемент подкурганной конструкции – глиняный вал, насыпанный из материковой желтой глины, его высоту и размеры. После чего выборка грунта осуществлялась до начала вала с применением ковшового погрузчика Liu Gong, с шириной ковша 3,5 метра. Для выявления стратиграфических аспектов, по направлению север-юг были оставлены две параллельных стратиграфических бровки шириной 70 см., разбитые на отрезки длиной 50 см. После необходимых процедур фотофиксации и отрисовки, грунт, составлявший стратиграфические разрезы, так же был вынесен за пределы раскопа, с полным сохранением глиняного вала овальной формы, по-рядка 14,5 м в диаметре. Максимальная ширина вала была зафиксирована в северо-западной части и составила 2,3 м. Наиболее узкая ширина вала была установлена в южной части 1,2 м. Поверхность вала представлена светло-желтым суглинком с примесью песка. Грунт, заполнявший могильные ямы исследуемого кургана, также выносился за пределы

Фото 10. Шпаки II. Курган 3.
Восточная половина, вид с севера

Фото 11. Шпаки II. Курган 3.
Восточная половина, вид с юга

раскопок, в результате чего была получена общая картина погребальных действий, по отношению, к основному погребению №2 (Фото 10, 11, 12, 13, 14, 15).

При выполнении данного способа фиксации материала в первую очередь проводится подробная съемка объекта со всех сторон под разными углами. Зоны фотографирования на каждом последующем снимке должны перекрываться не менее чем на 70%. Таким способом можно обрабатывать данные, касающиеся небольшого объекта. Что же касается кургана, тут съемка всего объекта проводится по всей окружности кургана под углом приблизительно в 45%; а замеры производятся с применением лазерного тахеометра и маркирования объекта, что позволяет получить точные данные относительно размеров (высоты, глубины, длины и т.д.) объекта. Съемка производилась тахеометром Nikon NPL-322 5. Перед снятием грунта и оставлением двух параллельных друг к другу бровок кур

Фото 12. Шпаки II. Курган 3.
Западная половина, вид с юга

Фото 13. Шпаки II. Курган 3.
Западная половина, вид с севера

Фото 14. Шпаки II. Курган 3. Общий вид с юга

Фото 15. Шпаки II. Курган 3. Общий вид вала

ган был маркирован 80-ю точками, образующими множество квадратов. По маркерам была проведена детальная тахеометрическая съемка поверхности кургана №3. Фотосъемка поверхности кургана производилась с маркерами для последующей обработки и сопоставления фотографии и топографического плана в программе Autodesk 3ds Max. После снятия насыпи кургана для изучения подкурганной конструкции, как важного элемента погребальной обрядности ранних кочевников, был достигнут уровень залегания желтого глиняного вала, опоясывающий площадку с ямой. Стратиграфия бровок была полностью маркирована и визуально поделена на 7 составных частей шириной по 50 см с юга на север, для более тщательного исследования структуры профиля. По маркерам произведена тахеометрическая съемка и фотосъемка. После фиксации были полностью удалены стратиграфические разрезы и отдельно отснят земляной вал, который был нами маркирован 50-ю точками. На данный момент осуществляется обработка материалов, согласно последовательности, направленной на создание 3D-модели. В перспективе применение 3D технологий при исследовании могильника Шпаки II является возможность получения с помощью 3D принтера их точной трехмерной копии. Уменьшенные копии макеты как самого кургана, так и основного погребения можно включить в состав музейной экспозиции.

В результате полного выбора грунта был сохранен и полностью прослежен основной элемент подкурганной погребальной конструкции – земляной вал овальной формы в диаметре составлявший 14,5 м. Максимальная ширина вала была зафиксирована в северо-западной части и составила 2,3 м. Наиболее узкая ширина вала была установлена в южной части 1,2 м. Поверхность вала пред-

ставлена светло-желтым суглинком с примесью песка. Погребение №1 было врезано в основное погребение (№2), в центральной части кургана (в 50 см к западу от условного центра). На поверхности погребения прослеживалось надмогильное сооружение из камней прямоугольной формы со скругленными углами. Камни различных форм и величины были углублены в материковую почву. Высота сооружения от уровня материка составила 65 см, длина 1,8 м, ширина 97 см. В процессе вскрытия погребения, на дне, был расчищен скелет взрослого человека, головой ориентированного на ЮЮЗ. Погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. Вещевой материал захоронения весьма скуден и представлен фрагментом железного изделия, разрушенным сосудом и акинаком. Длина акинака составила 27 см. Перекрестие – бабочковидное, вид навершия меча установить не удалось, в виду несохранности. Лезвие сужалось от рукояти к острию. Ширина лезвия у перекрестия – 3 см, длина – 22 см. Ширина рукояти достигает – 3 см, длина – 5 см (Фото 16).

Фото 16. Шпаки II. Курган 3. Погребение 1

Фото 17. Шпаки II. Курган 3. Погребение 2

Погребение №2 располагалось в центральной части кургана и являлось основным. Общие размеры могильной ямы составили 3,8мх3,1м, глубина 1,5 м. Над могильной ямой зафиксированы остатки деревянного перекрытия. Длина перекрытия составила 3,2 м, ширина – 2,7 м. В результате вскрытия перекрытие оказалось продавленным внутрь на 1,12 м, и представляло собой конус вершиной вниз. В процессе вскрытия на дне погребения были зачищены хорошо сохранившиеся скелеты мужчин (Фото 17). Оба костяка имели ориентир на восток, руки вытянуты вдоль туловища, ладони направлены вниз. В северной части погребения, у стенки были обнаружены кости МРС и лошади. После тщательного исследования дна погребения под костями был обнаружен фрагмент железного предмета плохой сохранности. Также на дне погребения вдоль подножия прилегающей восточной стенки могильной ямы были зачищены кости

лошади. Между костяками животных зафиксированы два керамических сосуда различной сохранности. Первый сосуд имел яйцевидное тулово и плоское дно. Высота сосуда составила 10,7 см., диаметры: венчика – 8 см., донца – 7,5 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) – 11,2 см. Второй сосуд был разрушен при завале могильной ямы.

Схожие керамические сосуды были найдены между костяком №2 и костями МРС (обнаруженных вдоль подножия юго-восточной стенки) Первый сосуд имел яйцевидное тулово и плоское дно. Горло сосуда средней высоты, прямое, венчик слегка отогнут по краю. Размеры сосуда следующие: высота – 19,3 см.; диаметры: венчика – 9 см., донца – 11 см. Наибольший диаметр

тулова (в средней части) – 15 см. Второй сосуд также имел яйцевидное тулово и плоское дно, прямое, но низкое горло и слегка отогнутый по краям венчик. Высота изделия – 18,7 см, диаметр: венчика – 9 см, донца – 8,5 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) – 11,5 см. Вдоль подножия южной стенки погребения были зачищены кости лошади. Между костями животного и левой рукой №2 костяка, на уровне локтя, был зафиксирован фрагмент железного изделия, вероятнее всего, ножа, и игла, сделанная из кости. Длина иглы – 7,2 см., диаметр сечения – 4 мм. У тазовой кости костяка №2 зафиксирована варворка конусовидной в продольном сечении формой. Варворка была зачищена и на уровне ладони левой руки костяка №1. Варворка конусовидной формы, выполнена из железа, длина составила 5,3 см, диаметры оснований – 3,2 см и 1,2 см. На уровне ладони правой руки костяка №2, в 10 см от нее, зафиксирован колчаный набор: наконечники стрел в количестве 26 штук и колчаный крюк, выполненный из железа диаметром в сечении 2,5 см. Также на уровне ладони левой руки в 10 см были обнаружены бронзовые наконечники стрел в количестве 40 штук. Наконечники хорошо сохранились и представляли совокупность различных видов: трехлопастные с выступающей втулкой, трехлопастные с внутренней втулкой, с выступающими шипами, трех- и двугранные втульчатые.

На левой части тазовой кости костяка №2 лежал амулет из кабаньего клыка. При тщательном рассмотрении клыка были замечены следы обработки. Непосредственно у ладони (этого же костяка) был найден костяной предмет, выполненный в зооморфном стиле. Длина изделия – 29,5 см, диаметр сечения – 1,8 см. На концах предмета прослеживаются украшения скульптурами волка с оскаленной пастью. На одном из концов видны следы сильной потертости (Рисунок 2:1). На тазовых костях обоих костяков были зачищены железные ножи-кинжалы хорошей сохранности, имитирующие стандартное расположение в ножнах. Они имели определенное различие в размерах, но в остальном прослеживается сходство. Общая длина кинжала у костяка №2 составила 28 см. Лезвие в длину составляет 17 см, ширина у перекрестия – 3,5 см. Перекрестие бабочковидное. Длина рукояти – 8,5 см, ширина – 3,3 см. Навершие брусковидное.

Курган №4 был расположен в центральной части могильника на расстоянии 60 м к востоку от кургана №3. Курган в диаметре 28 м, высотой 0,73 м. По форме в плане насыпь приближалась к окружности. Для фиксации стратиграфии по направлению север-юг были оставлены 3 параллельные бровки шириной 70 см. Для выявления конструкции кургана было принято решение заложить в насыпи 6 шурфов перекрестным способом, охватив весь его периметр. В ходе снятия насыпи кургана в центральной траншее были прослежены останки деревянной конструкции, сожженной еще в древности. Поверх конструкции также находились останки каменной выкладки. Скорее всего, разброс камней образовался в результате антропогенной деятельности. Также в центральной траншее были обнаружены фрагменты керамических сосудов и пряслице, выполненное из керамики. В центральной части кургана были обнаружены кости МРС. Помимо костей животных, в насыпи фиксировались и кости человека (Фото 18).

Погребение №1 было обнаружено в 3 м к северу от основного погребения кургана. По форме яма приближалась к прямоугольнику со скругленными углами, длинной осью, ориентированной по линии запад-восток. Общие размеры ямы – 2,3х 1,72 м, глубина 0,83 м. На глубине 35 см от уровня поверхности материка были зафиксированы останки деревянного перекрытия, вероятнее все-

го, обрушенного еще в древности. Значительная часть его перемешалась с засыпью могилы, по причине чего проследить конструкцию не удалось. При вскрытии погребения, на глубине 83 см от уровня поверхности материка был зачищен хорошо сохранившийся скелет женщины. Голова покойной ориентирована на запад, ноги находились в вытянутом положении. Левая рука вытянута вдоль туловища. Правая рука была согнута в локте, таким образом, огибая жертвенник, находившийся между рукой и туловищем усопшей. Жертвенник выполненный из камня серого оттенка имел длину 18 см, ширину 10 см, глубину чаши 1,8 см, ширину бортика 1,3-1,5 см, две ножки цилиндрической формы с диаметром основания 5,5 см, высотой 6 см (Рисунок 2:2; Фото 19).

На дне ямы, у северо-восточной части стенки были зачищены жертвенные камни неправильной формы, выложенные в пирамидальную конструкцию. На вершине конструкции находилось каменное пряслице, в продольном сечении конусовидной формы. У подножия конструкции был зафиксирован фрагмент венчика керамического сосуда. Под головой скелета был зафиксирован гадальный камень белого цвета эллиптической формы. У подножия северо-западной части стенки зачищено бронзовое зеркало дисковидной формы, диаметром 11,5 см. Рукоять зеркала, вероятнее всего, была обломана во время обряда захоронения усопшей. Сохранность зеркала хорошая. Под зеркалом была обнаружена *Grifea*. Справа, в районе шеи усопшей, были обнаружены бусины. Среди них одна костяная кольцевидной формы, диаметром 5 мм, и две стеклянные прямоугольной формы длиной 7 мм, шириной 5 мм. При более тщательном изучении дна погребения была обнаружена россыпь бусин под шеей усопшей. Слева от скелета были расчищены кости, принадлежащие МРС. Часть костей находилась поверх левой руки погребенной.

Погребение №2 выявлено в 4 м к югу от условного центра кургана. В плане могила имела прямоугольную форму со скругленными углами. Длина ямы составила 3,7 м, ширина 3 м, глубина 1,95 м. В ходе спуска в погребение была обнаружена обожженная деревянная конструкция длиной 5,2 м, шириной 3,2 м. На юго-западной окраине конструкции, на уровне материковой почвы, была зафиксирована часть обломанного жертвенника. Длина чаши составила 11 см, ширина – 13 см, ножки цилиндрической формы длиной 3-3,9 см, диаметром 5 см (Рисунок 2:3). На дне погребения, на глубине 1,9 м, был зачищен хорошо сохранившийся скелет мужчины. Голова усопшего ориентирована на запад, руки вытянуты вдоль туловища. Левая нога была в согнутом положении. Таким образом, погребенный приобретал атакующую позу. У подножия западной стенки погребения был обнаружен хорошо сохранившийся керамический сосуд, выполненный из глины темно-серого цвета. Диаметр венчика составил 11,5 см, тулова 18,5 см, дна 12,5 см, высота сосуда 21,8 см. У запястья правой руки были обнаружены хорошо сохранившиеся бронзовые наконечники стрел в количестве 65 штук, представляющие собой совокупность различных типов. Под наконечниками были обнаружены костяная ложечка (длиной 12 см и максимальной шириной 2,7 см) и семена растения, предположительно, *Cannabis ruderalis*. Непосредственно под запястьем усопшего, был зачищен амулет, выполненный из клыков животных. У стопы правой ноги лежали обломки керамического сосуда. Слева от предплечья погребенного был зачищен фрагмент колчанного крюка, выполненного из железа. Вдоль подножия северной стенки погребения обнаружены кости лошади. У подножия северо-восточной стенки могильной ямы была зачищена керамическая курильница плохой сохранности темно-серого цвета (Фото 20).

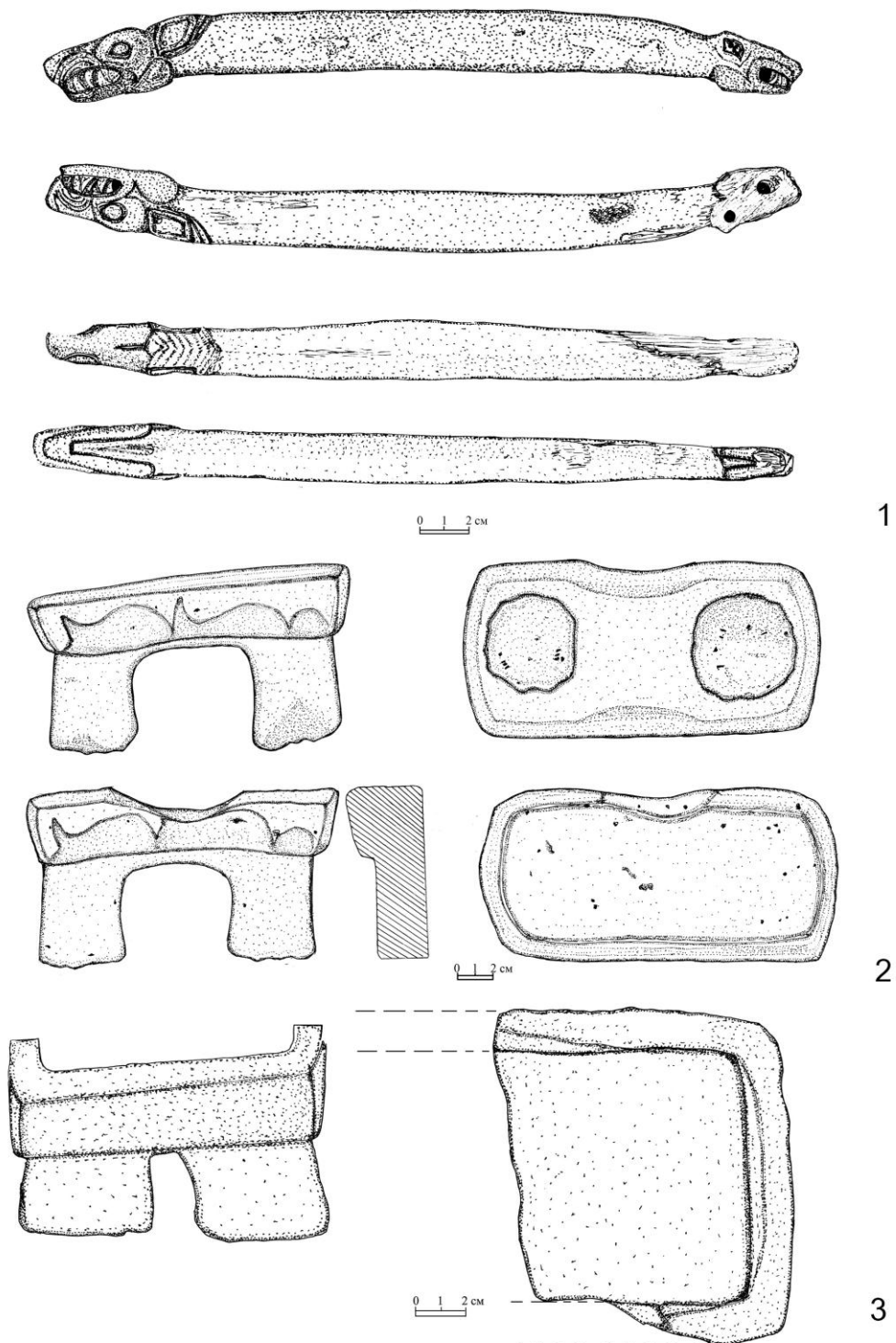

Рисунок 2. Инвентарь могильника Шпаки II:
 1 - костяной предмет (рукоять нагайки) курган №3 погребение 2;
 2 - каменный жертвенник курган №4 погребение 1;
 3 - обломок каменного жертвенника курган №4 погребение 2

Фото 18. Шпаки II. Курган 4.
Общий вид с севера

Фото 19. Шпаки II. Курган 4. Погребение 1

Фото 20. Шпаки II. Курган 4. Погребение 2

Фото 21. Шпаки II. Курган 4. Погребение 3

погребения на Южном Урале появляются с конца VI-V в. до н.э. (Таиров, Гаврилюк 2011, С.144-145). Л.Т. Яблонский связывает появление таких могил с

Погребение №3 представляло собой прямоугольную яму со скругленными углами, общие размеры которой составляли порядка 4,6х2,96 м. Глубина погребения – 1,99 м. Длинная ось имела меридиональное направление. Над погребением прослеживались останки сожженной деревянной конструкции. Целостность могильной ямы предположительно была нарушена не единожды, об этом свидетельствуют человеческие и животные кости, обнаруженные в засыпи (Фото 21). С южной части ямы прослеживался вход, вытянутый в южном направлении. Длина составила 1,8 м, ширина 0,82, максимальная глубина 0,5 м. Засыпь дромоса, практически не отличалась от засыпи самой могильной ямы, и была представлена черноземом, смешанным с комками плотного материкового суглинка. Непосредственно у входа в яму, в северо-восточной части дромоса, на глубине 50 см от уровня материковой почвы был обнаружен керамический сосуд. Сосуд имел яйцевидное тулово и округлое дно, слегка уплощенное по центру. Горло сосуда средней высоты, прямое, венчик слегка отогнут по краю. Размеры сосуда следующие: высота – 20,8 см; диаметры: венчика – 11 см, донца – 6 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) – 19,5 см.

Расположение описанных выше археологических объектов – могильник Кураша и Шпаки, оставленных кочевым населением в период раннего железного века и приуроченных к бассейну среднего течения Илека, имеет свое отражение на культурно-хронологической позиции исследованных курганов. Илекский локальный микрорайон насыщен археологическими памятниками середины I тысячелетия до н.э. (Ахатов, Бисембаев, С.503-513).

Схожие с илекскими, дромосные

приходом элитарных групп кочевых объединений с территорий лесостепного и степного Зауралья и территории Средней Азии (Яблонский 2011, С.238). Следует отметить, что большая часть известных к настоящему времени дромосных погребений датируется в пределах конца V-IV в. до н.э.

Делая вывод из вышеизложенного, можно сказать следующее: время функционирования могильников Кураша I и Шпаки II может быть определено в пределах конца VI-V вв. до н.э. Об этом свидетельствует сопутствующий инвентарный комплекс, а именно, мечи «савроматского» типа. Бабочковидное перекрестие и брусковидное навершие мечей находят аналогии в материалах курганов Акжарского и Ново-Кумакского могильников, расположенных под г. Актобе и г.Орском. Авторы исследований относят данные комплексы к VI-V вв. до н.э. Лучники часто использовали такие наконечники стрел в VI-IV вв. до н.э. Причем, в их колчанах преобладали такие стрелы, у которых лопасти четко отделялись от втулки, возвышаясь над ней, и края лопастей заострялись в шипы (Смирнов 1961, С.15, 46-47).

Достаточно редко встречающимся предметом, свидетельствующим о времени функционирования памятника, является костяное изделие с нарезкой в зооморфном стиле. Иконографический метод предмета находит аналогии у рукояти нагайки, происходящей из кургана Черная Гора у с.Абрамовка (Оренбургская обл.). Смирнов К.Ф. датирует данный комплекс VI в. до н. э. (Смирнов 1961, С.97).

В культурно-хронологическом отношении новые памятники Илекского микрорайона наглядно демонстрируют идентичность процесса культурных трансформаций, происходивших в раннекочевническом обществе степной зоны Евразии. Изученные объекты подтверждают, что территория Илекского локального микрорайона (в пределах Актюбинской области) насыщена памятниками ранних кочевников широкого хронологического диапазона, особенно, отрезка VI-IV вв. до н.э., когда сооружались крупные могильники по обоим берегам среднего течения Илека, эксплуатировавшиеся в течение длительного времени.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, «Наука», 1972. – С.31-46.
2. Археологическая карта Западно-Казахстанской области. – Актобе, 2009. – 370 с. с илл.
3. Ахатов Г.А., Бисембаев А.А. Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященных 550-летию образования Казахского ханства. – Алматы, 2015. – С.503-513.
4. Бисембаев А.А. Заметки к аспектам региональной истории: общее и особенное Западно-Казахстанского региона // Вестник ЕНУ имени Л.Н.Гумилева. – 2009. – №3(70). – С.217-222.
5. Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. – 1998. – Вып.1. – С.25-43.
6. Грязнов М.П. Саяно-алтайский олень (этюда на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Вып. 2. – Л., 1978. – С.222-232.
7. Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. – Уральск, «Полиграфсервис», 2004. – 136 с. с илл.
8. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб, «Петербургское Востоковедение», 2006. – 272 с.
9. Краева Л.А. Необычная «курильница» из сарматского одиночного кургана Кураша I // Материалы V Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения -2016» (6-7 октября 2016 года). – Актобе, 2016. – С.176-180.

10. Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Мангыстау. – Алматы, 2007. – 400 с. с илл.
11. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Западно-Казахстанская область. – Алматы: «Аруна», 2010. – 488 с.
12. Серик Г.С., Амелин В.А. К вопросу об изображениях оленей в искусстве ранних кочевников // Материалы Международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения» по теме «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования». – Алматы: Қазақ университеті, 2016, – С.182-184.
13. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // Материалы института археологии. – 1961. – №101. – 170 с.
14. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М., «Наука», 1975. – 176 с.
15. Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / ред. Г. Б. Зданович. Межвузовский сборник. – Челябинск: Изд-во Башкирского ун-та, 1988. – 160 с.
16. Физическая география Республики Казахстан / Под редакцией Джаналиевой Г.М. – Алматы: Қазақ университеті, 1998. – 265 с.
17. Чибилев А.А. Река Урал. – Л., 1987. – 168 с.
18. Яблонский Л. Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: мат-лы и исследования по археологии юга России. Вып. III. / ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.

Reference

- Ahatov, Bisembaev 2015 – Ahatov, GA, Bisembaev, AA 2015, *Harakteristika prirodno-geograficheskikh uslovij Zapadnogo Ka-zahstana kak ehkonishi kochevogo naseleniya rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya, Kazahskoe hanstvo v potoke istorii: Sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyh 550-letiyu obrazovaniya Ka-zahskogo hanstva*, Almaty, S.503-513. (Ahatov, GA, Bisembaev, AA 2015, A description of natural-geographical conditions of the Western Kazakhstan as akanishi nomadic population of the early iron age and middle ages, *the Kazakh khanate in the stream of history: collected articles, dedicated to the 550th anniversary of the Kazakh khanate*, Almaty, P.503-513). (in Rus).
- Akischev 1972 – Akischev, KA 1972, K probleme proiskhozhdeniya nomadizma v aridnoj zone drevnego Kazahstana, *Poiski i raskopki v Kazahstane*, «Nauka», Alma-Ata, S.31-46. (Akischev, KA 1972, To the problem of the origin of nomadism in the arid zone of ancient Kazakhstan, *In-actions and excavations in Kazakhstan*, «Nauka», Alma-Ata, P.31-46). (in Rus).
- Arheologicheskaya karta 2009 – *Arheologicheskaya karta Zapadno-Kazahstanskoj oblasti* 2009, Aktobe, 370 s. (Archaeological map of West Kazakhstan region 2009, Aktobe, 370 p). (in Rus).
- Bisembaev 2009 – Bisembaev, AA 2009, Zаметki k aspektam regional'noj istorii: obshchee i osobennoe Zapadno-Kazahstanskogo regiona, *Vestnik ENU im.L.N.Gumileva*, №3(70), S.217-222. (Bisembaev, AA 2009, Notes to the aspects of regional history: General and special West-Kazakhstan region, *Vestnik Gumilev ENU*, №3(70), P.217-222). (in Rus).
- CHibilev 1987 – CHibilev, AA 1987, *Reka Ural*, Leningrad, 168 s. (CHibilev, AA 1987, *The Ural River*, Leningrad, 168 s). (in Rus).
- Gryaznov 1978 – Gryaznov, MP 1978, Sayano-altajskij olen' (ehtyud na temu skifo-sibirskogo zverinogo stilya), *Problemy arheologii*, Vyp. 2, Leningrad, S.222-232. (Gryaznov, MP 1978, The Sayano-Altai deer (etude on the theme of the Scythian-Siberian animal style), *Problems of archaeology*, Vol. 2, Leningrad, P.222-232). (in Rus).
- Gucalov 2004 – Gucalov, SYu 2004, *Drevnie kochevniki YUzhnogo Priural'ya VII-I vv. do n.eh.*, «Poligrafservis», Ural'sk, 136 s. s ill. (Gucalov, SYu 2004, *Ancient nomads of the southern Urals VII-I centuries BC – oral*, Poligrafservis, 136 p). (in Rus).
- Korol'kova 2006 – Korol'kova, EF 2006, *Zverinyj stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i YUzhnogo Pri-ural'ya v skifskuyu ehposu (VII-IV vv. do n.eh.)*. *Problemy stilya i ehtnokul'turnoj prinadlezhnosti*, «Peterburgskoe Vostokovedenie», SPb, 272 s. (Korol'kova, EF 2006, *Animal style of Eurasia. The art of the tribes of the Lower Volga region and South of Ural in the Scythian period (VII-IV centuries BC)*. *Problems of style and ethno-cultural belonging*, "The Petersburg Oriental Studies", Saint-Petersburg, 272 p). (in Rus).
- Kraeva 2016 – Kraeva, LA 2016, Neobychnaya «kuril'nica» iz sarmatskogo odinochnogo kurgana Kurasha I, *Materia-ly V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Kadyrbaevskie chteniya -2016» (6-7 oktyabrya 2016 goda)*, Aktobe, S.176-180. (Kraeva, LA 2016, Strange "incense burner" of the Sarmatian single mound of Kurash I, *Materials of V International scientific conference "Kadyrbaeva read -2016" (6-7 October 2016)*, Aktobe, P.176-180). (in Rus).

- Samashev, Kuserbaev, Amanshaev 2007 – Samashev, Z, Kuserbaev, K, Amanshaev, E, Astaf'ev, A 2007, *Sokrovishcha Ustyurta i Mankystau*, Almaty, 400 s. s ill. (Samashev, Z, Kuserbaev, K, Amanshaev, E, Astaf'ev, A 2007, *Treasures of Usturt and Mangistau*, Almaty, 400 p). (in Rus).
- Serik, Amelin 2016 – Serik, GS, Amelin, VA 2016, K voprosu ob izobrazheniyah oleney v iskusstve rannih kochevnikov, *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii «VIII Orazbaevskie chteniya» po teme «Arheologiya, ehtnologiya i muzeologiya v sisteme sovremennogo vysshego obrazovaniya»*, Kazak universiteti, Almaty, S.182-184. (Serik, GS, Amelin, VA 2016, To the question about images of deer in art of the early nomads, *Materials of International scientific-methodical conference "VIII Orazbaeva readings" on the theme "Archaeology, Ethnology and museology in the system of modern higher education*, Kazakh University, Almaty, P.182-184). (in Rus).
- Smirnov 1961 – Smirnov, KF 1961, Vooruzhenie savromatov, *Materialy instituta archeologii*, №101. Moscow, 170 s. (Smirnov, KF 1961, Weapons savromats, *Materialy instituta archeologii*, No101, Moscow, 170 p). (in Rus).
- Smirnov 1975 – Smirnov, KF 1975, *Sarmaty na lleke*, «Nauka», Moskva, 176 s. (Smirnov, KF 1975, *Sarmatians on the llek river*, "Science", Moscow, 176 p. (Smirnov, KF 1975, *Sarmatians on the llek river*, "Science", Moscow, 176 p). (in Rus).
- Svod pamyatnikov istorii 2010 – *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazahstan. Zapadno-Kazahstanskaya oblast'*, 2010, «Aruna», Almaty, 488 s. (Set of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. West Kazakhstan region 2010, Aruna, Almaty, 488 p). (in Rus).
- Tairov, Gavriilyuk 1988 – Tairov AD, Gavriilyuk, AG 1988, K voprosu o formirovanii rannesarmatskoj (prohorovskoj) kul'tu-ry, *Problemy arheologii Uralo-Kazahstanskih stepej*, red. G.B. Zdanovich, Izd-vo Bashkirskogo un-ta, Chelyabinsk, 160 s. (Tairov AD, Gavriilyuk, AG 1988, to the question of formation of early Sarmatian (Prokhorov) culture, *Problems of archeology of Ural-Kazakhstan steppes*, ed. Interuniversity collection, Publishing house of Bashkir state University, Chelyabinsk, 160 p.). (in Rus).
- Fizicheskaya geografiya 1998 – *Fizicheskaya geografiya Respubliki Kazahstan*, 1998, Pod redakciej Dzhanalievoy, GM, Kazak universiteti, Almaty, 265 s. (*Physical geography of Kazakhstan 1998*, Under the editorship of G.M. Janalieva, Kazak University, Almaty, 265 p). (in Rus).
- Vasil'ev 1998 – Vasil'ev, VN 1998, K voprosu o sarmatskih kamennyh zhertvennikah kochevnikov YU-zhnogo Urala, *Ufinskij arheologicheskij vestnik*, Vyp.1, S.25-43. (Vasil'ev, VN 1998, On the question of Sarmatian stone altars of nomads of the southern Urals, *Ufa archaeological Bulletin*, Vol.1, P.25-43). (in Rus).
- YAbloonskij 2011 – YAbloonskij, LT 2011, Pogrebal'nyj obryad rannih kochevnikov Priural'ya perekhodnogo vremeni i voprosy arheologicheskoy periodizacii pamyatnikov, *Pogrebal'nyj obryad rannih kochevnikov Evrazii: mat-ly i issledovaniya po arheologii yuga Rossii*, Vyp. III, red. L.T. YAbloonskij, S.I. Luk'yashko, Izd-vo YUNC RAN, Rostov n/D. (Yablonsky, LT 2011, Burial rite of the early nomads of the Urals transition time and the issues of archaeological periodization of monuments, *Burial rite of the early nomads of Eurasia: materials and research on archeology of the South of Russia*, Vol.III, edited by L.T. Yablonsky, S.I. and Luk'yashko, Publishing house of SSC RAS, Rostov n/D). (in Rus).

Socketed Two-bladed Arrowheads of the Scythian Type from the Burial Grounds of Azerbaijan and their Connection with the Burial Rites of Aral Sea Region

Hasanov Zaur

PhD, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan National Academy of Sciences. H. Cavid pr. 115., Baku, Az-1143, Azerbaijan. Email: zaurmail@gmail.com

Summary. The paper is dedicated to the socketed two-bladed arrowheads of the Scythian type from the eastern part of the North and South Caucasus. Archaeological complexes (and their rituals) from which the two-bladed arrowheads originate are described. In Mingechaur and Apsheron the ceramic vessels were located near the feet of the deceased. This ritual has parallels in Uigarak. The most archaic rhomboid two-bladed arrowheads originate from the burials, without iron objects, in Yonjaly necropolis in Sheki. Craniometric data from the neighboring Tepebashy necropolis in Sheki, shows similarity with the skulls of parallel groups of Sakas from the Aral Sea vicinity. In the same necropolis there were found collective burials with the traces of fire ritual, which have parallels in the Sacar-Chaga 6 burial ground.

Keywords. Socketed two-bladed arrowheads; Azerbaijan; South Aral Area; Sakar-Chaga 6; Uigarak; Early Scythian period.

Әзербайжанның жерлеу орындарынан табылған скифтердің екіқанатты ұңғымалы жебе ұштары мен олардың Арал маңындағы жерлеу салтымен байланысы

Гасанов Заур Гасан-оғлы

PhD, Жетекші ғылыми қызметкер, Әзібайжан Ұлттық ғылым академиясының археология және этнография Институты. H. Cavid pr. 115., Baku, Az-1143, Azerbaijan. Email: zaurmail@gmail.com

Аңдатпа. Бұл жұмыста Солтүстік және Оңтүстік Кавказдың шығыс бөлігінен скифтер түрінің екі жүзді жебелерін талдаймыз. Екі жүзді скифтік жебелер табылған кешендер (және олардың рәсімдері) сипатталған. Мингечаур және Абшеронда керамикалық ыдыстар жерленгендердің аяқ тұсына орнатылған, дәл осындай сәйкестік Уйгарахта анық байқалады. Темір заттар жоқ қорымдардың ішіндегі ең көнесі Шекидегі Йонджали мазарындағы екі жүзді ромбалы жебелер. Көрші Тепебаши мазарында Арал аймағындағы сақ тайпаларының синхронды топтарына ұқсастығы бар сүйектер табылды. Осы жерде оңтүстік өңірлердегі Сакар-Чаг 6 қорымына ұқсас от ғұрпының іздері бар ұжымдық көму бар.

Кілт сөздер: екіқанатты ұңғымалы жебе ұштары; Әзірбайжан; Арал маңы; Сакар-чага 6; Уйгарақ; скиф архаикасы.

Двухлопастные втульчатые наконечники стрел скифского типа из захоронений Азербайджана и их связь с обрядом погребения Приаралья

Гасанов Заур Гасан-оглу

PhD, Ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана. H. Cavid pr. 115, Baku, Az-1143, Azerbaijan. Email: zaurmail@gmail.com

Аннотация. В работе анализируются втульчатые двухлопастные наконечники стрел скифского типа из восточной части Северного и Южного Кавказа, описываются комплексы (и их ритуалы), из которых происходят двухлопастные скифские стрелы. В Мингечауре и Апшероне керамические сосуды устанавливались в ногах погребенных, что также прослеживается в Уйгараке. Из погребений без железных предметов, найденных в некрополе Йонджали в Шеки, происходят наиболее архаические двухлопастные ромбические наконечники стрел. В соседнем некрополе Тепебаши обнаружены черепа, имеющие сходство с синхронными группами сакских племен из Приаралья, отсюда же происходят коллективные погребения со следами огненного ритуала, имеющие параллели в могильнике Сакарчага 6 в Южном Приаралье.

Ключевые слова: втульчатые двухлопастные наконечники стрел; Азербайджан; Приаралье; Сакар-чага 6; Уйгарақ; скифская архаика.

ЭОЖ/ УДК 902

**Двухлопастные втульчатые наконечники стрел скифского типа
из захоронений Азербайджана
и их связь с обрядом погребения Приаралья**

Гасанов З.Г.

В период раннего железного века в некоторых погребениях Азербайджана были обнаружены втульчатые двухлопастные наконечники стрел скифского типа. Проблема заключалась в определении того, к кому следует относить эти находки – к скифам или же местному населению? По сложившейся традиции большинство исследователей, изучавших следы пребывания скифов на Южном Кавказе, как правило, ограничивались наличием элементов «скифской триады» для выявления скифских памятников. (Под скифской «триадой» в скифологии начиная с 1950 г. подразумеваются 1) определенные типы оружия; 2) и конского убора; 3) звериный стиль искусства (Ольховский 1997). Обряд захоронения, как правило, либо игнорируется, либо анализируется очень поверхностно. В монографии С.А. Есаяна и М.Н. Погребовой вопросы обряда захоронения скифов не анализируются и все исследование практически сведено к анализу вещей, составляющих скифскую «триаду» (Есаян, Погребова, 1985). В частности, они пишут: «В понятие «элементы скифской культуры» мы включаем те вещи, органическая связь которых с культурой скифов Причерноморья не вызывает сомнений» (Есаян, Погребова, 1985). Другими словами, все их исследование базируется на элементах вещей скифской «триады».

Об ошибочности изолированного использования скифской «триады» в качестве основного показателя идентификации скифских погребений писали многие авторы. В.С. Ольховский посвятил этому вопросу специальную статью, в которой он предлагает расширить понятие скифской «триады» и ввести дополнительные диагностирующие признаки этнокультурной реконструкции (Ольховский 1997, С.85-96). С целью решения данной проблемы в статье предлагается проанализировать обряд и некоторые дополнительные материалы погребений, из которых происходят эти находки (по данной проблеме см.: также Гасанов 2012, С.519-527).

На северных склонах восточной части Кавказа наиболее ранние образцы втульчатых двухлопастных наконечников стрел скифского типа были обнаружены в поселении Сержень-юрт и в Дербенте. Далее находки этих изделий были обнаружены на Апшеронском полуострове. По мнению исследователей, подобная география распространения этих находок свидетельствует об их движении с севера на юг через Дербентский проход. Прежде чем приступить к описанию самих находок и комплексов, из которых они происходят, следует вкратце коснуться проблемы датировок и классификации двухлопастных наконечников стрел скифского типа.

В соответствии с классификацией А.И. Мелюковой, двухлопастные втульчатые наконечники стрел разделяются на шесть типов, каждый из которых делится на несколько вариантов. Двухлопастные наконечники с ромбической головкой она относит к первому типу и разделяет на пять вариантов. Это наиболее ранние двухлопастные наконечники (Мелюкова 1964, С.18, табл. V). По А.И. Мелюковой, все наконечники стрел первого типа ведут свое происхождение «от наконечников стрел с ромбовидной головкой и недлинной втулкой VIII-VII вв. до н.э.» (Мелюкова 1964, С.18).

Наконечники стрел этого типа имеют различные названия в научной литературе. Часто их называют наконечниками типа «Жаботин» по месту находок колчанного набора из кургана 524 у с. Жаботин в Днепровской Правобережной лесостепи (Ильинская 1975, табл. VII). Они также часто называются наконечниками типа «Енджа» по месту находок из погребения 1 кургана 2 у с. Енджа (Царевброд) в Северной Болгарии (Рисунок 1:16-17, 42-44). Также было предложено называть их наконечниками типа «Енджа–Жаботин» или «Zhabotin–Endge» (Исмагилов 1988, С.35; Полін 1987, С.20; Рябкова 2014, С.379; Stantchev 2000, Р.36).

В.А. Ильинская пришла к выводу о том, что жаботинские наконечники с ромбическим пером и выступающей втулкой ведут своё происхождение от наконечников типа Енджа с длинно-ромбическим асимметричным пером (Ильинская 1975, С.65-66). То есть наконечники стрел из Енджи относятся к наиболее ранним двухлопастным ромбическим наконечникам стрел скифского типа. В Северной Болгарии известны и другие погребения с наконечниками стрел этого наиболее раннего типа. Например, могила №5 из с. Польско Косово в нижнем течении р. Янтра. Все бронзовые наконечники из этого захоронения относятся к двухлопастным ромбическим наконечникам с короткой втулкой. Всего из данного комплекса происходит 30 наконечников стрел этого типа (15 с шипом и ещё 15 без шипа) (Рисунок 1:25-26, 47-48). Д. Станчев относит это погребение к концу VIII – началу VII в. до н.э. (Stantchev 2000, Р.35-44). Я. Хохоровский также датирует появление раннескифских находок (включая вышеописанные ромбические наконечники стрел из Енджи) «на пограничье Восточной и Центральной Европы» рубежом VIII-VII вв. до н.э. (Хохоровский 2011, С.9-10). Скифские наконечники из с.Енджа (Царевброд) датированы В.А. Ильинской и А.И. Тереножкиным не позднее начала VII в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин 1983, С.19-20).

Относительно датировок ромбических стрел из кургана 524 у с.Жаботин существуют различные мнения. В.А. Ильинская относил этот курган к докелермесскому периоду (Ильинская 1975, С.62), а С.В. Махортых синхронизирует его с келермесскими курганами (Махортых 2014, С.76). Л.К. Галанина датирует наиболее ранние келермесские курганы приблизительно 660–640 гг. до н.э. (Галанина 1997, С.192). С.А. Скорый датирует курган 524 у с.Жаботин началом первой четверти VII в. до н.э., С.В. Полін – VIII-VII вв. до н.э., М.Н. Дараган – периодом не позднее конца VIII в. до н.э., Т.В. Рябкова – периодом ближе к середине VIII в. до н. э. (Дараган 2011, С.572; Полін 1987, С.22-23; Рябкова 2014, С.412; Скорый 2003, Р.39-40). Несмотря на то, что в абсолютной хронологии В.А. Ильинской, С.А. Скорого, С.В. Полина, М.Н. Дараган и Т.В. Рябковой есть некоторые отличия, все исследователи относят курган 524 у с. Жаботин к докелермесскому периоду, т.е. их относительная хронология совпадает.

А.И. Мелюкова при составлении своей классификации скифских стрел уделила основное внимание двухлопастным лавролистным и осторолистным, а также трехлопастным и трёхгранным наконечникам стрел. Двухлопастные ромбические наконечники стрел хотя и представлены в её таблице, но недостаточно хорошо описаны, что значительно усложняет работу по выделению различных групп этих изделий. Т.В. Рябкова считает, что колчаный набор из кургана 524 у с. Жаботин должен быть ещё раз детально рассмотрен, поскольку в него «входят экземпляры, в значительной мере отличающиеся друг от друга» (Рябкова 2014, С.383). Всего в колчанном наборе из этого кургана было 30 бронзовых двухлопастных наконечников (из которых 26 имеют шипы) и один фрагментированный костяной наконечник (Рябкова 2014, С.379-380). А.И. Мелюкова при определении типов скифских наконечников стрел выделяла следующие

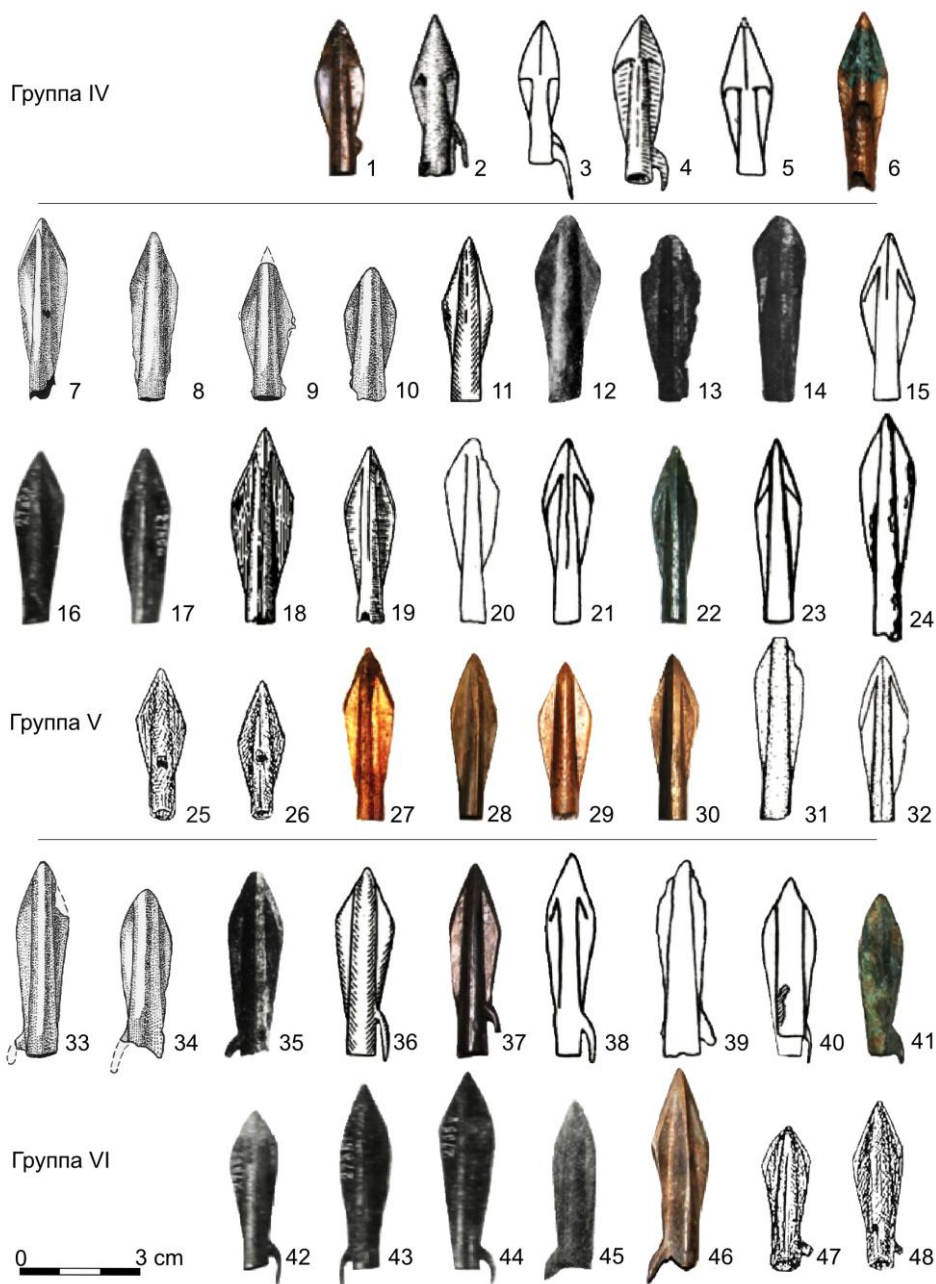

Рисунок 1. 1, 30, 37 – Жаботин, курган 524; 2 – Имирлер; 3 – Амасья; 4 – Карамурун I, курган 5ж; 5 – Сакарчага 6, курган 20; 6, 29 – Уйгарак, курган 39; 7 – Физулинский р-н; 8, 9 – Шеки, некрополь Йонджалы; 8 – погребение в шурфе IV; 9 – погребение в шурфе III; 10, 33-34 – Шамкир, некрополь на холме возле карьера суглинок; 11, 36 – Дербент; 12-14, 35 – Сержень-Юрт; 15 – Красное Знамя, курган 9; 16-17, 42-44 – Енджа, курган 2, погребение 1; 18 – Чиликты, курган 5; 19 – Пожарная балка, поселение; 20 – Холмский, курган 4 погребение 1; 21 – Богазкей; 22, 41 – Келермес, курганы 2-4, раскопки Д.Г. Шульца; 23-24 – Квитки, курган; 25-26, 47-48 – могила 5 из с.Польско-Косово; 27 – Белоградец, курган; 28, 46 – Большой Гумаровский курган, погребение 3; 31-32 Нонамме-Гора; 38 – Самтавро; 39-40 – Норашен, Астхиблур; 45 – Аржан-1, могила 4 (1-6, 15-24, 27-32 – по Рябкова 2014: рис. 1.4, 1.5, 1.6; 10 – по Кесаманлы, Гусейнова 1980: табл. XIII, Б, 9; 11 – по Кудрявцев 1982: рис. 7: За; 12-14 – по Козенкова 1965: рис. 24: 6; Козенкова, Крупнов 1966: рис. 36: 2-3; 25-26 – по Stantchev 2000: plate II, 3)

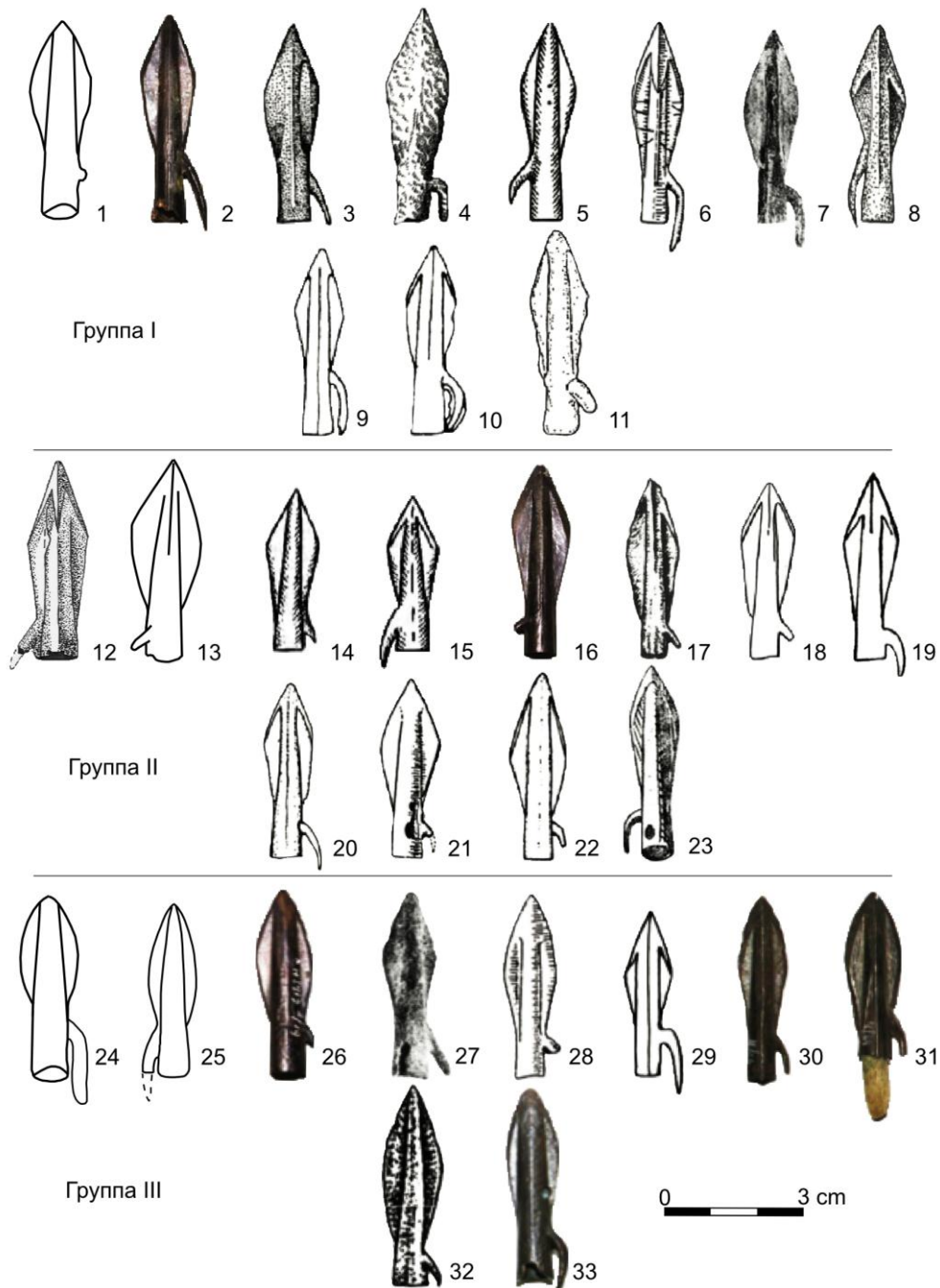

Рисунок 2. 1, 24 – Шамкир, с. Кечили; 2, 16, 26 – Жаботин, курган 524; 3 – Имирлер; 4 – Бажиган; 5, 14-15 – Дербент; 6, 21, 28 – Богазкей; 7, 27 – Тарс; 8 – Самтавро, погребение 27; 9-10 – Музей, г. Тогат, музей г. Испарта; 11, 22 – Каман Кале Хоюк; 12 – Шеки, некрополь Йонджалы, погребение в шурфе IV; 13 – каменный ящик Апшеронского могильника; 17 – Астраханское Заволжье; 18 – Нижнее Поволжье, находки у г. Камышин; 19, 29 – Красное знамя, курган 9; 20 – Нонамме-Гора; 23 – Изюмский уезд; 25 – Мингечаур, грунтовое погребение с вытянутым костяком; 30-31 – Келермес, курган 2-4, раскопки Д. Г. Шульца; 32 – Клады, курган 41; 33 – Журовка, курган 406. (1, 24 – по Кашкай, Селимханов 1973: рис. 15:178; 13 – по Джафарзаде 1948: табл. 2: 1; 14-15 – по Кудрявцев 1982: рис. 7: 1-3а; 25 – по Ионе 1953: табл. I, 1, а; 2-11, 16-23, 26-33 – по Рябкова 2014: рис. I.1, I.2, I.3)

признаки: «форма головки, соотношение длины наконечника и его ширины, а также наличие внутренней или наружной втулки и ее размеры» (Мелюкова 1964, С.16). Т.В. Рябкова отмечает, что следует также принять во внимание «такие признаки, как форма, размеры и место прикрепления шипа, наличие выделенной нервюры, доходящей до острия пера, место максимального расширения пера» и размер наконечника, поскольку от него зависит вес и, соответственно, баллистические свойства (Рябкова 2014, С.380). Основываясь на этих признаках, она выделяет шесть групп стрел из колчанного набора из кургана 524 у с.Жаботин (Рябкова 2014, С.372-432). Рисунки, в которые включены шесть групп наконечников стрел (прилагаемые к данной статье), были составлены на основе классификация Рябковой с добавлением в нее информации о наконечниках стрел из Азербайджана (Рисунки 1 и 3). Мы проанализируем наконечники стрел, найденные в регионах, находящихся на пути миграции скифов на Ближний Восток, основываясь на типологических разработках А.И. Мелюковой и Т.В. Рябковой.

Сержень-Юрт. Двухлопастные втульчатые наконечники стрел с ромбическим пером были найдены в Чечено-Ингушетии у с.Сержень-Юрт, расположенного в восточной части предгорий Кавказского хребта, со стороны Каспийского побережья. В.И. Козенкова, Е.И. Крупнов, В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин пришли к выводу, что поселение погибло в результате нашествия скифов (Козенкова, Крупнов 1966, С.87; Ильинская, Тереножкин 1983, С.22). По результатам раскопок на поселении Сержень-Юрт в 1963 г. и 1964 гг. было опубликовано четыре двухлопастных втульчатых наконечника стрел с ромбическим пером:

1) наконечник с асимметричным пером и выступающей втулкой. Он не имеет шипа, втулка этого наконечника составляет приблизительно 30% от общей длины наконечника стрелы. Максимальная ширина пера смещена к острию (Козенкова 1965, С.72, рис.24:6) (Рисунок 1:12). По А.И. Мелюковой, он относится к отделу I, типу 1, варианту 5 двухлопастных наконечников стрел (Мелюкова 1964, табл. V), по Т.В. Рябковой – к 5 группе (Рябкова 2014, рис. 1:5);

2) два наконечника стрел без шипа. Максимальная ширина пера на них также смещена к острию, но лопасти охватывают большую часть втулки, чем на предыдущем наконечнике (Козенкова, Крупнов 1966, С.85, рис.36:2-3) (Рисунок 1:13-14). По А.И. Мелюковой, они также относятся к отделу I, типу 1, варианту 5, по Т.В. Рябковой – к 5 группе;

3) наконечник стрелы с шипом и асимметрично-ромбической формой пера имеет короткую втулку. Максимальная ширина пера смещена к острию, шип прикреплен в верхней части втулки (Козенкова, Крупнов 1966, С.85, рис.36:1; Ильинская, Тереножкин 1983, С.23, рис.9) (Рисунок 1:35). По А.И. Мелюковой он относится к отделу I, типу 1, варианту 1, по Т.В. Рябковой – к 6 группе (Рябкова 2014, рис.1:6).

Находки этих стрел очень важны. Их появление в Чечне означает, что скифы проходили мимо горных проходов в Грузии и направлялись к Дербентскому проходу.

Дербент. На вершине Дербентского холма было найдено несколько скифских бронзовых двухлопастных наконечников стрел с ромбической головкой. А.А. Кудрявцев связывает эти наконечники стрел со скифами и датирует их раннескифским периодом (Кудрявцев 1982, С.184, рис. 7:1-3а). Опубликовано пять втульчатых двухлопастных наконечника стрел из Дербента:

1) один двухлопастный наконечник стрелы имеет длинную втулку и шип, прикрепленный в её верхней части (Кудрявцев 1982, рис.7:2) (Рисунок 3:5). По

А.И. Мелюковой, он относится к отделу I, типу 1, варианту 2 (Мелюкова 1964, табл. V), по Т.В. Рябковой – к группе 1;

2) два двухлопастных наконечника стрел с шипом имеют недлинную втулку (Кудрявцев 1982, рис.7:1, 1а) (Рисунок 3:14-15). По А.И. Мелюковой – отдел I, тип 1, вариант 1, по Т.В. Рябковой – группа 2. Как отмечает Т.В. Рябкова, наконечники этого типа отличаются сравнительно меньшими размерами и более короткой втулкой по сравнению с первой группой (Рябкова 2014, С.380, рис.1:2);

3) наконечник стрелы без шипа и короткой втулкой. Максимальная ширина пера расположена в середине (Кудрявцев 1982, рис.7:3а) (Рисунок 1:11). По А.И. Мелюковой – отдел I, тип 1, вариант 4, по Т.В. Рябковой – группа 5;

4) наконечник стрелы имеет асимметрично-ромбическую головку и шип, прикреплённый в верхней части короткой втулки. Максимальная ширина пера на нём смещена к острию, втулка составляет около 1/4 от общей длины наконечника (Кудрявцев 1982, рис.7:3) (Рисунок 1:36). По А.И. Мелюковой – отдел I, тип 1, вариант 1, по Т.В. Рябковой – группа 6 (Рябкова 2014, рис.1:6).

Все пять наконечников стрел относятся к периоду скифской архаики. Примечательно, что все они относятся к наиболее архаичным скифским наконечникам стрел скифов, поскольку датируются докелермесским периодом.

Апшеронский могильник, Каменный ящик с двухлопастным втульчатый наконечником стрелы. Двухлопастный втульчатый бронзовый наконечник стрелы с асимметрической ромбической головкой и шипом на втулке был найден в каменном ящике на Апшеронском полуострове, в пригороде Баку. Могильное поле, на котором было обнаружено это погребение, располагалось между развалинами древнейшего поселения, называемого местными жителями «Гюрган» или «Эфшеран» и Апшеронским маяком. Из погребений могильника происходила керамика, которую И.М. Джафарзаде относит к ходжалы-кедабекской культуре. Каменный ящик, из которого происходил наконечник стрелы, был ориентирован с запада на восток. В южной половине погребения был найден яйцевидный глиняный серый кувшин с двумя небольшими боковыми ручками, расположенными на широкой части диаметра сосуда. Верхняя часть кувшина лощёная. В западном углу погребения был найден фрагмент красного сосуда грубой работы с тёмно-серой начинкой. К западу от яйцевидного кувшина был найден втульчатый двухлопастный наконечник стрелы и кусок дымчатого обсидиана (Джафарзаде 1948, С.86-87, табл.1:3; 2:1) (Рисунок 2:13; 3:24). Поблизости от них находились три небольших обломка перегнивших трубчатых костей.

И.М. Джафарзаде отмечает, что заострённая часть наконечника стрелы была слегка согнута, что, по его мнению, с одной стороны, может указывать, на то, что стрела вонзилась в тело при сильном ударе и её остриё согнулось. Основываясь на этом, он приходит к выводу, что человек, погребённый в каменном ящике, был убит скифами во время их вторжения в Азербайджан через Дербентский проход в VII в. до н.э. Далее он говорит о возможности того, что изгиб наконечника связан с каким-то ритуалом, и в этом случае, погребённый мог быть представителем скифских племён (Джафарзаде 1948, С.88). И.Н. Алиев считает, что данный наконечник стрелы отражает ранний этап проникновения скифов на Апшерон (Алиев 1992, С.84).

Каменный ящик с рассматриваемым наконечником стрелы был ориентирован с запада на восток. Как отмечает Джафарзаде, эта ориентировка отличалась от ориентации остальных погребений этого могильного поля (Джафарзаде 1948, С.87). Яйцевидные сосуды с узким горлом и небольшими боковыми руч

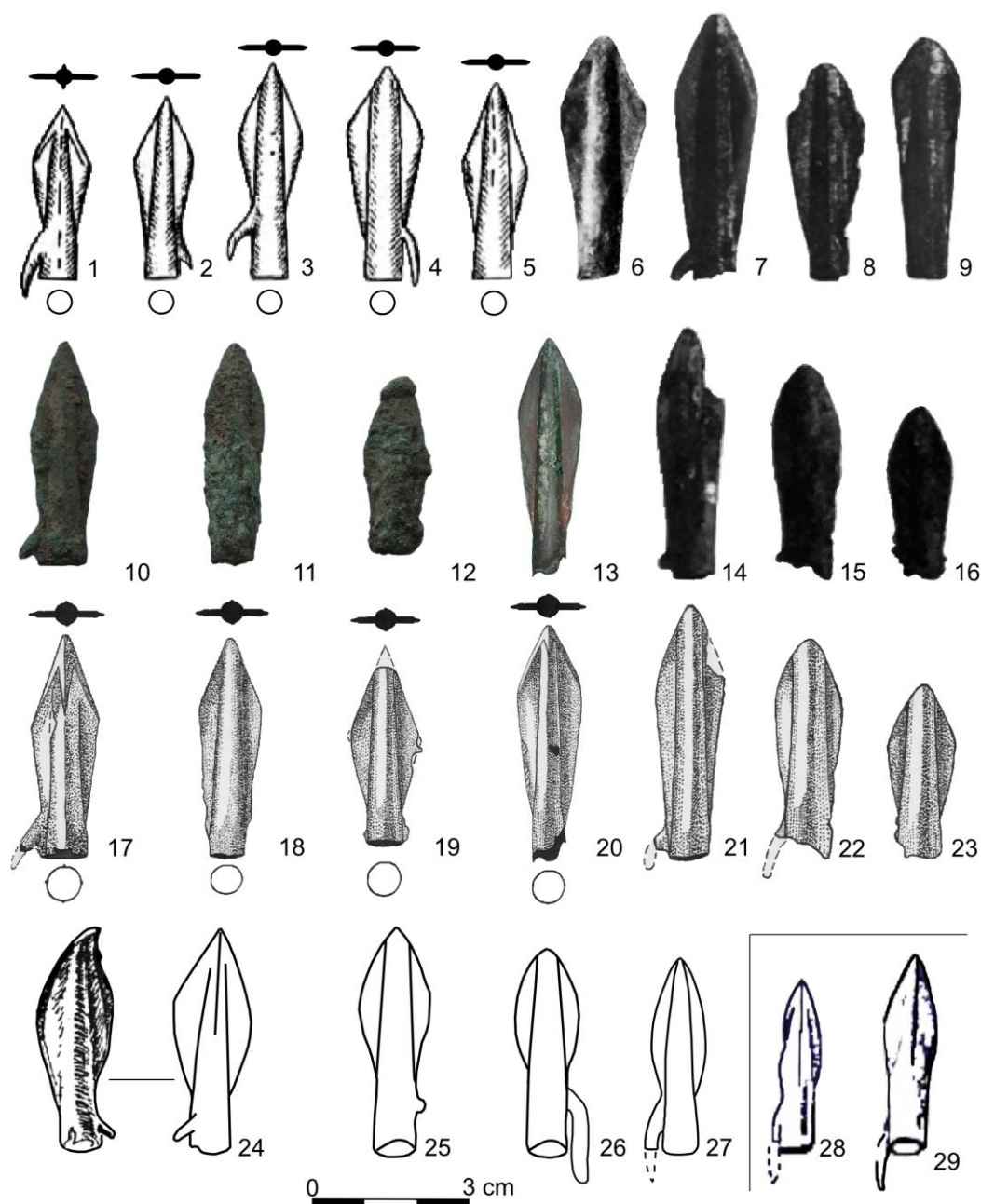

Рисунок 3. Двухлопастные наконечники стрел из Азербайджана, Сержень-Юрта и Дербента. 1-5 – Дербент; 6-9 – Сержень-Юрт; 10-12 – Шеки, некрополь Йонджалы; 10-11 – погребение в шурфе IV; 12 – погребение в шурфе III; 13 – Физулинский район; 14-16 – Шамкир, некрополь на холме возле карьера суглинок; 17-23 – чертежи наконечников стрел № 10-16; 24 – каменный ящик Апшеронского могильника; 25-26 – Шамкир, с. Кечили; 27 – Мингечаур, грунтовое погребение с вытянутым костяком; 28-29 – Шамкир, Шамхорский могильник. (1-5 – по Кудрявцев 1982: рис. 7: 1-3а; 6-9 – по Козенкова 1965: рис. 24: 6; Козенкова, Крупнов 1966: рис. 36: 1-3; 10-13 – фото: З. Гасанов; 14-16 – по Кесаманлы, Гусейнова 1980: табл. XIII, Б, 5, 6, 9; 17-23 – чертежи наконечников стрел № 10-16; 24 – по Джафарзаде, 1948: табл. 2: 1; 25-26 – по Кашкай, Селимханов 1973: рис. 15:178; 27 – по Ионе 1953: табл. I, 1, а; 28-29 – не в масштабе, по Асланов 1986: рис. 13)

ками, расположенными на широкой части диаметра, известны на поселениях Сарытепе и Бабадервиш в Азербайджане (Гусейнова 1989, С.43, табл.26:40-42), а также в грунтовых погребениях Мингечаура с вытянутыми костяками. В мингечаурских погребениях подобные сосуды были найдены в ногах погребённых в 50 см от левой ступни или же в юго-восточной части могильной ямы (Ионе 1946, С.400, табл.1:2-5). Джафарзаде следующим образом описывает местоположение яйцевидного кувшина из апшеронского каменного ящика: 1) сосуд располагался в южной части погребения близ боковой стены; 2) к западу от него был найден двухлопастный бронзовый наконечник стрелы и кусок дымчатого обсидиана (Джафарзаде 1948, С.87). Исходя из этих данных, мы приходим к заключению, что сосуд находился в юго-восточной части погребения.

Как пишет О.А. Вишневская, в большинстве случаев «сосуды ставят в ногах погребённых и только в двух в изголовье». В Уйгараке прослеживаются различные формы сосудов, в том числе, один из них – яйцевидный, с невысоким горлом и двумя боковыми вертикальными небольшими ручками на плечиках (Вишневская 1973, С.74-75, рис.45, табл.ХХII:21). Некоторые черты этого сосуда, такие как: яйцевидная форма, вертикальные ручки, расположенные по сторонам, могут указывать на родственность с сосудом из Апшерона, однако типологически эти сосуды отличаются друг от друга. В других регионах скифосакского мира иногда также фиксируется обряд помещения сосудов в ногах погребённого (Ильинская 1975, С.30, 35, 36, 41, 49, 47). Однако эта черта не является там чёткой спецификой погребального обряда, так, как это прослеживается в Уйгараке и Мингечауре.

Таким образом, Апшеронский каменный ящик с рассматриваемым наконечником стрелы имеет следующие характерные черты: 1) в отличие от остальных каменных ящиков этого могильника он был ориентирован с запада на восток; 2) кувшин из него повторяет по своим формам кувшины из мингечаурских скифских грунтовых погребений; 3) в мингечаурских скифских грунтовых погребениях и в каменном ящике из Апшерона сосуды часто находились в юго-восточной части захоронений. Как следует из этих наблюдений, некоторые данные указывают на сходные черты обряда и инвентаря мингечаурских скифских грунтовых погребений и анализируемого каменного ящика из Апшерона (Вишневская 1973, С.74-75, рис.45, табл. ХХII:21).

Мингечаурские грунтовые погребения с вытянутыми костяками. Погребения с вытянутыми костяками находились в западной части могильного поля Мингечаура. Почти все вытянутые скелеты лежали на спине с ориентировкой головы на северо-запад (Ионе 1946, С.399-400; Казиев 1949, С.20). Подавляющее большинство вытянутых погребений одиночные, лишь некоторые из них - парные (Голубкина 1946, могила № 125-126).

Во всех вытянутых погребениях были обнаружены глиняные сосуды. Их количество не превышало 7-8. По цвету, обжигу и отделке керамика погребений представлена различными видами. В большинстве случаев сосуды имели следующее расположение: один большой сосуд находился в ногах погребённого на расстоянии 50 см от левой ступни или в юго-восточной стороне захоронения, другие глиняные сосуды малых размеров находились в области головы (Ионе 1946, С.400).

Из предметов вооружения в захоронениях с вытянутыми костяками были найдены мечи, длинные железные кинжалы, с двусторонним лезвием, железные серповидные ножи, вилы, булавы, копья, втульчатые бронзовые и костяные стрелы, местные южнокавказские стрелы (Ионе 1946, С.402; Казиев 1949,

С.20-21, рис.22). Преобладающим типом стрел являются бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел (Ионе 1946, С.403, табл.III).

Комплекты украшений, происходящих из погребений с вытянутыми костяками, однотипны. Это одна пара серег-подвесок из золота, серебра и бронзы (Казиев 1949, С.20, рис.14) несколько бронзовых браслетов (не более шести) с украшениями в виде змеиных или животных головок на концах, бронзовые кольца, а также бусы, изготовленные из золота, бронзы, серебра, стекла смальты и цветных камней (в основном, сердолики). Бронзовые зеркала с зооморфными ручками были обнаружены только в двух захоронениях. Найденные в вытянутых могилах бронзовые пластинки в форме девятки иногда располагались при копьях (Ионе 1946, С.400, 402).

В соответствии с Г.И. Ионе, определенная часть вытянутых костяков была погребена на небольшой глубине (1,5 м.) Одновременно с этим Г.И. Ионе отмечает, что над некоторыми костяками была обнаружена темно-коричневая прослойка толщиной до 5 см, со следами трухлявого дерева, что, по его мнению, свидетельствует о наличии деревянного настила (Ионе 1946, С.399-405). Аналогичию данного обряда захоронения удалось обнаружить в материалах украинской лесостепи. Исследуя раннескифские курганы бассейна реки Тясмин В.А. Ильинская определила, что погребения в неглубоких грунтовых ямах с деревянным перекрытием относятся к наиболее древним и датируются VII-VI в. до н.э. Она отмечает, что погребения в ямах с деревянными перекрытиями ведут свое происхождение из кочевой степи VIII-VII в. до н.э. (Ильинская 1975, С.80, 87, 92).

Еще одна деталь обряда вытянутых погребений Мингечаура указывает на их связь со скифо-сакским миром периода VII в. до н.э. В 17 грунтовых погребениях Мингечаура с вытянутыми костяками, из 24 исследованных Г.И. Ионе в 1946 г. (70% от общего числа), сосуды больших размеров были найдены в ногах погребённых в 50 см от левой ступни или же в юго-восточной части могильной ямы. В двух захоронениях вместо них были положены глиняные фляги. В этих комплексах в изголовье находились сосуды малых размеров и других форм (Ионе 1946, С.400, табл.I:2-5). Как пишет О.А. Вишневская, в большинстве случаев «сосуды ставят в ногах погребённых» (Вишневская 1973, С.74-75, рис.45, табл.XXII:21).

Двухлопастный втульчатый наконечник стрелы происходит из грунтового погребения Мингечаура с вытянутым костяком. Он имеет не ромбическую, а листовидную форму пера, длинную втулку и шип, прикрепленный в её верхней части. Втулка несколько короче, чем на шамкирском наконечнике стрелы (Ионе 1953, табл. I:1.а) (Рисунок 2:25). К сожалению, у нас нет информации о том, сколько всего подобных наконечников происходит из Мингечаура. Г.И. Ионе опубликовал только одно из изображений наконечников этого типа. По классификации А.И. Мелюковой данный наконечник относится к отделу I, типу 3, варианту 2 (Мелюкова 1964, табл.V).

Эта находка в точности соответствует жаботинской общими размерами, длиной втулки и местом прикрепления шипа. Т.В. Рябкова приводит мнение М.Н. Дараган и В.А. Подобеда о том, что ромбические наконечники стрел могут принимать более сглаженные очертания и напоминать листовидную форму пера благодаря заточке (Рябкова 2014, С.380). Мингечаурские грунтовые погребения с вытянутыми костяками датируются VII-IV вв. до н.э. (Гошкарлы 2014, С.167).

Шамхорский могильник, Шамкир. Чрезвычайный интерес представляют материалы Шамхорского могильника, расположенного в Шамкирском районе на левом берегу реки Куры, на невысоком холме, именуемом «Qara Musanin Yatağ uegi». Раскопки некрополя проводились под руководством Г.Г. Асланова и про-

должались с 1978 г. по 1983 г. Материалы этого могильника полностью не опубликованы. В нашем распоряжении имеется только информация из работы Г.Г. Асланова (Асланов 1986). В ней есть изображения двух наконечников стрел. В данный момент автору настоящей публикации не удалось обнаружить отчёты о раскопках в архиве Института археологии и этнографии Национальной АН Азербайджана. Краткая информация (без рисунков) из одного отчёта о раскопках 1978 г. содержится в статье С.М. Кашкай: «В Шамхорском районе раскопано десять грунтовых погребений с многоцветными захоронениями (до девяти) в скорченном положении. В трёх из них, вместе с серо-чёрной керамикой обнаружены железный нож, кинжал и 15 наконечников стрел скифского типа. Один из них листовидной формы, три – подтреугольной формы – имели шип на втулке» (Кашкай 2004, С.47).

Более детальная информация приводится в работе Г.Г. Асланова, который приводит следующее описание. Поверхность некрополя была разделена на небольшие прямоугольники мелкими бульжниками, под которыми располагались погребальные камеры на глубине 2,4-3,5 м. Всего были выявлены и исследованы 44 грунтовые могилы. В 25 из них обнаружены одиночные погребения, а в 16 могилах коллективные захоронения – от 2 до 12 костяков. Три могилы оказались кенотафами. Отмечены случаи, когда вместо тела погребённого в погребение укладывали ствол дерева. В могиле №23 был обнаружен антропоморфный деревянный столб.

Г.Г. Асланов пишет, что костяки, в основном, лежали «в полусогнутом положении на правом или левом боку». Ориентировка погребённых не указывается, но отмечается, что она различалась. В могиле №13 на костяке погребённого лежал череп лошади. В погребении №35 был обнаружен полный костяк лошади. Её голова была отрублена и положена сверху на тело погребённого. Человек был положен в 50 см к юго-востоку от обезглавленной лошади. В её черепе найден длинный железный наконечник копья. Асланов считает, что обе лошади (могилы №13 и №35) были принесены в жертву. В могилах было найдено конское снаряжение. Стержневидные трехдырчатые псалии с загнутыми концами и двучастные удила, свитые из двух длинных бронзовых стержней, с круглыми наружными кольцами. Их аналогии известны в скифских мингечаурских курганах и в Малом кургане. Найдены также массивные стержни, покрытые геометрическим орнаментом с петлями на концах (Асланов 1986, рис.14). В погребениях Шамхорского могильника в изголовье многих погребённых находились один или два железных наконечника копья, а у правого или левого виска – по одной серьге или же бронзовые наконечники стрел скифского типа (Асланов 1986, рис.13) (Рисунок 3:28-29). Г.Г. Асланов сообщает: «В другой группе могил обнаружены обожжённые кости животных, глиняные сосуды, покрытые копотью, зола, уголь, следы очага, покрытые охрой скелеты. Иногда отдельные части скелета находились в могиле в разных местах, что свидетельствует о захоронении разрубленного трупа» (Асланов 1986, С.4-5).

Во многих погребениях останки погребённых и инвентарь были «замурованы» толстым слоем жёлтой глины. В некоторых могилах под костяками лежали большие плоские речные камни. В большинстве погребений были найдены плохо обожжённые, закопчённые сосуды с остатками костей птиц, овец и т.д. Асланов отмечает, что иногда вместо костей животных встречаются три мелких круглых речных камня (два белых, один чёрный или наоборот). Один из таких сосудов был найден в кенотафе и содержал два белых и один чёрный камень. Данный обряд приведён в работе Филарха, который пишет: «Скифы перед отходом ко сну берут колчан и, если провели данный день беспечально, опускают

в колчан белый камушек, а если неудачно - чёрный. При кончине каждого лица выносили колчаны и считали камешки: если белых оказывалось больше, то покойника прославляли как счастливца. Отсюда и произошла поговорка, что наш добрый день выходит из колчана» (Зенобий 1948, С.291). Судя по сообщению Филарха, погребённые в Шамхорском могильнике люди с двумя белыми и одним чёрным камнями, считались своими соплеменниками счастливцами. Таким образом, в Шамхорском могильнике зафиксировано отражение скифских религиозных представлений.

Г.Г. Асланов отмечает, что «в Шамхорском могильнике прослеживаются различные погребальные обряды» (Асланов 1986, С.7). Обнаруженные здесь предметы инвентаря разнообразны. Среди них упомянуты глиняные сосуды, модель колеса повозки, пряслица, металлические и костяные украшения, бусы из минералов и египетской пасты, орудия труда, оружие, часть музыкального инструмента и др. Из железных и бронзовых предметов в захоронениях могильника найдены наконечники копий, кинжалы, серпы и ножи, украшения, наконечники стрел скифского типа и конское снаряжение. Привлекает внимание фигура головы быка с треугольной прорезью на лбу и отверстием в нижней части. В области шеи к нему прилегало ещё одно кольцо с отверстиями (Асланов 1986, рис.15). Возможно, это навершие, аналогичное тем, что известны в Венгрии – с быками и треугольными прорезями. К. Бакай считает изделия этого типа скифскими (Вакау 1971, tabl.I, IV). Наряду с очень красивыми и качественными глиняными сосудами в погребениях встречаются покрытые копотью, грубо формованные, плохо обожженные горшки из глины с примесью песка, крупные хозяйственные кувшины, маслобойки и разнообразные сосуды зооморфных форм. Г.Г. Асланов датирует этот могильник VII-IV вв. до н.э. (Асланов 1986, С.5, 11).

Обряд коллективного погребения со следами огня и захоронение разрубленного костяка - это признаки, специфичные для могильников Южного Приаралья (Сакар-чага 6, Куюсай) конца VIII-VII вв. до н.э. (Яблонский 1996, С.18-26, 52, 63-66; Таиров 2007, С.16, 142).

В работе Г.Г. Асланова приводятся рисунки двух наконечников стрел скифского типа из Шамхорского могильника без указания размеров (Асланов 1986, рис.13):

1) Двухлопастный наконечник стрелы, имеет лавролистную форму пера, длинную втулку и обломанный шип, прикрепленный, судя по рисунку, в верхней части втулки (Рисунок 3:28). По А.И. Мелюковой изделие относится к отделу 1, типу 2, варианту 2 (Мелюкова 1964, табл.V).

2) Двухлопастный наконечник стрелы, имеет ромбовидную форму пера, длинную втулку и шип, судя по рисунку, прикрепленный в средней части втулки (Рисунок 3:29). По классификации А.И. Мелюковой изделие относится к отделу 1, типу 1, варианту 1 (Мелюкова 1964, табл.V). По классификации Т.В. Рябковой наконечник можно отнести к группе 2 (Рябкова 2014, С.380-381, рис.1.2).

Некрополь Йонджалы в Шеки. Недавно бронзовые двухлопастные наконечники стрел с ромбическим пером были найдены в Шеки. Отметим, что связь топонима Шеки со скифским этнонимом сака уже указывалась (Гейбуллаев 1986, С.27), однако никаких археологических подтверждений этому не было. Впервые свидетельство пребывания скифов в Шеки было обнаружено в 2013 г. в некрополе Йонджалы, который располагается на большом холме на северо-западе с.Фазыл. В ходе раскопок под руководством Н. Мухтарова на некрополе было изучено три грунтовых погребения (в шурфах №III и №IV). В двух из них было обнаружено три втульчатых двухлопастных ромбических наконечника стрелы, один из них с шипом (Рисунок 4).

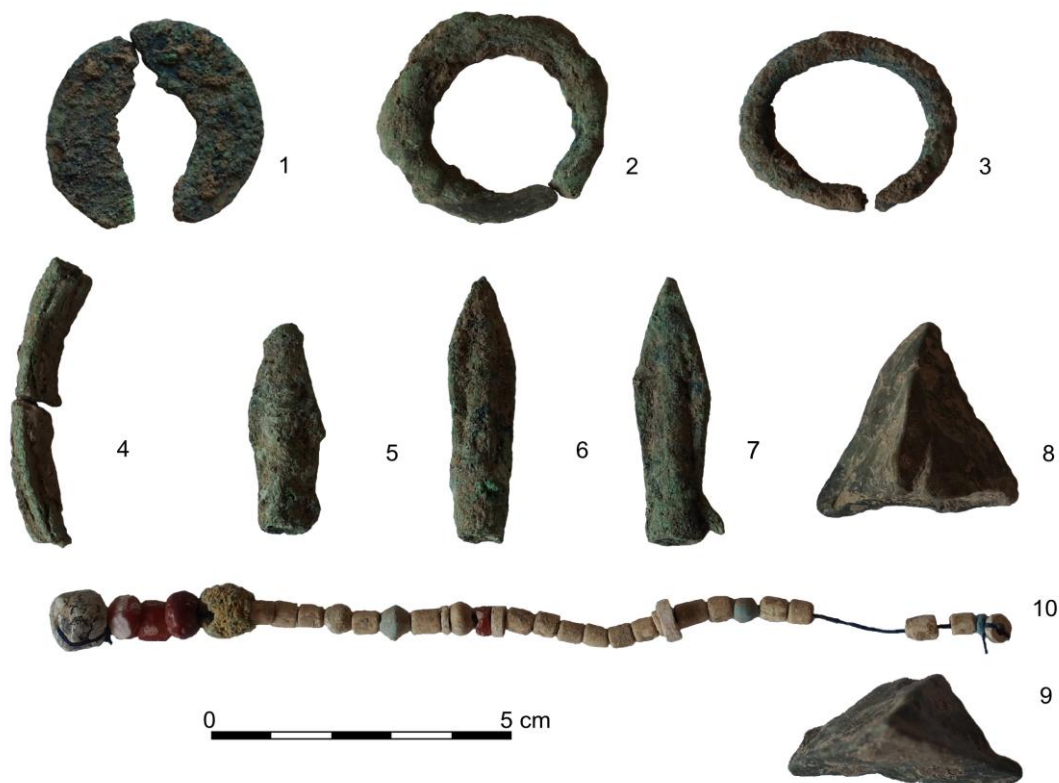

Рисунок 4. Йонджалы в Шеки – некоторые находки из погребений в шурфах III и IV.
 1-4 – бронзовые изделия; 5-7 – бронзовые втульчатые наконечники стрел;
 8-9 – обломок камня подтреугольной формы; 8 – вид сверху, 9 – вид спереди и снизу;
 10 – бусы (1–10 – фото: З. Гасанов)

По мнению исследователей, расстояние между костяками даёт основание предполагать, что это было коллективное, но, судя по керамическому материалу, одновременное погребение. Основываясь на обнаруженных в шурфе №III чернолощеной инкрустированной керамики и зооморфных сосудов простых форм, они приходят к выводу, что найденное здесь захоронение относится к более раннему периоду, чем в шурфе №IV. В шурфе №III костяк находился в сильно скорченном положении, головой на север, лицом на юго-восток. Вокруг погребённого обнаружено большое количество бронзовых нагрудных и головных украшений, браслет и бусы. Здесь был найден один ромбический двухлопастный наконечник стрелы (Рисунок 4:12; 1:9). В шурфе №IV костяк лежал головой на северо-запад, лицом на юг. Рядом с ним были найдены два наконечника стрелы, один из них с шипом. Судя по фотографии из отчёта, второй наконечник (без шипа) имеет вытянутые пропорции (Рисунок 1:8; 2:12; 3:10,11), (Muxtarov, Bədəlova, Əmrah-qızı 2013, şəh.VII:a3). Первый наконечник стрелы был обнаружен впритык к бедренной кости, но не был воткнут в неё, второй находился на расстоянии от него. Археологи, раскопавшие это погребение в шурфе № IV, предполагают, что погребённый был ранен этими наконечниками стрел скифского типа. По устной информации исследователей в захоронениях не было найдено целых черепов и целой керамики.

Примечательно, что в этих погребениях не было обнаружено никаких предметов из железа. Все найденные украшения и скифские наконечники стрел изготовлены из бронзы. Большинство этих изделий имеют аналогии в материа

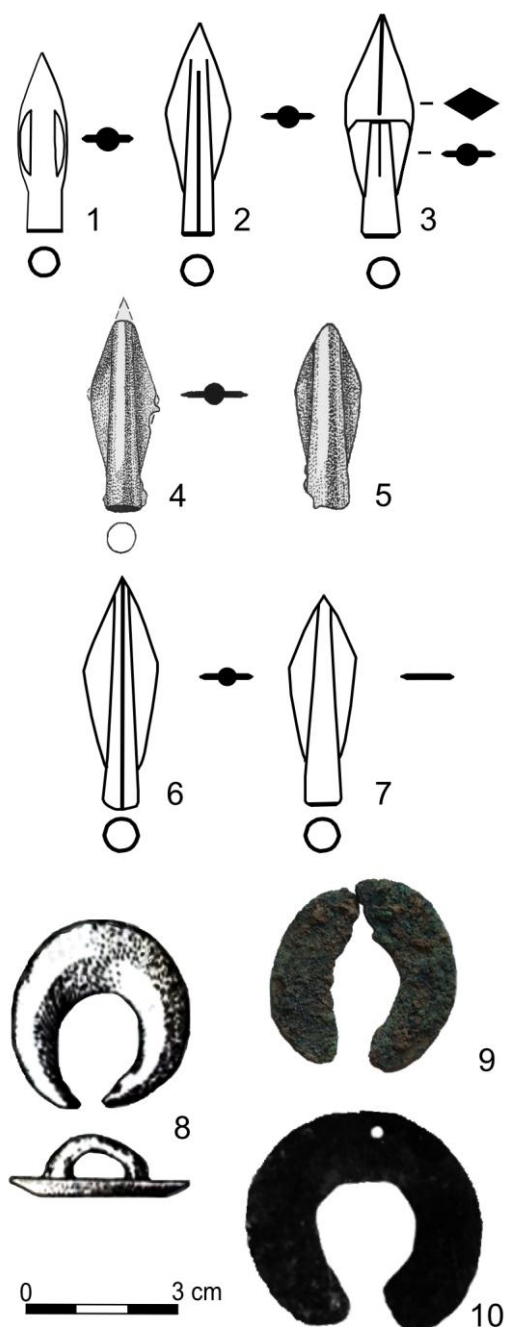

Рисунок 5. 1-3 – могильник Сакарчага 6 курган 20; 4, 9 – Шеки, некрополь Йонджалы, погребение в шурфе III; 5, 10 – некрополь на холме возле карьера суглинок в Шамкире; 6-7 – Уйгарак, курган 39. 8 – могильник Сакарчага 6 курган 23; (1-3, 8 – по Яблонский 1996: рис. 17: 52-54; 18: 8; 4, 9 – фото: 3. Гасанов; 5, 10 – по Кесаманлы, Гусейнова 1980: табл. XIII Б: 9; XI Б: 10; 6-7 – по Вишневецкая 1973: 88-89, табл. XIII: 5, 6)

лах ходжалы-кедабекской культуры Азербайджана. Некоторые бронзовые изделия имеют аналогии в соседнем некрополе Тепебаши (Alməmmədov 2006, S.63-74) (Рисунок 3:1, 12) и в некрополе на холме возле карьера суглинок в Шамкире (Рисунок 5:9, 10), рассматриваемых ниже. Это бронзовая лунница с отверстием для подвешивания (Рисунок 4:1). Похожие по форме изделия происходят из кургана 23 могильника Сакарчага 6 в Южном Приаралье (Яблонский 1996, рис.18:8). Лунница из Сакарчага имеет петлю на оборотной части. Лунницы же из Шамкира и Тепебаши имеют отверстия для подвешивания. На луннице из Йонджалы следов петли не видно, поскольку изделие обломано посередине. Обращает на себя внимание одна очень важная деталь: лунницы из Сакарчага и из Йонджалы имеют практически идентичные размеры и пропорции (Рисунок 5:8, 9). В археологии Азербайджана периода поздней бронзы часто встречаются лунницы, однако, в отличие от экземпляров из Шеки и Шамкира, вместо отверстия они снабжены втулкой (Фоменко 1953, С.72, табл.I:3).

Исследователи датируют анализируемые комплексы из некрополя Йонджалы концом VIII–VI в. до н.э. (Muxtarov, Vədəlova, Əmrah-qızı 2013, S.23). Все три втульчатых наконечника стрел из этого могильника являются двухлопастными ромбическими. Других типов наконечников здесь нет. Это указывает на то, что данный комплекс следует датировать ранним периодом миграции скифов на Южный Кавказ.

Находка наконечника стрелы возле бедренной кости действительно может свидетельствовать, что погребённый мог быть ранен этой стрелой, но этот вывод несколько спекулятивен. Чтобы установить, явля-

этой стрелой, но этот вывод несколько спекулятивен. Чтобы установить, явля-

ются ли погребённые скифами или представителями местного населения, следует привлечь к анализу материалы соседнего некрополя Тепебаши, расположенного на южной окраине с. Фазыл Шекинского района. Заметим, что некрополь Йонджалы, из которого происходят три двухлопастных втульчатых наконечника стрелы, располагается на северо-западе этого же села. Исследователи отмечают, что керамический материал поселений Йонджалы и Тепебаши близок (Мухтаров, Вәдәлова, Әмрах-қızı 2013, S.23).

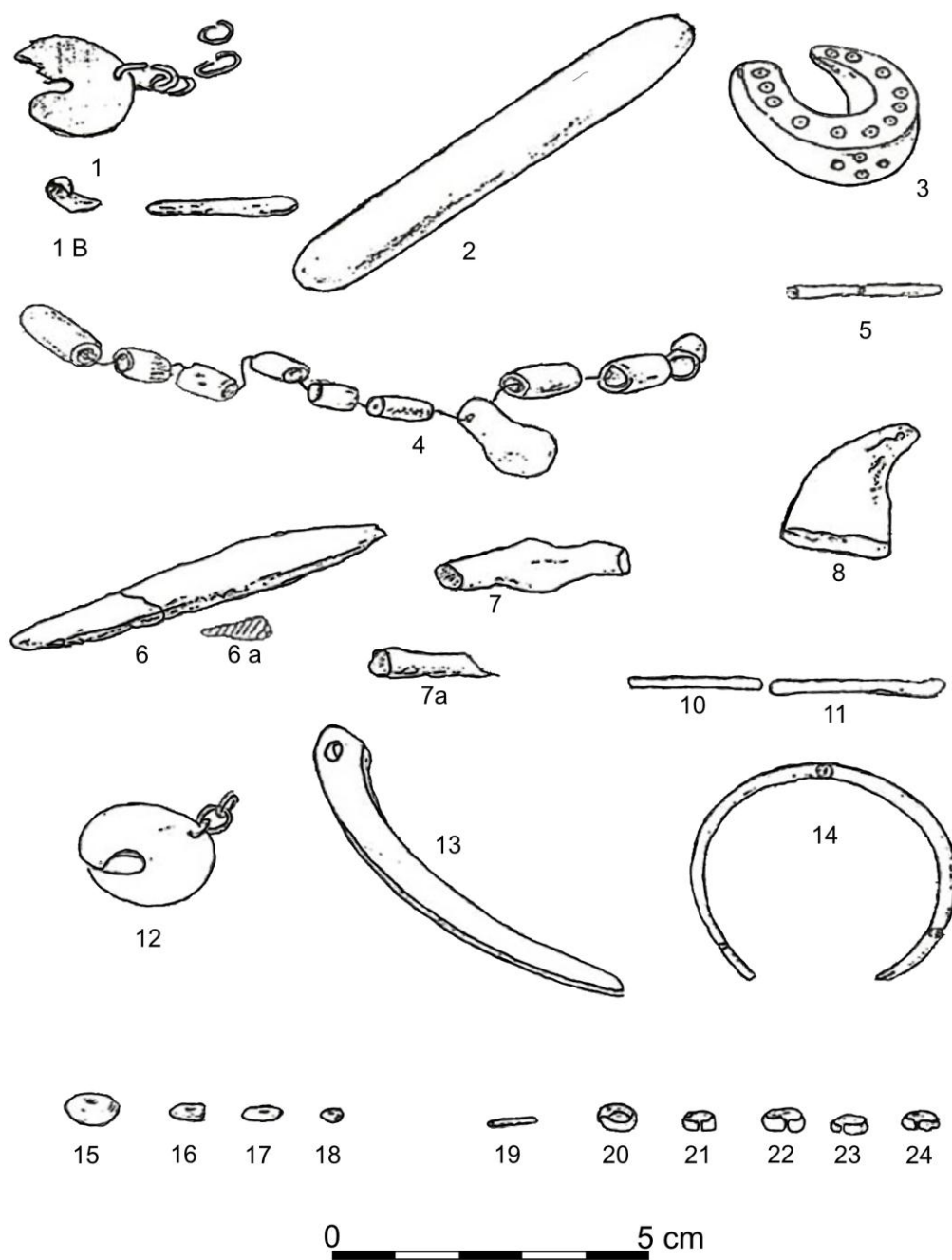

Рисунок 6. Находки из некрополя Тепебаши (по Алмәтмәдов 2006: tabl. III)

В некрополе Тепебаши, располагающемся на южной окраине с. Фазыл было раскопано около 20 грунтовых погребений и обнаружено ещё около 20 разрушенных захоронений. Глубина погребений варьировалась – от 45 см до 160 см. Как отмечает Х. Алмаммедов, более инвентарные погребения располагались на большей глубине. Спецификой некрополя является ориентировка костяка головой на север, иногда на северо-запад, а в погребении № 3 костяк лежал головой на запад. Большинство костяков сильно или слабо скорчены, некоторые расчленены, один костяк (погребение №2) лежал на спине (Almәт-мәдов 2006, S.64).

В погребении №1 обнаружен сильно скорченный костяк, лежавший головой на север-северо-запад. В захоронении обнаружены различные керамические сосуды.

В погребении №2 костяк лежал на спине с согнутыми ногами, руками на груди, головой на север, лицом на юг. В ногах погребённого находился костяк особи мелкого рогатого скота. В захоронении найдены керамические сосуды, содержавшие кости птиц, рыб, кабана и барана. В одном из сосудов находилось лезвие железного ножа. Также были обнаружены наконечник копья, железный кривой нож и украшение типа гривны. Х. Алмаммедов отмечает, что в комплексе зафиксированы угли. Поверх сосудов и под ними отмечен пепел. Алмаммедов предполагает, что этот пепел мог быть специально подсыпан (Almәт-мәдов 2006, S.65).

В погребении №3 был обнаружен слабо скорченный костяк, лежавший на левом боку, головой на запад. В ногах находились голова и кости кабана.

В погребении №4 находился расчленённый костяк. В восточной части могилы лежала нижняя часть костяка, в северо-западной – верхняя. В центральной части захоронения найдены керамические сосуды и сложенные друг на друга кости человека. В погребении отмечены следы кострища, но следов огня на костях обнаружено не было (Almәт-мәдов 2006, S.65-66).

Наибольший интерес представляет погребение №9 размерами 120 x 110 см и глубиной 160 см. Как отмечает Алмаммедов, это захоронение было совершено по нетипичному для некрополя Тепебаши обряду. Здесь были найдены черепа 20 человек, между которыми были сложены другие человеческие кости. В северной и северо-западной части погребения были уложены черепа четырёх особей крупного рогатого скота и двух особей собаки. Из изделий в погребении был обнаружен только фрагмент черноглиняного сосуда (Almәт-мәдов 2006, S.67-68).

Алмаммедов датирует это погребение VII в. до н.э. и добавляет, что на некрополе Тепебаши представлены захоронения различных периодов, начиная со «скифского периода» (Almәт-мәдов 2006, S.69). Г. Гошкарлы датирует некрополь Тепебаши VII-V вв. до н.э. (Гошкарлы 2014, С.166). В большинстве погребений некрополя Тепебаши рассматриваемого нами периода встречаются украшения в виде клыков кабана с отверстиями для подвешивания. Со ссылкой на М. Гусейнову, Х. Алмаммедов отмечает, что кости и клыки кабана встречаются в памятниках конца бронзового и начала железного века Азербайджана. М. Гусейнова связывает это с религиозными воззрениями (Гусейнова 2000, С.17; Almәт-мәдов 2006, S.65). Л.Т. Яблонский указывает, что подвески из клыка кабана «были достаточно характерными для скотоводческих племён восточных степей доскифского и раннескифского времени». Они встречаются в кургане 7 могильника Сакар-чага 6 (Яблонский 1996, рис.14:1), в кургане Аржан в Туве (Gryaznov 1980, рис. 27), в памятниках майэмирской культуры на Алтае, в тагарской культуре (Яблонский 1996, С.46). Золотые изображения кабана были обнаружены в 5-ом Чиликтинском кургане в Казахстане (Черников 1965, табл. XXVIII; Самашев, Ермолаева, Куш 2008, С.86, 92). Судя по перечисленным па-

мятникам подобные украшения характерны для памятников XI-VII вв. до н.э. Однако они встречаются и в погребениях более позднего времени. К примеру, в кургане № 11 в Береле. В памятниках Пазырыкского круга вместо самих клыков часто встречаются их деревянные модели (Самашев 2011, С.163, рис.396).

Краниологические исследования пяти сохранившихся черепов из погребения №9 некрополя Тепебаши, проведенные Д.А. Кириченко, позволили установить, что три из них (№1, 4, 5) аналогичны обнаруженным в мингечаурских грунтовых погребениях с вытянутыми костяками. Два других черепа (№2, 3) «обнаруживают сходство с синхронными группами сакских племен с территории Приаралья, Тянь-Шаня и Алтая» (Кириченко 2007, С.258-260, табл.1).

В рассматриваемый период коллективные погребения встречаются в сакских могильниках Сакар-чага в Южном Приаралье (Дашогузский район Туркменистана) – конец VIII–VII вв. до н.э. Однако в Сакар-чага преобладают захоронения с костяками, лежавшими в вытянутом положении на спине, иногда на боку – в скорченном или полускорченном положении. Преимущественная ориентировка погребённых – западная, ориентировка на северо-запад встречается реже. Особенностью этих комплексов являются столбовые конструкции в ямах, сочетание кремации и ингумации, огненный ритуал. Л.Т. Яблонский идентифицирует эти погребения с сакскими племенами (Яблонский 1996, С.18-26, 52; Таиров 2007, С.16; Алексеев 2003, С.142).

Ещё одна группа населения Южного Приаралья, для которых обычны коллективные захоронения – это куюсайская группа. Здесь отмечены захоронения полурасчлененных тел, а также многократные захоронения в одну камеру. Однако огненный ритуал не получил распространения. Л.Т. Яблонский связывает происхождение этих памятников не с саками, а с потомками представителей срубной культуры, продвинувшимися в Центральную Азию из Поволжья (Яблонский 2000, С.66). А.Д. Таиров акцентирует внимание на том, что отличительной чертой сакар-чагской группы сакских памятников является огненный ритуал (Таиров 2007, С.15-16).

Л.Т. Яблонский отмечает, что обряд расчленения, многократного коллективного захоронения и захоронения очищенных костей практиковался на Кавказе с древнейших времён (II тыс. до н.э.) и он не имеет никакого отношения к зороастризму (Яблонский 1996, С.28, 63). Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов предполагают, что этот обряд проник в Дагестан с какими-то группами степного населения (Мунчаев, Смирнов 1958, С.159-161, 188). По всей видимости, этот обычай принесли с собой представители срубной культуры. Данный обряд был отмечен Я.И. Гуммелем в курганах №13, 34 и 35 на западе от Гёйгёля (бывш. Ханлар). В курганах №13 и 34 погребённые были расчленены на три части, при этом были разрублены их кости. Курган № 35 имел каменную насыпь: в одной стороне кургана была захоронена голова, в другой – ноги (Гуммель 1940, С.9-10, 31-32, 60). По нашему мнению, эти погребения ходжалы-кедабекской культуры следует связывать с миграцией срубных племён в этот регион (Гасанов 2008).¹

¹ В исследуемый период обряд коллективного погребения очень редок для археологии Азербайджана. В научной литературе Азербайджана можно встретить ошибочное указание на распространенность групповых захоронений в период поздней бронзы. Описывая курганы периода поздней бронзы Г.П. Кесаманлы делит их на три группы 1) одиночные; 2) коллективные (или массовые); 3) с деревянной обкладкой. Он пишет о наличии семи курганов с коллективными захоронениями на Хошбулагского яйлаге. Здесь прослеживаются определенные отличия в использовании термина "коллективное захоронение". Для Южного Приаралья этот термин означает захоронение нескольких человек в одной могиле. Кесаманлы использует термин "коллективное" или "массовое" захоронение, имея в виду наличие нескольких могил под насыпью кургана. Причем в каждой из этих могил было найдено только по одному скелету [Kesemenli 1999, 42 и далее]. Наиболее уникальным является его описание кургана № 3 из Хошбулага. Он называет его "курган с массовым захоронением". В этом кургане было найдено три могилы, две из них кенотафы и лишь в одной был найден скелет (Kesemenli 1999, 59).

Для нас наиболее важно, что в некрополе Тепебаши в Шеки отмечены обе особенности сакар-чагской и куюсайской групп – расчленение тел погребённых и огненный ритуал. Исходя из этого, можно предполагать, что в Азербайджан могли мигрировать обе группы этих племён Южного Приаралья, и уже здесь мог происходить процесс консолидации этих племён с местными племенами Южного Кавказа, многие из которых были родственны племенам куюсайской группы (Гасанов 2008). Этот процесс продолжался несколько веков. Г. Гошкарлы отмечает, что к V-IV вв. до н. э. осевшие в Азербайджане скифы, «постепенно воспринимали местную духовную и материальную культуру, что нашло отражение в изменении поз погребённых» (Гошкарлы 2014, С.168). Дальнейшие антропологические и генетические исследования населения скифского периода в Шеки позволят более детально осветить эту проблему.

В связи с этим приведём мнение Д.С. Гречко, который пришёл к выводу, что аналогии погребальным сооружениям Прикубанья раннескифского времени следует искать среди сакских погребений Приаралья. При этом он ссылается на Т.В. Рябкову, указавшую ранее на общность погребального обряда в междуречье Дона и Кубани с погребениями Южного Тагискена, Уйгарака и могильника Сакарчага-6 (Рябкова 2003, С.20). Д.С. Гречко пишет: «кочевники из Центральной Азии попадали сперва в Переднюю и Малую Азию. Позже, после походов, они проникают в Предкавказье и Прикубанье, и лишь потом какая-то их часть переселяется в Северное Причерноморье... Часть из них делала это, вероятно, в обход с юга Каспийского моря» (Гречко 2013, С.101). В связи с этим подчеркнём, что в Азербайджане наиболее архаичные двухлопастные наколеники стрел скифов в основном были найдены на севере (Рисунок 7), в предгорьях Кавказа, что указывает на движение мигрантов с севера на юг. Таким образом, их основная масса продвигалась с севера Каспийского моря.

Обратим внимание и на данные топонимики. В обоих топонимах Сакарчага и Шеки присутствует одна и та же основа. В азербайджанской науке топоним Шеки связывают с одним из этнических названий скифов «сака» (Гейбуллаев 1986, С.27). По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с миграцией не только археологической культуры, но и древнего этнонима.

Относительно распространения этнонима «сака» заметим, что обычно ареал саков ограничивается Азией. Однако письменные источники не дают оснований для подобных выводов. В Центральной Азии античные письменные источники действительно локализуют такие сакские этнонимы, как амиргийские саки и массагеты. Саков и сакасанов (сакасинов) те же источники локализуют в Анатолии и на Южном Кавказе, племя сагартиев – на Ближнем Востоке, фиссагетов — на востоке европейской части Скифии, сигиннов — в Венгрии (Геродот 1972, I, 201; IV, 22; V, 9; VII, 64; 85; Страбон 1964, XI, 8, 4; Plynі 1942, VI, 28-30). Отметим также, что все скифы себя саками не называли. У каждого из скифских племён было своё этническое название. Некоторые из них содержали основу «сака», как, например, массагеты, сакасины, сигинны и др. Что касается термина «скиф», то он является собирательным названием всех скифских племён. На языке скифов слово «скиф» – Σκίθης – S-kuth-es (ед. число) или Σκίθαί – S-kuth-ai (мн. число), имеет значение «племя». В надписи на серебряной чаше из Иссыкского кургана в Семиречье термин küz (греческое «Σκίθη») /ассирийское «Ish-kuz») используется как в качестве самоназвания, так и для обозначения соседних племён (Гасанов 2015). Указанные примеры свидетельствуют, что термин «скиф» (-kuz) использовался не только в Европе, но и в Ассирии и Центральной Азии.

Рисунок 7. Карта распространения двухлопастных наконечников стрел.
1 – Сержень-Юрт; 2 – Дербент; 3 – Апшерон; 4 – Шеки; 5 – Мингечаур;
6 – Шамкир (левый берег Куры); 7, 8 – Шамкир (правый берег Куры); 9 – Физули

Суммируя изложенное, мы можем заключить, что на южной окраине с.Фазыл Шекинского района было найдено коллективное погребение с черепами скифо-саков приаральского происхождения, а на северо-западной окраине этого села были найдены ещё два погребения с двухлопастными ромбическими втульчатыми наконечниками стрел раннескифского типа. Присутствие скифов в этом регионе в качестве местного населения совершенно очевидно. Отсутствие «скифской триады» объясняется, по всей видимости, тем, что скифо-саки, мигрировавшие в Шеки, очень быстро переняли местную материальную культуру.

Теперь перейдём к анализу наконечников стрел из Шеки.

1) Ромбовидный наконечник с шипом, прикреплённым к средней части втулки, и асимметричной головкой из шурфа IV поселения Йонджалы (Рисунок 2:12; 3:10). По классификации А.И. Мелюковой наконечник относится к отделу I, типу 1, варианту 1 (Мелюкова 1964, табл.V). По классификации Т.В. Рябковой он относится к группе 2. Отличительная особенность: меньшие размеры и более короткая втулка, чем у наконечников стрел группы 1; шип прикреплён к средней части втулки.

2) Наконечник стрелы с асимметричной головкой, но без шипа, из шурфа IV. Лопасты практически достигают основания втулки, а максимальная ширина его пера смещена к острию (Рисунок 1:8; 4:11). По классификации А.И. Мелюковой наконечник относится к отделу I, типу 1, варианту 5 (Мелюкова 1964, табл.V). Этот наконечник отличается от того, что изображён на таблице А.И.

Мелюковой, намного более вытянутыми пропорциями. По классификации Т.В. Рябковой он относится к группе 5. Своими пропорциями и размерами он повторяет образец из Енджи (Рябкова 2014, рис.1.5:8).

3) Наконечник стрелы без шипа из шурфа III (Рисунок 1:9; 3:12). Наконечник небольшой, длиной 3,5 см, остриё пера обломано. По классификации А.И. Мелюковой изделие относится к отделу I, типу 1, варианту 4 (Мелюкова 1964, табл.V). По классификации Т.В. Рябковой наконечник относится к группе 5. Он отличается от предыдущего экземпляра меньшей длиной и тем, что его максимальная ширина располагается ближе к середине пера. Своими пропорциями он повторяет образец из Дербента (Рябкова 2014, рис. 1.5:2), а своими пропорциями и размерами – наконечник стрелы из могилы 5 из с.Полско Косово в Северной Болгарии (Рисунок 1:26), который относится к одним из наиболее ранних (Stantchev 2000, pl. II, 3). Также пропорциями и размерами наконечник стрелы из шурфа III в Шеки очень близок к изделиям из курганов №39 в Уйгараке (Рисунок 3:6) и №20 могильника Сакар-чага 6 (Рисунок 3:2). Однако, длина самого короткого из них составляет 4 см (Яблонский 1996, рис.17: 53, 35: 18, табл.2). По классификации Л.Т. Яблонского эти наконечники стрел входят в категорию I, группу II, отдел Б, тип 4. Это асимметрично-ромбические двухлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой, со сплошной прожилкой и нервюрой по всей длине (Яблонский 1996, С.40). Длина самого короткого наконечника стрелы из Уйгарака 4,1 см. У двух из них втулка хорошо выражена и продолжена в виде валика до острия. Судя по рисунку, приведённому в таблице, один из этих наконечников повторяет описанный выше наконечник из Сакар-чага, то есть у него есть прожилка и выделенная нервюра по всей длине (Рисунок 3:6) (Вишневская 1973, С.88-89, табл.XIII:5, 6). По всей видимости, у населения Уйгарака были различные модификации подобных наконечников стрел – симметричные и асимметричные, а их размеры варьировались от 4 см до 4,5 см.

Еще несколько двухлопастных наконечников стрел скифского типа происходят из разграбленного Некрополя, находящегося на холме возле карьера суглинков и из с.Кечили (случайные находки) в Шамкире (Nərimanov, Babayev 1987, S.61; Кашкай, Селимханов 1973, С.103; Кесаманлы, Гусейнова 1980, табл. XIII:Б.5) (Рисунок 1:10, 33-34; Рисунок 2:1, 24; Рисунок 3:21-23, 25-26; Рисунок 8). Двухлопастный наконечник стрелы также был найден в Физули (Гасанов 2017, С.17-50) (Рисунок 3:13, 20).

Выводы. Подытожив, следует отметить, что все наконечники стрел в погребениях некрополя Йонджалы в Шеки являются двухлопастными ромбическими. В погребении из шурфа III периода поздней бронзы, в котором были представлены наиболее ранние типы чернолощёной инкрустированной керамики и зооморфных сосудов, был найден наконечник стрелы с короткой втулкой и без шипа (Рисунок 3:12, 19). Он имеет аналогии в Центральной Азии. В шурфе IV, с материалами более позднего периода, найдено два втульчатых двухлопастных наконечника с короткой втулкой, один из них с шипом (Рисунок 3:10-11, 17-18). Исследователи относят ромбические двухлопастные наконечники без шипов с лопастями, которые охватывают большую часть втулки, к периоду миграции «центральноазиатских кочевников в Причерноморье, Закавказье и Малую Азию» (Рябкова 2014, С.381-383, рис.1.5). То есть наблюдения азербайджанских археологов подтверждаются хронологией двухлопастных наконечников стрел скифов.

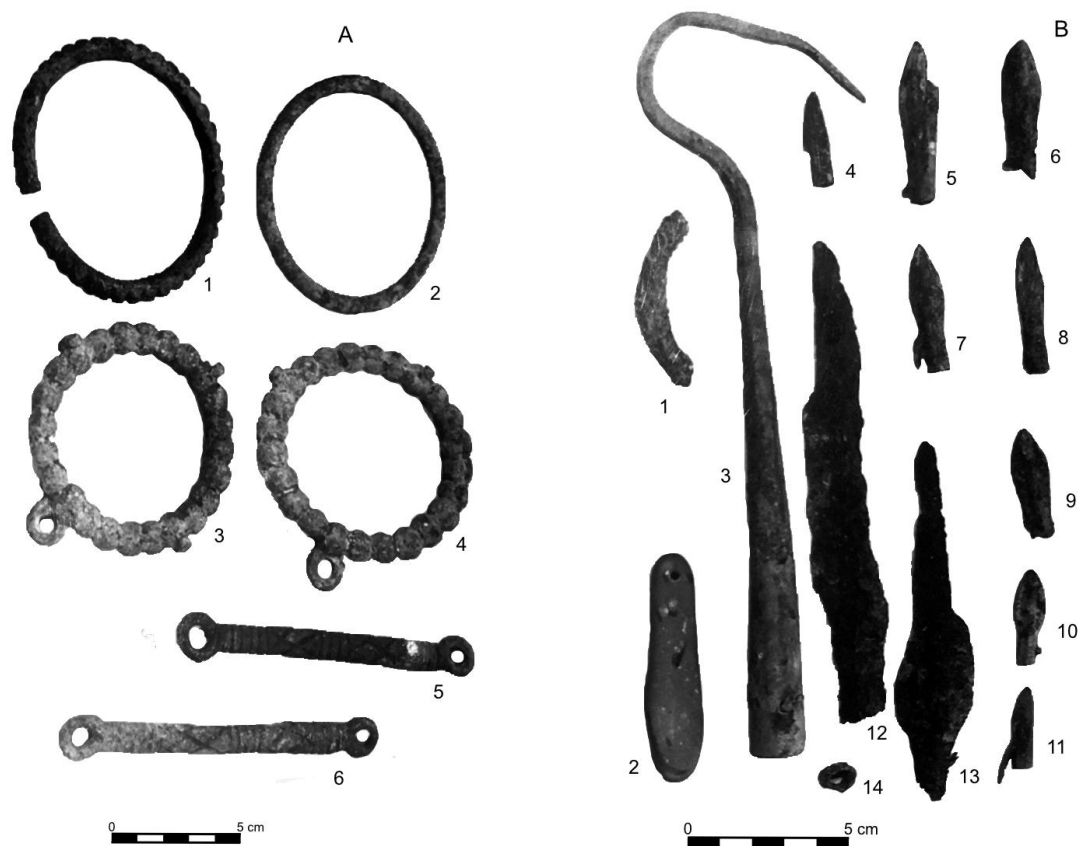

Рисунок 8. Находки с территории некрополя на холме возле карьера суглинок в Шамкире (по Кесаманлы, Гусейнова 1980: табл. XIII: А, Б)

Ещё один вопрос, требующий пристального внимания – проблема совстречаемости наконечников стрел различных типов. А.И. Мелюкова отмечает, что двухлопастные ромбические наконечники с короткой втулкой были широко распространены в VIII-VII вв. до н.э. Они также встречаются в VII-VI вв. до н.э., но в этот период преобладают двухлопастные наконечники стрел с лавролистной или овальной головкой (Мелюкова 1964, С.28, табл.V). О.А. Вишневская относит появление двухлопастных ромбических наконечников с короткой втулкой в Северном Причерноморье к доскифскому периоду. Далее исследователь добавляет, что они распространены в комплексах VII-VI вв. до н.э., где они, как правило, встречаются в единичных экземплярах, и только из наиболее раннего погребения из кургана 524 у с.Жаботин происходит набор таких стрел (Вишневская 1973, С.88-89). Та же ситуация наблюдается с могилой 5 из с. Польско Косово в Северной Болгарии, где все бронзовые наконечники являются двухлопастным ромбическим, с короткой втулкой. Это погребение датируется Д. Станчевым концом VIII – началом VII в. до н.э. (Stantchev 2000, S.35-44). Исходя из этого, можно заключить, что в наиболее ранних комплексах преобладают двухлопастные ромбические наконечники стрел, в то время как в более позднее время они встречаются в единичных экземплярах в комплексах, где преобладают другие наконечники стрел. К.В. Чугунов относительно датировки скифских наконечников стрел замечает: «Совстречаемость разных типов и вариантов – обычное явление для колчанных наборов раннескифского времени, и датиров-

ка комплексов должна основываться даже не на самых поздних типах (нельзя исключить, что они появились раньше, чем мы считаем), а на преобладании того или иного типа» (Чугунов 2011, С.297).

В погребениях некрополя Йонджалы из Шеки все наконечники стрел являются втульчатými двухлопастными ромбическими. Других типов наконечников здесь нет. Это указывает, что данный комплекс следует датировать ранним периодом миграции скифов на Южный Кавказ. Что касается грунтовых погребений Мингечаура со втульчатými двухлопастными листовидными наконечниками стрел, то в этих захоронениях преобладают трёхлопастные наконечники, что свидетельствует в пользу их более поздней датировки – VII-VI вв. до н.э.

Находки из некрополя на холме возле карьера суглинков в Шамкире представляют особый интерес. Большинство найденных здесь наконечников стрел двухлопастные (Рисунок 8), что так же, как и в случае с находками из Шеки, указывает на их принадлежность к скифскому архаическому периоду. Дополнительно об этом свидетельствуют находки в Шамкире наконечников, аналогичных тем, что происходят из погребения 1 кургана 2 в Ендже. Здесь же, в Шамкире, в Шамхорском могильнике, отмечен скифо-сакский обряд погребения, архаические стержневидные трёхдырчатые псалии (повторяющие форму жаботинских трехмуфтовых псалий) с двухчастными удилами и два двухлопастных наконечника стрел, в том числе ромбический. Случайные находки двухлопастных стрел в Шамкире также относятся к архаическому времени. Дальнейшее продвижение скифов на Ближний Восток фиксируется находкой двухлопастного ромбического наконечника стрелы в Физули, на границе с Ираном (Рисунок 7).

Для определения того, с кем именно следует связывать эти наконечники стрел в каждом конкретном случае, следует принять во внимание такие факторы, как обряд погребения, сопутствующий археологический материал, топонимы, маршруты миграции и т.д. В случае с наконечниками стрел из Сержень-Юрта, Дербента и Апшерона мы однозначно имеем дело со скифами, поскольку данный маршрут подтверждает информацию Геродота о миграции скифов. Помимо этого, находка яйцевидного сосуда с двумя вертикальными боковыми ручками в юго-восточной части Апшеронского погребения свидетельствует в пользу скифского обряда и имеет аналогии в Уйгараке.

В случае с находками из Мингечаура и Шамкира мы также сталкиваемся со скифским обрядом или сопутствующими скифскими изделиями, а именно, трёхлопастными наконечниками стрел. В случае с двухлопастным наконечником стрелы из Физули определить его происхождение сложно, поскольку в этом регионе не было найдено погребений со скифскими изделиями. Однако здесь были найдены трёхлопастные наконечники стрел архаических типов. Что касается наконечников стрел из некрополя Йонджалы в Шеки, то топонимические данные указывают на присутствие здесь саков. Археологические материалы соседнего некрополя Тепебаши свидетельствуют о наличии здесь обряда погребения, повторяющего обряд Сакар-чага и Куюся в Южном Приаралье, а антропологические материалы некрополя Тепебаши указывают на наличие здесь мигрантов из Приаралья.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. – 416 с.
2. Алиев И.Н. Апшерон в эпоху бронзы и раннего железа: Дис. ... канд. ист. наук. – Баку, 1992, 135 с.
3. Асланов Г. Г. Шамхорский могильник. – Баку: Элм, 1986. – 11 с.

4. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э.: по материалам Уйгарака. – М.: Наука, 1973. – 160 с.
5. Галанина Л.К. Келермесские курганы: Царские погребения раннескифской эпохи. (Степные народы Евразии т. 1.) – М.: Палеограф, 1997. – 316 с.
6. Гасанов З.Г. Иссыйкская посвятельная надпись // Эпиграфика Востока. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – Вып. 31. – С.34-59.
7. Гасанов З.Г. Киммерийцы и их место в истории Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Баку, 2008. – 48 с.
8. Гасанов З.Г. Архаические наконечники стрел скифского типа в восточной части Кавказа: проблема миграции скифов // Stratum Plus. – 2017. – №3. – С.17-50.
9. Гасанов З.Г. Погребальный обряд как основа выявления собственно скифских курганов Азербайджана. В:W. Blajer & (ред.). Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa: Joanni Chochorowski dedicatae. – Krakow: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego, Profil-Archeo, 2012. – С.519-527.
10. Гейбуллаев Г.А. Топонимия Азербайджана: историко-этнографическое исследование. – Баку: Элм, 1986.
11. Геродот. История. Пер. Стратановского Г.А. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
12. Голубкина Т.И. Описание могил могильного поля городища №1 археологических раскопок в Мингечауре. Август-Сентябрь 1946 г. АМЕА Arxeologiya və Etnografiya İnstitutunun arxivi: Inv. № 4849, 1946.
13. Гошкарлы Г. Скифская тематика в историко-археологической литературе Азербайджана // Гілея: науковий вісник. – 2014. – Вып.91. – С.165-169.
14. Гречко Д.С. О происхождении погребальных сооружений Прикубанья раннескифского времени. Шестая международная кубанская археологическая конференция. – Краснодар: Экоинвест, 2013. – С.99-102.
15. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
16. Гуммель Я.И. Археологические очерки. – Баку: АзФАН, 1940. – 166 с.
17. Гусейнова М.А. Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа (XIV-IX вв. до н.э.). – Баку: Элм, 1989. – 128 с.
18. Гусейнова М. Предметы культа и символы власти в памятниках материальной культуры Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. // Azərbaycan arxeologiyası. – 2000. – №3-4. – С.14-22.
19. Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи. – Киев: КНТ, 2011. – 829 с.
20. Джафарзаде И.М. Археологические разведки на Апшероне // Azərbaycan SSR EA xəbərləri. – 1948. – № 6. – С.81-95.
21. Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. – М.: Наука, 1985. – 152 с.
22. Зенобий. Сокращение из [сборников] пословиц [Лукилла] Таррейского и Дидима, составленное в алфавитном порядке // Вестник древней истории. — 1948. – №4. – С. 289-291.
23. Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э.). – Киев: Наукова думка, 1975. – 223 с.
24. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н.э. – Киев: Наукова думка, 1983. – 379 с.
25. Ионе Г. И. Археологические раскопки в Мингечауре: некоторые данные к вопросу о датировке грунтовых погребений // Доклады АН Азербайджанской ССР. – 1946. – №9. – Т.2. – С.399-405.
26. Ионе Г.И. Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского» типа. // АММ, III, – Баку, 1953. – С.81-97.
27. Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры. // АСГЭ. – 1988. – Вып.29. – С.29-47.
28. Казиев С.М. Археологические раскопки в Мингечауре // Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti. – Bakı, 1949. – Т.1. – С.9-49.
29. Кашкай М.А. Селимханов И.Р. Из истории древней металлургии Кавказа. – Баку: Элм, 1973. – 223 с.
30. Кашкай С.М. О скифских походах через Кавказ на Ближний Восток // İ.Əliyevin 80 illiyinə həsr olunmuş Elmi konfransın materialları, 12 Mart, 2004. – Bakı: Elm, 2004. – С.41-52.
31. Кесаманлы Г.П. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железа Дашкесанского района. – Баку: Ağrıdağ, 1999. – 179 с.
32. Кесаманлы Г.П., Гусейнова М.А. Отчет первого отряда шамхорской археологической экспедиции за 1980 г. АМЕА Arxeologiya və Etnografiya İnstitutunun elmi arxivi: Inv. № h-260, – Баку, 1980. – 14 с. + XV табл.
33. Кириченко Д. Новые материалы к палеоантропологии Азербайджана // Tarix və onun problemləri. – 2007. – №1. – С.258-260.
34. Козенкова В.И. Исследования Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. // Краткие сообщения Института археологии. – 1965. – Вып.103. – С.67-74.

35. Козенкова В.И., Крупнов Е.И. Исследования Сержень-Юртовского поселения. По раскопкам 1964 г. // Краткие сообщения Института археологии. – 1966. – Вып.106. – С.81-87.
36. Кудрявцев А.А. О новой хронологии древнего Дербента. // Советская археология. – 1982. – №4. – С.165-186.
37. Махортых С. Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья // Revista Arheologica. – 2014. – Vol.X. – N1-2. – С.69-78.
38. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964. – 90 с.
39. Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Археологические памятники близ сел. Карабудахкент // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1958. – № 68. – 196 с.
40. Ольховский В.С. Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России. – 1997. – №1. – С.85-96.
41. Полін, С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. // Археологія. – 1987. – № 59. – С.17-36.
42. Рябкова Т.В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики // Российский археологический ежегодник. – 2014. – Вып.4. – С.372-432.
43. Рябкова Т.В. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 24 с.
44. Самашев З. Берель. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 с.
45. Самашев З., Ермолаева А., Куц Г. Древние сокровища казахского Алтая. – Алматы: Öner, 2008. – 200 с.
46. Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. – Киев: б.и, 2003. – 161 с.
47. Страбон. География: в 17 книгах. / Пер. Стратановского Г. А. – Л.: Наука, 1964. – 944 с.
48. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н.э. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007, – 274 с.
49. Фоменко В.П. Грунтовое погребение № 63 в Мингечауре // Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti. – Bakı, 1953. – III. – С.67-80.
50. Хохоровский Я. Экологический «стресс» в Западной Сибири в «культурный шок» в Карпатской котловине в конце бронзового века // Международный симпозиум «Terra Scythica», 17-23 августа 2011 г. Денисова Пещера, Алтай. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С.9-10.
51. Черников, С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.: Наука, 1965. – 190 с.
52. Чугунов К.В. Аржан-2, реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. – СПб, 2011. – Вып.1. – С.262-335.
53. Яблонский Л.Т. Главные миграционные процессы на территории Южного Приаралья в раннем железном веке // Нижневолжский археологический вестник. – 2000. – Вып.3. – С.64-83.
54. Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (Археология и антропология могильников). – М.: ИА РАН 1996. – 186 с.
55. Alməmmədov X. Təpəbaşı nekropolu // Azərbaycan arxeologiyası. – 2006. – VIII. – №1-4. – S.63-74.
56. Bakay Kornel. Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections. – Budapest: Akademiai Kiado, 1971. – 131 p.
57. Muxtarov N., Bədəlova İ., Əmrah-qızı C. Şəki Arxeologiya və Folklor qrupunun, Şəki-Qax-Oğuz arxeoloji ekspedisiyasının 2013-cü ildə gördüyü işlərin geniş Hesabatı. Şəki-Bakı: AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun arxivi: İnv. № – 777, 2013, 64 s. + 67 tabl.
58. Nərimanov İ.H., Babayev İ.A. Keçilidə arxeoloji tapıntılar // Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti. – Bakı, 1987. – X. – S.57-68.
59. Plyní. Natural History. – Volume II./ trans. by Rackham H. – Cambridge: Harvard University Press, 1942. – 663 p.
60. Stantchev Dimitar. Warrior Burial in the Lower Course of the Yantra // Tombes tumulaires de l' Age du Fer dans le Sud-Est de l'Europe. – 2000. – N1. – P.35-44.

Reference

- Alekseev 2003 – Alekseev, AYu 2003, *Hronografiya Evropejskoj Skifii VII-IV vekov do n.eh*, Gos. EHrmitazh, Saint-Petersburg, 416 s. (Alekseev, AYu 2003, Chronography of European Scythia VII-IV centuries BC, State EHrmitazh, Saint-Petersburg, 416 p). (*in Rus*).
- Aliev 1992 – Aliev, IN 1992, *Absheron v ehpohe bronzy i rannego zheleza: Dis. ...kand. ist. Nauk*, Baku, 135 s. (Aliev, IN 1992, Abseron in the bronze age and early iron: Dis. ... kand.east. sciences', Baku, 135 p). (*in Rus*).
- Alməmmədov 1971 – Alməmmədov, X 1971, Təpəbaşı nekropolu, *Azərbaycan arxeologiyası*, VIII, №1-4, S.63-74. (Alməmmədov, X 1971, Təpəbaşı nekropolu, *Azərbaycan arxeologiyası*, VIII, №1-4, S.63-74). (*in Azerb*).

- Aslanov 1996 – Aslanov, GG 1996, *SHamhorskiy mogil'nik*, Ehlm, Baku, 11 p. (Aslanov, GG 1996, *Shamkhor burial ground*, Ehlm, Baku, 11 p.). (in Rus).
- Bakay Kornel 1971 – Bakay Kornel, *Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections*, Akademiai Kiado, Budapest, 131 p. (Bakay Kornel, *Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections*, Akademiai Kiado, Budapest, 131 p.). (in Eng).
- Galanina 1997 – Galanina, LK 1997, *Kelermesskie kurgany: Carskie pogrebeniya ranneskijskoj ehpoi. (Stepnye narody Evrazii t. 1.)*, Paleograf, Moscow, 316 s. (Galanina, LK 1997, *Kelermess mounds: Royal burials of the early Scythian epoch. (Steppe peoples of Eurasia t. 1.)*, Paleograf, Moscow, 316 p.). (in Rus).
- Gasarov 2015 – Gasarov, ZG 2015, *Issyyskaya posvyatitel'naya nadpis', EHpigrafika Vostoka*, Institut vosto-kovedeniya RAN, Moscow, Vyp. 31, S.34-59. (Gasarov, ZG 2015, *Issyyskaya dedicatory inscription, Epigraphy of the East*, Institut East studies, RAS, Moscow, Issue 31, S.34-59). (in Rus).
- Gasarov 2008 – Gasarov, ZG 2008, *Kimmerijcy i ih mesto v istorii Azerbajdzhana: Avto-ref. dis. ... kand. ist. Nauk*, Baku, 48 s. (Gasarov, ZG 2008, *Cimmerians and their place in the history of Azerbaijan: author. dis. ... kand. east. sciences*, Baku, 48 p.). (in Rus).
- Gasarov 2017 – Gasarov, ZG 2017, *Arhaicheskie nakonechniki strel skifskogo tipa v vostochnoj chasti Kavkaza: problema migracii skifov, Stratum Plus, №3, S.17-50*. (Gasarov, ZG 2017, *Archaic arrowheads of the Scythian type in the Eastern part of the Caucasus: the problem of migration of Scythians, Stratum Plus, №3, P.17-50*). (in Rus).
- Gasarov 2012 – Gasarov, ZG 2012, *Pogrebal'nyj obryad kak osnova vyyavleniya sobstvenno skifskih kurganov Azerbajdzhana. V:W. Blajer & (red.). Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa: Joanni Cho-chorowski dedicatae*, Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego, Profil-Archeo, Krakow, 2012, S.519-527. (Gasarov, ZG 2012, *Funeral rites as the basis of identifying the actual Scythian burial mounds of Azerbaijan. In: W. Blajer & (EDS.). Peregrinationes archaeologicae in Asia et Oceania: Joanni Cho-chorowski dedicatae, V:W. Blajer & (red.). Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa: Joanni Cho-chorowski dedicatae*, Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego, Profil-Archeo, Krakow, 2012, P.519-527). (in Rus).
- Gejbul'laev 1986 – Gejbul'laev, GA 1986, *Toponimiya Azerbajdzhana: istoriko-ehnotograficheskoe issledovanie*, Ehlm, Baku. (Gejbul'laev, GA 1986, *Toponymy of Azerbaijan: historical and ethnographic research*, Ehlm, Baku). (in Rus).
- Gerodot 1972 – Gerodot 1972, *Istoriya*. Per. Stratanovskogo G.A, Nauka, Leningrad, 600 s. (Herodotus 1972, *History*, Transl. Stratanovskogo G.A, Nauka, Leningrad, 600 s.). (in Rus).
- CHernikov 1965 – CHernikov, SS 1965, *Zagadka Zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' «skifskoe iskusstvo»*, Nauka, Moscow, 190 s. (CHernikov, SS 1965, *The mystery of the Golden mound. Where and when was born "Scythian art"*, Nauka, Moscow, 190 s.). (in Rus).
- CHugunov 2011 – CHugunov, KV 2011, *Arzhan-2, rekonstrukciya ehtapov funkcionirovaniya pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa i nekotorye voprosy ego hronologii, Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik*, Saint-Petersburg, Vyp.1, S.262-335. (CHugunov, KV 2011, . Arzhan-2, reconstruction of stages of functioning of the funeral and memorial complex and some questions of its chronology, *Russian archaeological Yearbook*, Saint-Petersburg, Vyp.1, S.262-335). (in Rus).
- Golubkina 1946 – Golubkina, TI 1946, *Opisanie mogil'nogo polya gorodishcha №1 arheologicheskikh raskopok v Mingechaure. Avgust-Sentyabr' 1946 g., AMEA Arxeologiya v Etnografiya Institutunun arxivi. Inv. № 4849*. (Golubkina, TI 1946, *Description of the graves of the burial fields of the ancient settlement No. 1 archeological digs in Mingachevir. August-September 1946: Inv. No. 4849., AMEA Arxeologiya v Etnografiya Institutunun arxivi: Inv. № 4849*). (in Rus).
- Goshkarly 2014 – Goshkarly, G 2014, *Skifskaya tematika v istoriko-arheologicheskoy literature Azerbajdzhana, Gileya: nauchnij visnik, Vyp.91, S.165-169*. (Goshkarly, G 2014, *Scythian themes in historical and archaeological literature in Azerbaijan, Gileya: nauchnij visnik, Vyp.91, P.165-169*). (in Rus).
- Grechko 2013 – Grechko, DS 2013, *O proiskhozhdenii pogrebal'nyh sooruzhenii Prikuban'ya ranneskijskogo vremeni, SHestaya mezhdunarodnaya kubanskaya arheologicheskaya konferenciya*, EHkoin-vest, Krasnodar, S.99-102. (Grechko, DS 2013, *On the origin of the funeral constructions of the Kuban' area of the early Scythian time. Sixth international Kuban archaeological conference, SHestaya mezhdunarodnaya kubanskaya arheologicheskaya konferenciya*, EHkoin-vest, Krasnodar, S.99-102). (in Rus).
- Gryaznov 1980 – Gryaznov, MP 1980, *Arzhan. Carskij kurgan ranneskijskogo vremeni*, Nauka, Leningrad, 1980, 62 s. (Gryaznov, MP 1980, *Arzhan. Royal Kurgan of the early Scythian time*, Nauka, Leningrad, 1980, 62p.). (in Rus).
- Gummel' 1940 – Gummel', Yal 1940, *Arheologicheskie ocherki*, AzFAN, Baku, 166 s. (Gummel', Yal 1940, *Archaeological essays*, AzFAN, Baku, 166 s.). (in Rus).
- Gusejnova 1989 – Gusejnova, MA 1989, *Keramika Vostochnogo Zakavkaz'ya ehpoi pozdnej bronzy i rannego zheleza (XIV-IX vv. do n.eh.)*, Ehlm, Baku, 128 s. (Gusejnova, MA 1989, *Ceramics of*

- Eastern Caucasus of the late bronze age and early iron age (XIV-IX centuries BC)*, EHM, Baku, 128 s). (in Rus).
- Gusejnova 2000 – Gusejnova, M 2000, Predmety kul'ta i simvol'y vlasti v pamyatnikah material'noj kul'tury Azerbajdzhana ehpoi pozdnej bronzy i rannego zheleza, *Azərbaycan arxeologiyası*, №3-4, P.14-22. (Gusejnova, M 2000, The cult Objects and symbols of power in the monuments of material culture of Azerbaijan of late bronze and early iron epoch, *Azərbaycan arxeologiyası*, №3-4, P.14-22). (in Rus).
- Daragan 2011 – Daragan, MN 2011, *Nachalo rannego zheleznoogo veka v Dneprovskoj Pravoberezhnoj lesostepi*, KNT, Kiev, 829 s. (Daragan, MN 2011, *The beginning of the early iron age in the Dnieper right Bank forest-steppe*, KNT, Kiev, 829 p). (in Rus).
- Dzhafarzade 1948 – Dzhafarzade, IM 1948, Arheologicheskie razvedki na Apsherone, *Azərbaycan SSR EA xəbərləri*, № 6, S.81-95. (Dzhafarzade, IM 1948, Archaeological exploration on the Absheron Peninsula, *Azərbaycan SSR EA xəbərləri*, № 6, P.81-95). (in Rus).
- Esayan 1985 – Esayan, SA, Pogrebova, MN 1985, *Skifskie pamyatniki Zakavkaz'ya*, Nauka, Moscow, 152 s. (Esayan, SA, Pogrebova, MN 1985, *The Scythian monuments of Transcaucasia*, Nauka, Moscow, 152 p). (in Rus).
- Fomenko 1953 – Fomenko, VP 1953, Ground burial № 63 in Mingeçaur, *Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti*, Bakı, III, S.67-80. (Fomenko, VP 1953, Gruntovoe pogrebenie № 63 v Mingeçaur, *Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti*, Bakı, III, S.67-80). (in Rus).
- Hohorovskij 2011 – Hohorovskij, YA 2011, EHkologicheskij «stress» v Zapadnoj Sibiri v «kul'turnyj shok» v Karpat-skoj kotlovine v konce bronzovogo veka, *Mezhdunarodnyj simpozium «Terra Scythica», 17-23 avgusta 2011 g. Denisova Peshchera, Altaj*, Institut arheologii i etnografii SO RAN, Novosibirsk, S.9-10. (Hohorovskij, YA 2011, Ecological "stress" in Western Siberia in the "cultural shock" in the Carpathian basin at the end of the bronze age, *International Symposium "Terra Scythica", August 17-23, 2011 Denisova Cave, Altai*, Institut arheologii i etnografii SO RAN, Novosibirsk, S.9-10). (in Rus).
- Il'inskaya 1975 – Il'inskaya, VA 1975, *Ranneskifskie kurgany bassejna r. Tyasmin (VII-VI vv. do n.eh.)*, Nauko-va dumka, Kiev, 223 s. (Il'inskaya, VA 1975, *The early Scythian barrows of the basin of the Tyasmin (VII-VI centuries BC)*), Nauko-va dumka, Kiev, 223 p). (in Rus).
- Il'inskaya 1983 – Il'inskaya, VA, Terenozhkin, AI 1983, *Skifiya VII-IV vv. do n.eh*, Naukova dumka, Kiev, 379 s. (Il'inskaya, VA, Terenozhkin, AI 1983, *Scythia VII – IV centuries BC*, Naukova dumka, Kiev: 1983, 379 s). (in Rus).
- Ione 1946 – Ione, GI 1946, Arheologicheskie raskopki v Mingeçaur: nekotorye dannye k voprosu o datirov-ke gruntovyh pogrebenij, *Doklady AN Azerbajdzhanskoj SSR*, №9, T.2, S.399-405. (Ione, GI 1946, Archaeological excavations in Mingeçaur: some data on the dates of underground burials, *Reports of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR*, №9, T.2, S.399-405). (in Rus).
- Ione 1953 – Ione, GI 1953, Mingeçaurskaya raznovidnost' nakonechnikov strel «skifskogo» tipa, *AMM*, III, Baku, S.81-97. (Ione, GI 1953, Mingeçaur variety of arrowheads "Scythian" type, *AMM*, III, Baku, S.81-97). (in Rus).
- Ismagilov 1988 – Ismagilov, RB 1988, Pogrebenie Bol'shogo Gumarovskogo kurgana v YUzhnom Priural'e i problema proiskhozhdeniya skifskoj kul'tury, *ASGEH*, Vyp.29, S.29-47. (Ismagilov, RB 1988, Komarovskogo a Large Burial mound in the southern Urals and the problem of the origin of the Scythian culture, *ASGEH*, Vyp.29, S.29-47). (in Rus).
- Kashkaj 1973 – Kashkaj, MA, Selimhanov, IR 1973, *Iz istorii drevnej metallurgii Kavkaza*, EHM, Baku, 223 s. (Kashkaj, MA, Selimhanov, IR 1973, *From the history of ancient metallurgy in the Caucasus*, EHM, Baku, 223 s). (in Rus).
- Kashkaj 2004 – Kashkaj, SM 2004, O skifskih pohodah cherez Kavkaz na Blizhnij Vostok, *İ.Əliyevin 80 illiyinə həsr olunmuş Elmi konfransın materialları, 12 Mart, 2004*, Elm, Bakı, S.41-52. (Kashkaj, SM 2004, About the Scythian campaigns through the Caucasus to the middle East, *İ.Əliyevin 80 illiyinə həsr olunmuş Elmi konfransın materialları, 12 Mart, 2004*, Elm, Bakı, S.41-52). (in Rus).
- Kaziev 1949 – Kaziev, SM 1949, Arheologicheskie raskopki v Mingeçaur, *Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti*, Bakı, T.I, S.9-49. (Kaziev, SM 1949, Archaeological excavations in Mingeçaur, *Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti*, Bakı, T.I, S.9-49). (in Rus).
- Kesamanly 1980 – Kesamanly, GP, Gusejnova, MA 1980, *Otchet pervogo otryada shamhorskoj arheologicheskoy ehkspe-dicii za 1980 g. AMEA Arxeologiya və Etnografiya İnstitutunun elmi arxivi: İnv. № h-260*, Baku, 14 s. + XV tabl. (Kesamanly, GP, Gusejnova, MA 1980, *Report of the first Shamkhor detachment of the archaeological expedition in 1980 AMEA Arxeologiya and Etnografiya İnstitutunun elmi arxivi: Inv. number h-260*, Baku, 14 s. + XV tabl). (in Rus).
- Kesamanly 1999 – Kesamanly, GP 1999, *Arheologicheskie pamyatniki ehpoi bronzy i rannego zheleza Dashkesanskogo rajona, Ağrıdağ*, Baku, 179 c. (Kesamanly, GP 1999, *Archaeological monuments of the bronze age and early iron Dashkesan region, Ağrıdağ*, Baku, 179 c). (in Rus).

- Kirichenko 2007 – Kirichenko, D 2007, *Novye materialy k paleoantropologii Azerbajdzhana, Tarix və onun problemləri*, №1, S.258-260. (Kirichenko, D 2007, *New materials for the paleoanthropology of Azerbaijan, Tarix və onun problemləri*, №1, S.258-260). (in Rus).
- Kozenkova 1965 – Kozenkova, VI 1965, *Issledovaniya Serzhen'-YUrtovskogo poseleniya v 1963 g., Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, Vyp.103, S.67-74. (Kozenkova, VI 1965 *researches of the Serzen-Yurt settlement in 1963, Brief reports of the Institute of archaeology*, Vyp.103, S.67-74). (in Rus).
- Kozenkova 1964 – Kozenkova, VI, Krupnov, EI 1964, *Issledovaniya Serzhen'-YUrtovskogo poseleniya. Po raskopkam 1964 g., Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, Vyp.106, S.81-87. (Kozenkova, VI, Krupnov, EI 1964, *Studies of the Serzhen-Yurt settlement. On the excavations of 1964, Short messages of Institute of archeology*, Vyp.106, S.81-87). (in Rus).
- Kudryavcev 1982 – Kudryavcev, AA 1982, *O novej hronologii drevnego Derbenta, Sovetskaya arheologiya*, №4, S.165-186. (Kudryavcev, AA 1982, *on the new chronology of ancient Derbent, Soviet archaeology*, №4, S.165-186). (in Rus).
- Mahortyh 2014 – Mahortyh, S 2014, *Ob odnoj gruppe ranneskijskih pamyatnikov Dneprovskogo lesostepnogo Pravoberezh'ya, Revista Arheologica*, Vol.X, N1-2, C.69-78. (Mahortyh, S 2014, *one of the group of the early Scythian monuments of the Dnieper left Bank forest-steppe, Revista Arheologica*, Vol.X, N1-2, C.69-78). (in Rus).
- Melyukova 1964 – Melyukova, AI 1964, *Vooruzhenie skifov*, Nauka, Mockow, 1964, 90 s. (Melyukova, AI 1964, *Weapons of the Scythians*, Nauka, Mockow, 1964, 90 p). (in Rus).
- Muhtarov, Bədəlova, Əmrah-qızı 2013 – Muhtarov, N, Bədəlova, İ, Əmrah-qızı, C 2013, *Şəki Arxeologiya və Folklor qrupunun, Şəki-Qax-Oğuz arxeoloji ekspedisiyasının 2013-cü ildə gördüyü işlərin geniş Hesabatı*, AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun arxivi: İnv. №777, Şəki-Bakı, 64 s. + 67 tabl. (Muhtarov, N, Bədəlova, İ, Əmrah-qızı, C 2013, *Şəki Arxeologiya və Folklor qrupunun, Şəki-Qax-Oğuz arxeoloji ekspedisiyasının 2013-cü ildə gördüyü işlərin geniş Hesabatı*, AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun arxivi: İnv. №777, Şəki-Bakı, 64 s. + 67 tabl.). (in Azerb).
- Munchaev, Smirnov 1958 – Munchaev, RM, Smirnov, KF 1958, *Arheologicheskie pamyatniki bliz sel. Karabudakhkent, Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, № 68, 196 s. (Munchaev, RM, Smirnov, KF 1958, *Archaeological monuments near the villages. Karabudakhkent, Materials and researches on archeology of the USSR*, № 68, 196 s). (in Rus).
- Nərimanov, Babayev 1987 – Nərimanov, İH, Babayev, İA 1987, *Keçilidə arxeoloji tapıntılar, Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti*, Bakı, X, S.57-68. (Nərimanov, İH, Babayev, İA 1987, *Keçilidə arxeoloji tapıntılar, Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti*, Bakı, X, S.57-68). (in Azerb).
- Ol'hovskij 1997 – Ol'hovskij, VS 1997, *Skifskaya triada, Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoj Evropy. Materialy i issledovaniya po arheologii Rossii*, №1, S.85-96. (Ol'hovskij, VS 1997, *Scythian triad, Pre-Scythian and Scythian time Monuments in the South of Eastern Europe. Materials and research on archeology of Russia*, №1, S.85-96). (in Rus).
- Polin 1987 – Polin, SV 1987, *Hronologiya rann'oskifs'kih pam'yatok, Arheologiya*, №59, S.17-36. (Polin, SV 1987, *Chronology ranięcki pam'yatok, Archaeology*, №59, S.17-36). (in Rus).
- Plyni 1942 – Plyni 1942, *Natural History*, Volume II./ trans. by Rackham H., Harvard University Press, Cambridge, 663 p. (in Eng).
- Ryabkova 2003 – Ryabkova, TV 2014, *Ranneskijskie pamyatniki Nizhnego Podon'ya i Prikuban'ya: Avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk*, Saint-Petersburg, 24 s. (Ryabkova, TV 2014, *The early-Scythian monuments of the Lower don and the Kuban ' area: abstract. dis. ... kand. east. sciences'*, Saint-Petersburg, 24 s). (in Rus).
- Ryabkova 2014 – Ryabkova, TV 2014, *Kurgan 524 u s. ZHobotin v sisteme pamyatnikov perioda skifskoj arhaiki, Rossijskij arheologičeskij ezhegodnik*, Vyp.4, S.372-432. (Ryabkova, TV 2014, *Kurgan 524 u s. Zhabotin in the system of monuments of the Scythian archaic period, Russian archaeological Yearbook*, Vyp.4, S.372-432). (in Rus).
- Samashev 2011 – Samashev, Z 2011, *Berel'*, Tajmas, Almaty, 236 s. (Samashev, Z 2011, *Berel'*, Tajmas, Almaty, 236 s). (in Rus).
- Samashev, Ermolaeva, Kushch 2008 – Samashev, Z, Ermolaeva, A, Kushch, G 2008, *Drevnie sokrovishcha kazahskogo Altaya, Öner*, Almaty, 200 c. (Samashev, Z, Ermolaeva, A, Kushch, G 2008, *Ancient treasures of the Kazakh Altai, Öner*, Almaty, 200 c). (in Rus).
- Skoryj 2003 – Skoryj, SA 2003, *Skify v Dneprovskoj Pravoberezhnoj lesostepi*, b.i, Kiev, 161 s. (Skoryj, SA 2003, *Skythians in the Dnieper right-Bank forest-steppe*, Kiev, 161 s). (in Rus).
- Stantchev Dimitar 2000 – Stantchev, D 2000, *Warrior Burial in the Lower Course of the Yantra, Tombes tumulaires de l'Age du Fer dans le Sud-Est de l'Europe*, N1, P.35-44. (in Eng).
- Strabon 1964 – Strabon 1964, *Geografiya: v 17 knigah*, Per. Stratanovskogo G.A., Nauka, Leningrad, 944 s. (Strabon 1964, *Geography: in 17 books*, Transl. Stratanovskogo G.A., Nauka, Leningrad, 944 s). (in Rus).

- Tairov 2007 – Tairov, AD 2007, *Kochevniki Uralo-Kazahstanskih stepeĭ v VII-VI vv. do n.ĕh.*, Izd-vo YUUrGU, Chelyabinsk, 274 s. (Tairov, AD 2007, *Nomads of Ural-Kazakhstan steppes in VII-VI centuries BC*, Izd-vo YUUrGU, Chelyabinsk, 274 s). (in Rus).
- Vishnevskaya 1973 – Vishnevskaya, OA 1973, *Kul'tura saksĭih plemen nizov'ev Syrdar'i v VII-V vv. do n.ĕh.: po materi-alam Ujgaraka*, Nauka, Moscow, 160 s. (Vishnevskaya, OA 1973, *Culture of Saka tribes of the lower reaches of the Syr Darya in the VII-V centuries BC*, Nauka, Moscow, 160 p). (in Rus).
- Yablonskij 1996 – Yablonskij, LT 1996, *Saki YUzhnogo Priaral'ya (Arheologiya i antropologiya mogil'nikov)*, IA RAN, Moscow, 186 s. (Yablonskij, LT 1996, *Saki of the southern Aral sea region (Archeology and anthropology of burial grounds)*, IA RAN, Moscow, 186 s). (in Rus).
- Yablonskij 2000 – Yablonskij, LT 2000, *Glavnye migracionnye processy na territorii YUzhnogo Priaral'ya v rannem zheleznom veke*, *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik*, Vyp.3, S.64-83. (Yablonskij, LT 2000, *the Main migration processes on the territory of the southern Aral sea region in the early iron age*, *Nizhnevolzhsky archaeological Bulletin*, Issue 3, S.64-83). (in Rus).
- Zenobij 1948 – Zenobij 1948, *Sokrashchenie iz [sbornikov] poslovic [Lukilla] Tarrejskogo i Didima, sostavlennoe v alfavitnom poryadke*, *Vestnik drevnej istorii*, №4, S. 289-291. (Zenobij 1948, *The reduction of [collections of] Proverbs [Lucilla] Carrascoso and Didyma, drawn-ing in alphabetical order*, *Bulleten of the ancient history*, №4, S.289-291). (in Rus).

Image of an animal in outlook of nomads: results of the expedition in the territory of Abay Region of East Kazakhstan oblast¹

Umitkaliyev Ulan Umitkaliuly

Candidate of History, Associate professor, Head of the Department of Archeology and Ethnology of Euroasian National University.

Abstract. The results of the research of the Department of Archeology and Ethnology of L.N. Gumilev Euroasian National University which is carried out on the basis of the archaeological research executed in a complex monument "Kyryk ungir" in the settlement of Toktamys of Abay Region in East Kazakhstan oblast are shown in this article. The main objective of an expedition consisted in conducting archaeological investigation of the east part of the lowland of Sary-arka and also in the analysis of the results of archeological excavations on monuments of Bronze and the early Iron Age, the description of the objects, mapping, studying of features of petroglyphs in the region. Besides, the evidential conclusions on the historical heritage of this region, in which there are the great cultures of Mountain Altay and Sary-arka, are drawn in the article.

We will notice that the research wasn't limited by archeological excavations. Works on studying of petroglyphs in the region, to collecting fresh data on local traditions and toponymic data were conducted in parallel. At the same time one more aspect of the research consisted in focusing on studying of fundamentals of the national economy and differentiation outlook of the population. As a result of an expedition the list of ancient monuments of the Iron Age from the early Iron Age on the region has been made. 5 objects of the early Iron Age have been investigated. The monument of the early Iron Age and also bronze mirrors, stone beads and clay vessels have been found, the comparison of finds with results of studying of adjacent regions is carried out.

Key words: Kyryk ungir; Shilikty; Taldy I; Taldy II; Karakemer; environment; rock paintings; image of cat family; hunting.

Көшпелілер дүниетанымындағы аң бейнесі: Шығыс Қазақстан облысы, Абай ауданы территориясына жасалған экспедицияның қорытындылары²

Үмітқалиев Ұлан Үмітқалиұлы

тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университеті археология және этнология кафедрасының меңгерушісі.

Абстракт. Аталмыш мақалада Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің археология және этнология кафедрасының ғалымдары зерттеуімен Шығыс Қазақстан облысы, Абай ауданындағы Тоқтамыс елді мекеніне қарасты Қырықүңгір кешенді ескерткішінде жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының қорытындылары негізінде ғылыми сараптамалар жасалады.

Экспедицияның негізгі мақсаты болып, қазақтың ұсақ шоқылығы болып келетін шығыс Сарыарқа өңіріне археологиялық барлау жұмыстарын жүргізу, қола және ерте темір дәуірлеріне жататын ескерткіштерге археологиялық қазба жұмыстарын жүргізу, нысандардың сипаттамасын жасау, картаға түсіру, өңірдегі петроглифтердің ерекшеліктерін зерделеу еді. Сонымен қатар ғылымда Таулы Алтайдың және кең жазиралы Сарыарқаның үлкен мәдениеттерін ұштастыратын бұл өлкедегі тарихи мұралар арқылы салмақты тұжырымдар жасау.

Зерттеу жұмыстары тек археологиялық қазба жұмыстарымен шектелмей, өңірдегі петроглифтерді зерттеумен, жергілікті жердің жер-су аттары мен халықтың әдет ғұрып салт-санасына қатысты тың деректер жинау болды. Сонымен бірге зерттеудің келесі бір бағыты халықтың негізгі шараушылығына терең мән беріп соған қатысты дүниетанымдық түсініктерді саралау болды.

Экспедицияның нәтижесінде үш жылдың көлемінде өңірден ерте темір дәуіріне жататын 70-ке тарта ерте темір дәуірінің ескерткіштері тізімге алынып тәлқұжаты жасалынды. Соның ішінде ерте темір дәуірінің 5 нысаны зерттеліп, ғылыми қорытынды жасалды. Зерттеу барысында табылған ерте темір дәуіріне жататын аң бейнесі мен бірге қола айна мен тас моншақтар және қышы ыдыстар көршілес аймақтардың табылымдарымен салыстырылып қарастырылды.

¹ The study was carried out within the framework of the project «Development of research work on archeology in the East Kazakhstan region»

² Зерттеу жұмысы «Шығыс Қазақстан облысында археология саласында ғылыми-зерттеу жұмыстарын дамыту» жобасының аясында орындалған

Түйін сөздер: Қырықүңгір; Шілікті; Талды I; Талды II; Қаракемер, табиғи орта; жартас суреттері; мысық тұқымдастар бейнесі; аңшылық.

Образ зверя в мировоззрении кочевников: результаты экспедиции на территории Абайского района Восточно-Казахстанской области³

Умиткалиев Улан Умиткалиулы

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и этнологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева.

Аннотация. В этой статье показаны результаты исследования ученых кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, осуществленного на базе археологических изысканий, выполненных в комплексном памятнике «Кырык унгир» в поселке Токтамыс Абайского района Восточно-Казахстанской области. Основная цель экспедиции состояла в проведении археологической разведки восточной части низменности Сарыарки, а также в анализе результатов археологических раскопок на памятниках бронзы и раннего железного века, описании объектов, картировании, изучении особенностей петроглифов в регионе. Кроме того, сделаны доказательные выводы по историческому наследию этого региона, в котором сочетаются великие культуры Горного Алтая и Сарыарки.

Заметим, что исследование не ограничивалось археологическими раскопками. Параллельно велись работы по изучению петроглифов в регионе, сбору свежих данных о местных традициях и топонимических данных. В то же время еще один аспект исследования состоял в том, чтобы сосредоточиться на изучении основ народного хозяйства и дифференциации мировоззрения населения. В результате экспедиции был составлен список древних памятников железного века от раннего железного века по региону. Были исследованы 5 объектов раннего железного века. Был обнаружен памятник раннего железного века, а также бронзовые зеркала, каменные бусины и глиняные сосуды. Проведено сравнение находок с результатами изучения сопредельных регионов.

Ключевые слова: Кырык Унгир; Шиликты; Талды I; Талды II; Каракемер; природная среда; наскальные рисунки; изображение кошачьих; охота.

ӘОЖ/УДК 902.01/903.3

Көшпелілер дүниетанымындағы аң бейнесі: Шығыс Қазақстан облысы, Абай ауданы территориясына жасалған экспедицияның қорытындылары

Үмитқалиев Ұ.Ұ.

Кіріспе. Ерте темір дәуіріндегі аң бейнесі оның пайда болуы мен қалыптасуына қатысты ғылыми зерттеулер кең көлемде қарастырылып, көптеген ғалымдардың қайраткелігімен жарияланды. Негізінен зерттеу ауқымы ерте темір дәуіріне қатысты болғандықтан барлық зерттеушілер тарапынан жасалған пікірлер бір-бірін толықтыра отырып жасалған.

Біздің қарастыратын мәселеміз кешенді зерттеулер болғандықтан қола дәуірінен ерте темір дәуіріне өтуге себеп болған жағдайлардан бастап «аңдық стильдің» қалыптасуына қатысты негізгі себептерге өз пікірлерімізді білдіру.

Соңғы қола дәуіріндегі Қазақстандық тайпалардың мол металл қорларына иелік етуі, соның нәтижесінде металл саудасының өркендеуі Оңтүстік Сібір және Азия жерлерімен байланысты күшейтіп, шаруашылық экономикалық жағынан дамуына қарқын берді. Дамыған тайпалар арасындағы мал үшін, жер

³ Исследование выполнено в рамках проекта «Развитие научно-исследовательской работы по археологии в Восточно-Казахстанской области»

үшін болған соғыстар ерте темір дәуірінде көшпелі жауынгерлік өмір тұрмысына бейімделген қуатты тайпа бірлестіктер одағына алып келді.

Қазақстан жеріндегі дүрбелеңге толы б.д.д. I мыңжылдықтың басы әртүрлі тайпалардың бірігуі, араласуы нәтижесінде тайпалық одақ құрылымының негізі қаланды (Умиткалиев 2014, С.10).

Қола дәуірінің негізгі шаруашылығы шағын егіншілік пен бірге отырықшылыққа негізделген ірі қара малдары мен ұсақ малдардың қолға үйретілуі соған лайықты өнердің де дамуы мен қалыптасуынан тұрды. Қола дәуірі өнерінен хабар беретін қыш ыдыс сыртындағы өрнектер мен тас жәшіктерден табылатын қола және алтын әшекейлердегі геометриялық өрнектер сол кезең шаруашылығымен тығыз байланыстылығын аңғартқандай. Қола дәуіріндегі зергерлік өнердің дамуында ең алғашқы қадамдар тау, өзен, кеңістік, ұлу қабықтары бейнесімен басталып қоғамның келесі сатысына өтерде яғни көшпелі қоғамға дайын күйде келді десе болады.

Қоғамның көшпеліленуімен бірге алыс жақын өлкелерге көше отырып дала-лы жазықтар мен таулы қыраттардың игерілуі жылқы малының кеңінен қолға үйретіліп мініске қолданылуы, аңшылық кәсіптің дамыған сатысына әкелді. Аңшылықтың дамуы арқылы сақ қоғамындағы тұрғындардың әртүрлі аң құс қасиеттерін жақын танып білуіне жағдай туды. Сол арқылы белгілі бір тотемдік белгілердің туындауы, оларды әспеттеу мен марапаттау қалыптасты деуге болады. Олай деуге себеп көне сақ қоғамындағы аңдық стильдің қалыптасуында белгілі бір тайпалық одақтың өзіндік тотеміне айналған аң немесе құс бейнелерінің пайда болуы. Сол тотемдік аң бейнесі арқылы тайпа мүшелерінің өзіндік есімдерінің өзі соған қатысты болуы ғажап емес. Мәселен, таутеке образы тотемге айналған тайпалық бірлестікте көсемнің аты таутекенің мүйізі, немесе басы деп аталса қалған мүшелері тайпа құрамына таратылып берілуі мүмкін.

Сақ заманының бас кезіне тән «көсемдік» идеясы, яғни, тірі басшыларды дәріптеу рәсімі олардың «жанын жөнелту» үшін көк пен жерді дәнекерлеуші ерекше құрылымдар тұрғызу қажеттігі туындады. Осы ескерткіштердің шығу тегі жайлы және олардың шығыс идеясын аңғартатын жер асты дәлізі (дромос) немесе «мұртты» обалардың қола дәуірі құрылымдарымен байланыстылығын атап өтуге болады. Жекелеп алғанда Орталық Қазақстанның кейінгі қола дәуірінің беғазы-дәндібай мәдениетінің шығысқа бағытталған ұзын дәлізді элиталық ескерткіштерімен (мавзолейлерімен) байланыстылығы туралы пікір айтылған (Бейсенов 1997, С.10).

Сақ қоғамындағы шаруашылық, мәдени, дүниетанымдық және әлеуметтік көріністерден хабар беретін ірі ақсүйек обалары бүгінгі күні терең талдау мен зерттеуді қажет етеді. Әсіресе ірі обалардың орналасу жағдайы, құрылыс материалдары, көне құрылыстың салыну жолдары, көлемі мен архитектура-сына байланысты шешімдер болып отыр.

Мақала авторының ат салысуымен 2003 жылдан бастап Ә.Т. Төлеубаевтың жетекшілігімен Шығыс Қазақстан өңірінде он жылдан астам зерттеу жұмыстары жүргізілді. Осы зерттеулер барысында әсіресе сақ дәуірінің ірі обаларының әлеуметтік дәрежесін анықтауға қатысты тұжырымдарды Шілікті кешенді ескерткіштері көрсетті. Соның ішінде атап көрсететін бір жай, Бәйге-төбе обасындағы қазба барысында топырақ жабындысы астындағы тас құрылыстан толық таутеке сүйегінің табылуын айта кету керек (Төлеубаев 2013, Б.121).

Сонымен бірге осы обадан табылған археологиялық артефактілер ішінде ең көп кездескен аң бейнесіндегі таутеке образы осы жерленуші көсемнің жалпы тайпалық одақтың тотемі таутеке болды ма? – деген ойларға жетелейді.

1 сурет. Мұртты оба. Солтүстік шығыстан қарағандағы қазбадан кейінгі жалпы көрінісі

2 сурет. Мұртты оба. Жылқы сүйектері. Батыстан қарағандағы көрініс

3 сурет. № 25 қорған. Солтүстік батыстан қарағандағы қазбаға дейінгі көрінісі

4 сурет. № 25 қорған. Оңтүстік батыстан қарағандағы қазба барысынан көрінісі

Сақ обаларындағы алтын әшекей бұйымдардың аса күрделі аң стиліндегі зергерлік өнері мен сынамаларына қарап отырып бірнеше күнде ғана дайындалмағанын көреміз. Ол үшін арнайы зергерлерге өздерінің тайпалық ерекшелігін көрсететін аңдық стильде әшекейлер жасауға тапсырыс беріп дайындатқызған деп топшылауға да болады. Кейде қазақ халқында кездесетін жасы жеткен үлкен апа, әжелердің өздеріне ақыреттік маталарын дайындап қоюына қарап, сақ көсемдері де алтынмен апталған салттық киімдерін алдын-ала арнайы жасатып сандыққа салып қойған ба деп те жорамалдауға болады.

Бұл тұжырымдарға қарап, сақ қоғамында тек тайпа көсемдеріне ғана ақыреттік киімдер әзірленіп, сонымен жерленді деген ұшқары пікір тудырудан аулақпыз. Өйткені Еуразияның кең жазиралы өлкелерінде мекендеген көшпелі тайпалардың өзіндік дүниетанымы қалыптасып үлгеруімен бірге, мол металл қорларына иелік етуінің өзі қарапайым тайпа мүшелерінің де алтынмен апталып киіндіріліп, мәңгілік мекеніне аттанғанын көреміз. Сонымен бірге тайпа мүшелерінің ақыреттік киімін әзірлетуде жоғарыда айтып кеткен заңдылықты сақтай отырып, өз тотемдеріне айналған аң бейнелері басымдыққа ие болған.

2014 жылдан бастап Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры Сыдықов Ерлан Батташұлының бастамасымен бірнеше жылдың көлемінде «Қазақстан археологиялық экспедициясы» құрылып, соның негізінде тарих факультетінің археологтары Ақмола облысының территориясында Атбасар өңірінде, Көкшетау өңірінде, Шағалалы өзенінің аңғарында табысты зерттеулер жүргізген болатын. Осы экспедиция негізінде 2016 жылы Шығыс Қазақстан облысының Абай ауданында, Тоқтамыс елдімекеніне қарасты Қыры-құңгір қорымында археологиялық зерттеулер жүргізген болатын.

Қорымда жүзден аса қола және ерте темір дәуірлерінің ескерткіштері орналасқан. Солардың ішінде біздің зерттеулерімізбен үш ерте темір дәуірінің ескерткішіне қазба жұмысы жүргізілді. Оның біреуі «мұртты оба», қалған екеуі кіші көлемдегі тас үйінділі бір тізбекте орналасқан обалар. Жалпы қорымның солтүстік шығыс шетіне қарай орналасқан, Шаған өзенінің үшінші террасасында Шаған өзенінен 230 метр жерде жалғыз «мұртты оба» орналасқан. Кешенді құрылыс негізгі обадан көлемі ШБ – 12м, ОС – 11м, биіктігі 0,5 м. Оба үйіндісі әр түрлі көлемдегі тас аралас топырақпен үйілген. Негізгі обадан үш метрден кейін екі тас тізбекті мұртшалар тізбегі шығысқа қарай салынған. Солтүстік тас тізбектің ұзындығы 47,5 метр, ені орта есеппен 3 метр. Оңтүстік тас тізбектің ұзындығы 41,7 метр, ені орта есеппен 2,5 метр.

Екі жақ тас тізбектің де биіктігі онша биік емес 10-15 см.

Негізгі обаға жүргізілген қазба жұмыстары нәтижесінде тас үйінді құрылысынан айрықша құрылыс немесе жерлеу қабірі анықталмады. Тек обаның оңтүстік батыс бөлігінен толық сақталған жылқының алдыңғы екі аяқ жіліктері табылса, солтүстік шығыс бөліктен шашылған жылқы сүйектерінің жекелеген бөлшектері (қабырға, омыртқа, жілік және бас сүйектің жекелеген бөлшектері) табылды. Сонымен бірге, осы солтүстік шығыс бөліктен бірнеше жерден өртенген от орындары мен күл қалдықтары табылды. Екі мұртшаны тазалау кезінде де тас тізбектің әр жерінен от орындары мен күл қалдықтары табылған болатын. Жылқы сүйектерін 2015 жылы А.З.Бейсеновтың зерттеу қорытындылары негізінде арнайы зертханаға сынама алуға беру барысында б.д.д 5 ғасырмен мерзімделетінін дәлелдеп беріп отыр.

Біздің зерттеулеріміз бойынша Қырыққұңгір қорымында жүргізілген келесі бір ерте темір дәуіріне жатқызылатын ескерткіш №37 оба. Қорымда орналасқан мұртты обадан оңтүстік-шығысқа қарай 68 метр жерде орналасқан. Оба дөңгелек формада әртүрлі көлемдегі аралас өзеннің малта тастарымен, таудың

жақпар тастарымен үйілген. Обаның диаметрі 6 метр, биіктігі 0,2 метр. Обаның орталық бөлігінен тас үйіндісін алғаннан кейін оңтүстік-шығыс, солтүстік-батыс бағытына бағытталған қабір анықталды. Қабірдің ұзын бойы 2 метр, ені 1,35 см, тереңдігі 1,75 см. Қабір ішін тазалау кезінде 60 см тереңдіктен бастап әр түрлі көлемдегі тас шыға бастады. Қабір іші тереңдігі 1,60 см-ге жеткенде көлденеңінен жатқызылған плита тастар кездесті. Тастардың көлемі 60x30x10 см-ден 110x40x20 см-ге дейін болады. Тас плиталар сынған күйінде шашылып кездесті. Тастардан тазаланған қабір ішінен 1,70 см тереңдіктен анатомиялық күйін сақтаған адам сүйегі табылды. Адамның басы солтүстік-батысқа қаратылып шалқасынан жерленген. Адамның бас жағынан солтүстік-батыс бетінен 1,75 см тереңдіктен бүтін қызыл түсті кішкене қыш ыдыс табылды. Қыш ыдыс сыртында ешқандай өрнек салынбаған биіктігі 11 см, ернеуінің диаметрі 7,5 см (Pedracki Michal, Айтбаев 2016, С.220-225).

Қырықүңгір қорымында зерттелген келесі бір ерте темір дәуірінің ескерткіші №38 обасы.

Ескерткіш №37 обаның солтүстік – шығысында жапсарласа орналасқан. Оба тас аралас топырақпен сәл сопақтау болып үйілген. Диаметрі шығыс-батыс бағытында 5 метр, оңтүстік-солтүстік бағытында 4 метр. Тас үйіндісін тазалау барысында тігінен сәл ішке қарай жантайта салынған тас қоршау анықталды. Тас қоршаудың көлемі солтүстік – оңтүстік бағытында 3,7 м, батыс – шығыс бағытында 4,9 м.

Тас қоршаудың ортасынан солтүстік-батыс, оңтүстік-шығыс бағытында қабір шұңқыры анықталды. Қабірдің ұзындығы 2 метр 20 см, ені 1 метр 90 см. Қабір тереңдігі 1 метр 95 см.

Қабір іші әртүрлі көлемдегі таспен толтырылған. Қабір ішінің тереңдігі 1,80 см-ге жеткенде көлденең жабылған жалпақ тастар кездесе бастады. Бірақ барлық тастар сындырылып тасталғаны байқалады. Осы жалпақ тастар астынан 1,90 см тереңдіктен анатомиялық күйін сақтаған адам сүйегі табылды. Адам сүйегінің бас жағынан нақты айтқанда мойын тұсынан әр жерде шашылған жасыл түсті және ақ түсті моншақтар табылды. Жерленушінің сол жақ құлағының тұсынан жалғыз алтын сырға және кеуде тұсынан сүйек астынан аң бейнесіндегі алтын қапсырма табылды. Сонымен бірге адамның сол қолының басынан жасыл түске енген дөңгелек қола айна табылды. Қола айнаның ешқандай өрнегі жоқ, тек артында кішкене ұстайтын ілмегі қоса құйылып жасалған. Қабір ішінде адам сүйегімен бірге басқа ешқандай заттар табылған жоқ. Соған қарағанда және қабір құрылысындағы тастардың шашылып кездесуіне қарап оба қатты тоналған. Алайда үш жылда зерттелген ерте темір дәуіріне жататын үш обаның табылымдарымен нақты мерзімдемелік уақытын анықтауға мүмкіндіктер бар деп айта аламыз.

Қазба барысында табылған Қырықүңгір қорымындағы археологиялық жәдігерлердің ішіндегі ең біздің мақаламызға арқау болғалы отырған №38 обадан табылған аң стиліндегі мысық тұқымдас аңның бейнесіндегі алтын қапсырма. Қазбадан табылған аң бейнесіндегі қапсырма жалғыз болғанмен осы бейнені қайталайтын образдар Орталық Қазақстанда А.З. Бейсенов қазбаларында Талды-2, Ашутасты, Ақбейіт ескерткіштерінде кездесетіндігі айтылады (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, Б.83).

Сонымен бірге осындай мысық тұқымдас жыртқыштың Еуразия даласында кең тарағандығын және оның Аржан-2 ескерткішінде, Түгіскен ескерткіштерінде, Обские Плесы-2, Кошпей -1 де кездесуі айтылады (Богданов 2006, С.27).

Талды-2 ескерткішінде кездесетін мысық тұқымдас жыртқыштың ұқсас үлгісі Түгіскен қорымындағы М.И. Артомонов зерттеулеріндегі жыртқышпен ұқсас

5 сурет. № 25 қорған. Қазбадан кейінгі жалпы көрінісі

7 сурет. № 38 қорған. Шым қабаты алынғаннан кейінгі шығыстан қарағандағы көрінісі

6 сурет. № 25 қорған. Қабіршұңқырының жалпы көрінісі

8 сурет. № 38 қорған. Қорған ішіндегі қоршау. Батыстан қарағандағы көрініс

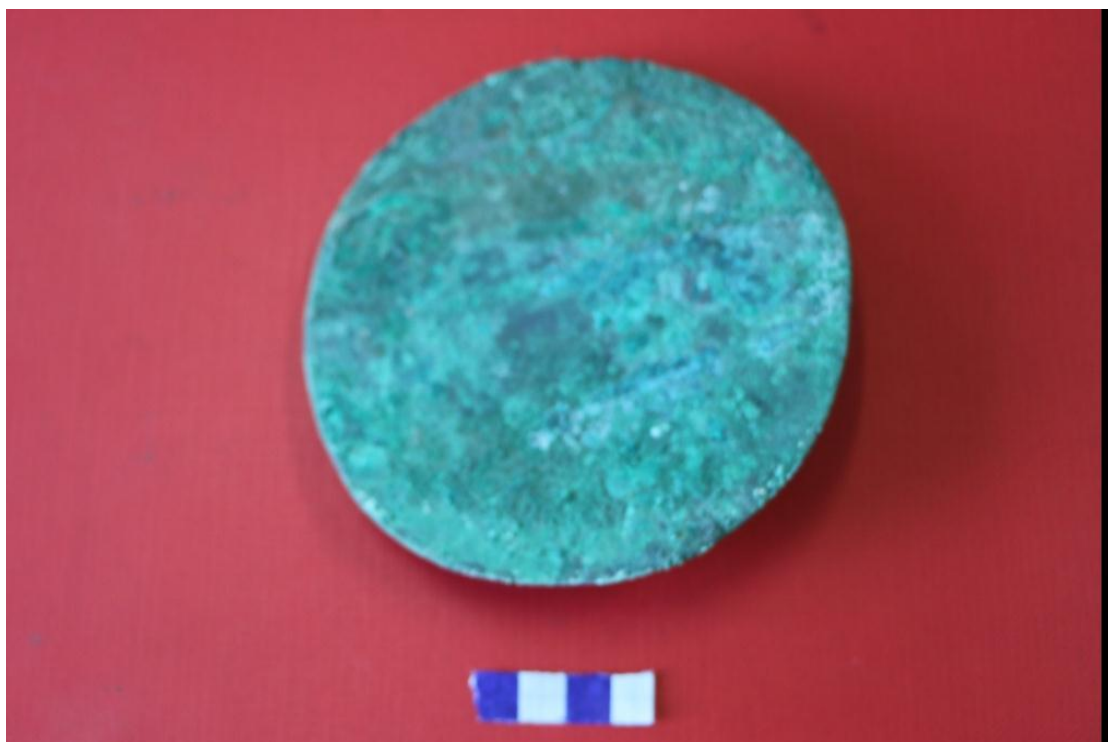
9 сурет. №25 және №38 қорғандардан табылған әшекей бұйымдар

11 сурет. №38 қорған. Алтын сырға және аң стилінде жасалған қапсырма

10 сурет. №38 қорған. Сүйектен және көгілдір тастан жасалған моншақ фрагменттері

12 сурет. №38 қорған. Қоладан жасалған айна

екендігі айтылады. Алайда М.И. Артомонов бұл жыртқышты жүріп бара жатқан немесе жатқан арыстан бейнесіне жатқызады (Артомонов 1973, С.21-22).

Ал Талды-2 ескерткішінде кездесетін жыртқыштар арыстан бейнесінде емес екені анық, өйткені арыстан кейпіндегі образ сақ өнерінде осы уақытқа дейін еш жерде кездеспеген болатын. Сонымен бірге аң бейнелерінің қалыптасуы мен оның бейнеленуі жергілікті фауна мен флораға негізделгендіктен Орталық Қазақстан территориясында арыстанның мекендеуіне табиғи жағдайдың келмеуін де ескеру керек. Оған көптеген мысалдар мен дәйектерді келтіруге болады. (Қыстың қатты болуы, жергілікті жерде оған қажетті аулайтын аңның болмауы т.б себептер).

Ал біздің зерттеулеріміздегі табылған мысық тұқымдас жануардың бейнесіне қарап, оның құйрығының ұзындығына қарап барыс деуге әбден болады. Ал оның жасалу технологиясы мен композициясы және сюжеттік ерекшелігі көне шебердің дизайнерлік қабілеті өте жоғары деңгейде болғандығын аңғару қиын емес. Өйткені жоғарыда келтірген зерттеушілер пікірі бойынша осы қапсырмаларды жасаушылар ол аңнан хабары болмай, штамптап көшіре берген деген пікір айтылған болатын. Алайда бұл мысық тұқымдас жануардың бейнесі жұқа алтын қаңылтырға салынғандықтан оның бұлшық еттері мен негізгі серпімділікті көрсететін дене мүшелері айқын берілген. Сол себепті де қапсырмада әлдеқайда ірі жануардың бейнесіне ұқсап көрінеді. Оның негізгі контурлары бойынша бажайлап қарар болсақ, қар барысы екендігін анық аңғарамыз. Ал жергілікті фаунада мекендеген аңды бейнелеуде жоғарыда айтып кеткендей, тайпалық бірлестіктің негізгі тотемі болуының өзі ол бейне жөнінде көне тұрғындардың танымы ұшқары болды деп айта алмаймыз.

Мысық бейнесіндегі жыртқыштың барыс деуге негіз болатын тағы бір себеп оның аулайтын жемі таутеке мен арқардың осы жергілікті фаунада мекендеуі негіз бола алады.

Енді осы мысық тұқымдас жануардың мерзімдік даму ерекшелігіне қарай Еуразия даласында кездесетін үлгілеріне қарай Чугунов К.В жақсы сипаттап кеткен. Оның пікірінше, Аржан-2, Шілікті, Талды-2 және тағы басқа ескерткіштерде кездесетін барлық аңдар бейнесінің көркемдік ерекшелігіне қарай оның синкретикалық образға ауысуы сияқты мәселелерді қозғай келе осы құйрығын шиырған мысық тұқымдас аң бейнесі б.д.д 6 ғасырдың соңы мен 5 ғасырларға сәйкес келетіні айтылады (Чугунов 2015, С.402).

Яғни, өткен 2014 жылғы қазба маусымында табылған мұртты оба табылымындағы жылқы сүйектеріне жасалған сынама әдісінің қорытындысы бойынша және мысық тұқымдас жануардың б.д.д 5-4 ғасырларда кең тарағанына қарай, қола айнаның аналогиясына қарай отырып Қырыққүңгір ескерткішінде зерттелген ерте темір дәуірінің үш ескерткішінің де б.д.д 5 ғасырмен мерзімделетін ескерткіш деуге толық негіз болып отыр.

Қорыта келгенде, қазіргі таңдағы Қазақстан археологиясының негізгі міндеттерінің бірі ғылыми тұжырым жасау үшін кешенді түрде жасалған зерттеулер нәтижесінде қорытындыға келу. Соның қатарында этно-археологиялық сабақтастық тұрғысында зерттеулердің маңызы зор екендігін айта кету керек. Осы мақалаға арқау болып отырған аң бейнесіне қатысты тұжырымдарды жасауда көптеген зерттеушілер аң бейнесінің қайнары үнді-иран тамырынан бастау алады деген кереғар пікірлер қалыптасқан. Бұл жерде басты орында жергілікті табиғи орта, соған байланысты қалыптасатын аңдық бейнелердің берілуі, олардың ешқайдан алынбай өздері көрген бейнелерді бейнелейтінін

ерекше ескерген жөн. Ал аң бейнесінің негізгі үлкен дүниетанымдық биікке көтерілу кезеңі – ерте темір дәуірлерінің басы мен орта ширегіне тұспа-тұс келеді. Ал аңдық бейнелердің жоғалып орнына полихромды стильдің басуына себеп болған нәрсе қоғамда мал шаруашылығының бірінші орынға шығуымен бірге оның негізгі тотемдік белгіге айналдырумен түсіндіруге болады. Ал оны тереңдете сипаттау келесі зерттелердің бағыты болмақ.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Умиткалиев У.У. Архитектура и семантика курганов раннего железного века. // Методология, методика и практика инноваций. Интеграция российского и зарубежного опыта в экономике, проектном менеджменте образования, юриспруденции, языкознании, культурологии и др 29-30 декабря 2014 года. г. Санкт-Петербург. – СПб: Изд-во «КультИнформПресс», 2014. – С.135-139.
2. Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (7-1 вв. до н.э.): автореф. Дис. . канд. Ист. Наук. – Алматы, 1997
3. Толеубаев Ә. Золотые курганы Шиликты.// Қазақстан археологиясының қола және ерте темір дәуірі мәселелері. – Алматы: Service Press, 2013. – 121 б.
4. Pedracki Michal, Айтбаев А.Б. 2015 г. Восточно-Казахстанская область. Археологические раскопки в могильнике Кырыкунгир. // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі – Өскемен, 2016 – 294 б.
5. Бейсенов А.З, Джумабекова Г.С, Базарбаева Г.А. Искусство саков Сарыарки. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; «Бегазы-Тасмола», 2015. – 168 с. И цв.ил.
6. Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006.
7. Артомонов М.И. Сокровище саков. – М.: «Искусство», 1973.
8. Чугунов К.В. Искусство раннесакского времени тывы и Казахстана: опыт сравнительного анализа и хронология. // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – 446 с.

Reference

- Artomonov 1973 – Artomonov, MI 1973, *Sokrovishhe sakov*, «Iskusstvo», Moscow. (Artomonov, MI 1973, *Treasure of Saka*, «Iskusstvo», Moscow). (in Rus).
- Bejsenov 1997 – Bejsenov, AZ 1997, *Pogrebal'nye pamyatniki i kul'tovo-ritual'nye sooruzheniya drevnikh nomadov TSentral'nogo Kazakhstana (7-1 vv. do n.eh.): avtoref. Dis. . kand. Ist. Nauk*, Almaty. (Bejsenov, AZ 1997, *Burial monuments and cult-ritual constructions of ancient nomads of the Central Kazakhstan (7-1 centuries BC): author. Dis. . kand. East. Sciences'*, Almaty). (in Rus).
- Bejsenov, Dzhumabekova, Bazarbaeva 2015 – Bejsenov, AZ, Dzhumabekova, GS, Bazarbaeva, GA 2015, *The Art of Saks Saryarka*, Institut arkheologii im. A.KH. Margulana; «Begazy-Tasmola», Almaty, 168 p. (Bejsenov, AZ, Dzhumabekova, GS, Bazarbaeva, GA 2015, *The Art of Saks Saryarka*, Institut arkheologii im. A.KH. Margulana; «Begazy-Tasmola», Almaty, 168 p). (in Rus).
- Bogdanov 1973 – Bogdanov, ES 1973, *Obraz khishhnikha v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov TSentral'noj Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya)*, IAEHT SO RAN, Novosibirsk. (Bogdanov, ES 1973, *Image of predator in the plastic art of the nomadic peoples of Central Asia (Scythian-Siberian artistic tradition)*, IAEHT SO RAN, Novosibirsk). (in Rus).
- CHugunov 2015 – Chugunov, KV 2015, *Iskusstvo rannesakskogo vremeni tyvy i Kazakhstana: opyt sravnitel'nogo analiza i khronologiya, Saksakaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ethnosotsiokul'turnykh protsessov Stepnoj Evrazii*, NITSIA «Begazy-Tasmola», Almaty, 446 s. (Chugunov, KV 2015, *art of the early Saka period of Tuva and Kazakhstan: experience of comparative analysis and chronology, Saka culture of Saryarka in the context of studying ethno-social processes of Eurasian Steppe*, NITSIA «Begazy-Tasmola», Almaty, 446 p). (in Rus).
- Pedracki Michal, Ajtbaev 2016 – Pedracki Michal, Ajtbaev, AB 2016, 2015 g. Vostochno-Kazakhstanskaya oblast'. Arkheologicheskie raskopki v mogil'nike Kyrykungir, *Altaj – tyrki әлемінің алтын бесігі*, Oskemen, 294 b. (Pedracki Michal, Ajtbaev, AB 2016, East Kazakhstan region. Archaeological excavations in the burial ground Karakuri, Altai-the Golden cradle of the Turkic world, Oskemen, 294 p). (in Rus).
- Toleubaev 2013 – Toleubaev, AT 2013, *Zoloty kurgany Shilikty, Kazakstan arkheologiyasynyn kola zhane erte temir dauiri maseleleri*, Service Press, Almaty, 2013, 121 b. (Toleubaev, AT 2013,

Golden mounds of Shilikta, *Kazakhstan archeological Ola and Early Iron age*, Service Press, Almaty, 2013, 121 p). (in Rus).

Umitkaliev 2014 – Umitkaliev, UU 2014, Arkhitetura i semantika kurganov rannego zheleznogo veka, *Metodologiya, metodika i praktika innovatsij. Integratsiya rossijskogo i zarubezhnogo opyta v ehkonomie, proektnom menedzhmente obrazovanii, yurisprudentsii, yazykoznanii, kul'turologii i dr 29-30 dekabrya 2014 goda. g. Sankt-Peterburg*, Izd-vo «Kult'InformPress», Saint-Petersburg, S.135-139. (Umitkaliev, UU 2014, Architecture and semantics of the barrows of the early iron age, *Methodology, methodology and practice of innovation. Integration of the Russian and foreign experience in Economics, project management, education, jurisprudence, linguistics, Culturology, etc 29-30 December 2014. Saint-Petersburg*, Izd-vo «Kult'InformPress», Saint-Petersburg, P.135-139). (in Rus).

Daggers and swords of early Sarmatian shape with ellipsoidal handles in Central Asia

Ivanov Sergei Sergeevich

Candidate of History, Associate professor of Zh. Balasagyn Kyrgyz National University. The Kyrgyz Republic, 720033, Bishkek, st. of Frunze, 547. E-mail: sergioiv@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to distribution of phenomenon on a number of iron daggers and swords of early Sarmatian shape from Central Asia of special type of the handles having the ellipsoid form. The highest concentration of similar bladed weapon is fixed in Tien Shan, but separate samples also are in Northern Bactria (the Southern Tajikistan) and in Fergana. Daggers and swords with similar handles are noted in the antiquities of early Sarmatian culture in the Southern Cisurals and Trans-Ural regions and also in the territory of the cultures of Scythian image of Sayan-Altay. The chronology of bladed weapon with similar handles is kept within the IV-III centuries and is the reliable chronological indicator for monuments from which its samples are known.

Key words: early nomads; arms; daggers and swords; ellipsoid handles.

Орта Азияның эллипстәрізді тұтқаға ие ертесармат кейпіндегі қанжарлары мен қылыштары

Иванов Сергей Сергеевич

тарих ғылымдарының кандидаты, Ж.Баласағұн атындағы Қырғыз ұлттық университетінің доценті. Қырғыз Республикасы, 720033, Бішкек қ, Фрунзе к, 547. E-mail: sergioiv@mail.ru.

Аңдатпа. Мақала жалпы алғанда, эллипс пішінді ерекше тұтқалы ерте сарматтық темір қанжарлар мен қылыштардың Орталық Азиядан таралу феноменіне арналған. Мұндай қарудың ең үлкен концентрациясы Тянь-Шань маңы аймағында тіркеледі, бірақ кейбір үлгілер Солтүстік Бактрияда (Тәжікстанның оңтүстігіндегі) және Ферғана маңында кездеседі. Осындай тұтқалары бар қанжарлар мен қылыштар ертедегі сарматтық мәдениеттің көне дәуірінде Оңтүстік Орал маңында және Оралдың арғы бетінде, сондай-ақ скифтік нысандары Саян-Алтайдың аумағында кездеседі. Осындай тұтқалары бар пышақ қаруының хронологиясы IV-III ғасырларға сәйкес келеді және оның үлгілері белгілі ескерткіштерге арналған сенімді хронологиялық көрсеткіш болып табылады.

Кілт сөздер: ерте көшпелілер; қарулану; қанжарлар мен қылыштар; эллипстәрізді тұтқалар.

Кинжалы и мечи раннесарматского облика с эллипсоидными рукоятями в Средней Азии

Иванов Сергей Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына. Кыргызская Республика, 720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547. E-mail: sergioiv@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу особого типа рукоятей железных кинжалов и мечей раннесарматского облика из Средней Азии. Наибольшая концентрация подобного клинкового оружия фиксируется в Притяньшанье, но отдельно похожие образцы также есть в Северной Бактрии (Южный Таджикистан) и Приферганье. Кинжалы и мечи с аналогичными рукоятями отмечаются в древностях раннесарматской культуры в Южном Приуралье и Зауралье, а также на территории культур скифского облика Саяно-Алтая. Хронология клинкового оружия с подобными рукоятями укладывается в IV-III вв. и является надежным хронологическим индикатором для памятников, из которых известны его образцы.

Ключевые слова: ранние кочевники; вооружение; кинжалы и мечи; эллипсоидные рукояти.

ӘОЖ/ УДК 902.22

Кинжалы и мечи раннесарматского облика с эллипсоидными рукоятями в Средней Азии

Иванов С.С.

Кинжалы играли значительную роль в комплексе вооружения среднеазиатских кочевников, занимая ключевую позицию среди средств ведения ближнего боя. К настоящему времени здесь известно значительное количество образцов клинкового оружия, относящегося к I тыс. до н.э., но наше внимание привлекло несколько кинжалов и мечей, имеющих очень специфическую деталь – рукоять, которая плавно сужается к навершию и перекрестию, приобретая эллипсоидную форму. Хотя в некоторых случаях она сильнее сужается только к навершию, отчего ее форма приближается к ассиметрично эллипсоидной. Примечательно также то, что данный тип рукояти в Средней Азии фиксируется только на железных кинжалах и мечах раннесарматского типа. При подробном рассмотрении оказалось, что подобные эллипсоидные рукояти существовали в достаточно ограниченный хронологический период, что позволяет уточнить хронологию некоторых кинжалов, а также других предметов им сопутствовавших и, соответственно, археологических комплексов, где они были обнаружены.

В Средней Азии находки клинкового оружия с эллипсоидной рукоятью отмечены в Притяньшанье, Северной Бактрии и Приферганье. Большая часть из них происходит из Притяньшанья, где они отмечены в ряде захоронений в могильниках Кетмень-Тюбинской долины на Западном Тянь-Шане, а также в курганах Иссык и Беркаринского могильника в Семиречье. Единичные экземпляры также были найдены в так называемом храме Окса (Тахти-Сангин) в северной части Бактрии (Южный Таджикистан) и в кладе из Исфаринской долины в Приферганье.

В Кетмень-Тюбинской долине известны три кинжала с интересующим нас типом рукояти. Первый из них происходит из к.6 мог.Акчий-Карасу (Ташбаева 2011, С.68-69, рис.60:1). Он имеет прямые навершие и перекрестие, клинок обломан практически у самого основания. Несмотря на то, что рукоять сохранилась частично, ее форма определяется достаточно хорошо. Помимо кинжала в данном погребении были найдены золотые и бронзовые бляшки, обернутые золотой фольгой, которые близки по стилю и оформлению к найденным в кургане Иссык, поэтому вполне надежно могут быть датированы IV в. до н.э. Также в этом же кургане было обнаружено фрагментарно сохранившееся зеркало в виде простого диска, без рукояти. Зеркала подобного типа по целому ряду аналогий может быть датировано в пределах IV-II вв. до н.э. (Мошкова 1963, С.41, табл. 27: 1-5; Иванов 2016, С.76). Наличие подобных предметов в данном захоронении дало основания для датировки кинжала из него IV-III вв. до н.э. (Ташбаева 2011, С.87, рис. 80).

Второй кинжал был обнаружен в к.2 мог.Боз-Тектир (Ташбаева 2011, С.68-69, рис. 60.3). Он имеет слабоизогнутое навершие, плоскую эллипсоидную рукоять и прямое перекрестье с плавно утончающимися краями. Клинок у него также не сохранился. Детальная датировка этого захоронения несколько затруднена, поскольку здесь кроме кинжала были зафиксированы только обломки лепной керамической чаши, характерной для V – перв.пол. II вв. до н.э.

Помимо двух описанных кинжалов в к.7 мог.Джал-Арык II была найдена рукоять железного кинжала. У нее обломаны перекрестье и часть прямого навершия (Кожомбердиев 1977, рис.3; Ташбаева 2011, С.68-69, рис.60:2). Судя по эллипсоидной рукояти и облику навершия, он мог иметь прямое либо дуго-видное перекрестье. Помимо рукояти кинжала в данном кургане были найдены десять черешковых трехлопастных наконечников стрел, девять из которых бронзовые и один железный, а также железные поясная обойма с прорезью и круглая бляха, инкрустированные маленькими схематическими бронзовыми фигурками птиц. По сочетанию наконечников стрел, особенно по наличию в нем кованного железного, колчаный набор из этого кургана может датироваться концом IV-III вв. до н.э., чему не противоречит и поясная обойма, дающая дату IV-III вв. до н.э. (Иванов 2009, С.70-71).

В Семиречье, как упоминалось выше, кинжалы и мечи с эллипсоидной рукоятью известны из двух пунктов – Иссыка и Берккары. В кургане Иссык ею обладают найденные там кинжал и длинный всаднический меч. Кинжал имеет почковидное перекрестье, круглую в разрезе рукоять, обвитую золотой проволокой и обтянутое золотой фольгой зооморфное навершие в виде обращенных друг к другу головок грифонов золота (Акишев 1978, С.29-30, табл. 40). У меча слабоизогнутое дуговидное навершие, узкое сломанное под углом перекрестие со скругленными концами, что в свое время позволило определить его форму как «узкое бабочковидное», но оно, скорее, угловато-брусковидное. Круглая в сечении эллипсоидная рукоять также была обвита тонкой золотой проволокой, а навершие и перекрестье украшены мелкими фигурными пластинками из золота (Акишев 1978, С.30, табл. 43). Что же касается датировки оружия из Иссыка, то А.К. Акишев, анализируя материалы из данного кургана, привел достаточно доказательств, что кинжал более связан с местной «скифской» традицией, в то время как меч находит ближайšie аналогии в сарматском мире Поволжья и Южного Приуралья. И это, наряду с другими предметами погребального инвентаря, хорошо обосновывало дату IV – начала III вв. до н.э. для этого памятника (Акишев 1984, С.5), которая в настоящее время мало у кого вызывает сомнения. Впрочем, сочетание в элитарном комплексе, где присутствовали только передовые инновации, кинжала, несущего отпечаток уходящей оружейной традиции, и меча, в котором воплотились все «модные» тенденции того времени, может говорить о возможной его датировке первой половиной IV столетия до н.э.

От меча или кинжала из к.270 Берккаринского могильника сохранилась только рукоять. Она имеет слабоизогнутое, почти прямое навершие, а также прямое, несколько утончающееся к концам перекрестие. В целом, данная рукоять очень близка рукояти кинжала из Боз-Тектира, отличаясь от последней только едва заметной изогнутостью перекрестья. Вместе с рукоятью в погребении был найден железный черешковый трехгранный наконечник стрелы, что в свое время во многом стало основанием для датировки кургана 270 III-II вв. до н.э. (Бабанская 1956, С.197, 204-205, табл. VIII, 1), с чем в настоящий момент нельзя полностью согласиться. Как показал Б.А. Литвинский, мелкие железные черешковые наконечники стрел достаточно рано появляются в среднеазиатских комплексах – уже в IV-III вв. до н.э. А учитывая, что экземпляр из Берккары имеет сводчатую головку – достаточно архаичный признак, то его датировка указанным временем не вызывает особых сомнений (Литвинский 2001, С.86-91, 93-95). А находка в этом же кургане нескольких лепных керамических сосудов сакского типа только подтверждает его датировку в рамках в IV-III вв. до н.э.

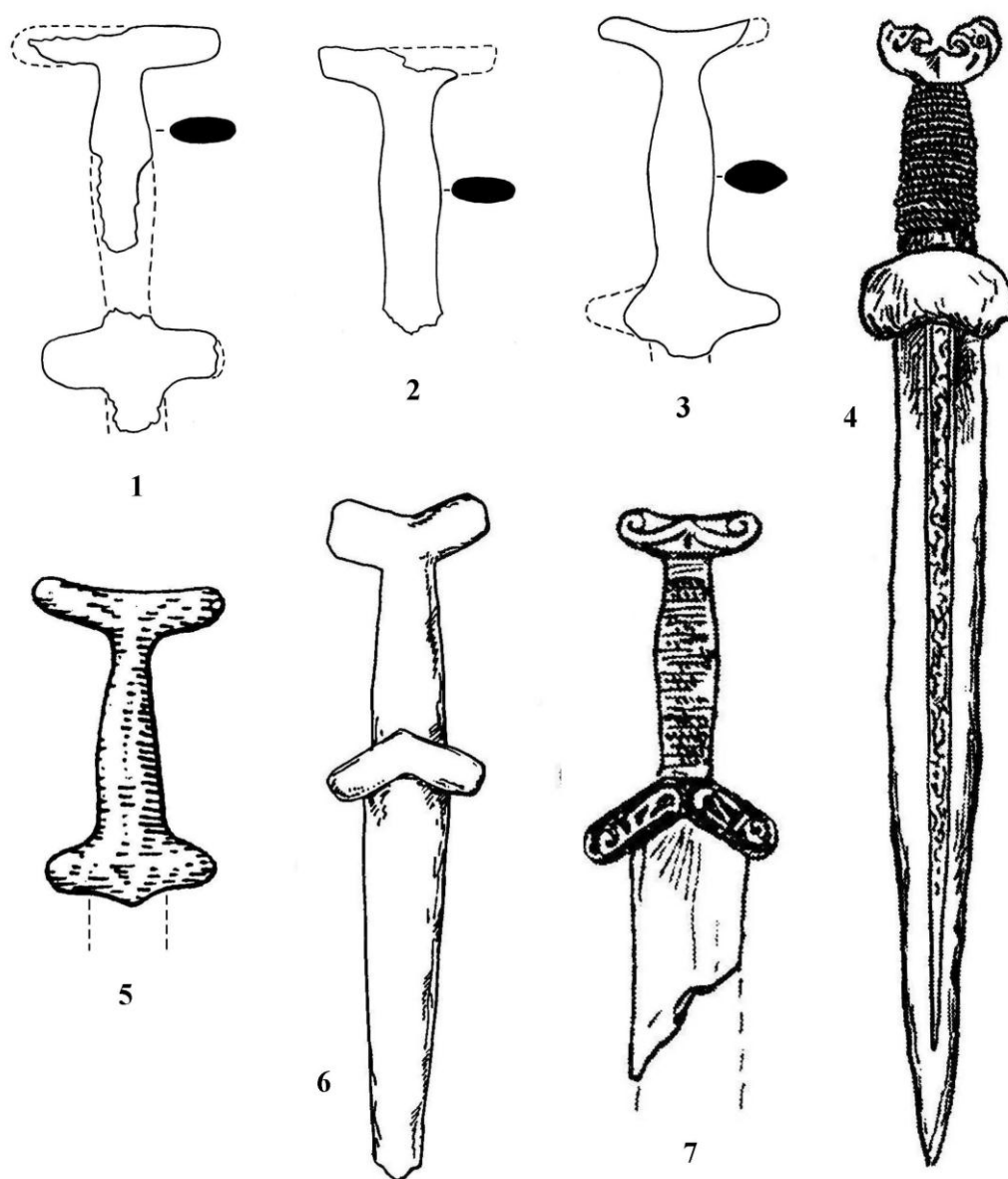

Рисунок 1. Кинжалы и мечи раннесарматского облика с эллипсоидной рукоятью из Средней Азии (даны не в масштабе).
 1-3 – Кетмень-Тюбинская долина (Западный Тянь-Шань);
 4, 7 – Иссык (Семиречье); 5 – Берккара (Семиречье);
 6 – храм Окса (Тахти-Сангин) (Южный Таджикистан).

Кинжал из эллинистического храма Окса (Тахти-Сангин) в Южном Таджикистане имеет рожковидное навершие, широкую эллипсоидную рукоять и «сломанное» под углом брусковидное перекрестие. Он сохранился почти полностью, кроме кончика лезвия. На основе сарматских аналогий Б.А. Литвинский датирует его концом IV-III вв. до н.э., но чуть ниже он пишет, что кинжалы из храма Окса «в своей массе относятся к периоду едва ли более раннему, чем III-I вв. до н.э.» (Литвинский 2001, С.207, 244-245, 248, рис. 58:5). Из чего можно сделать вывод, что он более склоняется к датировке этого кинжала III в. до н.э.

Рисунок 2. Кинжал раннесарматского облика эллипсоидной рукоятью из Исфаринской долины (Приферганье)

Кинжал из Исфаринской долины в южной части Приферганья обладает навершием, близким по форме к «рожковому», прямым перекрестьем и широким треугольным клинком. Он был найден в составе клада, в котором ему сопутствовали бронзовые скульптурные головки баранов в скифосакской зверином стиле, что достаточно обоснованно позволило отнести его к IV-III вв. до н.э. (Негматов 1987, С.53-54, рис.3).

Итак, из обзора известных в Центральной Азии кинжалов и мечей с интересующим нас типом рукояти, становится очевидным, что они принадлежат к следующим основным типам клинкового оружия:

1. с прямыми перекрестием и навершием (Акчий-Карасу, возможно, Джал-Арык II)

2. с прямым перекрестием и дуговидным навершием (Боз-Тектир, Берккара, Исфаринская долина)

3. со «сломанным» под углом перекрестием и рожковым или дуговидным навершием (храм Окса, Иссык)

4. с почковидным перекрестием и зооморфным навершием в виде пары головок грифонов (Иссык).

И если первые три типа можно отнести к оружию так называемого «сарматского» облика, то последний кинжал из Иссыка выпадает из общей массы клинкового оружия с эллипсоидными рукоятями и демонстрирует поздний образец развития местного вооружения, так как имеет аналогии своему декору только в нашем регионе и Южной Сибири, Ордосе, т.е. исключительно в восточной

части скифо-сибирского мира (Акишев 1978, С.34-35).

Для уточнения хронологии рассматриваемых типов кинжалов предлагаю обратиться к аналогиям, в первую очередь – к собственно раннесарматским. Так, железные кинжалы с прямым брусковидным навершием и перекрестьем были достаточно широко распространены в кочевом мире в эпоху ранних ко-

чевников. В Восточной Европе они встречаются в погребениях раннесарматской культуры Южного Урала и Поволжья и, по данным последних исследований, датируются IV – началом III вв. до н.э. (Смирнов 1961, рис.7: 12; Васильев 2001, С.171-172, рис.2; Клепиков 2002, С.28-29, рис.2: 13-16). Вотивные и полноразмерные кинжалы рассматриваемого типа известны и в Южной Сибири в пределах IV-II вв. до н.э. (Кубарев 1981, С.30-42, рис. 2.13, 8.4; Могильников 1997, С.46, рис.47.4; Шульга 2007, С.144, рис. 2:20, 21¹). Исходя из этого, данный тип клинкового оружия можно хронологически расположить в пределах IV-III вв. до н.э.

Что же касается кинжалов и мечей раннесарматского типа – с серповидным или рожковым навершием и прямым перекрестьем, то они были очень широко распространены от Северного Причерноморья до Южной Сибири. В нашем регионе они известны в Восточном Прикаспии в сарматоидных памятниках Устюрта и Мангышлака, где они датируются в пределах IV-II вв. до н.э. (Степная полоса 1992, С.126-127, табл. 50.1-2). Сходный короткий меч, но имевший иное оформление рукояти, известен из Согда, где он был датирован второй половиной IV в. до н.э. (Обельченко 1978, С.116-117, рис. 1.2). Кроме того, единичные находки таких кинжалов известны в Центральном и Северном Казахстане, где они были датированы концом V-III вв. до н.э. (Кадырбаев 1968, С.25-30, рис. 1.30; Хабдулина 1994, С.56, табл. 52, 11). Отдельные находки сходных подобных кинжалов известны также в Западной Сибири, где они датируются и III-II вв. до н.э. (Степная полоса азиатской части СССР 1992, С.472, табл. 122:44).

Основная масса подобных мечей и кинжалов происходит из сарматских памятников Южного Урала и Поволжья, где они существовали, в основном, в пределах конца IV-II вв. до н.э. (Мошкова 1963, С.34, табл.18-19; Пшеничнюк 1983, С.107-108, табл. X.8, XI.7-8, XXIII.14-16). Правда, недавние исследования показали, что кинжалы и мечи раннесарматского облика бытовали в Восточной Европе и в первой половине I в. до н.э. (Васильев 2001, С.172, рис. 2; Федоров 2001, С.182-186; Клепиков 2002, С.29-30, рис. 2.17-32). Это подтверждается и находками с Северного Причерноморья, где подавляющая часть клинкового оружия с прямым перекрестием и рожковым навершием известна из памятников именно II-I вв. до н.э. (Симоненко 2009, С.13-25).

По-видимому, похожая ситуация со временем их существования была и в Средней Азии, где в кочевнических памятниках Бактрии были обнаружены кинжалы типично раннесарматского типа, относящиеся к концу II-I вв. до н.э. (Мандельштам 1966, С.110-111, табл.XL; Литвинский 2001, С.246, табл.61:3-4). Исходя из изложенного, данный тип, на наш взгляд, в нашем регионе можно датировать пределами IV-I вв. до н.э.

Клинковое оружие со «сломанным» под углом перекрестием и рожковым или дуговидным навершием опять-таки более всего находит аналогии в раннесарматских древностях, где они известны в относительно ограниченном количестве, что позволяет говорить об их сравнительно недолгом бытовании в комплексе вооружения ранних кочевников – в пределах IV в. до н.э. (Мошкова 1963, табл.18:11; Клепиков 2002, С.27-28, рис.2:5). Хотя, как упоминалось выше, Б.А. Литвинский склонен датировать кинжал из храма Окса в Северной Бактрии III в. до н.э.

Что же касается последнего типа – с почковидным перекрестьем и зоморфным навершием в виде пары головок грифонов, то он является единич-

¹ П.И. Шульга с осторожностью высказался о наличии кинжалов этого типа в лесостепном Алтае, поскольку во всех приводимых случаях перекрестие сильно разрушено (2007, С.144).

ной находкой этого рода и его дата хорошо определяется общей датой кургана Иссык.

Таким образом, существование кинжалов и мечей с эллипсоидной рукоятью в целом укладывается в хронологические границы с IV по I вв. до н.э., хотя большая часть рассматриваемого оружия относится к IV-III вв. до н.э. Сомнения вызывают лишь кинжалы и мечи «прохоровского» типа – с прямым перекрестьем и дуговидным или рожковым навершием, которые также существовали в нашем регионе и в II-I вв. до н.э.

Но, как оказалось, эллипсоидные рукояти существовали не только в Средней Азии, но и на более обширных территориях – Поволжье, Приуралье, Зауралье и Лесостепном, и Горном Алтае, и Туве.

Они известны на раннесарматском клинковом оружии IV-III вв. до н.э. (Смирнов 1961, С.25-27, рис.5:5; 7. 11; Мошкова 1963, табл.18:9, 11; 1974, С.25-26, рис.5:9), но их находки единичны и ограничиваются только Южным Приуральем и прилегающей частью Зауралья. Ряд кинжалов с эллипсоидными рукоятями отмечены также на территории каменной культуры в Лесостепном Алтае, где они датируются к IV – началом III вв. до н.э., с возможным заходом также в V в. до н.э. (Могильников 1997, С.43-46, рис. 37.3, 5, 6, 8; 39.5; Шульга 2007, С.147, рис.2:10). Отдельные их экземпляры известны из соседних Горного Алтая (Кочеев 1995, С.132, рис. 1.2) и Тувы (Семенов 2003, С.28, табл. 32. 23). И, таким образом, получается, что кинжалы и мечи с эллипсоидной рукоятью бытовали только в IV-III вв. до н.э.

Примечательно также то, что рукояти некоторых скифских кинжалов и мечей из Северного Причерноморья имеют очень сходную форму рукоятей, притом, они датируются IV-первой половиной III вв. до н.э. (Мелюкова 1964, С.51-54, табл.18:3, 9, 11), когда скифское клинковое вооружение переживало сложный период трансформации: к примеру, перекрестья у всех упомянутых экземпляров узкие бабочковидные или ложно-треугольные, что, видимо, отражало стадиальные изменения в развитии кинжалов и мечей степного пояса Евразии. Но, несмотря на то, что причерноморские образцы достаточно близки рукоятям на клинковом оружии раннесарматского облика, они все же обладают некоторыми отличиями – в частности они более уплощенные в разрезе, что указывает, скорее, на случайное сходство, чем на прямую взаимосвязь.

Итак, получается, что территориально эллипсоидные рукояти были достаточно широко распространены в кочевом мире, притом, не только в Средней Азии: они известны от Южного Приуралья до Саяно-Алтая.

На то, что рукояти эллипсоидного облика были распространены именно в IV-III вв. до н.э. указывает еще один косвенный признак. Дело в том, что рукояти кинжалов и мечей так называемого раннесарматского типа морфологически продолжали оружейные традиции более раннего времени – VII-V вв. до н.э. То есть, в отличие от кинжалов и мечей II-I вв. до н.э., которые часто имели очень узкие, иногда почти штыревидные рукояти, снабженные деревянными накладками или же обмоткой (Симоненко 2009, С.14-16), кинжалы более раннего времени имели широкую, овальную, прямоугольную, реже круглую в сечении рукоять. Эллипсоидные рукояти вряд ли имели деревянные или иные накладки, поскольку они овальные и круглые в сечении. Хотя, они могли иметь обмотку из мягких материалов (ткань, полоски кожи и др.), на что косвенно указывает декорация рукоятей меча и кинжала золотой проволокой из кургана Иссык. Поэтому в данном случае они также продолжают традиции более раннего периода, что свидетельствует в пользу их отнесения к IV-III вв. до н.э.

Впрочем, следует отметить, что известны более поздние реминисценции эллипсоидных рукоятей, но это крайне редкое явление. Притом есть одно существенное отличие – рукояти поздних мечей плоские (Смелы и Большая Белозерка в Северном Причерноморье), ранние же никогда не бывают плоскими, как было показано выше. Это опять же говорит о том, что поздние образцы имели деревянные или иные накладки и генетически, скорее всего, не связаны с ранними эллипсоидными рукоятями, а представляют собой единичное, случайное явление, выражающееся лишь чисто во внешнем сходстве. К тому же, между указанными мечами из Причерноморья хронологический разрыв несколько столетий, что опять-таки говорит о случайности, чем о совпадении (Симоненко 2009, С.17-18, 28, рис. 4:4; 10).

Выяснив каким временем датируются эллипсоидные рукояти кинжалов и мечей, мы можем теперь не только разграничить более ранние и более поздние группы железных кинжалов, но уточнить хронологическую позицию некоторых археологических комплексов, а также других предметов, происходящих из них. И, таким образом, мы получили более или менее надежный хронологический маркер, который в будущем может существенно помочь датировать новые памятники как в Средней Азии, так и сопредельных регионах.

Но, с другой стороны, не совсем понятны происхождение и пути распространения клинкового оружия с эллипсоидными рукоятями в среде евразийских кочевников. Ясно лишь то, что они были привнесены в наш регион извне вместе с раннесарматскими формами кинжалов и мечей, но откуда?

Обращает на себя внимание, что основными районами распространения кинжалов и мечей с рукоятями этого типа были Притяньшанье и Лесостепной Алтай. Причем, в последнем регионе подавляющая их часть была найдена на территории распространения каменной культуры, которая была тесно связана культурно и генетически с сакской культурой Притяньшанья. Учитывая, что основная территория формирования клинкового оружия раннесарматского облика находилась гораздо севернее Притяньшанья, то вполне обоснованно будет предполагать, что они проникают туда именно с Алтая. Это отчасти подтверждается также тем, что на западе Средней Азии кинжалы и мечи с подобными рукоятями практически не известны, и их изображение зафиксировано только один раз на каменной статуе типа Байте на плато Мангышлак (Ольховский 2005, илл.151). А принимая во внимание их единичность в Приферганье и Северной Бактрии, не исключено, что они туда попадают в результате контактов с Притяньшаньем. В то же время примечательно то, что в ареале раннесарматской культуры кинжалы и мечи с эллипсоидными рукоятями известны только в восточной его части и то в очень небольшом количестве, что скорее указывает на их восточное происхождение. Поэтому, вероятнее всего, что они формируются на Алтае или же, как максимум, в пространстве от последнего до Зауралья и прилегающей части Южного Приуралья.

Получается, что Средняя Азия была вторичным регионом распространения клинкового оружия с эллипсоидными рукоятями, где основным районом применения мечей и кинжалов с данным признаком было Притяньшанье. Именно отсюда, по-видимому, оно могло в результате культурных и иных контактов проникать в сопредельные области региона.

Итак, кинжалы и мечи с эллипсоидными рукоятями существовали в степях Евразии сравнительно ограниченный период – в IV-III вв. до н.э., в результате чего они выступают надежным хронологическим индикатором для погребальных и поселенческих памятников как для Средней Азии, так и для других регионов, где оружие с подобного типа рукоятями было обнаружено.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.
2. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. – 176 с.
3. Бабанская Г.Г. Берккаринский могильник // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Т. 1. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1956. – С. 189-206.
4. Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и проблеме III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград: ВГУ, 2001. – С.169-179.
5. Иванов С.С. Боевые пояса ранних кочевников Центральной Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. – Бишкек: Илим, 2009. – С. 66-75.
6. Иванов С.С. К проблеме культурного разрыва на рубеже сакского и усуньского периодов в Притяньшанье // *Stratum plus*. Третий до ... Потерянное столетие. – 2016. – № 3. – С. 67-87.
7. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 21-36.
8. Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н.э. – Волгоград: Изд-во ВГУ, 2002. – 216 с.
9. Кожомбердиев И.К. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. – Фрунзе: Илим, 1977. – С. 9-24.
10. Кочеев В.А. Два кинжала из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. №1. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. – С. 83-84.
11. Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 29-54.
12. Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. – Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М.: Восточная литература, 2001. – 530 с.
13. Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. – М.-Л.: Наука, 1966. – 232 с.
14. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-4. – М.: Наука, 1964. – 91 с.
15. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М., 1997. – 195 с.
16. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1-10. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 55 с.
17. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 52 с.
18. Негматов Н.Н. Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины и их историко-культурное значение // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 49-55.
19. Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // Советская археология. – № 4. – 1978. – С.115-127.
20. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа. – М.: Наука, 2005. – 299 с.
21. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.
22. Симоненко А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 129-147.
23. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб: СПбГУ, 2009. – 328 с.
24. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. Материалы и исследования по археологии СССР. № 101. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 168 с.
25. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 494 с.
26. Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. – Бишкек: Илим, 2011. – 274 с.
27. Федоров В.Ф. Клинковое оружие и колчаные наборы IV-III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград: ВГУ, 2001. – С. 180-197.
28. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.
29. Шульга П.И. Вооружение на Алтае в VI-III вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С.142-156.

References

- Akischev 1978 – Akischev, KA 1978, *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana*, Moscow, 132 p. (Akischev, KA 1978, *Issyk Barrow. The art of Saka in Kazakhstan*, Moscow, 132 p). (in Rus).
- Akischev 1984 – Akischev, AK 1984, *Iskusstvo i mifologiya sakov*, Alma-Ata, 176 p. (Akischev, AK 1984, *Art and mythology of Sakas*, Alma-Ata, 176 p). (in Rus).
- Babanskaya 1956 – Babanskaya, GG 1956, *Berkkarinskiy mogil'nik, Trudy instituta istorii, arheologii i etnografii AN KazSSR*, T.1, Alma-Ata, P.189-206. (Babanskaya, GG 1956, *Baccarini burial ground, Proceedings of the Institute of history, archeology and Ethnography of the Kazakh SSR*, T.1, Alma-Ata, P.189-206). (in Rus).

- Fedorov 2001 – Fedorov, VF 2001, Klinkovoe oruzhie i kolchannye nabory IV-III vv. do n.e. (o vremeni poyavleniya na Yuzhnom Urale mechej i kinzhalov prokhorovskogo tipa), *Materialy po arkheologii Volgo-Don'skikh stepey*, Volgograd, P.180-197. (Fedorov, VF 2001, Bladed weapon and colchane sets the IV-III centuries BC (the time of occurrence in the southern Urals swords and daggers of the Prokhorovka type), *Materials on archeology of Volga-Don steppes*, Volgograd, P.180-197). (in Rus).
- Ivanov 2009 – Ivanov, SS 2009, Boevye poyasa rannikh kochevnikov Tsentral'noy Azii, *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana*, Vyp.4, Bishkek, P.66-75. (Ivanov, SS 2009, Battle belts of early nomads of Central Asia, *Materials and researches on archeology of Kyrgyzstan*, Issue 4, Bishkek, P.66-75). (in Rus).
- Ivanov 2016 – Ivanov, SS 2016, K probleme kul'turnogo razryva na rubezhe saksckogo i usun'skogo periodov v Prityan'shan'e, *Stratum plus. Tretiy do ... Poteryannoe stoletie*, №3, P.67-87. (Ivanov, SS 2016, the problem of cultural divide at the turn of the Saka and wusun periods in Pritenenie, *Stratum plus. Third to ... The lost century*, №3, P.67-87). (in Rus).
- Kadyrbaev 1968 – Kadyrbaev, MK 1968, Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya arkheologii ranne-zheleznogo veka Kazakhstana, *Novoe v arkheologii Kazakhstana*, Alma-Ata, P.21-36. (Kadyrbaev, MK 1968, Some results and prospects of studying the archaeology of early iron age of Kazakhstan, *New in archaeology of Kazakhstan*, Alma-Ata, P.21-36). (in Rus).
- Khabdulina 1994 – Khabdulina, MK 1994, *Stepnoe Priishim'e v ehpokhu rannego zheleza*, Almaty, 170 p. (Khabdulina, MK 1994, Priishimje steppe in the Early Iron age, Almaty, 170 p). (in Rus).
- Klepikov 2002 – Klepikov, VM 2002, *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV-III vv. do n.e.*, Volgograd, 216 p. (Klepikov, VM 2002, *Sarmatians of the Lower Volga region in IV-III centuries BC*, Volgograd, 216 p.). (in Rus).
- Kozhombierdiev 1977 – Kozhombierdiev, IK 1977, Osnovnye ehtapy istorii kul'tury Ketmen'-Tyube, *Ketmen'-Tyube*, Frunze, P.9-24. (Kozhombierdiev, IK 1977, the Main stages of the cultural history of the Ketmen-Tyube, *Ketmen'-Tyube*, Frunze, P.9-24). (in Rus).
- Kocheev 1995 – Kocheev, VA 1995, Dva kinzhala iz Gornogo Altaya, *Izvestiya laboratorii arheologii*, №1, Gorno-Altaysk, P.83-84. (Kocheev, VA 1995 Two daggers of Mountain Altai, *Proceedings of the laboratory of archaeology*, №1, Gorno-Altaysk, P.83-84). (in Rus).
- Kubarev 1981 – Kubarev, VD 1981, Kinzhaly iz Gornogo Altaya, *Voennoe delo drevnih plemen Sibiri i Central'noy Azii*, Novosibirsk, P.29-54. (Kubarev, VD 1981, Daggers from the Altai Mountains./ *Military Affairs of ancient tribes of Siberia and Central Asia*, Novosibirsk, P.29-54). (in Rus).
- Litvinskij 2001 – Litvinskij, BA 2001, *Khram Oksa v Baktrii*, T.2. Baktrijskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste, Moscow, 530 p. (Litvinskij, BA 2001, *Temple of the Oxus in Bactria*, T. 2. Bactrian armament in the ancient Eastern and Greek context, Moscow, 530 p). (in Rus).
- Mandel'shtam 1966 – Mandel'shtam, AM 1966, *Kochevniki na puti v Indiyu*, Moscow-Leningrad, 232 p. (Mandel'shtam, AM 1966, *Nomads on the way to India*, Moscow-Leningrad, 232 p). (in Rus).
- Melyukova 1964 – Melyukova, AI 1964, Vooruzhenie skifov, *SAI*, Vyp.D1-4, Moscow, 91 p. (Melyukova, AI 1964, Weapons of the Scythians, *SAI*, Vyp.D1-4, Moscow, 91 p). (in Rus).
- Mogil'nikov 1997 – Mogil'nikov, VA 1997, *Naselenie Verhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tys. do n.e.*, Moscow, 195 p. (Mogil'nikov, VA 1997, the Population of the Upper Ob region in the middle-second half of the I Millennium BC-M, Moscow, 195 p). (in Rus).
- Moshkova 1963 – Moshkova, MG 1963, Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury, *SAI*, Vyp.D1-10, Moscow, 55 p. (Moshkova, MG 1963, Monuments of culture Prokhorov, *SAI*, Vyp.D1-10, Moscow, 55 p). (in Rus).
- Moshkova 1974 – Moshkova, MG 1974, *Proishozhdenie rannesarmatskoy (prohorovskoy) kul'tury*, Moscow, 52 p. (Moshkova, MG 1974, *Origins rennermalm (Prokhorov) culture*, Moscow, 52 p). (in Rus).
- Negmatov 1987 – Negmatov, NN 1987, Bronzovye skulptury iz Isfarinskoy doliny i ikh istoriko-kul'turnoe znachenie, *Skifo-sibirskij mir. Iskusstvo i ideologiya*, Novosibirsk, P.49-55. (Negmatov, NN 1987, Bronze sculpture of Isfarinskiy valleys and their historical and cultural value, *The Scythian-Siberian world. Art and ideology*, Novosibirsk, P.49-55). (in Rus).
- Obel'chenko 1978 – Obel'chenko, OV 1978, Mechi i kinzhaly iz kurganov Sogda, *Sovetskaya arkheologiya*, №4, P.115-127. (Obel'chenko, OV 1978, Swords and daggers from the mounds of Sogda, *Soviet archaeology*, №4, P.115-127). (in Rus).
- Oi'khovskij 2005 – Oi'khovskij, VS 2005, *Monumental'naya skulptura naseleniya zapadnoy chasti Evraziyskikh stepey ehpokhi rannego zheleza*, Moscow, 299 p. (Oi'khovskij, VS 2005, *Monumental sculpture of the population of the Western part of the Eurasian States of the early iron age*, Moscow, 299 p). (in Rus).
- Pshenichnyuk 1983 – Pshenichnyuk, AKh 1983, *Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala*, Moscow, 200 p. (Pshenichnyuk, AKh 1983, *The Culture of the early nomads of the Southern Urals*, Moscow, 200 p). (in Rus).
- Shul'ga 2007 – Shul'ga, PI 2007, Vooruzhenie na Altae v VI-III vv. do n.e., *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya*, Chelyabinsk, P.142-156. (Shul'ga, PI 2007, Armament on Altai in VI-III centuries B.C., *Armament of Sarmatians: regional typology and chronology*, Chelyabinsk, P.142-156). (in Rus).

- Simonenko 1984 – Simonenko, AV 1984, Sarmatskie mechi i kinzhaly na territorii Severnogo Prichernomor'ya, *Vooruzhenie skifov i sarmatov*, Kiev, P.129-147. (Simonenko, AV 1984, Sarmatian swords and daggers on the territory of the Northern black sea region, *The Weaponry of the Scythians and Sarmatians*, Kiev, P.129-147). (in Rus).
- Simonenko 2009 – Simonenko AV 2009, *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya*, Saint Petersburg, 328 p. (Simonenko AV 2009, *Sarmatian riders of the Northern Black sea region*, Saint Petersburg, 328 p). (in Rus).
- Smirnov 1961 – Smirnov, KF 1961, *Vooruzhenie savromatov. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, №101*, Moscow, 168 p. (Smirnov, KF 1961, *Weapons savromats. Materials and research on archaeology of the USSR, №101*, Moscow, 168 p). (in Rus).
- Stepnaya polosa Aziatskoj 1992 – *Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya*, 1992, Moscow, 494 p. (*Steppe band of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time*, 1992, Moscow, 494 p). (in Rus).
- Tashbaeva 2011 – Tashbaeva, KI 2011, *Kul'tura rannih kochevnikov Tian'-Shanya i Alaya*, Bishkek, 274 p. (Tashbaeva, KI 2011, *Culture of early nomads Tien Shan and Alai*, Bishkek, 274 p). (in Rus).
- Vasil'ev 2001 – Vasil'ev, VN 2001, K khronologii ranneprokhоровskogo klinkovogo oruzhiya i probleme III v. do n.eh., *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey*, Volgograd, P.169-179. (Vasil'ev, VN 2001, To the chronology of the early Prokhorov blade weapon and the problem of the III century BC, *Materials on archeology of Volga-Don steppes*, Volgograd, P.169-179). (in Rus).

The famine in the Eastern Kazakhstan in 1930s: the demographic consequences

Smagulova Svetlana Odepkyzy

Doctor of Historical Sciences, professor of the Kazakh National Agrarian University. Republic of Kazakhstan, 050010, Almaty, 8, Abai str. E-mail: adep_s68@mail.ru.

Abstract. The article examines the issues of hunger in East Kazakhstan in the 1930s. Based on data from archives and periodicals, the author reveals the extent of the famine and the process of fighting it. An analysis is given of the internal migration of famine refugees that took place at that time and their migration to neighboring states.

Along with this, the article reveals the tragic consequences of the famine of the 1930s for the economy and demography of the Kazakh people.

Keywords: collectivization; confiscation; hunger; demography; archive.

XX ғ. 30 жж. Шығыс Қазақстандағы аштық: демографиялық зардаптары

Смагулова Светлана Одепқызы

тарих ғылымдарының докторы, Қазақ Ұлттық Аграрлық университетінің профессоры. Қазақстан Республикасы, 050100, Алматы қ., Абай к-сі, 8. E-mail: adep_s68@mail.ru.

Аңдатпа. Мақалада XX ғасырдың 30 жылдарындағы Шығыс Қазақстандағы ашаршылық мәселесі қарастырылады. Автор мұрағат пен мерзімді баспасөз мәліметтеріне сүйене отырып, ашаршылықтың зардабы мен оған қарсы күрес барысын ашады. Сол кездегі ашыққандардың ішкі және сыртқы босқыншылыққа ұшырау барысын саралайды.

Сонымен бірге мақалада 1930 жылдардағы ашаршылықтың шаруашылық пен қазақ халқының демографиясына тигізген қасіреті де анықталады.

Кілт сөздер: ұжымдастыру; тәркілеу аштық; демография; мұрағат.

Голод в Восточном Казахстане 30-х годов XX века: демографические последствия

Смагулова Светлана Одеповна

доктор исторических наук, профессор Казахского Национального аграрного университета. Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Абая, 8. E-mail: adep_s68@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы голода в Восточном Казахстане в 30-е годы XX в. Опираясь на данные архивов и периодической печати, автор раскрывает масштабы голода и процесс борьбы с ним. Дается анализ происходившей в тот период внутренней миграции голодобеженцев и их откочевка в соседние государства.

Наряду с этим в статье выявлены трагические последствия голода 1930-х годов для хозяйства и демографии казахского народа.

Ключевые слова: коллективизация; конфискация; голод; демография; архив.

УДК/ ЭОЖ 94(574)(092)

XX ғ. 30 жж. Шығыс Қазақстандағы аштық: демографиялық зардаптары

Смағұлова С.О.

XX ғасырдың 30-жылдардағы Қазақстандағы ашаршылық қазақ халқының есіне жазылмас жара салды. Осы жылдар аралығында ұлтына, түріне қарамай, қазақ жерін мекендеген қаншама адам аштық тырнағына ілігіп, ажал құшты, ауызға салар талғажау іздеп, жаяу-жалпы елді-мекендерді кезді, өзге респуб-

ликаларға, шет мемлекеттерге қарай босты. Қаншамасы жол жиегінде қалып, мерт болды. Оның санына жету мүмкін емес.

1931-1933 жылдардағы ашаршылықтан елімізде адам шығыны да, мал шығыны да есепсіз болды. Қолындағы соңғы тұяғын сойып жеген шаруаның ертеңгі күні бұлыңғыр еді. Оның ертеңін ойлауға шамасы да жетпеді, жеткізбеді де. Қолда ұстаса, ұрыға алдырып аңырап қалады, сойып жесе, алдағы өмірі не болады? Бәрі күңгірт, қараңғылық басқан, тұман болып, белгісіз өмір күйін кешті.

1931-1933 жылдардағы ашаршылық Қазақстанның демографиясына үлкен әсерін тигізді. Бүкіл республиканы шарпыған бұл қасіреттің ұшқыны тимеген отбасы кемде-кем десе де болады. Алапат аштық Шығыс өңірді де айналып өтпеді.

Аштықтың алдында байлардың малын тәркілеу науқаны үлкен қарқынмен жүргізілген еді. Қолында төрт-бес тұяқ малы бар орташаның өзі де бай есебіне жатқызылып, тәркіленіп, жер аударылып кету фактісі жиілей түсті. Орта шаруалардың жаппай ірі байлар қатарына жатқызылып, тәркіленуінен қорыққандар қолда бар артық малдарынын сатып немесе сойып құтылуға тырысты.

1928 жылы Сталин Сібірге келуі, шаруаларға қарсы зорлық-зомбылықты бастап берді. М. Қозыбаевтың жазуынша, 1929 жылы 31 мыңға жуық шаруа қуғынға ұшырап, оның 277-і атылған екен (Қозыбаев 1998, Б.229).

Тәркілеудің арты жаппай ұжымдастыруға ұласты. Ауыл шаруашылығын ұжымдастыру науқаны көшпелі елді отырықшыландырумен қатар жүргізілді. Ұжымдастыру барысында кедейлердің барлық малы колхоздарға біріктірілді. Егер 1928 жылы Қазақстанда барлық шаруашылықтың тек екі проценті ғана ұжымдастырылса, ал 1931 жылдың күзінде республиканың 122 ауданың 78 ауданы ұжымдастырылса керек (Насильственная коллективизация 1998, С.10).

1928 жылы тәркілеу науқаны басталған кезде қазақтар Қытаймен шекара-лас Тарбағатайдың Күзеуін, Хабарсуынан, Сталин болысына қарасты Майқапшағайдан, Дарственный болысының Алқабектен Қытайға байлардың ұйымдастыруымен өткен. Кейбір жансыздардың хабарлауымен шекаралықтардың қолдарына түсіп қалғандар да болды. Мәселен, Қытайға өтуге әрекеттенген 27 адам ұсталып, бар мал-мүліктері тәркіленіп алған (Под грифом секретности 1998, С.14).

Салық мөлшері де шектен тыс көбейіп, оны төлеуге халықтың шамасы жетпеді. Мәселен, Өскемен ауданына қарасты «Непобедимый» колхозының колхозшылары астық салығын төлей алмаған. Дегенмен аудандық атқару комитеті бұл ауқаттылардың әрекетінен деп санады¹. Салық төлей алмаған колхозшыларға қатысты арыз-шағымның саны көбейді².

1929 жылдың сәуірінде Никитинское селосында тұратын шаруа әйел Семей қаласында әскери қызметін өтеп жатқан күйеуіне жазған хатында «астық дайындауға байланысты, еш нәрсеге қарамай, астық өткізіндер» деп қолда барын тартып алып жатқандығын күйіне жазады³.

1930 жылдың басынан бай есебінде тәркіленгендер жер аударыла бастады. Байлармен бірге «астық дайындау компаниясына қарсы шыққандар» деген желеумен қарапайым шаруалар да мал-мүлкінен айырылып, жер аударылды, кейбірі сотталды.

Өңірде шекараға қарай босқыншылық легі басталды. 1930 ж. 26 ақпанында Өскемен аудандық атқару комитетінің төрағасы Қазақ АКСР-нен тыс жерлерге

¹ Шығыс Қазақстан облысының мемлекеттік архив (ШҚОМА). 1-қ., 1-т., 16-іс., 176-п.

² ШҚОМА. 1-қ., 1-т., 13-іс., 457-п.

³ ШҚОМА.. 1-қ., 1-т., 6-іс., 116-п.

өздігінен көшуге тыйым салған бұйрығын жариялады. Ауданнан, округтан басқа жерге кетудің өзінде ауылдық кеңестен немесе аудандық атқару комитетінен рұқсат қағазы болуын міндеттеді⁴.

1930-жылдың басында Қазақстанда отырықшыландыру мәселесі қолға алынған сәтте түрлі тәртіпсіздік, бандиттік шабуыл өрістеді. Осыған орай 14 тамызда отырықшыландыру комитеті қайта құрылып, оның құрамына Қазақ КСР Халық Шаруашылық Кеңесі төрағасының орынбасары қызметіне тағайындалған Ұзақбай Құлымбетов енгізілді⁵.

Ел басында қиыншылық туындаған кезде жалпы малы мен астығын жасырып немесе сатып жібергендерді ел арасында кеңес ісіне жау есебіне енгізіп, жергілікті газет арқылы әшкерелемекке әрекеттенді. Аягөз аудандық партия, кеңес комитеттері мен кәсіпшілер одағы бюросының газеті «Жаңа ауылда» жарияланған мақалада басылғандай, Арқат ауылындағы әлді жаулар Уәли, Түсіп Темірбек балалары 1930 жылдың қазан айында 22 қойы мен 1 сиырын жасырын түрде Семей қаласына сатуға апара жатқанда ұсталып, қайтарса да 13 қарашада тағы да апарған⁶.

Көзі қырағы үкімет қолға түскендерді аяусыз жазалауға тырысты. Елді аштық жайлауы үкіметтің шенеуніктерін қызықтырмады. Шаш ал десе, бас алатындардың қатары көбейіп, талғауға тамақ таба алмай отырғандарды салықпен қинады. Ауыл-ауылда астық жинаудың жоспарын орындамағандарды зиянкестердің қатарына жатқызды. Оларды халық алдында «жау» ретінде көрсетуі, оның үстіне қолда бар малы мен мүлкінен айыруы амалсыздан тысқары жерлерге жасырын түрде босуға алып келді.

1931 жылы аштық басталған кезде өлкелік комитет аштық белең бере бастаған аудандарға арнайы уәкілдерін жіберіп, сол өңірдегі жағдайды бақылап, қиыншылық туындаған жерлерде жергілікті басшылықпен барлығын қалпына келтіруге көмек көрсету мәселесін көтерді. Ұ. Құлымбетовтың тікелей басшылығымен әр облыстардың аудандарына уәкілдер жіберіліп, ондағы жағдай жайында ақпар алынып отырылды.

Осы жылдың жазында басталған қуаңшылық, шегірткенің қаптауы егістікті құртып жіберді. Мәселен, Орта Аягөзді шегіртке басып, астықты толықтай жеп қойған⁷.

Елдегі аштықтың шығуына үкімет қолшақпарлары бұрынғы байлар мен алашордашыларды қатысты деп топшылады. Жауапты қызметке кіріп алып, халық арасында іріткі салып, астық жинауда әдейі кедергі жасап, малды союға үгіттеді деген айыптар тағылды.

1933 жылы наурызда «Жаңа ауыл» газетіне жарияланған бір мақалада Аягөзде 1931 жылы Рақымбай, Жанатай, Күлембай, Жаңабай, Нұриман деген байлар колхоз, совхозға кіріп алып, қасақана мал-мүлкін ұрлап, талан-таражға салғандығы айтылып, сотқа тартылып, қолдарындағы бар мал-мүлкін тәркілеп, өздерін 10 жылға бас бостандығынан айыру турасында үкім шығарылғаны айтылады⁸.

Аштық басталған алғашқы жылдың өзінде Қытайға босқандардың қатары көбейген. Архив деректеріне сүйенсек, жергілікті халықты арғы бетке алып кетуді бұрынғы байлар ұйымдастырған. Негізі жаппай өзге елге қарай кетудің бірден-бір себебі, адам басына салынатын салық мөлшерінің шамадан тыс

⁴ ШҚОМА. 3-қ., 1-т., 52-іс., 301-п.

⁵ Қазақстан Республикасы Орталық Мемлекеттік архиві (ҚР ОМА). 30-қ., 7-т., 44-іс.193-п.

⁶ Көреген. Темірбек балалары малдарын құртып отыр // Жаңа ауыл. – 1930. – 25 декабрь. – №66.

⁷ Г. Орта Аягөзді шегіртке басып кетті // Жаңа ауыл. – 1931. – 8 июль. – №21.

⁸ Ақтың, Алашорданың солдатты еді // Жаңа ауыл. – 1933. – 21 март. – №12.

көбейіп кетуі-тын. Қолындағы азын-аулақ малды сақтап қалу мақсатында ауыл-ауыл болып босып, шекара асқандардың мақсаты жан сақтауға тырысты. Жан сауғалап Қытайға кеткендердің басымы төніп келе жатқан ашаршылықтың лебін сезгендей де болды. Дегенмен бұлардың кейбірі шекара маңында қызыл-әскерлерге қолға түсіп, «банда» ретінде үкімет сотына тартылды.

Қытай территориясына қарай жылжи көшкен қазақтарды шекара застава-сының әскерлері пулеметпен қарсы алып, аяусыз қырды. Тартып алынған бар-лық мал-мүліктері заставаға жеткізілді.

ОГПУ өкілінің жазуынша, 1931 жылдың тамызында Тарбағатай ауданында «Оңшыл ұлтыш ұйым» деп аталған контрреволюциялық ұйым құрылған. Бұл ұйымның алға қойған мақсаты шаруашылық-саяси кампания жұмысына кедергі келтіру, барлық аудан тұрғындарын дүние-мүлік малдарымен Батыс Қытайға үдере көшуді ұйымдастыру деп келтірілді құжатта. Бұлар ауданның бірнеше ауылдарында революцияға қарсы үгіт-насихат жүргізіп, алашордашылармен, эмиграциядағы байлармен, байланыс орнатып, Алматыдағы өлкелік ұлтшы-лдар тобынан тапсырма алып отырды делінді. Осы ұйымның қызметінің нәти-жесінде бірнеше ауылдар бүкіл шарушалығымен Қытайға көшіп кеткен. Кейбір ауылдарды көшіп бара жатқан жерінен қызыләскерлер ұстаған (Откочевки казахов в Китай 1998, С.37-39, 56, 65-66).

Біріккен Мемлекеттік саяси басқармасының (ОГПУ) құпия-саяси бөлімінің (СПО) арнайы анықтамасында 1931 жылдың қазанынан Қазақстанның аудан-дарында азық-түлік тапшылығы біліне бастаған. Қараша-желтоқсанда 7-10 ауданда, ал 1932 ж. ақпанының соңында 33 ауданда азық-түлік мәселесі қиын-дап, оның 10 ауданы көмекті аса қажет етті. Оның үстіне 1931 ж. аяғы – 1932 ж. басында колхоздарда қалған малдарын жаппай сою фактісі көбейе түсті.

Колхозшылардың тамақ іздеп, бір ауданнан екіншісіне қарай көшу үрдісі де байқалды. Қазақстанның әр жерінде, мәселен, Ертіс, Еңбекшіқазақ, Ақбұлақ, Федоров, Қастек, Ақсу, Цурюпин аудандарының 70-80%-тей колхозшылары өз колхоздарын тастап кеткен.

1931 ж. жазына қарай үкіметтің қатаң бақылауына қарамастан Батыс Қытайға босшылардың қатары толастамады. Осы жылдың толық емес мәлі-меттеріне қарағанда Қытайға 40 мың шаруашылық көшкен. Кейбір шет жаққа босқан колхозшылардың арасында партия, комсомол мүшелері, колхоз төра-ғалары да болған. Қазақ колхоздарынан Батыс Сібір, Орал, Орта Волгаға, Орта Азияға қарай көшкендері де байқалды. Қазақстаннан Орта Волгаға 50 мың, Батыс Сібірге 16 мың, Орта Азияға 12 мың, Тәжікстанға 1 мың адам босып кеткен.

Қазақстанның ішкі аудандарында жекелеп немесе топ болып қана емес, бүтін аудандар, колхоздар болып көшіп кетіп жатты. Жылдың ортасына қарай Аягөз және т.б. аудандарда тұрғандардан 50%-дай ғана қалған. Сонымен қатар Көкпекті ауданында басқа жаққа көшпекке дайындалып жатқан шаруашылықтар да анықталды. Ашығып, тамақ іздеп үдере көшкендер малдың өлекселерін, ит еті, түрлі қалдықтарын талғажау еткен. Тіпті жұқпалы аурумен өлген малдарды көмген жерлерді ашып, жеген. Ашыққандардың әкімшілікке басып кіріп, азық тауып беруін талап еткен кездері де жиілеген (Советская деревня глазами ВЧК 2005, С.79-81).

1933 жылдың 1 қаңтарындағы босқындар туралы мәліметтер бойынша Аягөзден 1101, Шұбартаудан, 2622 шаруашылық көшіп кеткен⁹. 11 қаңтарда

⁹ Алматы облыстық мемлекеттік архиві (АОМА). 1-қ., 13-т., 70-іс. 105-п.

Қаратал ауданынына босып келген ашыққандарды тексеру барысында 5 адамның Аягөзден, 2-уі Шұбартаудан келгендігі анықталды¹⁰.

Аштық қысқан шаруа еріксіз колхоз астығына қол салды. Бір уыс бидай алғаны үшін жазаға тартылды. Аягөз ауданына қарасты «Мыңбұлақ» совхозында жұмыс істеуші Қанағат Бозжан, Әшім Маяқұлы, Саттар Еділбайұлы Тасбұлақтан Мыңбұлаққа астық тасып жүріп, 93 келі бидайды ұрлап алып, жеп қойғаны үшін 10 жылға бас бостандықтарынан айырылса, «Мыңбұлақ» совхозының тұқымдығынан 43 келі бидайды ұрлағаны үшін Төлеген Тайжанұлы мен Жұмагелді Сүлейменұлы, бір тайыншаны ұрлап сойып, жегені үшін Тұлпарбек Омарұлы, Нұрсұлтан Серғазыұлдары да 10 жылға сотталып кете барды¹¹.

5 ақпандағы қазақ өлкелік комитетінің хатшысы Голощекин мен Алматы облыстық комитеттің хатшысы І. Құрамысовқа Шұбартау ауданына жіберілген өкіл Ғ. Мусиннен келген хатта аудандағы жағдайдың ауырлығын айтып, ашыққандарға жіберілген астық талан-таражға салынып, тіпті ашыққандар тіркелмей қалып, соның нәтижесінде көмек ала алмай өлгені жайында келтірілді. Өкілдің айтуынша, Шұбартауға делінген астықтың көп бөлігі ауданға жетпей, Аягөзде таратылып кеткен¹².

Балалар өлімі жиіледі. Ата-анасынан айырылып, тамақ іздеп босып кеткен балалардың легін тоқтату мүмкін емес еді. Жетім балаларға арналған уақытша лагерлердің жағдайы да мәз емес-тын. 1932 жылдың 5 маусымындағы жасалған акт бойынша Үржар селосында орналасқан балалар лагерінің жағдайы өте мүшкіл болған. Жатын орны кір, ақ жайма жоқ, балаларға берілген тамақтың сапасы нашар. Тексеру барысында лагердегі балалардың тамағын ұрлау фактісі де анықталған. Күнде балалардың қатары сиреп, тіпті аштықтан тұра алмай қалған тірі баланы қардың астына көміп тастаған жәйт те анықталды. Ауырған балаларға ешқандай да көмек көрсетілмеген¹³.

1932 жылдың шілдесінде Ғ. Мүсірепов, М. Ғатаулин, М. Дәулетқалиев, Е. Алтынбеков және Қ. Қуанышев сияқты қазақ азаматтары Қазақ өлкелік комитетінің хатшысы Ф. Голощекинге ашық хат жазуының себебі де осында еді. Олар өлкені жайлаған аштықтың қарқынының үдеп бара жатқанын айтып, оның шығу себебін талдап, тез арада жою жолын ұсынды¹⁴.

Бұдан кейін осы жылдың тамызында Халық комиссарлар кеңесінің төрағасы О. Исаев та Сталинге хат жолдап, қазақ жерін аштықтық жайлап, өлім-жітімнің көбейіп бара жатқандығын, басқыншылықтың салдарынан шаруа шаруашылығының азайып, республикадағы 40 млн. мал басынан 6 млн. ғана қалғандығын, ашыққан қазақтар мен үй-күйі жоқ балалардың Семей мен Ақтөбе облыстарының аудандарындағы өнеркәсіп орындары мен совхоздардың маңайында топталып, араларында жұқпалы аурулардың (шешек, іш сүзегі және т.б.) жайлап кеткендігін келтіріп, ашықтан құтылудың жолдарын ұсынады. Ол ауылдың жағдайын көтеруде диқандарға, малшыларға үкімет тарапынан қаржылай көмек көрсетуді, мал шаруашылығын көтеру үшін өлкедегі колхоздардың барлығын қайтадан тіркеуге алып, малдай, астықтай көмек беруді басты міндетке санады¹⁵.

Бұдан кейін РКФСР Халкомның төрағасы Т. Рысқұлов та 1932 жылдың қыркүйегінде және 1933 ж. наурызында И. Сталинге және тағы басқа билік басындағыларға Қазақстанды аштық нәубеті жайлағанын айтып, тез арада іс-шара

¹⁰ АОМА. 1-қ., 15-т., 8-іс. 4-п.

¹¹ Жаңа ауыл. – 1933. –1 май. – №19.

¹² АОМА. 1-қ., 15-т., 11-іс. 8-11-пп.

¹³ АОМА. 1-қ., 10-т., 25-іс, 72-п.

¹⁴ Қазақстан Республикасының Президенттің архиві (ҚРПА). 141-қ., 1-т., 5233-іс. 79-92-пп.

¹⁵ ҚРПА. 141-қ., 17-т., 607-іс. 1-14-пп.

қолдану қажеттігін көтерді. Ол да мал басын қайтадан қалпына келтіру, егіншілікке қатысты тұқымдық астықты шаруа қожалықтарына беру мәселесін ұсынды¹⁶.

Мал шаруашылығын қалпына келтірудің бірден-бір жолы – Қазақстанға басқа өңірден мал сатып алу еді. Бұл ұсынысты Ұзақбай Желдірбайұлы Құлымбетов те қолдады. КСРО Халық комиссарлар кеңесінің төрағасы В.М. Молотовқа жазған хатында осы мәселені төтеден қойып, Батыс Қытайдан мал басын сатып алуды ұсынды. Мал сататын қытай көпестерін тарту үшін Қазақстанның екі жерінде, Шыңжан провинциясына жақын Қазақстан шекарасында екі ірі жәрмеңке орнын ашу қажеттігін көтерді. Оның бірі Алматы облысының Кеген ауданына қарасты Қарқарада да, екіншісі Шығыс Қазақстан жеріндегі Зайсанда. Бұл ашылатын жәрмеңкеге қытай саудагерлерінің емін-еркін сауда жүргізуіне барлық жеңілдіктерді жасаудың маңыздылығын да атай отырып, кезінде Қытайға өтіп кеткен малдарды қайтаруға бар мүмкіншіліктің барлығын көрсетті. Қайраткердің есебінше, малмен сауда, тауар айырбастау арқылы, яғни қант, кондитерлік өнім және тағы басқа тұрмысқа қажетті заттармен жүргізілуіне тиіс.

Осы жәрмеңкеден түскен малдар колхозшыларға, жеке шаруашылық жүргізушілерге, кедей шаруаларға заттай несие түрінде беріліп, 2-4 жылдың ішінде өніммен қайтарылуға тиістелінді.

Ұ. Құлымбетов осылайша аз уақыттың ішінде қайтадан мал басын қалпына келтіруге әбден болады деп сенді және Зайсан мен Қарқарадағы жәрмеңкеге мал айырбасына қажетті заттарды алу үшін арнайы тауар қорын құрып, оған үкіметтен 5,5 млн. ақша бөлінуін сұрады¹⁷.

Қайраткердің бұл ұсынысы әрине, ашаршылық кезінде 40 млн.-нан 4 млн. басқа түсіп қалған мал басын қайта қалпына келтірудің амалы болатын. Мал басының азайып, елде аштықтың жайылуы сол кездің өзінде ұлт қайраткерлерін қатты алаңдатып, жоғары орындарына хат жолдап, тез арада шара қолдануын талап еткендері тарихта белгілі. Өкініштісі сол, бұл мәселеге өкімет орны көз жұма қарады.

Ал жұқпалы аурумен күресуде Ұ. Құлымбетов тез арада іс-шараларды жүзеге асырудың маңыздылығын 1932 жылы 14 ақпанда жабық өткен ХКК-нің кеңесінде ашық айтты. Шығыс Қазақстан, Қарағанды және Ақтөбе облыстарында жұпалы аурулар меңдеп бара жатқандықтан осы ауру ошақтарын жоюға қатысты төтенше комиссия құрылып, төрағалығына Ұ. Құлымбетов, ал мүшелігіне Каруцкий мен Асфендияров сайланды. Бұл комиссияның алдына барлық аудандардағы колхоздарда, өндіріс орындары мен совхоздарда қоғамдық-санитарлық инспекторлар, санитарлық комиссияларын, денсаулық ұйымдарын құру, колхоз, өндіріс орындары мен совхоз директорларына арнайы санитарлық жағдайды бақылайтын өкіл тағайындап, оларға жұқпалы ауру ошақтарын жоюға басшылық етуді тапсыру жүктелінді. Шілде, тамыз айларында Қарағанды, Семей, Балқаштағы өнеркәсіп орындарында жұқпалы аурулардың таралмауын қадағалау міндеттелінді. Әсіресе Шығыс Қазақстан облысының атқару комитетінің төрағасы Сырғабеков пен облыстағы халық денсаулық сақтау комитетінің төраға орынбасары Козловқа бескүндік мерзім ішінде жұқпалы ауруды жоюға қажетті қаражаттық жағдай жайында есеп беру, бөртпе, сүзектік ауруларды бөлек ұстайтын арнайы орындарды даярлау барысы тапсырылды.

Семей өңіріне қарай босқандарға, қаладан 8 км. жерде эвако-пункт ашып, соған орналастыру, техникум, кәсіптік мектептерде оқитын студенттерден,

¹⁶ ҚРПА. 141-қ., 1-т., 6403-іс. 13-16-пп.

¹⁷ ҚР ОМА. 30-қ., 7-т., 151-іс.122-п.

жұмысшылар мен кәсіподақ белсенділерінен эпидемия кезінде санитарлы милиция құрып, жұқпалы ауру тараған жерлерге жіберу, сонымен қатар ауру-дарды моншаға түсіріп, дезинфекция (уытсыздандыру) жасайтын арнайы камералардан өткізу мәселесін көтерді.

Жұмысшылар көп шоғырланған өнеркәсіп, трестерде, колхоз, совхоздарда моншалар салу, босқындар көп шоғырланатын теміржол бойында, нақтылай айтқанда 15 қыркүйекке дейін Түрксіб, Омбы теміржол басшылығының қадағалауымен Петропавл, Семей, Алматы станциясында оқшауланған өткізу пункттерін салдырту, өнеркәсіп орындары мен совхоздарға жұмысшы күшін моншаға түсіріп, шашын алып, іш сүзегіне, шешекке қарсы еккеннен кейін ғана қабылданатын болды. Сонымен қатар жоғары оқу орындары, техникумда оқы-тындарға да екпе салу да қолға алынатын болды.

Қарағанды, Шығыс Қазақстан және Ақтөбе облыстық атқару комитеттері жұқпалы ауру жайлаған аудандардың тұрғындарын азық-түлікпен қамтамасыз ете отырып, осы облыстардағы өндіріс орындарына жұқпалы аурумен күрес жүргізу үшін арнайы өкіл жіберу, ауру жайлаған аудандарға медицина маман-дарын, дәргерлерді жіберу көзделінді¹⁸.

Қайраткер жұқпалы аурумен күресте облыстарға жеделхат жіберіп, тез арада медициналық бригадалар құрғызды. Мәселен, Шығыс Қазақстан облысы-ның Шемонаиха, Ертіс, Горьковский аудандарына медбригадалар жіберіліп, халықты санитарлық уытсыздандырудан өткізді. Ауруларды анықтап, оқшау-ланған орындарға жатқызып, дәргерлік көмек жүргізді.

Ол 1932 жылдың 26 желтоқсанында РКФСР Жер халық комиссариатынан және қазақ өкілеттілігіне жеделхат жөнелтіп, жұқпалы ауру жайлаған Семей, Ақтөбе, Алматы облыстарына Пржекрыла, Филимонов, Кленяев сияқты эпиде-миолог дәргерлерді жіберуін өтінді¹⁹.

Ал 31 желтоқсанда ККСР Егіншілік халық комиссары С. Асфендияров екеуі РКФСР Жер халық комиссариаты мен Халық Комиасарлар Кеңесіне Қазақ-станның бірталай облыстарына жұқпалы аурулардың тарауына орай тез арада эпидемиологтар мен санитарлық дәргерлерді жіберуді өтінген хат жолдады. Олардың себебінше, бөртпе сүзегімен осы жылдың қазанында 813 адам, қараша айында 1482 адам ауырған. Жұқпалы ауру тараған облыстардың ішінде Шығыс Қазақстанда желтоқсанның алғашқы аптасында бөртпе сүзегімен ауырған 556 адам тіркелген екен. Сонымен қатар Риддер, Семей, Өскемен, Павлодар қалаларында сүзек ошақтары пайда болған. Мәселен, Риддер қала-сында бөртпе сүзегімен қараша айында 123 адам ауырса, ал желтоқсанның он күндігінде ауырғандардың саны 265-ке жеткен.

Екі қайраткер де жұқпалы аурудың бүкіл республикаға жайылуынан қауіптенді. Аурумен күрес жүргізу үшін тез арада тәжірибелі 10 эпидемиологтар мен 10 санитарлық дәрігерлерді және 10 жұқпалы ауруға қарсы күресті ұйымдастырушыларды жіберуді, аурулар шыққан өңірге баратын, ауыр науқастарды ауруханаға тасмалдайтын 6 автомашина бөлуді қажетсінді. Ауру-ханаларда төсек-орынның, ақ жайманың, эпидемиялық отрядтардың қызмет-керлеріне қажетті арнайы кимдердің жоқтығын да айтып, осы жетіспейтін заттарды бөлгізуді талап етті. Мәселен, ақ жаймадан 60 000 метр, жұқпалы ауруларды зарарсыздандыратын 19 000 000 доза дәрісін, эпидемиолог қызмет-керлер мен эпидотряд мүшелеріне қажетті 1 500 киім жабдығын, сонымен қатар, ауруларды тасмалдайтын 350 жылқы мен 2000-дай ұсақ жануарлар 200 тонна сұлы, 400 тонна шөппен қамтамасыз ету жағын да сұрады. Жұқпалы

¹⁸ ҚР ОМА. 30-қ., 2-т., 787-іс.32-33-пп.

¹⁹ ҚР ОМА. 30-қ., 2-т., 787-іс.6-п.

ауруға қарсы ең басты, қажетті қаражат мәселесі де айтылып, 1933 жылдың 1 тоқсанына 2 298 650 сом ақша көлемінде қаржылай бөлуді өтінді²⁰.

Осындай қиын жағдайдан шығуға үкімет қаржылай көмек көрсету ісін қолға алды. Ұ.Құлымбетов тікелей араласуымен ашыққандарға 420 мың сом ақша бөлгізді. Оның 80 мыңы Шығыс Қазақстанға берілді²¹.

Ашаршылық зардабы ашыққандарды еріксіз ұрлық-қарлыққа итермеледі. 1933 ж. 5 қаңтардағы БМСБ (ОГПУ) орындарының хабарламасы бойынша, 1932 ж. 96635 адам қоғамдық және мемлекеттік мүлікті талан-таражға түсіргендерді жауапқа тартылған екен. Оның 40 414-і өнеркәсіп өнімдері, дүкен, қойма тауарларын қолды қылғандығы, ал 56 221-і совхоз, колхоздардан барлығы 10 249 адам ұрлағаны үшін жазаланған. Осылардың ішінде ОГПУ ұйымдарының шешімімен 908 адам ату жазасына, 5138-і 5-10 жылға, 4203-і 5 жылға сотталды (Под грифом секретности 1998, С.262.).

Мемлекет тарапынан берілген көмек дер кезінде жеткізілмегендіктен ашыққандардың саны күннен-күнге көбейді. Оның үстіне өлім-жітім де ұлғая түсті. Шекара күзеті Бас Басқармасының оперативтік бөлімінің 1933 ж. 16 ақпандағы арнайы хабарламасында Қазақстанның шекараға жақын орналасқан аудандары азық-түлік қиыншылығына тап болып отырғаны келтірілді. Мәселен, Үржар ауданының «Тегісшілдік» колхозының 5 бригадасының мүшесі қаңтар-ақпан айларында азық-түлік алмаған. 6 колхозшының отбасы аштықтан ісініп кетсе, «Сталин» колхозының 14 шаруашылығында астық шықпай, аштыққа ұшырап, ісініп ауырғандар тіркелген. Науалы ауыл кеңесіне қараған «Елтай» колхозында азық-түлік, астықтың жоқтығынан ашыққан колхозшы-лардың қатары көбейген. Осының салдарынан Үржар ауданының «Тегісшілдік» колхозының 5 шаруашылығы, ал «Сталин» колхозының 46 шаруашылығы Қытай асып кеткен (Под грифом секретности 1998, С.303-304.).

Т. Рысқұловтың 1933 жылдың 9 наурызында И. Сталинге, Кагановичке, Молотовқа жазған хатында қазақтан Орта Волгаға қарай 40 мың, Қырғызстанға 100 мың, батыс Сібірге 50 мың, Қарақалпақстанға 20 мың, Орта Азияға 30 мың босып кеткендігін айта келе, Батыс Қытайға шаруашылық болып кетіп жатқандығын келтіреді. Сонымен қатар ішкі босқыншылық Әулиеата, Шымкент, Семей, Қызылорда сияқты қалалар мен теміржол станцияларында орын алып отырғандығын, Шұбартау ауданында 1931 жылы тіркелген 5300 шаруашылықтан 1933 жылдың 1 қаңтарына дейін 1941 шаруашылық ғана қалғандығы, Сергиопольде 1933 жылдың қаңтарында 300 қазақ аштықтан өлгендігі жөнінде мәлімет келтірді²². Адам етін жеу фактілері де анықтала бастады. Мәселен, Үржар аудандық комитетінің хатшысы Т. Демменің жазбасында көрсетілгендей Көкпекті ауданынан босып келіп, «Тасбұлақ» шаруашылық артелінде жұмыс істеп жүрген адамның наурыз айында көмек келгенше өлген адамның етін жеумен келген. Осыған орай іс қозғалған²³. Бұл бір ғана факті. Ал негізінде адам етімен қоректеніп келгендер республиканың барлық өңірінде байқалған.

1931-1933 жылдардағы ашаршылық қасіреті біріншіден, Шығыс өңірінің демографиялық өсуіне үлкен зиянын тигізді. Аштықтан қырылғандардың саны есепсіз болды. Осы күнге дейін нақты аштықтан, жұқпалы аурулардан қырылғандардың санын нақтылай алмай отырмыз. Себебі ғалымдар зерттеу барысында түрлі пікірлері айтады. Сондықтан бұл мәселені жіті зерттеу аса маңызды. Екіншіден, облыстың халқының Батыс Сібірге, Батыс Қытайға қарай,

²⁰ ҚР ОМА. 30-қ., 2-т., 787-іс.26-28-пп.

²¹ ҚР ОМА. 30-қ.,7-т., 178-іс. 19-п.

²² ҚРПА. 141-қ., 1-т., 6403-іс. 137-146-пп.

²³ АОМА. 1-қ., 15-т., 9-іс. 4-п.

Қазақстанның басқа ішкі облыстарына қарай босуынан халықтың саны кеміді. Өйткені аштық азабынан өзге елдерге кеткендердің басымы қайтып оралмай, сол барған жерлерінде тұрақтап қалды. Үшіншіден республиканың халық шаруашылығының, соның ішінде мал шаруашылығының құлдырауына әкеліп соқты.

Қазақстандағы, соның ішінде Шығыс облыстарында болған бұл ашаршылық қасіреті халық санасында ұзақ жылдар сақталды.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Қозыбаев М. Тарих зердесі (Замана асуы). – 1-кітап. – Алматы: Ғылым, 1998. – 344 б.
2. Насильственная коллективизация и голод в Казахстане 1931-1933 гг. Сборник документов и материалов / Вступ. статья и сост. К.С. Алдажуманов, М.К. Каирғалиев и др. – Алматы: Фонд «XXI век», 1998.
3. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция. 1928-1957 гг. Составитель: О.В. Жандабекова. Сборник документов. – Усть-Каменогорск, 1998. – 100 с.
4. Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция. 1928-1957 гг. Составитель: О.В. Жандабекова. Сборник документов. – Усть-Каменогорск, 1998. – 100 с.
5. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т.3, 1930-1934 гг. Кн. 2. 1932-1934 гг. / Под ред. А. Береловича, Л.В. Данилова. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 840 с.

Reference

- Kozybaev 1998 – Kozybaev, M 1998, *Tarih zeredesi (Zamana asuy)*, 1-kitap, Gylym, Almaty, 344 b. (Kozybaev, M 1998, *The memory of history (pass)*, 1-book, Gylym, Almaty, 344 p.). (in Kaz).
- Nasil'stvennaya kollektivizacija 1998 – *Nasil'stvennaya kollektivizacija i golod v Kazahstane 1931-1933 gg. Sbornik dokumentov i materialov*, Vstup. stat'ya i sost. K.S. Aldazhumanov, M.K. Kairgaliev i dr, Fond «XXI vek», Almaty. (*Forced collectivization and famine in Kazakhstan 1931-1933 Collection of documents and materials*, Introductory article and compilation K.S. Aldazhumanov, M.K. Kairgaliev i dr, Fond «XXI vek», Almaty). (in Rus).
- Otkochevki kazahov v Kitaj 1998 – *Otkochevki kazahov v Kitaj v period kollektivizacii. Reehmigraciya. 1928-1957 gg.: Sbornik dokumentov*, Sostavitel' O.V. Zhandabekova, Ust'-Kamenogorsk, 100 s. (*Migration of Kazakhs to China in the period of collectivization. Re-emigration. 1928-1957*, Compiler O.V. Zhandabekova, Ust'-Kamenogorsk, 100 p.). (in Rus).
- Pod grifom sekretnosti 1998 – *Pod grifom sekretnosti. Otkochevki kazahov v Kitaj v period kollektivizacii. Reehmigraciya. 1928-1957 gg.: sbornik dokumentov*, Sostavitel' O.V. Zhandabekova, Ust'-Kamenogorsk, 100 s. (*Under the heading of privacy. Migration of Kazakhs to China in the period of collectivization. Re-emigration. 1928-1957: Collection of documents*, Compiler O.V. Zhandabekova, Ust'-Kamenogorsk, 100 p.). (in Rus).
- Sovetskaya derevnya glazami VChK 2005 – *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918-1939. Dokumenty i materialy*, V 4-h t., T.3. 1930-1934 gg. Kn. 2. 1932-1934 gg., Pod red. A. Berelovicha, L.V. Danilova, «Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya» (ROSSPEHN), Moscow, 840 s. (*The Soviet countryside eyes VCHK-OGPU-NKVD. 1918-1939. Documents and materials*, 4 t., T.3. 1930-1934 gg., Kn.2. 1932-1934 gg., Editors A. Berelovicha, L.V. Danilova, «Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya» (ROSSPEHN), Moscow, 840 p.). (in Rus).

Materials of the act character as sources on the category of missing persons and dead in the Great Patriotic War

Aubakirova Assem Zhuniskhanovna

Master of the Humanities, senior research officer of Research Center "Altaytanu" of East Kazakhstan State University. The Republic of Kazakhstan, 070002, Ust-Kamenogorsk, st. 30-Gv. divisions, 34. E-mail: aubakirova.a.j@bk.ru

Abstract. The collection consisting of orders of the Commissioner of Defence of the USSR during the Great Patriotic War and the military aspects connected with their everyday life is considered in the article. The contents of orders obviously illustrate shortcomings of the organization questions, granting resources and mobilization. Orders No. 46, 127, 166 explain a problem of inexplicable loss of human life which are still not found out. The fate of millions of people is still unknown because of unfair registration. From 307 orders included in the collection, 177 have been classified as "confidential", and 50 have been designated by a signature stamp of the increased privacy. Having studied orders, the maintenance of important questions has been opened. Difficulties of registration of those who have died in the Great Patriotic War and missing persons and also the questions connected with determination of category of the losses listed in orders.

Key words: The Great Patriotic War; deads; missing persons; act materials; source; everyday life of the military personnel.

Ұлы Отан соғысында қаза тапқандар және хабарсыз кеткендер категориясына байланысты актілік сипаттағы материалдар дерек ретінде

Аубакирова Асем Жунисхановна

гуманитарлық ғылымдар магистрі, С.Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университеті «Алтайтану» ҒЗО-ның аға ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, 070002, Өскемен қ, 30-Гв. дивизия қ, 34. E-mail: aubakirova.a.j@bk.ru

Аңдатпа. Мақалада негізінен Ұлы Отан соғысы уақытында КСРО Қорғаныс Халық комиссарының бұйрықтарынан тұратын жинақтағы әскерилерге қатысты және олардың күнделікті өміріне қатысты аспектілер қарастырылған. Бұйрықтар мазмұны қаруландыру мен ұйымдастыру, ресурстармен қамтамасыз ету және мобилизация жұмыстарында орын алған кемшіліктерді айқын көрсетеді. № 46, 127, 166 бұйрықтар әлі күнге дейін реттелмей келе жатқан адам шығыны мәселесін түсіндіреді. Миллиондаған адамдардың тағдыры дұрыс жүргізілмеген тіркеу жұмыстарының салдарынан әлі күнге дейін белгісіз. Жинаққа енген 307 бұйрықтың 177-сіне «құпия», 50-іне «аса құпия» белгісі соғылған. Бұйрықтарды толық қарастыра отырып, өзара байланысты маңызды сұрақтардың мазмұны ашылды. Ұлы Отан соғысында қаза тапқандар және хабарсыз кеткендерді тіркеуден өткізудің қиыншылықтары, шығын категориясын анықтауға байланысты сұрақтар бұйрықтарда көрсетілген.

Кілт сөздер: Ұлы Отан соғысы; қаза тапқандар; хабарсыз кеткендер; актілік материалдар; дерек; әскерилердің күнделікті өмірі.

Материалы актового характера как источники по категории пропавших без вести и погибших в Великой Отечественной войне

Аубакирова Асем Жунисхановна

магистр гуманитарных наук, старший научный сотрудник НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета имени С. Аманжолова. Республика Казахстан, 070002, г. Усть-Каменогорск, ул. 30-Гв. дивизии, 34. E-mail: aubakirova.a.j@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается сборник состоящий из приказов Комиссара Обороны СССР во время Великой Отечественной войны и военные аспекты связанные с их повседневной жизнью. Содержание приказов явно иллюстрирует недостатки в вопросах организации, предоставлении ресурсов и мобилизации. Приказы № 46, 127, 166 объясняют проблему необъяснимых человеческих жертв которые до сих пор не выяснены. Судьба миллионов людей по-прежнему неизвестна из-за недобросовестной регистрации. Из 307 приказов, включенных в сборник, 177 были классифицированы как «секретные», а 50 были обозначены грифом повышенной секретности. Изучив приказы, было раскрыто содержание важных вопро-сов.

Трудности регистрации тех, кто погиб в Великой Отечественной войне и пропавших без вести, а также вопросы, связанные с определением категории потерь, перечисленных в приказах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; погибшие; пропавшие без вести; актовые материалы; источник; повседневность военнослужащих.

ӘОЖ/ УДК 94(574.42)

Ұлы Отан соғысында қаза тапқандар және хабарсыз кеткендер категориясына байланысты актілік сипаттағы материалдар дерек ретінде

Аубакирова А.Ж.

Елбасы Нұрсұлтан Назарбаевтың «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» атты мақаласындағы халыққа Жолдауында Қазақстанның үшінші жаңғыруы басталғанын жария еткенін айтып өтті. Еліміз мықты, әрі жауапкершілігі жоғары біртұтас ұлт болу үшін болашаққа қалай қадам басу керек және бұқаралық сананы қалай өзгерту керектігі турасында елбасы: «Рухани жаңғыру – тарлан тарихтың, жасампаз бүгінгі күні мен жарқын болашақтың көкжиектерін үйлесімді сабақтастыратын ұлт жадының тұғырнамасы» деп анықтайды (Назарбаев 2017).

Жаңа заман ағымына төселе алатын қазақстандық бірегейлік пен өз тарихының тамырын білу және есте сақтау маңызды мәселе екендігі айқындалып отыр.

Тарих парақтарында терең із қалдырған Ұлы Отан соғысы призмасы арқылы біздер және болашақ ұрпақ үшін тарихи жады мен тарихи амнезия арақатынасы өзекті мәселе болып табылады.

Бұл мәселе объективті түрде Қазақстан Республикасының 1995 жылы қабылданған «Қазақстан Республикасындағы тарихи сананың қалыптасуы концепциясында» көрсетілген (Қазақстан Республикасындағы тарихи сананың қалыптасуы концепциясы 1995).

Тарихи дереккөздерге табиғат тарихы мен адам қоғамына қатыстының бәрі жатқызылады.

Адам қоғамын зерттейтін тарих ғылымында дерек деп, адам қызметімен тығыз байланысты өткен өмірдің ескерткіштерін түсінеміз. Адамзаттың қоғамдық-тарихи қызметі процесінің нәтижесінде қоғамның қандайда бір тарихи кезеңде даму даму деңгейін көрсететін материалды және рухани құндылықтар жасалады.

Деректанулық әдебиеттерде А.В. Муравьевтың бөлуі бойынша екі түрлі жазу деректерінің тобы кездеседі: тарихи қалдықтар және тарихи дәстүрлер. Бірінші топқа актілік сипаттағы жазу деректері, яғни қоғамның қалыпты қызмет жасауын қамтамасыз ету үшін қажет болған заңнамалық нормалар қалыбындағы құжаттар жатқызылады (Игибаев 2013).

Соның ішінде бұйрық – бұлжытпай орындалатын ресми нұсқау. Ол белгілі бір адамдар тобына немесе белгілі бір тұлғаға қатысты болуы мүмкін Ұлы Отан соғысы мәселесі бойынша КСРО Қорғаныс бойынша Халық Комиссариатының бұйрықтары бірден бір шынайы ақпарат беретін дереккөзі болып табылады. Бұйрықтардың мәліметтерін пайдалану арқылы қаза тапқандар мен хабарсыз кеткендерді тіркеуден өткізудің салыстырмалы анализін жасауға мүмкіндік береді. Аталмыш бұйрықтар бүкіл Кеңес Одағын, соның ішінде Қазақстанды қамтиды. Сонымен қатар, бұл деректер бізге әскери өмірдің әлеуметтік сипаты туралы жеткілікті ақпарат береді. Соғыстың басындағы мәселелер – тасы-

малдаудың қиыншылықтары, санитарлық-гигиеналық жағдай, азық-түлікпен қамтамасыз етілу, әскери киіммен қамтамасыз етілу туралы айтуға болады.

1997 жылы Ресей Федерациясының Қорғаныс Министрлігі Ресей Әскери тарихи институты 1941–1945 жылдардағы Ұлы Отан соғысы тарихы бойынша құжаттарды басып шығару бағдарламасының негізінде «Қорғаныс халық комиссарының бұйрықтары» құжаттар жинағын шығарды (Ресей Федерациясының Қорғаныс Министрлігі Ресей Әскери тарихи институты 1997).

Жинақ негізінен соғыс уақытында КСРО Қорғаныс Халық комиссарының бұйрықтарынан құралған. Бұйрықтарға көбінде И.В. Сталин өзі қол қойып отырған. Ол 1941 жылы 19 шілдеде қорғаныстың Халық комиссары, кейін осы жылы Бас Қолбасшы болған болатын. Сондықтан, осы аралықтағы бұйрықтар жоғары билік органдарының позициясын толығымен аша түседі. Құжатта бұйрықтар реті хронологиялық түрде басылған.

Бұйрықтар мазмұны қаруландыру мен ұйымдастыру жұмыстарында орын алған кемшіліктерді айқын көрсетеді. Мобилизация мәселесіне ерекше мән берілген. №46, 127, 166 бұйрықтар әлі күнге дейін реттелмей келе жатқан адам шығыны мәселесін түсіндіреді. 1941 жылғы № 46 және 1942 жылғы №166 бұйрықтар осы мәселенің шешімін таппағанын айғақтайды. Миллиондаған адамдардың тағдыры дұрыс жүргізілмеген тіркеу жұмыстарының салдарынан әлі күнге дейін белгісіз. Жинаққа енген 307 бұйрықтың 177-сіне «құпия», 50-іне «аса құпия» белгісі соғылған. Бұйрықтарды толық қарастыра отырып өзара байланысты маңызды сұрақтардың мазмұнын ашуға мүмкіндік бар.

1941 жылдың 15 наурызында КСРО Қорғаныс Халық комиссары, Кеңес Одағының маршалы С. Тимошенконың Қызыл Әскер қатарындағы дербес құрам шығынының есебі және оларды жерлеу туралы № 138 бұйрығын жарияланған болатын. Бұйрық 4 бөлімнен тұрды: бірінші бөлім – жалпы бөлім; екінші бөлім – Қызыл Әскер әскери бөлімдері, құрамалары мен мекемелеріндегі дербес құрамды тіркеу; үшінші бөлім – әскери қызметкерлер туралы дерек-тер мен медальондар тағайындау туралы; төртінші бөлім – Қызыл Әскерді жасақтау бойынша басқармадағы шығындарды тіркеу. Бұйрықтың екінші бөлімінде әрбір командир және басшы қоластындағы жеке құрамды қандай жағдай болмасын тіркеп отыруы қажет делінген. Дербес тіркеуге – жауынгердің қандай шайқаста және қай жерде қатысқаны, шайқаста өзін қалай көрсеткені туралы мәліметтер көрсетілуі қажет болған. Құжатсыз келген жауынгерлер ерекше тіркеуге алынып, жағдай анықталғанша осы тіркеуде болған.

Әскери қызметкерлер туралы деректер мен медальондар тағайындау туралы үшінші бөлімнің аталмыш бұйрыққа енуі 1939 жылғы № 238 (дербес медальондарды пайдалануды тоқтату туралы) бұйрықтың күшін жойды. Медальондар 2 данада жауынгер туралы толық мәлімет жазбасы салынған қара түсті бұрандалы пластик қорапшалар түрінде болды.

Дегенмен, 1942 жылы 17 қарашада №292 бұйрықпен Қорғаныс бойынша Халық Комиссарының 1941 жылғы №330 бұйрығының негізінде, жауынгер туралы барлық мәлімет жазылған қызыләскерші кітапшасының енгізілуіне байланысты осы мәліметтерді медальонға көшіріп салудың қажеттілігі болмай қалғандықтан, Қызыл Әскерді медальондармен жабдықтау тоқтатылды.

Қызыл Әскерді жасақтау бойынша басқармадағы шығындарды дербес тіркеуге қаза тапқандар, жарақаттан қайтыс болғандар, хабарсыз кеткендер, тұтқынға түскендер енді. Тіркеуді алфавит ретімен жүргізе отырып, жауынгерлердің туыстарына осы құжат негізінде анықтама беру жүктелді.

1942 жылы әскердегі жеке құрам шығындарын есепке алу жұмыстарын жақсарту мақсатында жеке құрам шығындарын дербес есепке алу үшін Орталық Бюро құру туралы № 127 бұйрыққа қол қойылды.

Дегенмен, тіркеу жұмыстарының қажетті деңгейде жүргізілмей жатқандығын КСРО азаматтарының Орталық Комитетке жауынгер туыстарының тағдырына деген алаңдаушылық хаттарынан анық болды. Көптеген әскери бөлімдер жауынгерлердің туған-туыстарына бекітілген хабарламалар жібермей, Орталыққа уақытылы атаулы тізімдер жібермеу фактілері орын алған. Бұл жағдай халық жағынан сұрауларға егжей-тегжейлі жауап алмауынан әділ ескертулер туындауына себепкер болған. Оның үстіне отбасына асыраушысынан айрылу туралы зейнетақы тағайындатуды кешеуілдетеді. Әскери бөлімдердің уақытылы толыққанды тізімдер жібермеуі тіркеу жүргізуде мәліметтердің сәйкес келмеуін туындатқан. Осы себепті, 1942 жылдың 11 наурызында № 1424с бұйрығымен шайқаста қаза тапқан барлық жауынгерлер туралы хабарламаны туыстарына 15 күн ішінде жіберуге, ары қарай: қаза тапқандар туралы хабарламаны тізімнен алыну туралы бұйрық шығысымен; хабарсыз кеткендер мен тұтқынғы түскендер туралы хабарламаны жауынгерлердің туыстарына тізімнен алыну туралы бұйрық шыққаннан кейін 1 ай өткен соң жіберу міндеттелген.

Бұйрық осы сұрақ төңірегіндегі мәселені жоя алмағандығын 1942 жылғы 14 шілдедегі №224 бұйрығында анық болып отыр.

«1941 жылғы Қорғаныс бойынша Халық комиссарының № 138 бұйрығында берілген нұсқауларға қарамастан шайқастарда қаза тапқан жауынгерлердің отбасыларына жауынгердің өлімі туралы хабарлама қағазы үлкен мерзімде кешіктіріліп жатқан фактілер орын алуда:

55-ші жаяу әскер батальонының комиссары Шелутко А.А. 1941 жылдың 3 қарашасында қаза тапқан, өлімі туралы хабарлама тек 1942 жылдың 5 сәуірінде жіберілген;

420-шы артиллериялық полктің лейтенанты Жавнирович П.З. 1941 жылдың 14 қыркүйегінде қаза тапқан, офицердің өлімі туралы хабарлама 6 айдан соң, яғни 1942 жылдың 23 наурызында ғана жіберілген;

150-ші танк бригадасының майоры Исакович И.Я. 1941 жылдың 24 шілдесінде қаза тапқан, қара қағаз отбасына 9 ай өткен соң, 1942 жылдың 19 сәуірінде жіберілген.

Кейбір қара қағаздарда хабарламаға қол қойылған күн көрсетілмеген, тіпті жауынгердің қаза тапқан күні жазылмаған жағдайлар кездескен».

Осы себептерге байланысты әскери бөлімдер мен құрамалардың командирлеріне жауынгердің қаза табу фактісін 2 күн ішінде анықтап, отбасына барлық талап етілген мәліметтермен толтырылған қара қағаз жіберу міндеттелген.

Ұлы Отан соғысы басталысымен Қызыл Әскер қатарына мобилизациялау жұмыстары басталып кетті. Соғысқа сұранып кетіп жатқан азаматтар қатары көп болды. Дегенмен, бұйрықтардың дерегінде адам факторымен орын алған қателіктерде болғандығы анықталып отыр.

«Әскери міндеттілерді тіркеу әскери комиссариаттардың жұмысы және оларды әскерге шақыру туралы» 1942 жылдың 14 сәуіріндегі № 170 бұйрық осы жылы наурызда жүргізілген облыстық, өлкелік, қалалық және аудандық әскери комиссариаттарды тексеру барысында қызметкерлердің әскери міндеттілерді тіркеу жұмысында асқан жауапкершіліксіз қателіктерге бой алдырғандығын анықтаған.

1941 және 1942 жылдарда өткен әскери міндеттілерді қайта тіркеу жұмыстарында тіркеу жұмыстарындағы салмақты қателіктер туралы белгі берді. Қайта тіркеу кезінде әскери тіркеуде тұрған, бірақ шақыртудан қашып жүрген, әскери комиссариаттың жанында өмір сүріп жатқан ондаған мың адамдарды анықтаған.

Әскери құжаттарды тексеру кезінде әлі де осындай әскери міндеткерліктен қашқан адамдар табылған.

Әсіресе, әскерге шақыртудан босату ісінде көптеген басбұзарлықтар анықталған.

Әскери комиссариаттардың жалпы жұмысы төмендегідей сипатталып отыр:

1. Әскери міндеттілерді тіркеу шатасқан, дұрыс жүргізілмеуде. Әскери комиссариаттар әскери тіркеу столдарына шақырту нәтижесін жібермейді, сондықтан әскерге шақыртылғандар қолда бар ресурстар ретінде көрсетіледі. Оның үстіне әскер қатарында есепте тұрғандар өз үйлерінде тұрып жатқан болып шықты. Кейбір азаматтарда екі тіркеу карточкасы бар екендігі анықталған. Медициналық тексеру нәтижелері көп аудандарда карточкаға анық жазылмаған немесе мүлде жазылмаған. Аудандық әскери комиссариат басшылары, ауылдықты айтпағанда қаладағы әскери комиссариатқа барып тексеру жұмыстарын жүргізбейді.

2. Әскери тіркеу мамандықтарының шектен тыс көптігі тіркеу жұмыстарына шатаспақ әкеледі.

3. Әскери комиссариаттарға шақырту қағаз жүзінде ғана жүргізіледі. Шақырту қағаздарында «үйінде болған жоқ», «іссапарда» деген белгіні әскери міндеттінің туыстары келіп салып кетуіне жол берілген. Мұндай белгісі бар шақыртулар айлар бойы ұмыт қалдырылып, әскери міндеттілер әскерге шақыртылмай, тіркелмей қала береді. Әскери комиссариаттарға бармайтын тұлғаларға ешқандай жазалау шаралары қарастырылмаған.

4. Әскери міндеттілерді медициналық куәландыруда заңсыз шешімдер қабылданып, әскер қатарына жарайтын азаматтар денсаулық жағдайы бойынша әскерге жарамсыз деп танылып жатыр.

Кейбір аудандардағы денсаулық жағдайы бойынша әскерге жарамсыз деп танылған азаматтардың ішінде 15%-дан 39%-ға дейін қайта тіркеуден өткенде жарамды болып танылған. Сонымен қатар, денсаулығында кінәраты бар азаматтарды әскерге жарамды деп танып, құрамалар дайындау жұмысына кедергі келтіретіндер де өте көп.

5. Қышыма ауруларымен ауыратын азаматтардың жазылуы үшін ешқандай шаралар қабылданып жатқан жоқ.

6. Еңбекке жарамсыздық демалысындағы тұлғаларды тіркеу жолға қойылмаған.

7. Әскерге шақыртылмағандардың ішінде саяси-моральді «әкесі соттасқан», «ағасы репрессияланған», «екі рет соттасқан» деген себептермен азаматтар көптеп кездеседі.

8. Аудандық әскери комиссариаттарда қабылданған нарядтармен дұрыс жұмыс жүргізілмейді.

9. Әскери столдарға әскери комитеттің қатынаспау себепті көптеген әскери комиссариаттар адам ресурстарымен қамтамасыз ету мүмкін емес деген жауап жібереді.

10. Бұйрық уақытылы қызметкерлерге хабарланып, орындалмайды.

Әскери комиссариат ұйымдастыратын құжат тексеру шараларын көбінде біліксіз қызметкерлер жүргізеді. Бұл шаралар халық орналасқан барлық аймақтарды қамтымайды. Аудандық әскери комиссарлар теусеру жұмыстарын мили-

ция органдарына сілтеп, өздері атқарудан қашады. Тексерушілер қандай құжаттардың заңды екендігін білмейді, білсе де әскери міндеттен қашқандарды ұстау мәселесін шешумен тоқтайды. Әскери міндеттілердің жол жүру ережелері дұрыс түсіндірілмеген.

11. Жергілікті өндіріс орындарына брондауда асыра сілтеу фактілері орын алған. Әскери комиссариаттағы қызметкерлердің білмейтіндігін пайдаланып, аппарат және халық шаруашылығының жұмысшылары брондау кестесіне сай келмейтін мамандықтар бойынша көрсетілген.

12. Заңсыз облыстық және аудандық әскери комиссарлардың әскери міндеттілерді босату фактілері орын алған.

Пара беру арқылы әскери міндеткерліктен құтылғандар бар. Барлық кінәлілер табылып, сот әділдігіне берілген.

13. Алмастырылмайтын мамандарды әскери комиссариаттар еш қиындықсыз әскерге шақыртып, майданға аттандырып жатыр. Ондай тізімге жоғары білікті зауыттар мен әскери өндіріс орындарындағы инженерлер, шеберлер, бригадирлер ілініп кеткен.

14. Әскери комиссариаттардың комиссарлары мен жетекшілері жеке азаматтардың арбауына түсіп, жетегінде кетуі нәтижесінде мемлекеттік міндеттер жеке тұлғалардың ықпалымен әскерге алынған.

15. Осы аталған тіркеуге алу кезіндегі, әскерге шақырту кезіндегі кемшіліктер осы саладағы мемлекетке қарсы элементтер мен алып – сатарлар ықпалында маңызды органдардың реттеусіз, басшылықсыз қалғандығын дәлелдеп отыр.

Әскери округ штабтары мен мобилизация және құрамаларды жабдықтаудың Бас басқармасы өздеріне бағынышты әскери комиссариаттардың қызметін бақылап, тексермейді.

Осы аталған кемшіліктердің барлығына нүкте қою үшін округтердің әскери кеңестеріне Бас кадр басқармасымен 1 ай көлемінде әскери комиссариаттардың жеке құрамын тексеру тапсырылып, әскерге жарайтындарының орнына әйелдер мен жеңіл жаралыларды тағайындау тапсырылған. Сонымен қатар, осы органдарға күнтәртібіндегі ең басты мәселе ретінде уақытылы жаңа құрамалармен қордағы бөлімшелерді толтыру тапсырылған.

Округтің әскери кеңестеріне:

1) инженерлік-техникалық мамандарды және жұмысшыларды әскери өндіріс орындарынан әскерге шақыртуға тыйым салынды;

2) брондаудың заңдылығын аудандық және облыстық әскери комиссариаттардың айына бір рет жіберілетін комиссиясымен арнайы тексеру.

Облыстық, өлкелік, республикалық, қалалық әскери комиссариаттарға қатысты шаралар осы бұйрық негізінде орындалған.

Ұлы Отан соғысы жылдарындағы адам ресурстарының шығынына енетін категориялар соғыс уақытында анықталған. 1944 жылы 4 ақпанда «Қызыл Әскердің жеке құрамын тіркеу бойынша түсіндірме (әскери уақыт)» №23 бұйрығы 1940 жылғы №450, 1941 жылғы №138 «Соғысушы әскер құрамындағы сандық құрам туралы хабарлама» бұйрығының 1944 жылдың 1 мамырынан бастап күшін жойды.

№23 бұйрықтың III тарауы соғысушы әскердегі қайтымсыз шығын құрамын анықтап берді: Қызыл Әскердің жеке құрамын тіркеу бойынша – қаза тапқандар, хабарсыз кеткендер, жарақаттан майдан алаңында және емдеу мекемелерінде қаза тапқандар, шайқасқа қатысу нәтижесінде аурудан қаза тапқандар, тұтқынға түскендерді әрбір дивизия штабы, корпус штабы, емдеу мекемелері, аудандық және қалалық әскери комиссариаттары, әскери бөлімдер, кадр-

лар бөлімі, Қорғаныс бойынша Халық Комиссариатының кадрлар жөніндегі Бас басқармасы мекемелеріндегі жауапты тұлғалар нақты тіркеу есебін жүргізуге жауапты.

Осы бұйрықта тұтқынға түскен тұлғаларға дивизия шабына айына 2 рет атаулы тізім жіберу қажеттілігі көрсетілген (форма № 11 /БП). Дивизия шабында тізімдер тексеріліп, қайта тізім жасалып, шығындар есебі Басқармасына жіберіледі. Тұтқынға түскендерге толтырылатын формаға оның қамқорлығындағы отбасы мүшелері толығымен көрсетіледі.

Осы бұйрықта қаза тапқан жеке құрамды жерлеу тәртібі бойынша қаза тапқандар денесін майдан алаңынан алып шығу шайқастың қандайда жағдайында міндеттелген. Полк командирлері майдан алаңында қаза тапқандарды жерлейтін арнаулы жерлеу командасын құрап, командирлерін тағайындайды. Қаза тапқандарды жерлеу жеке немесе бауырластар моласына жерленеді. Жерлеу командасының жұмыс аймағына енетін басқа әскери құрамдардың да жауынгерлерін жерлеу командалары жерлеуге міндетті. Молалар үшін елді мекендердегі ең жақсы орындар таңдалып алынады: зираттар, саябақтар, бақтар, парктер, ал едімекендерден тыс жерлерде – қорғандар, алаңқайлар, жол торабы және т.б. Молалар үшін құрғақ, жер асты сулар төмен орналасқан орындар таңдалады. Молалар тереңдігі 1,5 метр, төмпешік биіктігі 0,5 метр деп белгіленген.

Жерлеу командасының басшысы қызыләскер кітапшасының, төлқұжаттың және т.б. құжаттар негізінде тізім жасап, жерлеу мәліметтері кітабына енгізеді. Қаза тапқан жауынгердің құжаттары болмаған жағдайда полк командирінің өкімімен бөлімше командирі қаза тапқан жауынгердің тұлғасын анықтайды. Қаза тапқан офицерлік құрам жеке молаға жерленіп, топографиялық картаға жерленген орны белгіленеді.

«Майданда қаза тапқан әскери қызметкерлердің жеке заттарын жинау, тіркеу, жіберу, сақтау бойынша нұсқауына» сәйкес қаза тапқан жеке құрамның жеке заттары туысқандарына жіберіледі.

Тіркеу сипатындағы бұйрықтардан басқа әскери қызметкерлердің өмірінен тарихи ақпараттың маңызды дерегі ретінде әлеуметтік сипаттағы бұйрықтар қарастырылды.

1942 жылғы 21 ақпандағы «Әскери эшелондарды санитарлық-тұрмыстық қамтамасыз ету бойынша» № 133 бұйрығында майданға аттандырылып жатқан әскери эшелондарда адамдарға ыстық тамақ таратпай нәтижесінде адам өліміне әкелген жағдайлардың орын алғандығын атап көрсетеді. Сонымен қатар, кейбір эшелондарда адамдар аяқ киімсіз жүрген, көпшілігі жаздық киіммен аттанып кеткен және көптеген ауру адамдарға қажетті санитарлық көмек көрсетілмеген.

1942 жылы 16 шілдеде № 226 бұйрықпен Солтүстік-Кавказ фронтының азық-түлікпен қамтамасыз етуде жіберілген қателіктерді жою көзделген. Жауынгерлерге берілетін азық-түлік түрі қоймада жеткіліксіз мөлшерде болған. Кейбір батальондарда тамақ жасалатын азық-түлік жауынгерлердің қолына дайын емес күйінде беріліп, жауынгерлер өздері тамақты кішкене ыдыстарда, консервінің бос қалбырларында, каскаларында дайындаған. Сонымен қатар, ас дайындауға арналған инвентарьлардың жоқтығы, жекелеген әскери бөлімдер белгіленген мөлшердегі азық-түлікті жауынгерлерге уақытылы бермейтіндігі анықталған.

Заттай қамтамасыз етуде жазғы және қысқы жауынгер мундирі қоймада артығымен болса да, жауынгерлерге берілмеген. Қоймада 86 000 жұп аяқ киім болса да, жауынгерлер тозығы жеткен, жыртқы аяқ киіммен жүрген. Орын алған

жағдайларға жауапты тұлғалар және батальон комиссарлары әскери бөлімдерінде болып, тексеріс жүргізбегендіктен бұл жағдайдан бейхабар.

Мемлекеттік бақылау бойынша Халық комиссариатының тексерісі нәтижесінде Оңтүстік және Оңтүстік-Батыс фронтта әскерге арналған халық жинаған мүліктің тоналғандығы анықталған.

Қамтамасыз ету бөлімінің жарғысымен сәлемдемелер мен сыйлықтар Қызыл Әскерге қатысы жоқ жеке тұлғаларға және ұйымдарға таратылған. 20 күн ішінде 2000 сәлемдеме таратылып кеткен. Ешқандай тіркеу және жауапкершілік жоқ. Азық-түлік және сыйлықтар, сәлемдемелер ауызша өкіммен және қолхаттармен өлшемсіз таратылған. Аталмыш фактілерге байланысты әскерге арналған халық жинаған мүліктің тонауға жол берген тұлғаларды анықтап, жауапкершілікке тарту міндеттелген.

Қарастырылған бұйрықтар толығымен әскери уақытта орын алған жағдайларды баяндайды. Ұлы Отан соғысында қаза тапқандар және хабарсыз кеткендерді тіркеуден өткізудің қиыншылықтары, шығын категориясын анықтауға байланысты сұрақтар бұйрықтарда көрсетілген. Қаза тапқандарды жерлеу мәселесін толығымен нұсқаулық ретінде анықтап, жерлеу талаптарын айқындаған. Дерек ретінде пайдаланылған актілік сипаттағы материалдар қойылған сұрақтарды толықтай ашып көрсетті. Билік органдарының жіті бақылауында болды делінген әскери өмірдің әлеуметтік сипаты анықталды.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Игибаев С.К. История Казахстана в источниках и материалах. – Астана : Фолиант, 2013. - 320 с.
2. Қазақстан Республикасындағы тарихи сананың қалыптасуы концепциясы. – Алматы : Қазақстан, 1995. – 32 б.
3. Назарбаев Н.Ә. «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» [Электронный ресурс]. // Егемен Қазақстан РГ, URL: www.egemen.kz/article/nursultan-nazarbaev-bolashaqqa-baghdar-rukhanizhanhgyru. (Дата обращения: 05.02.2018).
4. Ресей Федерациясының Қорғаныс Министрлігі Ресей Әскери тарихи институты. 1941–1945 жылдардағы Ұлы Отан соғысы тарихы бойынша құжаттарды басып шығару бағдарламасының негізінде «Қорғаныс халық комиссарының бұйрықтары» құжаттар жинағы. [Электронный ресурс] // Милитера. Военная литература, URL: www.militera.lib.ru. (Дата обращения: 05.02.2018).

Reference

- Igibaev 2013 – Igibaev, SK, 2013, *Istoriya Kazakhstana v istochnikah i materialah*, Foliant, Astana, 320 s. (Igibaev, SK, 2013, *History of Kazakhstan in sources and materials*, Foliant, Astana, 320 p.). (in Rus).
- Kazakstan Respublikasyndagy tarihi 1995 – *Kazakstan Respublikasyndagy tarihi sanany n kalyptasuy koncepciyasy*, Kazakstan, Almaty, 32 b. (*The concept of formation of historical consciousness in the Republic of Kazakhstan*, Kazakstan, Almaty, 32 p.). (in Kaz).
- Nazarbaev 2017 – Nazarbaev, NA 2017, Bolashakka bagdar: ruhani zhangyru, *Egemen Kazakstan RG*, retrived 05 February 2018, www.egemen.kz. (Nazarbaev, NA 2017, The view in future: spiritual revival, *Egemen Kazakstan RG*, retrived 05 February 2018, www.egemen.kz). (in Kaz).
- Resej Federaciyasynyn Korganys Nd – Resej Federaciyasynyn Korganys Ministriligi Resej Askeri tarihi instituty. 1941–1945 zhyldardagy Uly Otan sogysy tarihy bojnynsha kuzhattardy basyp shygaru bagdarlamasynyn negizinde «Korganys halyk komissarynyn bujryktary» kuzhattar zhinagy, *Militera. Military literature*, retrived 05 February 2018, www.militera.lib.ru. (Russia Military-historical Institute of the Ministry of defence of the Russian Federation. The publication of documents on the history of the great Patriotic war of 1941-1945, based on the program "orders of the people's Commissar of Defense" collection of documents, *Militera. Military literature*, retrived 05 February 2018, www.militera.lib.ru). (in Kaz).

Raundtalk – Дөңгелек үстел – Круглый стол

**«Transformations in culture as a consequence of the civilizational choice:
philosophical aspects of the analysis»**
**«Мәдениеттегі трансформация өркениеттік таңдаудың салдары ретінде:
талдаудың философиялық-дүниетанымдық аспектілері»**
**«Трансформации в культуре как следствия цивилизационного выбора:
философско-мировоззренческие аспекты анализа»**

Материалы данного «круглого стола» отражают диалог на площадке международной научной конференции «Культура и проблема цивилизационного выбора»¹, заседание которой состоялось в режиме онлайн 15 марта 2018 года. Конференция эта уже стала традиционной и каждый год для нового заседания определяется «подтема». В этом году в качестве направления работы 5 заседания конференции участникам было предложено совместно проанализировать философско-мировоззренческие аспекты трансформаций в культуре как следствия цивилизационного выбора.

ГУСЕВА Нина, доктор философских наук, академик Акмеологической Академии, председатель Восточного отделения «Казахстанского Философского Конгресса», руководитель Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск): Немного предыстории. Выбор темы конференции «Культура и проблема цивилизационного выбора», который был сделан более пяти лет назад, был не случайным. Этому предшествовало исследование в течение шести лет, связанное с проблемами развития науки и образования как культурной и цивилизационной реальности. По этому исследованию было проведено пять Международных научно-практических конференций «Наука и образование в современном мире» с 2008 по 2013 годы и опубликованы 4 выпуска объемных сборников материалов научных статей.

Существование и развитие, как науки, так и образования всегда являются связанными с основанием, на котором осуществляются образовательные процессы и проводятся научные исследования. Эти основания – суть социальные процессы, вне контекста которых они по определению невозможны. От сути и специфики этих социальных процессов, выступающих контекстами, в полной мере зависели и зависят не только образование и наука, но и все, что в обществе имеет место: производство, право, политика, религия, философия, мораль, искусство, язык и др. Этот постулат при его принятии делал необходимым переход к более пристальному рассмотрению тех социальных процессов, которые действительно выступают контекстами, корректорами, детерминантами и т.д. всего, что в обществе имеет место и происходит. Таким образом, исследование того, что имеет место в науке и образовании, осуществлялось и продолжает осуществляться в прямой связи с рассмотрением специфики социальных отношений и процессов, которые крупно выражены феноменами культуры и цивилизации.

¹ Оргкомитет Международной научной конференции «Культура и проблема цивилизационного выбора»: «Казахстанский философский конгресс»; восточное отделение; Философское общество России «Диалектика и культура»; Институт философии Национальной академии наук Беларуси; Уральский федеральный университет; Уральский государственный аграрный университет; Восточно-Казахстанский государственный технический университет имени Д. Серикбаева; восточно-казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова; Международный центр методологических исследований и инновационных программ.

В сфере образования и науки присутствуют существенно различные пласты проявлений и их понимания, которые обусловлены феноменами культуры и цивилизации. Эти феномены являются основами, которые необходимо было осмыслить с точки зрения различий, порождаемых ими социальных контактов (внешних, вещных отношений) или социальных связей (общения). При этом контакты, порождаются цивилизационными отношениями (внешними взаимодействиями), а отношения общения (взаимосвязи), порождаются культурой как совместной, социально-значимой, созидательной, творческой деятельностью людей. В связи с выводами этого осмысления была издана в конце 2013 - начале 2014 года коллективная монография, отразившая эти различия касательно образования – «Инновации в образовательном процессе: методологические, теоретические и дисциплинарные аспекты» (Москва-Усть-Каменогорск, 2014. – 541 с.), а в 2017 году была издана монография «Диалектика и проблемы развития науки» в двух частях («Усть-Каменогорск: МЦМИИИП, 2017. – ч.1 – 324 с. и Ч.2 – 325 с.), посвященная пониманию этих различий и проблем, связанных с ними, в науке.

Рассмотрение культуры и цивилизации как контекстов для любых исследований и любых процессов, которые имеются в обществе, не является нейтральным. Их смысл при ближайшем рассмотрении становится определяющим. Это становится явным, если каждый из них рассматривать не только с точки зрения статичного, терминологического подхода, то есть с точки зрения ограничения их значения значением этимологии слов, которыми они обозначены. Терминологическому подходу важно противопоставить подход диалектический, то есть такой, который делает необходимым рассмотрение этих феноменов не в статике, а в процессе, в связях, в развитии.

Это важно и в понимании феноменов культуры и цивилизации. Так, понимание *культуры как процесса* надо отличать от понимания *культуры как результата*, хотя в том и другом случае речь будет идти о процессе и результате *деятельности* творческой, созидательной, социально-значимой. Аналогично, цивилизацию недостаточно охарактеризовать как определенный способ организации общественной жизни, необходимо указать при этом, что ведущими для нее являются «процессы» тиражирования, передачи, применения, использования, употребления, сохранения и т.п. того, что создано культурой и в культуре.

В этом понимании и культуры, и цивилизации необходимо отличать специфику процессов, которые подразумеваются в каждом из них. Культура как процесс выражена деятельностью творческой, созидательной, социально-значимой, которая приносит результат с такими же характеристиками (предметы культуры). В то же время цивилизация с ее «процессами» использования, тиражирования, передачи, применения, употребления, сохранения и т.п. того, что создано культурой и в культуре, вряд ли может быть определена как сфера таких социальных отношений, в которых присутствует созидательный (в противоположность пользовательскому) характер, *неситуативная* социальная важность), подлинное творчество, а не, по сути, манипуляции с уже созданным, заданным содержанием и имеющимися готовыми объектами. Применять, употреблять, тиражировать и т.п. если и важно в социальном существовании людей, но это никоим образом не обеспечивает реальное развитие тех процессов по существу, которые «моделируются», воспроизводятся в том, что используется или тиражируется. Так, например, написание социально-значимой книги – это сфера культуры как процесса, то есть сфера деятельности созидательной, социально-значимой, творческой. Но вот ее тиражирование – это вполне цивили-

лизационный процесс, который сам по себе не имеет характеристик культуры как процесса. Сфера цивилизационных отношений людей в обществе с самого начала является конструируемой по параметрам логики манипулирования тем, что уже создано вне и до самого манипулирования.

Цивилизационные достижения являются важными для общества в том смысле, что помогают обеспечить причастность, доступность большому количеству людей *предметов культуры*, то есть достижений культуры как процесса, выраженной, однако, в форме самостоятельных, ставших, готовых, статичных объектов. Цивилизационные достижения создают для людей в обществе комфортное, удобное, приятное оснащение своего существования. Но сами по себе они не обеспечивают вхождение индивидов в культуру как процесс в любое историческое время, включая современность. Огромное количество достижений культуры как процесса (состоявшегося созидания нового) в сфере науки, например, становится доступными для применения, использования, передачи, тиражирования и т.п. подавляющим большинством населения планеты. Но это же подавляющее большинство совершенно отлучено от тех реальных процессов, благодаря которым стали возможными эти достижения и это использование.

Каждому из собственного опыта известно, что даже, например, современная бытовая техника – это явления практически нераспредмечиваемые для большинства пользователей. Напомню, что распредемчивание, как известно, – это процесс перевода содержания вещи из состояния статики в процессуальную форму, которая обусловила *формирование ее как таковой* и ее содержательности. Деятельность творческая, созидательная, важная для всех, характеризующая культуру как процесс, по объему включенных в нее людей, существенно *меньше*, чем массивы процедур по применению, использованию и др., совершаемых людьми, которые сопутствуют функционированию растиражированных *предметов культуры*.

Нераспредмеченность, а порой и принципиальная нераспредмечиваемость *предметов культуры*, делает их не знаками культуры как процесса, а либо нейтральными, бессодержательными объектами, либо фетишами, ценность которых определяется не их собственно культурным, деятельностно-творческим содержанием, хотя и свернутым, до времени нераспредмеченным, а тем, что в области применения и использования они оказываются носителями параметров востребованных тем или иными заказчиками, которые готовы оплачивать наличие этих, не относящихся к культуре как процессу, параметров. Примером может служить страсть коллекционера, скажем, живописных полотен, которая не связана с действительным чувством, пониманием им и его способностью распредемчивать имеющееся в живописных полотнах содержание. Но следуя моде или требованиям рынка такой коллекционер будет оплачивать полотна, к которым совершенно равнодушен как к произведениям искусства. То есть для него они будут являться лишь объектами манипуляций, своего рода фишками, определяющими внешним образом – образом обладания – его причастность к когорте коллекционеров или к когорте состоятельных людей.

Цивилизационный статус вещи или явления, таким образом, можно охарактеризовать как статус объекта, пригодного для манипулирования в отрыве от процесса распредемчивания его/их реального содержания. Все, что есть в человеческом обществе, в человеческом мире может существовать в качестве феноменов культуры или в качестве феноменов цивилизационных. В первом случае обязательным является наличие распредемчивания того, что было ранее создано культурой и в культуре. Во втором случае распредемчивание не

подразумевается, а достаточным выступает манипулирование (использование, вещное обладание, употребление, применение, тиражирование и т.п.) того, что создано культурой и в культуре.

В этом контексте вопрос о цивилизационном выборе приобретает более четкий смысл как процедура поверхностная, не связанная с глубинными процессами культурного развития общества, ориентированная на некие ситуативные, частные, ограниченные, конечные интересы. В этом же контексте становится понятным, что формулирование сквозной темы для исследования и, соответственно, для сквозной темы проведения ежегодных Международных научно-практических конференций «Культура и проблема цивилизационного выбора» имеет характер критической ориентации. Целью этих исследований выступало и выступает обнаружение специфики, глубины и охвата проникновения цивилизационных отношений в ущерб отношениям собственно относящимся к культуре, к сфере созидательной, социально-значимой, творческой деятельности, в которой только и происходит развитие человека и общества.

Ориентация социальной практики (да и некоторых «теорий») на наиболее «удачный» цивилизационный выбор, означает отказ от подлинно разумного отношения к жизни, к осознанию перспектив развития, как человека, так и общества. Напротив, эта ориентация зачастую приводит к поиску в системе отношений вещных зависимостей (цивилизационных) каких-либо форм, которые бы могли увести в мир нравственно-человеческих отношений и тем самым спасти человечество от отрицательных коллизий бессмысленного манипулятивного существования, от гибели культуры и, в конечном итоге, от гибели самой цивилизации.

«Цивилизационный выбор» – это демонстрация попытки «отрицательного» или «отрицающего» входа в проблему культуры как процесса. «Отрицательный» или «отрицающий» вход в проблему культуры как процесса позволяет погрузиться в проблему современного социального бытия до того, как будут на новом витке приняты и запущены в функционирование в общественном сознании и практике модели ситуативного, рассудочного, поверхностного понимания происходящего в цивилизационных реалиях. Такое погружение необходимо для выработки более четкого понимания границ и возможностей самой культуры как процесса и тех форм, которые должны быть созданы с тем, чтобы цивилизационные параметры общественного бытия были подчинены собственно культурным, деятельностным. В этом залог оздоровления общественных отношений, залог позитивных решений злободневных проблем выживания человечества, залог глобального планетарного счастья людей.

АБДИЛЬДИН Жабайхан, доктор философских наук, профессор Академик Национальной Академии Наук Республики Казахстан, Лауреат Межгосударственной премии СНГ «Звезда Содружества», Лауреат Государственной Премии РК, профессор Евразийского университета имени Гумилева, Член Научно-Редакционного Совета Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ при Восточном Отделении Казахстанского Философского Конгресса (Республика Казахстан, г. Астана); **Абдильдина Раушан**, доктор философских наук, Академик НАН РК, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова, Член Научно-Редакционного Совета Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ при Восточном Отделении Казахстанского Философского Конгресса (Республика Казахстан, г. Астана): В узком смысле культуру обычно понимают как духов-

ную культуру – науку, образование, искусство, религию. В широком смысле культура есть единство материальной и духовной культуры: то есть, в отличие, от природы, это некая целостность, созданная человеком для человека. Культура возникает с рождением человека: все, что создал человек – орудия труда, человеческие отношения, человеческое общество, цивилизации – это есть культура, созданная человеком для человека. Человек создает культуру, сам осваивает ее и в процессе освоения становится человеком.

Единая человеческая культура находится в состоянии постоянного развития и имеет множество форм проявления. Человеческое общество, культура развивались в связи с определенной территорией, формируя разнообразные формы образа жизни, языки, психологические особенности и духовные ценности. Это был объективный процесс, потому что долгое время в истории человечества связи между разными национальными культурами, разными этническими территориями были слабыми – существовала национальная, государственная, территориальная обособленность.

Даже в XX веке Шпенглер, Тойнби и другие насчитывали разное количество локальных цивилизаций и описывали их. Несмотря на усиливавшиеся с развитием торговли связи, образование транснациональных компаний, цивилизации оставались относительно обособленными. То есть мозаическая картина мира выглядела следующим образом: единая человеческая материальная и духовная культура существовала в форме всеобщей связи, в целом же цивилизованная идентичность сохранялась.

Мир изменился после второй мировой войны. Если до войны, несмотря на все существовавшие связи, мир был разделен на Европу, Азию, экономически передовые и отсталые страны, что во многих случаях было связано с их географией, природными условиями, то после войны произошли серьезные изменения. Страны и государства стали интенсивно сближаться друг с другом. Если раньше страны пытались себя обособить, то со второй половины XX века общая демократизация, утверждение прав человека привели к тому, что, несмотря на сохранение государств, цивилизационных особенностей, неумолимо идет процесс глобализации, растет роль глобальной экономики, ломается старый образ жизни.

На этой основе возникают противоречия как между цивилизациями – поскольку каждая структура имеет тенденцию сохранить себя – так и с тенденцией всеобщей глобализации. То есть наряду с глобализацией происходит обратный процесс – антиглобализация – попытка сохранить свою цивилизационную идентичность, прежде всего национальную, которую глобализация начинает все больше размывать. Глобализация – это объективное наступление на историю, на язык, на национальную историю и культуру народов. И этот процесс будет продолжаться, эта мощная тенденция, начавшаяся с 90-х годов прошлого века, получает еще больший импульс в связи с Четвертой промышленной революцией. Изменение технологической основы общества, коренные изменения в экономической сфере, непременно вызовут политические изменения, которые, в свою очередь, повлияют на культуру.

Как сохранить единство всеобщего и единичного в условиях, когда существует попытка всеобщего поглотить все единичное, аннулировать его?

Однако те, кто хотят поглотить абсолютно все, нейтрализовать всю национальную специфику – сторонники так называемого евроатлантического глобализма – должны понимать, что эта тенденция также неокончательна. Ее оголтелое проведение непременно порождает национализм, терроризм, религиозный экстремизм. В свою очередь, тенденция сохранения своей национальной

идентичности не сможет остановить процесс глобализации, который, как бульдозер, сметает все на своем пути.

Это непростой процесс, но, чтобы сделать его менее трагичным, не превратить в «столкновение цивилизаций», по Хантингтону, не привести к смертоносным войнам, вопрос необходимо решить с позиции диалектики. Здесь надо найти то, что в свое время понимали Аристотель, Кант, на что обратил внимание Гегель: на роль особого. Это значит, что нельзя ударяться в крайности; этот процесс должен объединиться особым – тем, что диалектически соединяет всеобщее и единичное.

Понимание роли особого, среднего, умение диалектически сочетать и отвечать на вопросы и вызовы времени, их вовремя решать – это есть единственная возможность сохранить современную цивилизацию. С глобализацией нельзя бороться, но и нельзя потерять свое лицо. Президент Н.А. Назарбаев правильно отмечал в своей статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания»: необходимо сохранить свою культуру, не потерять свой язык, свои ценности, но в то же время быть полностью открытым тому, чего требует время, современная глобализация, современный основной дух развития.

Что такое культурная трансформация? Нам сегодняшним кажется, что культурная трансформация происходит только в наше время. Однако культурная парадигма всегда менялась: человеческий первобытный род сменила рабовладельческая цивилизация, затем она кардинально изменилась в Новое время, когда человек стал лично независим. Вспомним процесс образования национальных государств, когда множество графств, герцогств, королевств исчезали с лица земли, объединяясь в национальные государства. Все это был непростой процесс, все это был процесс серьезных культурных трансформаций.

Таким образом, в истории человечества все время идет смена развития, смена логики цивилизации, логики культуры. Но сейчас, нам – тем, кто непосредственно переживает этот процесс – кажется, что это случилось лишь с нами одними. Разумеется, по масштабам сегодняшние изменения и противоречия – очень мощный процесс, но мы иногда преувеличиваем их значение. Таким образом, единственный путь, которым этот вопрос может быть решен, это не констатация факта столкновения цивилизаций, здесь все зависит от того, как человечество себя поведет. Если мы не сможем овладеть этим процессом, не сможем найти то особое, в котором мы смогли бы решить, соединить существующие противоречия, то это может привести к необратимо тяжелым последствиям для судьбы человечества вообще. Такие противоречия в истории никогда не решались спокойно, их решение порождало войны, трагедии, гибель людей. Потому сегодня нам надо найти в себе силы понять другого, не навязывать свое, а понять, учитывая особенности другого. Решение проблемы – это не оголтелое навязывание демократических ценностей всем и вся, эдакий демократический фундаментализм, и не фундаментализм национальный, религиозный, направленный на сохранение всего отживающего, уходящего с исторической авансцены, а стремление понять друг друга, желание узнать и найти взаимовыгодные и взаимоустраивающие формы решения.

ЛОБАСТОВ Геннадий, доктор философских наук, профессор, Президент Российского философского общества «Диалектика и культура», профессор кафедры общих закономерностей развития психики Института психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры философии (№517) Национального

исследовательского университета «Московский авиационный институт», член Научно-Редакционного Совета Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ при Восточном Отделении Казахстанского Философского Конгресса (Российская Федерация, г. Москва): Во все эпохи мыслящие умы были обеспокоены проблемами человечества, трагедиями его бытия и драматической судьбой его существования. Искали и находили пути выхода из, казалось бы, неразрешимых тупиков истории, и мысль их входила в контекст исторического бытия, определяя и предопределяя большие и малые исторические сдвиги. Много чего было сказано о способности человека проникать в существо вещей, давно было открыто, что без этой способности невозможно осуществлять даже элементарное человеческое бытие, любая образовательная система так или иначе задачу формирования этой способности пытается разрешить. Марксизм утверждён в позиции, что сознание есть осознанное бытие, но хорошо понимает, что это тождество предполагает различие, и различный момент мышления обнаруживает в себе активный действенный потенциал. Те силы, которые сосредоточены вокруг Международного центра методологических исследований и инновационных программ, активно занимаются разработкой этого потенциала диалектического мышления. И было бы очень хорошо сегодня, в год 200-летнего юбилея Карла Маркса, внимательно всмотреться в его логику, в тот массив человеческих знаний, который лежит за творчеством этого выдающегося мыслителя. Умы, далекие от действительной теоретической культуры человечества, погрязшие в той действительности, которая как раз и была конкретно исследована Марксом и пределы бытия которой Марксом были логически безупречно обозначены, - эти умы любят отмахнуться от марксизма, пройти мимо, вместо того, чтобы изучить. Поверхностность никогда не несет добра, – даже если прикрывается красивыми фразами о гуманизме и т.д. Если даже кивает на факты, якобы марксизм опровергающие. Ума тут нет, как нет ума и там, где пытаются опровергнуть математические истины ссылкой на эмпирическую достоверность. Любую науку надо изучать, чтобы ее средствами исследовать реальные обстоятельства действительности, внутри которой мы живем. Чтобы не только понять ее, но и умно преобразовать в соответствии с тем идеалом, который история мучительно вынашивает в себе и который диалектическое мышление обосновывает для нашего сознания. Очень надеюсь, что нам достанет сил не потерять себя ни в сегодняшнем мире, ни в истории.

МАРЕЕВ Сергей, доктор философских наук, профессор, зав.кафедрой общеобразовательных дисциплин Московской международной высшей школы бизнеса «МИРБИС», член Научно-Редакционного Совета Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ при Казахстанском Философском Конгрессе (Российская Федерация, г. Москва): У конференции по цивилизационному выбору, организуемой д.ф.н. проф. Н.В. Гусевой, уже есть своя история и даже круг заинтересованных лиц из нескольких стран постсоветского пространства. При этом Н.В. Гусева сумела объединить специалистов, способных отнестись не столько апологетически, сколько критически как к проблеме цивилизационного выбора, так и к вопросу его влияния на культуру народа и отдельного человека.

Проблематика цивилизационного выбора, традиционная для культурологов и социологов Запада, вошла в нашу литературу и, соответственно, учебные курсы, в 90-х гг. XX века, когда мы стали широко обсуждать проблему «Восток и За-

пад», меняя привычную вертикальную формационную парадигму на горизонтальную цивилизационную. С тех пор прошло более четверти века, и накоплен определенный опыт в стремлении стать «Западом» в Казахстане, России, Украине. И симптоматичным в этой связи, на мой взгляд, стал доклад В.С. Возняка из Дрогобычского пединститута «Цивилизационный выбор как псевдопроблема». Ему вторит М. Галушак в докладе «Цивилизационный выбор на распутьях культуры». Украина наиболее радикально пытается поменять свой цивилизационный выбор, и результаты, как мы видим, не очень оптимистичные.

Я тоже хочу присоединиться к этой критической тональности, поскольку сегодня уже ясно, что призывами изменить себя, менталитет, культуру и цивилизационный выбор нас пытаются увести от классового подхода к происходящему. Нам предлагают менять свою внутреннюю культуру, а не социальные отношения, которые как раз за эти 25 лет обрели явно антагонистический характер. Элементы олигархического капитализма в разной степени присутствуют в наших странах, но мощнее, чем «цивилизационная» принадлежность определяют нашу жизнь. И именно это существенно определяет нравственную сторону наших культур, что, на мой взгляд, нужно будет подробнее обсудить на следующей конференции.

НЕКРАСОВ Станислав, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Культурологии и дизайна, Уральский федеральный университет, профессор кафедры философии, главный научный сотрудник Уральского государственного аграрного университета, Член Научно-Редакционного Совета Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ при Казахстанском Философском Конгрессе (Российская Федерация, г.Екатеринбург): Неясность цивилизационного выбора и несформированность политического субъекта такого выбора, неопределенность классовых и исторических интересов приводит к гибридизации социальных институтов. Для многих современных институтов России характерна гибридизация советского содержания и новых (так называемых, «цивилизованных») форм, что сказывается на функционировании политических, социальных и экономических институтов. В РФ получился синтез худших черт капиталистических институтов постиндустриального типа и худших признаков институтов социалистического общества индустриального типа. Однако реальная ситуация с гибридизацией значительно хуже – произошла не просто конвергенция худших сторон социализма и капитализма, но сращивание советской социально-политической системы с реанимированным дореволюционным русским феодализмом. Возник, как утверждал А.А. Зиновьев, «рогатый заяц» - синтез «советского коммунизма, западнизма и фундаментализма дореволюционной России». Ярким доказательством такой гибридизации служит тот факт, что президент РФ приходит к власти не так как генсек ЦК КПСС и не так как президент США. Он приходит к полноте власти скорее как монарх. Рассогласованность цивилизационных ориентаций социальных институтов и сегодня показывает картину, которую зафиксировал А.С. Пушкин, говоря о том, что «правительство - единственный европеец в России».

Теперь РФ в условиях цивилизационного хаоса стоит перед необходимостью новой мобилизации. Россия уже прошла ряд чрезвычайных мобилизаций: из них наиболее известны петровская и сталинская мобилизации. В российском обществе воспроизводство рабочей силы проходит вне предприятия – в сфере образования. В отличие от того, что происходит в традиционном обществе, воспроизводство квалификации рабочей силы в индуст-

риальном обществе имеет тенденцию обеспечиваться не в процессе самого производства, но посредством школьной системы и иных институтов. Для воспроизводства рабочей силы требуется воспроизводство ее подчинения правилам установленного порядка, чтобы обеспечить власть господствующего класса, прежде всего с помощью слов. Ситуация усложняется в постиндустриальном векторе развития при распаде классического образования и воспитания: здесь образование превращается в услугу, формирует фрилансеров как маргиналов с тенденцией их превращения в постлюдей трансгуманистического типа.

Образование обычно рассматривается с точки зрения социологического подхода, который имеет формальный и абстрактный характер. Социологи не учитывают эпоху, в которой существует так называемое «любое нормальное общество». Но целесообразно представить структуру общества состоящей из инстанций. Только научный подход, строящийся на понимании экономики в качестве базиса социального развития, экономических и классовых интересов как двигателей закономерного мирового процесса позволит найти место образования и цивилизационного выбора в социальной системе. Известно, что сражение при Садовой выиграл прусский учитель, равно как в Великую Отечественную Войну победил советский школьный учитель. Общество следует более верно представить в качестве здания, как это делал К. Маркс, вводя метафоры базиса и надстройки и обнаруживая различие между государственными аппаратами подавления и идеологическими аппаратами государства. Образовательный идеологический аппарат государства прогрессивного класса не обеспечивает образовательные услуги, он формирует личности в качестве социального субъекта в рамках культурной революции, когда производится переформирование утратившего логику мышления и связь с собственными общественными интересами сознания трудящихся масс.

Поздний капитализм в его постиндустриальной стадии демонстрирует антагонистические противоречия, порождает фашизм, готовит социалистические революции высшего типа – революции «четвертого сословия». Достаточно упомянуть Первую мировую войну, в которой большевики могли без опасений для государственности и территории выдвинуть лозунг о поражении собственного правительства. Но перед Второй мировой войной выдвигать этот лозунг по призыву Л.Д. Троцкого стало опасным для существования народа и его государственности. Сегодня накануне Третьей мировой войны любая форма гибридной войны, цветной революции как насильственного и навязанного извне империалистическими хищниками цивилизационного выбора станет смертельно опасными для народов мира.

МАРЕЕВА Елена, доктор философских наук, профессор кафедры социально-философских наук Московского государственного института культуры Член Научно-Редакционного Совета Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ при Казахском Философском Конгрессе (г. Москва, Россия): Тема моего доклада «Социальный конструктивизм как методология и политтехнология», судя по обсуждению, заинтересовала коллег из России (проф. Некрасов из г.Екатеринбурга) и из Казахстана (проф. Гусева, доц. Качеев). Этой темой я занялась недавно, обнаружив влияние парадигмы социального конструктивизма в области культурной антропологии. Но далее передо мной открылась картина тотального господства этой методологии в работах социологов, психологов, культурологов, этнологов, специалистов в области memory studies.

Многие толкуют эту парадигму как постмарксизм, поскольку в марксизме явным образом представлена социальная диалектика, тема социальной обусловленности индивидуальной культуры. Психологи доказывают, что эта парадигма возникла во многом благодаря Л.С. Выготскому. Но социальный конструктивизм, и я на этом настаиваю, методологически является антиподом марксизма. Процесс социализации личности у Выготского как марксиста выглядит принципиально иначе. Как и проблема социальной диалектики в марксизме в целом.

С природой социального конструктивизма важно разбираться еще и потому, что это методологическая и теоретическая апологетика политтехнологий эпохи «управляемой демократии». И специалисты разных областей социально-гуманитарного знания по сути транслируют такую парадигму представителям интеллигенции и современной «грамотной» массе. Здесь замкнутый круг: идеологемы по поводу того, что нация и любая другая социальная группа – это «воображаемое сообщество», формируемое только идеологами, провоцируются практикой «управляемой демократии», но, со своей стороны, они стабилизируют и закрепляют эту практику при помощи стереотипов мышления. Наша критика хоть как-то поможет разорвать этот круг.

САГИКЫЗЫ Аяжан, доктор философских наук, заведующая отделом философии Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доцент, Член Научно-Редакционного Совета Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ при Восточном Отделении Казахстанского Философского Конгресса (Алматы, Республика Казахстан): Философские учения о человеке, уже в силу специфики философии как формы духовной деятельности, не может быть *ценностно нейтральным*. Философское учение о человеке никогда не ограничивается ответом на вопрос «Что есть человек?». В явной или неявной, сжатой или развернутой, обоснованной или лишь декларируемой форме оно также содержит ответ на вопрос «Каким человек *должен* быть?». Уже этим философское учение о человеке принципиально отличается от любой, сколь угодно объективной, научной *концепции* человека. Наука исследует тот или иной феномен, основываясь на его конкретно-эмпирическом существовании и на истории его возникновения и развития (если оно имело место). Исходя из полученных исторических и эмпирических наличных данных, наука, во-первых, выводит понятие сущности данного феномена, а во-вторых, выявляет основные тенденции возможного существования феномена в будущем, а также (но не непременно и не всегда) определяет вероятность реализации той или иной тенденции.

Однако *возможность*, а тем более вероятность – это не то же самое, что *долженствование*. Долженствование – категория *этическая*, а не познавательная (научная). Философия не ограничивается изображением сущности; она еще стремится изобразить и предельно положительное осуществление этой сущности, т.е. вырабатывать некий ее *идеал*. Идеал же – категория не только этическая. Но и *эстетическая*. Следовательно, философское учение о человеке включает и идеал человека. А тем самым это учение стремится дать образ Совершенного Человека (Человека с большой буквы). Совершенный же Человек – это не только такой, который максимально реализовал полноту своей сущности, но который ее в известном смысле преодолел, или развил дальше, т.е. *трансцендировал* ее. Положительно же трансцендировать можно лишь в направлении к некоторому *безусловному* и *абсолютному* Началу. Тем самым в философском учении о человеке высвечивает *религиозная* универсалия.

Уже из сказанного видно, что в отличие от науки философия включает в себя, т.е. в свой способ духовной деятельности не только познавательный, но и другие аспекты отношения человека к действительности – этический, эстетический и религиозный. В наиболее явной форме этот синтетический характер философского мышления обнаруживается именно в решении философией проблемы человека. Решение же ее не является самоцелью для философии (и для философа). Оно всегда имеет своим адресатом человека же – реального, живущего в наличном мире, т.е. людей. Оно адресовано людям затем, чтобы, они, погруженные в суету жизни, посмотрели благодаря выработанному учению на себя как бы со стороны и сопоставили себя, *каковы они есть*, с тем, *какими они должны быть*, должны стать. Философское учение о человеке призывает реальных людей к самосовершенствованию. Следовательно, оно содержит в себе педагогический, воспитательный импульс и смысл. В одних учениях этот смысл более отчетлив (вплоть до прямой назидательности), в других – менее. Но он всегда присутствует. Можно поэтому утверждать, что воспитательная функция философского учения о человеке (особенно в тех его пунктах, где речь идет об идеальном, или Совершенном Человеке) является не внешней этому учению, не привносится в него извне, когда оно уже выработано и «пущено в свет», но составляет его существо.

В то же время философия, как известно, не является чем-то всегда и везде самоотждественным. Исторически существуют многообразные философские учения, часто взаимно несовместимые. Столь же трудно совместимы и многообразные философские учения о сущности и назначении человека, о Совершенном Человеке и т.д. А это означает, в частности, и то, что всякое такое учение содержит в себе более или менее специфический (не только по форме. Но и, что более существенно, также и *по содержанию*) воспитательный смысл.

В принципе всякое точное учение адресовано всем (включая и будущие поколения) и конкретно каждому. Но люди – различны. Различны по уровню культуры, мировоззрению, ценностным ориентациям, жизненной позиции и т.д. Поэтому перед каждым конкретным человеком всегда стоит задача выбора учения из предложенного ему множества учений (а они ведь накапливаются столетиями и тысячелетиями). В акте выбора каждый, в основном исходит из самого себя. И тут можно вспомнить известные слова Фихте: «Какую кто философию выберет, зависит поэтому от того, какой кто человек, ибо философская система – не мертвая утварь, которую можно было бы откладывать или брать по желанию; она одушевлена душою человека, обладающего ею».

ЛОБАСТОВ Геннадий, доктор философских наук, профессор, Президент Российского философского общества «Диалектика и культура», профессор кафедры общих закономерностей развития психики Института психологии имени Л.С.Выготского Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры философии (№517) Национального исследовательского университета «Московский авиационный институт», Член Научно-Редакционного Совета Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ при Восточном Отделении Казахстанского Философского Конгресса (г. Москва, Российская Федерация): Особенности современных условий трансформации культуры заключаются в открытом и полном доступе к ее историческому содержанию. Можно не говорить о том, что такового доступа нет в «чистом» виде: для широкой публики не доступны театр, музеи и т.д. – по материально-финансовым ограничениям. Но через Интернет можно попасть в любой музей мира, в любой город, слушать любую

музыку, смотреть любые картины и т.д. Адекватность сохранения живой культуры – как личностной культуры индивида – зависит не только от условий доступа к ее объективированным формам, это одна сторона дела. Вторая сторона заключается в самой способности потребления объективного культурного содержания. Которая, в свою очередь, предполагает формирование мотивационной основы и развития соответствующих способов ее, культуры, освоения и удержания. Эта способность формируется на ранних этапах развития индивида и задана формами объективного культурно-исторического бытия. А без формирования универсально-идеальных форм отношения человека к миру дело трансляции исторической классической культуры во всех ее формообразованиях не сможет быть адекватным. А потому начинают происходить такие трансформации ее, которые как будто неожиданны, а на самом деле легко прогнозируемы. Без понимания диалектики деятельности, без удержания в качестве основания реальной предметно и социально преобразовательной практики управления этими процессами невозможно.

ГУСЕВА Нина, доктор философских наук, Академик Акмеологической Академии, Председатель Восточного Отделения Казахстанского Философского Конгресса, Руководитель Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан): В заключение нашей встречи за «Круглым столом» хочу выразить благодарность не только участникам Круглого стола, но и участникам пятого заседания нашей Международной научно-практической конференции «Культура и проблема цивилизационного выбора» с подтемой «Трансформации в культуре как следствия цивилизационного выбора: философско-мировоззренческие аспекты анализа», по материалам обсуждения которой состоялась данная дискуссия. Мы надеемся, что в этом году выйдут материалы этого заседания нашей конференции также, как и в прошлые годы мы публиковали итоги предыдущих заседаний. В частности, могу порекомендовать тем, кто интересуется данной тематикой и исследованиями в ее русле, следующие наши издания: Современные проблемы развития цивилизации и культуры. Сборник научных статей. Под общей редакцией д.ф.н. Н.В.Гусевой. Усть-Каменогорск: МЦМИИП, 2017. – 224 с.; Культура и проблема цивилизационного выбора. Современные проблемы и варианты осмысления. Монография. Под общей редакцией д.ф.н. Н.В.Гусевой. – Усть-Каменогорск: ВО КФК, 2016. – 281 с.; Человек в контексте бытия: современные состояния, проблемы и подходы. Монография. Под общей редакцией д.ф.н. Н.В.Гусевой. – Усть-Каменогорск: ВО КФК, 2016. – 329 с. Также могу порекомендовать книгу, посвященную диалектическому мышлению и диалектически понимаемой методологии, в которой в том числе осуществляется анализ отличий цивилизационных и собственно культурных вариантов мышления: «Диалектическое мышление и феномен методологических исследований в развитии науки. Монография. Под общей редакцией д.ф.н. Н.В.Гусевой. – Усть-Каменогорск: МЦМИИП, 2017. – 274 с.

Исследования продолжаются и поэтому остается надежда на то, что их результаты уже достигнутые и, которые еще только ожидаются, будут востребованы обществом и людьми, готовыми выйти за пределы узких рамок мышления в рассудочных, ситуативных, рассчитанных на достижение успеха здесь и сейчас и при этом теряющих перспективу развития и понимания его закономерностей, – понятиях.

Құрметті авторлар!

«Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая» халықаралық ғылыми журналының редакциялық алқасы осыған дейін еш жерде жарияланбаған авторлық мәтіндерді ғана басылымға қабылдайды. Ұсынылған материалдардың барлығы міндетті түрде ғылыми рецензиядан өткізіледі. Соның қорытындысы бойынша мақаланы жариялау туралы шешім қабылданады.

Журнал тілі: қазақ, орыс, ағылшын.

Мақала көлемі 20000-40000 белгіден (сөз арақашықтықтарымен) аспауы керек, шрифті Arial 11, аралық қашықтық – 1 см болуы тиіс.

Мақала құрылымында ЭОЖ индексі, мақала атауы, автор туралы ақпарат, түйін (150 сөзден кем емес және 200 сөзден артық емес), түйін сөздер (7-10 сөз), негізгі мәтін (реферативті форматта рәсімделген), әдебиеттер тізімі+reference болуы қажет. Мақала тақырыбы, автор (лар) туралы ақпарат, мақала түйіні үш тілде (қазақ, орыс, ағылшын) берілуі тиіс. Қазақстан Республикасының резидент қатарына жатпайтындар үшін берілген мәліметтерді қазақшаға аудару бойынша қосымша көмек көрсетіледі.

Мәтіндегі сілтемелер гарвардтық жүйе бойынша рәсімделеді.

«Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая» журналы ҒДРИ (Ғылыми дәйексөздің ресейлік индексі) базасына кіреді, болашақта ғылыми дәйексөздің өзге халықаралық базаларына енгізу жоспары бар, осыған орай әдебиеттер тізімдерін рәсімдеуде келесі талаптар қойылады 1) Әдебиеттер тізімі МемСТ Р.05-2008 «Библиографиялық жазу»; 2) reference Гарвардтық стильдің талабына сай болуы тиіс. Әдебиеттік сілтемелер саны – 30-50. <http://www.journalaltai.com/>. сайтында талаптармен толығырақ танысуға болады.

Жариялауға арналған материалдарды электронды түрде журналдың e-mail: altaytanu@gmail.com мекенжайына жіберу керек.

Уважаемые авторы!

Редакция международного научного журнала «Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая» принимает к печати авторские тексты, нигде ранее не публиковавшиеся. Все предоставленные материалы проходят обязательное научное рецензирование. По его итогам принимается решение о публикации.

Язык журнала: казахский, русский, английский.

Объем статьи должен составлять 20000-40000 знаков (с пробелами), шрифт 11 Arial, интервал 1.

В структуре статьи предполагается наличие: УДК, названия статьи, информации об авторе, аннотации (объем не менее 150 и не более 200 слов), ключевых слов (7-10 слов), основного текста (оформленного в реферативном формате), списка литературы+reference. Название статьи, информация об авторе(-ах), аннотация статьи предоставляется на трех языках (казахский, русский, английский). Для нерезидентов Республики Казахстан оказывается поддержка по переводу необходимых данных на казахский язык.

Ссылки в тексте оформляются по гарвардской системе.

В связи с тем, что журнал «Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая» входит в базу данных РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), а в перспективе, будет включен в иные международные системы научного цитирования, то для оформления библиографии требуется оформление 1) списка литературы согласно ГОСТ Р.05-2008 «Библиографическая ссылка»; 2) references согласно требований Гарвардского стиля. Количество библиографических источников – 30-50. Более подробно с требованиями можно ознакомиться на сайте <http://www.journalaltai.com/>.

Материалы для публикации представляются в электронном виде на адрес журнала: altaytanu@gmail.com

Dear authors!

The Editorial Board of International Scientific Journal «Ulken Altai alemi – Mir Bolshogo Altaia» (World of Great Altai) invite original, previously unpublished author's papers for publication. All submitted materials are subject to mandatory peer review. The decision for publication is taken on the results of the review.

Journal languages: Kazakh, Russian, English.

The size of the article should be 20000-40000 characters (with spaces), font size 11 Arial, 1 spacing.

The structure of the article assumes a UDC, article title, information about author(s), abstract (no less than 150 and no more than 200 words), keywords (7-10 words), main text (made in an essay format), bibliography+references. Article title, information about author(s), and abstract are given in three languages (Kazakh, Russian, English). Non-residents of the Republic of Kazakhstan get support to translate it into the Kazakh language.

References in the text are made according to the Harvard system.

International Scientific Journal «Ulken Altai alemi - Mir Bolshogo Altaia» (World of Great Altai) is going to integrate into RISC database (Russian Science Citation Index), and in the future, into other international systems of scientific citation. Due to this fact, the bibliography is required in accordance to 1) GOST R.05-2008 «Bibliographic references»; 2) the requirements of the Harvard style. Number of bibliographic sources - 30-50. More detailed information on the requirements can be found on the website <http://www.journalaltai.com/>.

Materials for publication are submitted in electronic form to altaytanu@gmail.com

Ғылыми кеңестің редакциялық ұжымы мен Халықаралық эксперттердің пікірі жарияланымға шығатын мақала авторларының ойымен бір жерден шықпауы мүмкін.
Журналға жарияланған мәліметтердің дұрыстығына автор жауапты болып табылады.
Журналдағы материалдарды пайдалануда қолданылған еңбекке міндетті түрде сілтеме жасау қажет.

Мнение редакционной коллегии и экспертов Международного научного совета может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов.
За достоверность публикуемых в журнале материалов, сведений, фактов, схем, цифровых данных, реклам ответственность несут авторы.
При использовании материалов журнала ссылка на источник обязательна.

The opinions of the Editorial Board and experts of the International Editorial Board may not necessarily coincide with authors' views.
Authors are responsible for the accuracy of materials, information, facts, charts, digital data, advertisement published in the journal.
When using materials of the journal, link to the source is mandatory.

Біздің мекен-жайымыз: 070004 Қазақстан Республикасы, Қазақстан көшесі, 55.
E-mail: altaytanu@gmail.com.
Наш адрес: 070004 Республика Казахстан, ул. Казахстан, 55.
E-mail: altaytanu@gmail.com.
Our address: 070004 Republic of Kazakhstan, 55 Kazakhstan str.
E-mail: altaytanu@gmail.com.

ҮЛКЕН АЛТАЙ ӘЛЕМІ
халықаралық ғылыми журнал

МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ
международный научный журнал

WORLD OF THE GREAT ALTAI
international research journal

Автор фото на обложке *Мазницин А.А.*

Ответственный за выпуск *Ислямова С.А.*
Дизайн и верстка *Токанова С.О.*

Подписано в печать	28.03.18 г.	Формат 70x100	16,71 усл. печ. л.
уч. изд. л.	17,95	Тираж 100	Заказ 201
			Цена договорная

Издательство «Берел» Восточно-Казахстанского государственного университета имени С. Аманжолова
070020, г. Усть-Каменогорск, ул. 30-й Гвардейской дивизии, 42
